

Российская академия наук
Институт лингвистических исследований

На правах рукописи

Мария Александровна Овсянникова

**Глаголы с аккузативным экспериенцером в русском языке:
семантические группы и синтаксические свойства**

Специальность 10.02.01 — русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, доцент
М. Д. Войкова

Санкт-Петербург — 2019

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Синтаксическое кодирование экспериенциальных ситуаций в русском языке: семантические группы глаголов и их грамматические свойства.....	14
1. Введение.....	14
1.1. Экспериенциальные ситуации: состав и свойства участников	14
1.2. Семантические особенности глаголов физиологических ощущений.....	19
1.3. Задачи главы	21
2. Сбор и обработка данных	25
3. Глаголы с подлежащим-экспериенцером	29
3.1. Доля глаголов с подлежащим-экспериенцером	29
3.2. Доля возвратных глаголов и их типы	30
3.3. Синтаксическая переходность	37
3.4. Глаголы с подлежащим-экспериенцером: обобщение	41
4. Глаголы с подлежащим-стимулом и без подлежащего.....	42
4.1. Проблема разграничения глаголов с подлежащим-стимулом и без подлежащего	42
4.2. Возвратность и переходность глаголов с подлежащим-стимулом и без подлежащего	43
4.3. Возвратные глаголы с подлежащим-стимулом	45
4.4. Кодирование объектного экспериенцера	50
4.5. Глаголы с подлежащим-стимулом и без подлежащего: обобщение	53
5. Глаголы с подлежащим-каузатором.....	54
6. Синтаксические свойства глаголов физиологических ощущений и их место в иерархии групп экспериенциальных глаголов	64
7. Обсуждение результатов	70
7.1. Синтаксические свойства русских глаголов восприятия, мышления и эмоций и иерархия глагольных классов	70
7.2. Состав семантических групп экспериенциальных глаголов в корпусе и в словаре	73
7.3. Роль деривационных отношений в организации семантических групп экспериенциальных глаголов.....	77
8. Выводы	81

Глава 2. Порядок слов в предложениях с аккузативным экспериенцером	82
1. Введение.....	82
2. Свойства подлежащего в русском языке и объектный экспериенцер как неканоническое подлежащее	86
2.1. Свойства канонического подлежащего в русском языке	86
2.2. Подлежащные свойства дативных и аккузативных экспериенцеров в русском языке.....	91
3. Природа подлежащих свойств объектного экспериенцера.....	100
3.1. Подлежащные свойства как следствие коммуникативных свойств экспериенцера.....	100
3.2. Связь порядка слов с семантической ролью при учете коммуникативных свойств.....	103
3.3. Подход к проверке связи между семантическим типом глагола и порядком слов, принятый в данном исследовании	107
4. Материал и методы: список глаголов, ограничение и обработка выборки	111
4.1. Две семантические группы экспериенциальных глаголов.....	111
4.2. Порядок слов при глаголах двух групп: общие закономерности	117
4.3. Порядок слов SVO и наличие групп после глагола и ядерных участников	120
4.4. Итоговый состав и методы статистической обработки выборки	126
5. Порядок слов при глаголах с аккузативным экспериенцером и неодушевленным стимулом: SVO vs. OVS.....	129
5.1. Данность стимула.....	129
5.2. Тип выражения экспериенцера	131
5.3. Длина групп экспериенцера и стимула.....	134
5.4. Семантическая группа глагола	141
5.5. Вид и время глагола	143
5.6. Сочинение глаголов или глагольных групп	144
5.7. Контрастивное выделение группы стимула.....	146
5.8. Упоминание экспериенцера в предыдущем предложении	147
5.9. «Живучесть» экспериенцера в последующем контексте.....	151
5.10. Признаки, для которых значимой связи с порядком слов не обнаружено	153
5.11. SVO и OVS при глаголах с аккузативным экспериенцером: обобщение	155
6. Эмотивные и ментальные употребления глаголов эмоций	170

7. Обобщение и обсуждение результатов: порядок слов и семантическая переходность	176
8. Выводы	184
Глава 3. Безличные глаголы с аккузативным экспериенцером в диахронической перспективе	
1. Введение	187
2. Развитие экспериенциальных значений: семантика и сочетаемость	193
2.1. От физических значений к экспериенциальным	193
2.2. Механизмы семантического переноса: обозначения частей тела в позиции прямого дополнения	198
2.3. Специализация экспериенциального значения: участник в позиции подлежащего	202
2.4. Развитие семантики глагола и изменение его аспектуального профиля	222
2.5. Развитие экспериенциальных значений: обобщение	238
3. Безличные употребления: соотношение синтаксиса и семантики	240
3.1. Противопоставление личных и безличных употреблений	240
3.2. Изменения в соотношении личных и безличных употреблений в диахронии	244
3.3. Выражение стимула с помощью объектной группы	252
3.4. Семантическое развитие и распространение безличных употреблений	262
3.5. Синтаксическая эволюция безличных переходных глаголов	273
4. Обсуждение	280
4.1. Семантическое развитие исследуемых глаголов и переходы в экспериенциальной сфере	280
4.2. Безличные переходные глаголы и безличные конструкции русского языка в диахронической перспективе	283
5. Выводы	299
Заключение	302
Литература	310
Приложение. Списки и грамматические свойства глаголов восприятия, мышления и эмоций	
	332

Введение

Экспериенциальные глаголы обозначают ситуации, связанные с внутренним миром человека, — состояния и реакции, обусловленные воздействием внешних стимулов, работой сознания или физиологическими процессами, ср. [Кустова 2004: 211–213; Verhoeven 2007: 1]. Этот семантический класс включает прежде всего глаголы восприятия (*видеть, вслушаться*), мышления (*знать, запомниться*), эмоций (*любить, огорчить*) и физиологических ощущений (*болеть, знобить*) [Кустова 1998: 31; Haspelmath 2001: 62; Verhoeven 2007: 42–51]. В ситуациях, которые описываются экспериенциальными глаголами, всегда присутствует воспринимающий, мыслящий, реагирующий или испытывающий какое-либо физиологическое ощущение участник. В рамках данного исследования этот участник будет называться экспериенцером, ср. [Кустова 2004: 211–212; Næss 2007: 185; Verhoeven 2007: 35].

Объектом данного исследования являются глаголы русского языка, при которых участник с ролью экспериенцера оформляется винительным падежом, например *обрадовать* (1)¹, *тревожить, утомить, знобить* (2), *осенить*. В примерах (1)–(2) этот участник выражен, соответственно, с помощью групп *маму и меня*.

- (1) *Мои занятия обрадовали маму, как великий сюрприз.* [К. И. Чуковский. Серебряный герб (1936)]
- (2) *Знобит меня, в жар бросает.* [А. П. Чехов. Гость (1885–1886)]

Как будет показано в главе 1, такие глаголы, при которых экспериенцер оформляется винительным падежом, в основном относятся к группам глаголов эмоций и физиологических ощущений. С синтаксической точки зрения их можно разделить на личные (1) и безличные (2).

¹ Если не указано иное, источником примеров, приведенных в диссертации, служат тексты основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru). Во всех примерах полужирное выделение используется для упоминаемого в тексте глагола, вне зависимости от того, какой аспект его употребления релевантен для обсуждения.

Предметом исследования являются синтаксические свойства этих глаголов как словарных единиц и как компонента высказывания, а также связь синтаксических свойств этих глаголов с их принадлежностью к той или иной семантической группе экспериенциальных глаголов.

В литературе уделялось значительное внимание конструкциям с экспериенцером в дательном падеже. В классических описаниях русского синтаксиса экспериенцер в дательном падеже рассматривается как субъект состояния или восприятия; его синтаксический статус и различные типы конструкций, в которые он входит, обсуждаются, в частности, в работах [Шведова 1980: 150–153; Золотова 1973: 60–62 *et passim*]. В последние годы появилось множество исследований, посвященных грамматическим свойствам, дистрибуции и диахроническому развитию конструкций с дативным экспериенцером в русском языке, см., в частности, [Бонч-Осмоловская 2003; Guiraud-Weber 2002; Гиро-Вебер 2005; Сай 2014; Say 2013; Seržant 2015; Циммерлинг 2012, 2018]. Конструкции с аккузативным экспериенцером до сих пор подробно не рассматривались, и специальных исследований, посвященных грамматическим свойствам глаголов русского языка, при которых экспериенцер оформляется винительным падежом, не проводилось. **Актуальность данного исследования** определяется необходимостью описания семантических свойств и грамматического поведения русских глаголов с аккузативным экспериенцером и их осмыслиения в контексте современных представлений о семантическом устройстве и синтаксическом кодировании экспериенциальных ситуаций.

Цель исследования заключается в том, чтобы выявить связь между синтаксическими свойствами глаголов с аккузативным экспериенцером и их семантическими свойствами, прежде всего — принадлежностью к той или иной семантической группе. Способы достижения этой цели, избранные в данной работе, в значительной степени вдохновлены идеями Московской семантической школы (МСШ) и близких к ней исследователей, см., в частности, [Апресян 1974; 1995; Урысон 2003; Кустова 2004; Падучева 2004а], см. также статью [Апресян 2005], в которой изложены ключевые идеи и принципы МСШ.

Под влиянием этих исследований в основу данной работы положены представления о системной организации лексики; о существовании различных частично пересекающихся семантических групп и подгрупп, противопоставление которых отражается в грамматическом поведении лексем; о тесном взаимопроникновении грамматики и словаря. В то же время в настоящем исследовании в меньшей степени, чем в работах представителей МСШ, уделяется внимание толкованию и выявлению семантических свойств отдельных лексем — скорее в центре внимания будут находиться более или менее хорошо очерченные крупные семантические группы глаголов и связанные с ними синтаксические свойства.

Другим теоретическим ориентиром для данной работы служили функционально-типологические исследования, посвященные закономерностям кодирования экспериенциальных ситуаций, а также в целом связи между семантическими свойствами ситуации и синтаксическим устройством обозначающего ее предиката, в частности [Hopper, Thompson 1980; Bossong 1998; Haspelmath 2001; Malchukov 2005]. Наиболее важную роль в интерпретации результатов этого исследования играет обсуждавшаяся в ряде работ иерархия глагольных классов [Tsunoda 1981; 1985; Bossong 1998; Haspelmath 2001; Malchukov 2005]. Эта иерархия призвана отразить степень семантической близости различных ситуаций с двумя участниками к ситуациям прототипического взаимодействия агента и пациента, описываемых такими глаголами, как ‘убить’ или ‘разрушить’. Ожидается, что отличия ситуаций от этого прототипа на семантическом уровне будут статистически отражаться в отклонениях от переходного кодирования на синтаксическом уровне. В данном исследовании с опорой на эти представления сопоставляются различные семантические группы экспериенциальных глаголов. Тем самым данное исследование вносит вклад в описание явлений русского языка в типологической перспективе, см. о таком подходе, в частности, в книге [Князев 2007: 15–16].

Гипотеза исследования заключается в том, что существует связь между синтаксическими свойствами глаголов с аккузативным экспериенцером и

степенью агентивности / пациентивности экспериенцера, которая в большой степени определяется тем, к какой семантической группе принадлежит глагол.

Для изучения связи между семантическими и синтаксическими свойствами глаголов с аккузативным экспериенцером ставится три отдельные исследовательские задачи.

1. Первая задача состоит в том, чтобы описать состав основных семантических групп экспериенциальных глаголов русского языка с точки зрения того, насколько широко в них представлены глаголы с различными синтаксическими свойствами (например, переходные и непереходные, возвратные и невозвратные и т. п.). При такой перспективе глаголы с аккузативным экспериенцером предстают как один из нескольких грамматических классов экспериенциальных глаголов наряду с глаголами с подлежащим-экспериенцером, такими как *обрадоваться, мечтать*, или глаголами с дативным экспериенцером, такими как *надоесть* или *мечтаться*. Охват класса экспериенциальных глаголов в целом позволяет: 1) определить, каков вес глаголов с аккузативным экспериенцером по сравнению с глаголами других синтаксических типов в каждой из семантических групп экспериенциальных глаголов; 2) выявить, в каких деривационных отношениях они участвуют и как эти отношения отражаются на составе каждой из семантических групп русских экспериенциальных глаголов; 3) установить, существуют ли между семантическими группами экспериенциальных глаголов русского языка грамматические различия, которые можно интерпретировать в терминах степени агентивности/пациентивности экспериенцера.

2. Вторая задача связана с изучением синтаксического поведения личных глаголов (глаголов, при которых присутствует подлежащее) с аккузативным экспериенцером и анализом субъектных свойств аккузативных экспериенцеров. К субъектным свойствам относятся такие семантические и синтаксические свойства, которые сближают группы экспериенцера в винительном падеже с подлежащим. Одна из частных проблем заключается в том, чтобы произвести сопоставление грамматических свойств аккузативных и дативных

экспериенцеров. Центральным же для этой части исследования является вопрос о наличии связи между порядком слов в предложениях с аккузативным экспериенцером и семантическим классом глагола. Попутно в ходе решения этого вопроса устанавливаются и другие факторы, определяющие порядок слов в предложениях с аккузативным экспериенцером, ср. примеры (3)–(4) с разным типом расположения прямого дополнения и подлежащего относительно глагола.

- (3) *И следы, собственные следы на снегу тревожили Наполеона.* [Юрий Коваль. Недопесок (1975)]
- (4) *Но Петю нисколько не тревожили дразнилки и возмущенные возгласы прохожих.* [Ефим Чеповецкий. Непоседа, Мякиш и Нетак (1989)]

3. Третья задача заключается в том, чтобы проследить недавние диахронические изменения в употреблении глаголов с аккузативным экспериенцером, которые в настоящее время регулярно используются как безличные, например *знобить*, *лихорадить*, *осенить*. Отправной точкой для изучения глаголов этого класса служит наблюдение о том, что многие из них в предшествующие столетия чаще употреблялись как личные, ср. примеры (2) и (5) с глаголом *знобить*.

- (5) *Лютый мороз не знобил его <...>* [А. Е. Зарин. Двоевластие (1912)]

Задача изучения этих глаголов в диахронической перспективе предполагает исследование: 1) семантических сдвигов, которые эти глаголы претерпели за последние три столетия; 2) изменений в их синтаксическом поведении; 3) взаимосвязи между изменениями значения и синтаксических свойств глаголов. Исследование этих аспектов позволит выявить общие механизмы семантических и синтаксических изменений, в результате которых в русском языке происходило формирование и расширение семантико-синтаксического класса безличных глаголов с аккузативным экспериенцером.

Решение этих трех задач обеспечивает полное и систематическое рассмотрение объекта исследования: 1) первая задача предполагает определение места глаголов с аккузативным экспериенцером в рамках семантических групп

экспериенциальных глаголов и по отношению к другим синтаксическим классам; 2) при решении второй задачи в центре внимания находится многочисленный класс личных глаголов с аккузативным экспериенцером; 3) третья задача определяется особенностями развития класса безличных переходных глаголов, которые не так многочисленны, как личные глаголы с аккузативным экспериенцером, и в диахроническом отношении производны от них.

Помимо этого, три обозначенные задачи позволяют обратиться к трем разным лингвистическим измерениям класса глаголов: 1) синхронной организации класса с точки зрения семантических и синтаксических свойств входящих в него лексем; 2) синхронным различиям в синтаксическом поведении глаголов разных семантических классов в тексте; 3) диахроническим изменениям в употреблении глаголов, приводящих к формированию семантико-синтаксического класса.

Материалом исследования служили прежде всего тексты основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru). Для решения задач синхронного описания состава класса экспериенциальных глаголов и поведения глаголов с аккузативным экспериенцером использовались тексты, созданные после 1950 г. При диахроническом взгляде на класс безличных переходных глаголов с аккузативным экспериенцером материал был ограничен текстами того временного отрезка, который охвачен основным подкорпусом НКРЯ, — с начала XVIII в. до начала XXI в. В качестве дополнительного источника материала при диахроническом исследовании использовался Словарь русского языка XVIII века [СРЯ XVIII] и лежащая в его основе Картотека Словарь русского языка XVIII века Отдела русской исторической лексикологии и лексикографии Института лингвистических исследований РАН.

При решении задач данного исследования и проверке выдвигаемых гипотез важнейшую роль играет анализ количественных данных: численного соотношения глагольных лексем разных типов в рамках семантической группы, частотности разных порядков слов при глаголах различных семантических групп, изменений в доле употреблений определенных типов в диахронии. Для обработки количественных данных в исследовании широко используются

методы статистического анализа, позволяющие оценить надежность обобщений, сделанных на материале имеющейся выборки. В большинстве случаев применялись методы, служащие для анализа независимости категориальных переменных (т. е. переменных, которые предполагают разделение данных на несколько качественных групп): критерий χ^2 , точный тест Фишера, а также сходный по типу проверяемой гипотезы тест Кохрана-Армитажа для случаев, когда значения одной из категориальных переменных упорядочены (например, соответствуют временным периодам). Наиболее сложные методы статистического анализа и графического представления данных требовались для исследования связи порядка слов и семантической группы глагола: необходимо было изучить возможное влияние на порядок слов разнообразных параметров контекста и установить, обнаруживается ли связь порядка слов и семантического класса глагола в случае, когда значение всех остальных параметров зафиксировано. Анализ данных в этом случае проводился с помощью смешанной модели логистической регрессии (mixed-effects logistic regression model) и дерева условного вывода (conditional inference tree). При исследовании диахронических изменений безличных глаголов с аккузативным экспериенцером, напротив, данных не всегда оказывалось достаточно для статистического анализа и на первый план выходил семантический анализ отдельных примеров.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что до сих пор класс глаголов русского языка с аккузативным экспериенцером не подвергался подробному изучению. В ряде случаев получены новые сведения и о других типах экспериенциальных глаголов, на фоне которых рассматриваются глаголы с аккузативным экспериенцером. В частности, систематически описан грамматический состав семантических групп экспериенциальных глаголов: восприятия, мышления, эмоций, в некоторой степени — физиологических ощущений. Путем привлечения количественных данных получены новые сведения о различиях в субъектных свойствах дативных и аккузативных экспериенцеров. Установлены закономерности выбора порядка слов в предложениях с неодушевленным подлежащим и одушевленным прямым дополнением, в частности связь между

порядком слов и семантическим классом глагола. Наконец, систематически изучен процесс расширения класса безличных глаголов с аккузативным экспериенцером, включавший увеличение частотности безличных употреблений у отдельных глаголов и вовлечение новых глаголов в круг безличных.

Теоретическая значимость диссертации определяется тем, что в ней предлагается многосторонний анализ одного из семантико-синтаксических классов глаголов русского языка. В результате этого анализа обнаружены общие закономерности, проявляющиеся в организации лексических групп глаголов, в поведении глаголов в высказывании, а также в их диахроническом развитии. Исследование связи между семантическими и синтаксическими свойствами глаголов последовательно проводится с опорой на количественные данные, подвергающиеся статистической оценке. Реализуется подход, при котором сначала делаются эмпирические обобщения о частотности тех или иных наблюдаемых грамматических проявлений, а затем предлагается интерпретация этих обобщений в семантических или прагматических терминах. На материале русского языка производится осмысление и верификация ряда представлений о синтаксическом устройстве и диахроническом развитии экспериенциальных глаголов, которые высказывались в работах по семантике и типологии. Тем самым настоящее исследование вносит вклад не только в накопление эмпирических сведений о грамматическом устройстве русских экспериенциальных глаголов, но и в интерпретацию этих сведений с позиций общей лингвистической теории.

Практическая значимость исследования связана с возможностью использования полученных в нем результатов и обобщений в курсах лекций по русскому синтаксису и семантике, а также при практическом преподавании русского языка как иностранного. Кроме того, методы сбора, обработки и количественного анализа данных, которые применяются в диссертации при изучении класса русских глаголов с аккузативным экспериенцером, могут применяться для описания других лексических, в частности глагольных, классов в русском и других языках.

На основании результатов, полученных в ходе решения задач исследования, **на защиту выносятся следующие положения.**

1. Семантические группы эксперииенциальных глаголов русского языка систематически различаются с точки зрения распределения лексем по синтаксическим классам. Наиболее последовательно прослеживается противопоставление глаголов эмоций глаголам восприятия и мышления. Для глаголов эмоций в большей степени, чем для глаголов восприятия и мышления, характерны грамматические свойства, связанные с пониженной агентивностью эксперииенциера. Между глаголами восприятия и мышления в основном не обнаруживается существенных различий, однако в ряде случаев свойства глаголов мышления свидетельствуют о большей агентивности эксперииенциера.

2. Порядок слов в предложениях с личными глаголами с аккузативным эксперииенциером связан с семантическими свойствами глагола: отличающийся от базового порядок слов OVS, при котором аккузативный эксперииенциер располагается перед глаголом, а неодушевленное подлежащее следует за ним, чаще встречается при глаголах эмоций, таких как *радовать, удивить, встревожить*, чем при глаголах физиологических ощущений, таких как *будить, утомлять, оглушить*.

3. За последние три столетия в русском языке произошло значительное расширение сферы употребления безличных конструкций с аккузативным эксперииенциером. Многие глаголы почти утратили способность употребляться как личные и перешли в класс собственно безличных (*знобить, мутить*). У других глаголов значительно повысилась доля безличных употреблений, хотя до сих пор распространены и употребления с подлежащим (*осенить, пронять, колотить*). Эти изменения затрагивают значительную часть глаголов, которые синхронно описываются как безличные переходные, и свидетельствуют о сравнительно недавнем росте продуктивности синтаксического класса безличных переходных глаголов с аккузативным эксперииенциером в русском языке.

Структура работы соответствует трем основным исследовательским задачам диссертации и выносимым на защиту положениям. Помимо введения, в нее входят три главы, заключение, список литературы и приложение. В главе 1

семантические группы экспериенциальных глаголов сравниваются с точки зрения распределения составляющих их лексем на синтаксические классы. Помимо этого, в начале этой главы дается краткий обзор представлений о семантике экспериенциальных ситуаций и проблем семантического анализа экспериенциальных глаголов. В рамках этого обзора обосновывается подход к описанию экспериенциальных глаголов и ситуаций, выбранный в данном исследовании. Глава 2 посвящена обсуждению субъектных свойств аккузативного экспериенцера и исследованию связи между порядком слов и семантической группой глагола с аккузативным экспериенцером. В главе 3 в центре внимания находятся диахронические изменения в употреблении безличных глаголов с аккузативным экспериенцером, произошедшие за последние три столетия. В заключении изложены основные результаты исследования и общие выводы о связи между семантической группой глагола и его синтаксическими свойствами.

Апробация работы. Результаты исследования обсуждались на конференции «Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики» (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, 9–12 апреля 2013 г.), на II, IV, V конференциях «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы» (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, 24–26 марта 2011 г., 16–18 апреля 2015 г., 11–12 октября 2017 г.), на студенческой конференции в рамках Летней лингвистической школы “Indian Summer School in Linguistics” (НИУ ВШЭ, Москва, 1–5 сентября 2014 г.; в соавторстве с М. А. Горшковой), на секции «Корпусная лингвистика» конференции EuroNorth-2014 (ПетрГУ, Петрозаводск, 5–6 декабря 2014 г.), на конференции АТАПРЯЛ (ДВФУ, Владивосток, 12–17 октября 2015 г.), а также на конференции Ассоциации когнитивной славистики (Slavic Cognitive Linguistics Conference; Университет Шеффилда / Университет Оксфорда, 9–13 декабря 2015 г.), а также на конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии. Памяти А. А. Зализняка» (ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, Москва, 27–29 мая 2019 г.).

Глава 1. Синтаксическое кодирование

экспериенциальных ситуаций в русском языке:

семантические группы глаголов и их грамматические свойства

1. Введение

1.1. Экспериенциальные ситуации: состав и свойства участников

В центре внимания этой главы находятся глаголы русского языка, которые в основном значении обозначают экспериенциальные ситуации какой-либо из следующих трех семантических зон: восприятия, мышления и эмоций. Глаголы восприятия обозначают взаимодействие человека с окружающим миром посредством органов чувств, например *видеть, вслушаться, наблюдаться*. Глаголы мышления описывают ситуации создания, получения, хранения и обработки информации, например *знать, мечтать, запомниться*. Глаголы эмоций обслуживаются сферу реакций и отношений, связанных с оценкой некоторого объекта или ситуации, например *любить, испугаться, надоест*. Во введении упоминалась еще одна семантическая группа экспериенциальных глаголов — глаголы физиологических ощущений (*болеть, знобить*). В силу ряда особенностей, которые описываются в разделе 1.2, глаголы этой группы сложно рассматривать в одном ряду с глаголами восприятия, мышления и эмоций, поэтому их свойствам посвящена отдельная часть главы, см. раздел 4.

Как говорилось во введении, во всех экспериенциальных ситуациях присутствует участник с ролью **экспериенцера** — участник, осуществляющий восприятие, мыслительную деятельность, испытывающий эмоциональные состояния и реакции и физиологические ощущения. Помимо экспериенцера, ситуации, описываемые экспериенциальными глаголами, обычно включают того участника, который воспринимается экспериенцером, составляет предмет его мыслительной деятельности, вызывает у него определенную реакцию или состояние. Этот участник в рамках данного исследования будет называться **стимулом**, ср. [Кустова 2004: 211–212; Næss 2007: 185; Verhoeven 2007: 35]. В примерах (1)–(3) в роли экспериенцера выступают участники, выраженные

группами *Ирина, ему и всех*, участникам с ролью стимула соответствуют группы *его голос, все вчерашние разговоры, незаметный ребенок*.

- (1) *Сначала Ирина услышала его голос.* [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002]
- (2) *А тут ему вдруг вспомнились все вчерашние разговоры.* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978)]
- (3) *Лишь однажды незаметный ребенок всех удивил.* [Александр Григоренко. Ильгет. Три имени судьбы // Урал, 2013]

В типологической литературе семантические свойства участников экспериенциальных ситуаций обычно рассматриваются на фоне представлений о семантической переходности в понимании [Hopper, Thompson 1980]. Если синтаксическую переходность можно считать бинарным противопоставлением, то семантическая переходность является градуальным свойством. Наибольшей степенью семантической переходности обладают ситуации, в которых агенс намеренно, сознательно и эффективно воздействует на пациенса, а последний полностью вовлечен в ситуацию, см. обсуждение этих и некоторых других признаков семантической переходности [Там же]. Такие ситуации можно назвать прототипом семантической переходности, ср. [Dowty 1991; Næss 2007]. Ситуации других типов, в частности экспериенциальные, могут в разной степени и в разных отношениях отличаться от прототипа семантической переходности, и пониженная семантическая переходность может отражаться в морфосинтаксическом устройстве этих ситуаций — разнообразных отклонениях от синтаксической переходности, см. [Hopper, Thompson 1980].

При сопоставлении семантических свойств экспериенцера и стимула со свойствами агента и пациенса исследователи отмечают, что из двух участников экспериенциальной ситуации экспериенцер, как и агенс, всегда является одушевленным и осознает собственное участие в ситуации, ср. [Dowty 1991: 579; Bossong 1998: 259; Næss 2007: 188]. Конечно, между этими двумя ролями есть существенные различия: экспериенцер осознает собственное участие в ситуации

в силу того, что воспринимает стимул, реагирует на него, в то время как для прототипического агента осознание собственного участия в ситуации заключается в намерении совершить действие (волитивности) и контроле за его осуществлением (см., в частности, [Князев 2007: 265], а также обсуждение понятий намерения и контроля в [Зализняк Анна А. 1992: 63–65]). Тем не менее существенно, что роли агента и экспериенцера, в отличие от ролей пациента и стимула, предполагают обращение к сознанию участника и поэтому оказываются наиболее естественным фокусом эмпатии, ср. [Киблик 2004], о фокусе эмпатии см. [Тестелец 2001: 463–465]. В то же время экспериенцер, воспринимая стимул, претерпевает внешнее воздействие, что сближает его с пациентом [Там же; Næss 2007: 189]. Стимул, как и пациент, может быть и одушевленным, и неодушевленным, см. [Bossong 1998: 259]. С ролью агента роль стимула сближает то, что стимул часто может рассматриваться как начальная точка, причина ситуации [Dowty 1991: 579].

При этом экспериенциальные ситуации значительно отличаются тем, насколько выраженным сходством с агентом или, наоборот, с пациентом обладает один или другой из участников. В частности, в ряде работ как агент описывается воспринимающий участник при т. н. глаголах активного восприятия (*слушать, смотреть* и т. п.), см. [Апресян 1995б: 357]; в других, при признании наличия у этого участника агентивных свойств, он все же считается экспериенцером (у Е. В. Падучевой — Экспериентом) [Падучева 2004а: 203; Кустова 2005: 70–71]. Для многих глаголов эмоций, таких как *успокоить, удивить, пугать*, могут быть противопоставлены по крайней мере два типа употреблений: в первом одушевленный участник намеренно вызывает реакцию другого участника, и эти участники могут рассматриваться как, соответственно, агент и пациент, во втором неодушевленный или одушевленный участник, действующий неосознанно, вызывает ту или иную реакцию, и в таких случаях более уверенно можно говорить о ролях стимула и экспериенцера, ср. две возможные интерпретации примера (3), см. [Апресян В. 2013]. Часто случаи смешанных ролевых свойств анализируются в терминах совмещения семантических ролей [Падучева 2004а: 281;

Храковский 2016]. В некоторых работах вместо роли экспериенцера или наряду с ней используются понятия субъекта состояния, восприятия и т. п. [Апресян 1995б: 357; Падучева 2004а; Урысон 1998: 4]. Для отдельных типов участника, называемого здесь стимулом, также могут использоваться иные ярлыки: Содержание, Причина, Тема, Перцепт и др., см., в частности, [Апресян 1974: 125–126; Зализняк Анна А. 1992: 31–32; Падучева 2004а]. Разнообразие представленных в литературе трактовок свидетельствует о значительной условности анализа в терминах семантических ролей и показывает, что можно говорить скорее о большей или меньшей агентивности или пациентивности участников экспериенциальных ситуаций, а не о четких границах между семантическими ролями, например между ролями экспериенцера и агенса. Принятый здесь подход, ограничивающийся при описании экспериенциальных глаголов двумя семантическими ролями: экспериенцера и стимула, — создает единое основание для сопоставления всех глаголов, описывающих экспериенциальные ситуации, и позволяет не проводить границу между семантическими ролями, всегда в том или ином отношении условную².

Семантике и грамматическим свойствам русских экспериенциальных глаголов разных групп посвящено множество исследований, см., в частности, работы, упомянутые в предыдущем абзаце. В задачи данной главы не входит семантический анализ отдельных глаголов или их употреблений. В центре внимания здесь находятся прежде всего базовые **грамматические свойства русских экспериенциальных глаголов**, причем такие, которые в типологической литературе традиционно рассматриваются как **отражение большей или меньшей семантической переходности ситуации**, см., в частности, [Horper, Thompson 1980; Bossong 1998].

² Взгляд на семантические роли как на условный инструмент лингвистического описания, не в полной мере отражающий разнообразие свойств участников ситуаций, очевидным образом не совместим с такими подходами, в которых синтаксическое выражение участников напрямую «выводится» из их семантических ролей, см. [Pesetsky 1995], а также критический анализ этого подхода в книге [Падучева 2004: 280–281], или из закрытого набора дискретных семантических признаков, см. [Reinhart 2002; Næss 2007]. Подробное обсуждение основных подходов к понятию семантической роли с точки зрения формальных теорий представлен в книге [Levin, Rappaport Hovav 2005].

Соотношение семантических свойств экспериенцера и стимула, а также разнородность экспериенциальных ситуаций приводит к большому разнообразию их синтаксического кодирования. Языки значительно различаются по тому, как кодируются участники при семантически близких экспериенциальных предикатах; в рамках одного языка экспериенциальные предикаты часто распадаются на несколько синтаксических типов [Onishi 2001; Кибрик 2005: 340–341]. В статье [Bossong 1998] — одной из наиболее важных типологических работ о кодировании экспериенциальных ситуаций, — выделяются две противоположных стратегии кодирования экспериенциальных ситуаций: генерализующая и инвертированная³. При генерализующей стратегии для кодирования экспериенциальной ситуации используется переходная конструкция: экспериенцер кодируется так же, как агент, стимул — как пациент, а их отличия от прототипа семантической переходности в кодировании не проявляются. Этой стратегии, в частности, в первом приближении соответствует кодирование участников при глаголе *любить* в русском языке. При инвертированной стратегии кодирование экспериенциальных ситуаций отражает направление вектора воздействия от стимула к экспериенцеру — экспериенцер занимает объектную позицию, как, например, при русском глаголе *нравиться*. Эти стратегии могут реализовываться в более или менее полной мере. К промежуточным можно отнести случаи, когда экспериенцер занимает позицию подлежащего, но отличия ситуации от прототипа переходности грамматически проявляются в синтаксической непереходности или возвратности глагола [Там же: 262]. При объектном кодировании экспериенцер может занимать позицию прямого дополнения, как пациент, или оформляться дательным падежом и подобными ему средствами, как реципиент,ср. [Malchukov 2005: 105–106; Luraghi 2014: 111–113, 138]. Эти и некоторые другие грамматические свойства экспериенциальных глаголов русского языка, которые можно интерпретировать в терминах семантической переходности обозначаемых ими ситуаций, и рассматриваются в этой главе.

³ Ср. канонический и инвертированный типы кодирования экспериенциальных ситуаций в работе [Кибрик 2005: 340–341].

Как можно видеть, и в типологических исследованиях, и в данной главе за более семантически естественный и дефолтный принимается такой способ кодирования, при котором экспериенцер уподобляется агенсу, а стимул — пациентсу⁴. В соответствии с этим взглядом, отклонения экспериенциальной ситуации от прототипа семантической переходности проявляются в отличиях синтаксического выражения экспериенцера от того, которое свойственно агенсу, а стимула — от того, которое свойственно пациентсу. В свете типологических данных такой взгляд представляется оправданным: как показало исследование [Zielenbach 2018], в основном в языках различных семей и ареалов синтаксическое уподобление экспериенцера агенсу преобладает над инвертированным (объектным) кодированием экспериенцера.

Глаголы с аккузативным экспериенцером, составляющие объект данного исследования, в этой главе рассматриваются наряду с другими синтаксическими способами кодирования экспериенциальных ситуаций и далеко не в первую очередь. Такая перспектива позволяет подойти к вопросу о месте глаголов с аккузативным экспериенцером в рамках синтаксических типов экспериенциальных глаголов со стороны и более беспристрастно оценить их роль в организации каждой из рассматриваемых групп экспериенциальных глаголов.

1.2. Семантические особенности глаголов физиологических ощущений

Глаголы физиологических ощущений не всегда считаются одной из групп экспериенциальных глаголов. Наряду с многочисленными исследованиями, в которых эти глаголы включаются в класс экспериенциальных, например [Bossong 1998; Кустова 2004; Verhoeven 2007; Luraghi, in prep.], существуют и такие, где одушевленный участник при них описывается как пациент, ср. [Onishi 2001: 26–27]. Как уже говорилось выше, настоящее исследование

⁴ См. в статье [Plank 1979: 11] обсуждение представления, которое редко проговаривается и часто принимается как данность в типологических исследованиях, о том, что семантически естественным является объединение семантических ролей в два пучка: к первому относятся роли агента, экспериенцера и посессора, в которых выступают только одушевленные, чаще всего — личные, участники; второй включает роли пациента, стимула и посессума, которые не специфицированы с точки зрения одушевленности участника.

примыкает к работам первого из типов: глаголы физиологической сферы здесь рассматриваются как экспериенциальные, а предположение о близости экспериенциера при таких глаголах к пациенту позволяет поставить вопрос о том, проявляется ли эта близость в их синтаксическом поведении.

Тем не менее в рамках данной главы глаголы физиологических ощущений обсуждаются отдельно, поскольку обозначаемые ими ситуации часто не соответствуют тому обобщенному представлению о семантическом устройстве экспериенциальных ситуаций, которое было обрисовано в предыдущем разделе и отражает семантическое устройство большей части глаголов восприятия, мышления и эмоций.

Во-первых, при части физиологических глаголов одну из ядерных позиций занимает участник, являющийся частью тела экспериенциера (*воспалиться, вывихнуть, зудеть*). Сравнение таких физиологических глаголов с какими бы то ни было глаголами эмоций, мышления или восприятия затруднительно: при некоторых из глаголов этих трех групп части тела экспериенциера (или подобные им участники) могут занимать ядерные позиции, ср. сочетания типа *радовать душу, сердце чует*, однако для них это не является обязательным, и такие употребления всегда являются результатом метонимического переноса.

Во-вторых, среди глаголов физиологических ощущений в большей степени, чем в других семантических группах экспериенциальных глаголов, распространено и другое отклонение от представления об экспериенциальной ситуации как о взаимодействии между экспериенциером и стимулом. Оно состоит в том, что многие глаголы физиологических ощущений обозначают такие ситуации, в которых в норме присутствует только один участник — экспериенциер, ср. глаголы *мерзнуть, голодать, лихорадить*. Почти при всех глаголах эмоций, мышления и восприятия стимул присутствует в ситуации, даже если он не выражен.

Из-за этих различий в семантическом устройстве сравнение физиологических глаголов с глаголами оставшихся трех групп с точки зрения многих из тех признаков, которые рассматриваются в этой главе, может быть неправомерным.

В разделе 4 обсуждается, как эти особенности отражаются в распределении глаголов физиологических ощущений на синтаксические классы.

1.3. Задачи главы

Основная задача данной главы — сопоставить три семантических группы экспериенциальных глаголов русского языка: глаголы восприятия, глаголы мышления и глаголы эмоций — с точки зрения **грамматических свойств**, которые принято связывать со **степенью семантической переходности** ситуации, см. [Hopper, Thompson 1980; Bossong 1998].

В статье [Hopper, Thompson 1980] было показано, как различия в степени семантической переходности ситуаций отражаются в грамматических контрастах между конструкциями в конкретных языках, например в синтаксической переходности глагола. Г. Боссонг в статье [Bossong 1998] использует набор из десяти базовых экспериенциальных предикатов, устанавливает синтаксические свойства, которыми обладают эти предикаты в различных языках Европы, и подсчитывает, насколько каждый из языков склонен к использованию генерализующей или, наоборот, инвертированной стратегии, см. об этих стратегиях в разделе 1.1. М. Хаспельмат [Haspelmath 2001: 63], используя данные из указанной статьи Г. Боссонга, вычисляет, в какой степени каждый из предикатов склонен к уподоблению экспериенцера агенсу, с одной стороны, и объекту, с другой. В данной работе ставится вопрос о том, в какой степени **среди трех групп экспериенциальных глаголов русского языка** распространены глаголы, при которых экспериенцер уподобляется агенсу, и в какой — противопоставленные им глаголы, отражающие отличия экспериенцера от агента. Тем самым это исследование представляет собой опыт анализа семантических групп глаголов как своего рода популяций, которые сравниваются с точки зрения сходств и различий в грамматическом составе. Глаголы каждой из трех групп можно разделить на грамматические типы: возвратные и невозвратные, переходные и непереходные и т. п. Установив соотношение этих типов в рамках представительного множества глаголов каждой из групп, можно сделать вывод о том, существуют ли между этими группами различия, и интерпретировать эти

различия в терминах семантической переходности. Таким образом, ключевое место в данном исследовании занимает количественное соотношение глагольных лексем разных грамматических типов в рамках каждой из групп, например доля возвратных глаголов среди всех глаголов с подлежащим-экспериенцером.

Одна из методологических установок исследования состояла в том, чтобы по возможности минимизировать семантический анализ отдельных глаголов, который мог бы привести к заключениям о связи их грамматических свойств со значением, сделанным *ad hoc*. Первый этап исследования заключался в формировании списков глаголов трех групп. Основу для распределения глаголов на группы составляла таксономическая классификация глаголов, принятая в семантической разметке НКРЯ, см. подробнее раздел 2, что обеспечивает значительную независимость семантической классификации глаголов от предпринимаемого здесь анализа их грамматических свойств. Второй этап заключался в том, чтобы сформировать список тех грамматических свойств, которые связываются с семантической переходностью ситуаций в существующих исследованиях. На третьем этапе проверялось распределение глаголов в рамках трех групп с точки зрения грамматических свойств. Наконец, была предложена интерпретация полученных распределений и различий между группами в терминах семантической переходности и проведено сопоставление полученных выводов с теми ожиданиями, которые были сформированы на основании существующих исследований. Помимо собственно различий в семантической переходности (в том виде, в каком они отражаются в грамматических свойствах), такое сравнение показывает, существуют ли систематические грамматические различия между традиционно противопоставляемыми семантическими группами глаголов восприятия, мышления и эмоций. В этом отношении данное исследование опирается на тот взгляд, который был следующим образом сформулирован Ю. Д. Апресяном: «фиксируя сходства и различия в синтаксическом поведении языковых элементов, или, что то же самое, в их синтаксических признаках, мы можем делать объективные заключения об их семантических сходствах и различиях» [Апресян 1967: 24–25], см. о необходимости учета грамматической

релевантности выделяемых групп при семантической классификации предикатов в статье [Булыгина 1982: 11].

Наряду с семантическими описаниями, источником для формирования ожиданий относительно различий между группами экспериенциальных глаголов могут служить работы, в которых предлагаются иерархии семантических групп глаголов. Согласно ряду типологических исследований, семантические группы экспериенциальных предикатов можно упорядочить по тому, насколько существенны их отличия — семантические и грамматические — от глаголов, описывающих наиболее семантически переходные ситуации. В большинстве случаев предлагаемые иерархии основаны на данных о кодировании участников при нескольких представительных предикатах каждой из групп в сравнительно небольшой выборке языков [Tsunoda 1981; 1985; Haspelmath 2001: 63; Malchukov 2005: 89–90], иногда эти иерархии выводятся из семантического анализа экспериенциальных ситуаций разных типов [Bossong 1998: 261]. В целом, согласно этим иерархиям, группы экспериенциальных предикатов выстраиваются следующим образом. Глаголы восприятия наиболее близки к семантически переходным глаголам, т. е. для них в наибольшей степени ожидается использование генерализующей стратегии, см. раздел 1.2. Глаголы мышления занимают промежуточное положение. Более всего от прототипических переходных глаголов отличаются глаголы эмоций. Предикаты, обозначающие физиологические ощущения, помещаются между двумя последними группами [Haspelmath 2001: 63] или считаются еще более отличающимися от семантически переходных глаголов, чем глаголы эмоций, см. [Bossong 1998: 261].

Описанные выше иерархии глагольных классов не предполагают, что в конкретном языке любой предикат, обозначающий эмоцию, ведет себя как менее переходный, чем любой предикат мышления или восприятия. Равным образом, между грамматическими признаками отдельных глаголов и их семантическими свойствами нет прямой и абсолютной связи. Тем не менее можно ожидать, что семантические закономерности, лежащие в основе типологических иерархий глагольных классов, в отдельном языке действуют на

уровне **частотного распределения глаголов** различных семантических групп на синтаксические типы, см. о внутриязыковой интерпретации типологических иерархий в терминах частотности употребления в [Corbett 2010].

Следует отметить, что многие из рассматриваемых в главе грамматических свойств могут быть связаны с деривационной историей глагола. В частности, большинство возвратных глаголов соотносимы с каким-либо невозвратным глаголом той же семантической группы, поэтому можно предположить, что количество возвратных глаголов в той или иной группе в большой степени определяется количеством невозвратных глаголов, которые могут быть производящими для какого-либо деривационного процесса, ср. отношения в парах *радовать — радоваться* или *грезить — грезиться*⁵. В то же время одинаковыми грамматическими свойствами часто обладают глаголы с разной деривационной историей. Так, оформление экспериенцера дательным падежом наблюдается и при производных возвратных глаголах, таких как *вспомниться* в (2), и при необратимых возвратных глаголах, например *мерещиться*, и при невозвратных глаголах, например *надоест*. При описании распределений глаголов на грамматические типы отношения производности в основном не учитываются, но в некоторых случаях сами типы деривационных отношений служат в качестве признаков, которые используются для сопоставления групп глаголов, см. прежде всего раздел 4.

В своей основе та задача, которая ставится в этой главе, близка к задачам исследований, направленных на описание инвентаря лексических и грамматических средств, обслуживающих определенную семантическую зону. В частности, средства описания различных семантических зон, относящихся к экспериенциальной сфере, рассматриваются в работах [Цейтлин 1976; Матханова 2005] и особенно полно и систематически в книге [Бабенко 1989]. Анализ диатетических преобразований и деривационных связей, типичных для той или

⁵ Ср. в [Падучева 2004: 197–255] анализ структуры группы глаголов восприятия (понимаемой несколько шире, чем здесь), в котором внимание сосредоточено прежде всего на деривационных отношениях.

иной семантической группы глаголов, представленный в ряде работ Е. В. Падучевой, в частности в книге [Падучева 2004а], также может рассматриваться как ориентир для исследования, представленного в данной главе. Наконец, отчасти исследование, представленное в данной главе, примыкает к ряду выполненных в последнее время типологически ориентированных описаний класса экспериенциальных предикатов и конструкций в отдельных языках, таких как [Verhoeven 2007] о юкатекском языке (майя), [Fedriani 2014] о латинском языке, [Luraghi, in prep.] о языке Гомера.

Новизна анализа экспериенциальных глаголов, предпринимаемого в данной главе, заключается в том, что в центре внимания находятся грамматические признаки, значение которых может быть более или менее однозначно установлено для каждого глагола; используется максимально полный список глаголов каждой из изучаемых семантических групп; производится количественное сопоставление состава трех семантических групп; рассматриваемые грамматические свойства интерпретируются как проявления единого признака семантической переходности описываемых глаголами ситуаций.

В следующем разделе обсуждается то, каким образом были сформированы списки глаголов, послужившие материалом для исследования трех семантических групп, и какие методы применялись при обработке результатов.

2. Сбор и обработка данных

Для сопоставления групп использовалась выборка глаголов, опирающаяся на семантическую разметку НКРЯ, см. [Кустова и др. 2005; Kustova et al. 2009]. На первом этапе были составлены списки глаголов, в первом значении относящихся, согласно разметке, к тематическим классам «восприятие», «ментальная сфера» и подклассу «эмоции» в рамках класса «психическая сфера» и встретившихся в текстах основного подкорпуса НКРЯ, созданных строго после 1950 г.⁶

⁶ Выборка глаголов была создана в 2014 г., когда объем указанного подкорпуса составлял 120 381 919 словоформ. Я благодарю М. А. Горшкову за помощь в извлечении из НКРЯ глаголов, относящихся к группам мышления и восприятия.

Использование семантической разметки НКРЯ для создания выборки представляется оправданным по следующим причинам. Семантическая разметка проводилась на основании значения глаголов, а не их синтаксических свойств [Kustova et al. 2009]. Списки глаголов, полученные с помощью разметки, соответствуют определениям трех групп эксперииенциальных ситуаций, принятым в данном исследовании, см. раздел 1.1, и интуитивным представлениям об их границах. Кроме того, опора семантическую разметку позволяет минимизировать влияние задачи анализа грамматических свойств глаголов на их распределение на семантические группы.

Сложность, однако, состоит в том, что тематическая классификация не охватывает всех содержащихся в текстах глагольных лексем. Поэтому для получения более полной выборки первичный список был дополнен зафиксированными в текстах НКРЯ глаголами, соотносительными с уже извлеченными по возвратности, в том числе пассивными глаголами (например, добавлены глаголы *удивляться* и *выдумываться*)⁷, или по виду (*вспомнить* извлечен, *вспоминать* добавлен), если они соответствовали семантическим рамкам одной из групп. Также в выборки были добавлены отдельные не размеченные в НКРЯ по тематическому классу глаголы, упоминаемые в [Бонч-Осмоловская 2003; Кустова 2012], в частности глаголы эмоций *нравиться, надоест и взгрустнуться*.

В качестве альтернативного или дополнительного источника материала можно было бы использовать идеографические словари, прежде всего словарь [Бабенко 1999], в котором отражен состав основных семантических групп глаголов русского языка. Тем не менее между разделением эксперииенциальных глаголов на группы, принятым в данном исследовании и в семантической разметке НКРЯ, и той системой тематических классов, которая представлена в указанном словаре, есть значительные расхождения. Поэтому этот словарь не использовался для дополнения списков, полученных на основании разметки НКРЯ. В разделе 7.2 обсуждается то, каким образом соотносятся семантические

⁷ В выборку не включались возвратные глаголы, использующиеся только в модально-пассивных конструкциях.

группы, выделенные здесь, с группами словаря [Бабенко 1999] и как использование этого словаря могло бы повлиять на результаты анализа.

Каждый из включенных в выборку глаголов относится только к какой-либо одной из семантических групп. Отдельные значения глаголов не противостояли, поскольку, во-первых, неясно, насколько дробным должно быть такое разделение, и, во-вторых, в основном те грамматические свойства, которые рассматриваются ниже, характеризуют глаголы в целом, а не их отдельные значения. Как уже упоминалось, принадлежность глагола к семантической группе определялась тем, каково его основное значение. Так, многие глаголы могут использоваться как для описания восприятия, так и для описания ситуаций, связанных с мышлением, например *видеть* или *рассматривать*, однако первое из этих значений у этих глаголов следует считать основным, поэтому они относились к группе глаголов восприятия. Единственный тип случаев, в которых два значения последовательно разводились, — наличие двух формально идентичных возвратных глаголов с разным значением возвратного показателя, например, в выборке присутствует два глагола *определиться*: со значением ‘принять решение’ и со значением ‘стать ясным’.

В результате полученная выборка включает 308 глаголов восприятия, 403 глагола мышления и 428 глаголов эмоций. В нее попали как частотные, так и окказиональные образования, как общеупотребительные, так и стилистически маркированные глаголы. Три наиболее частотных глагола восприятия — *видеть*, *казаться*, *смотреть*, мышления — *знать*, *думать*, *понять*, эмоций — *любить*, *бояться*, *нравиться*. Из глаголов, встретившихся в единичных примерах, можно привести глаголы восприятия *донюхивать*, *узреться*, мышления — *вымысливать*, *возомниться*, эмоций — *испрезирать*, *перебудоражиться*. Полные списки глаголов трех групп, использованные для исследования, приведены в Приложении.

Созданная выборка приближается к исчерпывающей для этих трех семантических групп, по крайней мере для определенного временного среза и спектра жанров. Можно было бы пренебречь возможными пробелами в данных и считать, что различия в распределениях, обнаруженные на материале этой

выборки, отражают различия между группами экспериенциальных глаголов русского языка. Однако точно определить, насколько велики эти пробелы и как они могут сказаться на количественных выводах, невозможно. Особенно ненадежной такая интерпретация может быть при незначительных различиях в распределениях⁸. Поэтому здесь эти группы сравниваются так, как если бы имеющаяся выборка представляла собой незначительную часть потенциально бесконечной генеральной совокупности, см. [Yu 2007: 289–290] об интерпретации различий в выборках, полностью или почти полностью покрывающих объекты некоторого множества. При таком подходе наблюдающееся распределение рассматривается как результат действия общих закономерностей, определяющих грамматические свойства экспериенциальных глаголов русского языка. Аналитический шаг достраивания потенциальной генеральной совокупности может казаться неестественным в приложении к глагольной лексике какого-либо языка, однако он напрямую вытекает из привычных представлений о существовании обобщенных семантических признаков, таких как агентивность или вовлеченность, влияющих на синтаксическое устройство предикатов. В частности, цель данного исследования состоит в том, чтобы выяснить, каковы принципы организации трех групп экспериенциальных глаголов в русском языке, а не просто описать различия между группами глаголов, встретившихся в современных текстах НКРЯ.

Оставшаяся часть главы содержит изложение результатов анализа состава семантических групп глаголов и их обобщение. Изложение результатов структурировано в соответствии с делением глаголов на грамматические типы. В данном случае на первом уровне классификации глаголы противопоставляются по тому, какой участник занимает позицию подлежащего, ср. [Verhoeven 2007; Fedriani 2014]. При такой классификации в первую очередь учитывается то,

⁸ Из-за того, что лексические группы не имеют четких границ и могут пополняться новыми лексемами, для обработки данных, отражающих их состав, невозможно использовать методы, которые обычно применяются в случае неполноты данных переписи, когда известно число объектов, составляющих генеральную совокупность, но неизвестны свойства какой-то их части.

какой участник занимает наиболее приоритетную синтаксическую позицию (если вообще какой-либо участник занимает позицию подлежащего). Затем, принимая этого участника в качестве точки отсчета, можно относительно него интерпретировать такие характеристики глагола, как переходность, возвратность и способ выражения прочих участников⁹. В разделе 3 рассматриваются глаголы с подлежащим-экспериенцером (*взглянуть, задуматься, печалиться*), в разделе 4 — глаголы с подлежащим-стимулом (*виднеться, втешиться, тревожиться*) и глаголы, при которых ни один из участников не является номинативным подлежащим (*вериться, взгрустнуться*), в разделе 5 — небольшой класс глаголов, при которых позицию подлежащего занимает каузатор — участник, внешний по отношению к экспериенциальной ситуации (*показать, запугивать*). В разделе 6 обсуждаются синтаксические свойства глаголов физиологических ощущений. Раздел 7 содержит обобщение и обсуждение результатов исследования.

3. Глаголы с подлежащим-экспериенцером

3.1. Доля глаголов с подлежащим-экспериенцером

Глаголы, при которых позицию подлежащего занимает экспериенцер, составляют большинство во всех трех семантических группах русских экспериенциальных глаголов. В Таблице 1 для каждой из групп приведено количество глаголов с подлежащим-экспериенцером (*видеть, верить, бояться*), и суммарное количество глаголов с подлежащим-стимулом (*виднеться, надоесть*) и таких, при которых подлежащее отсутствует (*взгрустнуться, вериться*).

⁹ При другом распространенном типе классификации экспериенциальные глаголы прежде всего противопоставляются на основании того, какую синтаксическую позицию занимает экспериенцер [Bossong 1998; Haspelmath 2001]: выделяются глаголы с экспериенцером-подлежащим и экспериенцером в объектной позиции, среди последних — глаголы с экспериенцером в позиции прямого дополнения и дативным экспериенцером.

Таблица 1. Доля глаголов с подлежащим-экспериенцером
в трех семантических группах

	Глаголы с подлежащим- экспериенцером	Глаголы с подлежащим- стимулом и безличные глаголы	Доля глаголов с подлежащим- экспериенцером
Восприятие	232	72	0.76
Мышление	284	109	0.72
Эмоции	261	159	0.62

Согласно Таблице 1, по **доле глаголов с подлежащим-экспериенцером** рассматриваемые семантические группы выстраиваются в следующем порядке: **восприятие ≈ мышление > эмоции**¹⁰ (статистически значимые различия наблюдаются между глаголами эмоций и каждой из двух оставшихся групп, двусторонний вариант точного теста Фишера, $p < 0.01$ в обоих случаях). Таким образом, среди глаголов эмоций меньше глаголов, при которых экспериенцер синтаксически уподобляется агенсу, т. е. выражается в позиции подлежащего.

3.2. Доля возвратных глаголов и их типы

Глаголы, при которых экспериенцер занимает позицию подлежащего, могут в разной степени отличаться по другим синтаксическим свойствам от канонических переходных глаголов. Индикаторами пониженной переходности ситуации, описываемой глаголом, считаются наличие возвратного показателя и синтаксическая непереходность [Bossong 1998: 261–262]. Поскольку в русском языке возвратные глаголы в норме являются непереходными, сначала группы сравниваются по доле возвратных глаголов, затем в разделе 3.3 рассматривается противопоставление по синтаксической переходности среди невозвратных глаголов.

¹⁰ Символы «≈», «>» и «>>» соответствуют уровню значимости различий между группами: $p \geq 0.1$ — различие не значимо, $0.1 > p > 0.001$ — различие приближается к порогу статистической значимости или слабо значимо, $p < 0.001$ — различие значимо. Порядок групп и символы «>» и «>>» соответствуют степени семантической переходности, стоящей за тем или иным грамматическим свойством, в том числе тогда, когда связь между долей глаголов того или иного типа (например, возвратных) и семантической переходностью обратная.

В типологических работах связь возвратности с пониженной переходностью ситуации обычно обсуждается в довольно абстрактных семантических терминах. Согласно формулировке Г. Боссонга, возвратность «уменьшает активность и тем самым степень [семантической — *M. O.*] переходности глагола» (“réduit l’activité et par là le degré de transitivité du verbe”) [Bossong 1998: 262]. В некоторых работах употребление возвратных показателей, по набору значений подобных русскому, связывается с вовлеченностью подлежащего (subject-affectedness), см. обсуждение этой идеи отчасти в полемическом ключе в [Kemmer 1993: 1–4]. То, что глаголы с подлежащим-экспериенцером часто содержат возвратный показатель, С. Кеммер связывает с двойкой природой роли экспериенцера, который обладает свойствами как действующего, так и претерпевающего участника [Kemmer 1994: 210], ср. обсуждение особенностей роли экспериенцера в разделе 1.1. При некоторой зыбкости семантических признаков, с которыми связывается возвратность, все они предполагают, что среди глаголов, описывающих менее семантически переходные ситуации, доля возвратных глаголов будет выше. Таблица 2 показывает число и долю возвратных глаголов, таких как *любоваться*, *замечтаться*, *обрадоваться*, среди глаголов с подлежащим-экспериенцером.

Таблица 2. Возвратные глаголы с подлежащим-экспериенцером

	Возвратные	Невозвратные	Доля возвратных глаголов	Всего
Восприятие	74	158	0.32	232
Мышление	71	213	0.25	284
Эмоции	157	104	0.60	261

В группе глаголов эмоций с подлежащим-экспериенцером **доля возвратных глаголов** значительно выше, чем в оставшихся двух группах (двусторонний вариант точного теста Фишера, в обоих случаях $p < 0.001$). Между глаголами мышления и глаголами восприятия наблюдается различие, приближающееся к порогу статистической значимости (двусторонний вариант

точного теста Фишера, $p \approx 0.09$): среди глаголов восприятия доля возвратных глаголов выше, чем среди глаголов мышления. Таким образом, по этому параметру группы экспериенциальных глаголов можно упорядочить следующим образом: **мышление > восприятие >> эмоции**.

Возвратные глаголы разнообразны с семантической и формальной точки зрения, и семантические группы могут различаться по тому, какие типы возвратных глаголов в них преобладают. Для сравнения групп возвратные глаголы в них были разделены на три формальных типа: объектные, субъектные и необратимые, — примерно соответствующих выделяемым в [Князев 2007: 264], см. также [Янко-Триницкая 1962: 79–80]. Возвратные глаголы, которые могут быть соотнесены с невозвратными глаголами, делятся на объектные и субъектные. При **объектных возвратных глаголах** позицию подлежащего занимает участник, при невозвратном глаголе выраженный в позиции прямого дополнения. Среди глаголов с подлежащим-экспериенцером к этому типу принадлежат декаузативы (*обрадоваться, увериться*, ср. исходные глаголы *обрадовать, уверить*) и единичные пассивы (*уведомляться, ср. уведомлять*). При **субъектных возвратных глаголах** позицию подлежащего занимает тот же участник, что и при исходном невозвратном глаголе. К этому типу здесь отнесены циркумфиксальные глаголы (например, *истосковаться, заглядеться*, исходными для которых служат *тосковать* и *глядеть*), глаголы с взаимным значением (все 10 таких глаголов относятся к глаголам восприятия и многие из них обозначают не только восприятие, но и определенные социальные действия, ср. *увидеться, обнюхаться* и соответствующие невозвратные глаголы *увидеть, обнюхать*) и глаголы, которые отличаются от невозвратных отсутствием или понижением в ранге второго участника (ср. *посмотреться, определиться* и исходные глаголы *посмотреть* и *определить*). **Необратимые возвратные глаголы** не могут быть соотнесены ни с каким невозвратным глаголом

(любоваться, сомневаться)¹¹. Распределение возвратных глаголов каждой из групп на эти три типа показано в Таблице 3.

Таблица 3. Формальные типы возвратных глаголов
с подлежащим-экспериенцером

	Субъектные		Объектные		Необратимые		Всего
	Число	Доля	Число	Доля	Число	Доля	
Восприятие	66	0.89	2	0.03	6	0.08	74
Мышление	53	0.75	7	0.10	11	0.15	71
Эмоции	16	0.10	126	0.80	15	0.10	157

Существенные различия между группами обнаруживаются в распределении глаголов на объектные и субъектные, в то время как необратимые глаголы составляют во всех группах примерно одинаковую долю. В порядке снижения доли субъектных возвратных глаголов группы можно выстроить следующим образом: **восприятие > мышление >> эмоции**. Различия между глаголами эмоций и каждой из оставшихся двух групп статистически значимы (двусторонний вариант точного теста Фишера, $p < 0.001$ в обоих случаях), различие между глаголами восприятия и глаголами мышления приближается к порогу статистической значимости ($p \approx 0.08$).

Распределение возвратных глаголов на субъектные и объектные отражает то, какие глаголы в каждой из групп чаще выступают в качестве исходных в деривационных отношениях (рассматривается направление формальной производности). Из наблюдаемых различий следует, что для возвратных глаголов восприятия и, в несколько меньшей степени, мышления чаще, чем для возвратных глаголов эмоций, исходными являются глаголы, при которых в позиции подлежащего также находится экспериенцер, как в парах *смотреть — всмотреться, решить — решиться*. Возвратные глаголы эмоций, напротив, скорее соотносимы с невозвратными глаголами, при которых

¹¹ Глаголы, образованные приставочным способом от необратимых глаголов (*понравиться*), считались необратимыми, а не субъектными.

экспериенцер занимает позицию прямого дополнения, как в парах *огорчаться* — *огорчать*, *возмутиться* — *возмутить*, ср. обсуждение распространенности таких пар в группе глаголов эмоций в [Падучева 2004а: 279]. Таким образом, для ситуаций, обозначаемых возвратными глаголами эмоций, чаще, чем для возвратных глаголов других групп, в качестве исходного выступает глагол, при котором экспериенцер занимает позицию прямого дополнения, т. е. синтаксически уподобляется пациенту.

На уровне наблюдения можно также отметить, что среди возвратных глаголов эмоций и мышления несколько большую долю составляют необратимые глаголы, что может указывать на то, что в этих группах глаголы более склонны к возвратности в силу свойств обозначаемых ими ситуаций, а не в силу отношений производности, см. [Kemmer 1994] о депонентных глаголах.

Еще более дробное деление можно провести среди субъектных глаголов, которые во всех группах представлены достаточным для сопоставления числом глаголов. В Таблице 4 для каждой из групп приведено соотношение циркумфиксальных глаголов, таких как *приглядеться*, *натерпеться* (ср. исходные глаголы *глядеть* и *терпеть*), и глаголов, которые отличаются от исходного статусом второго участника, например *поглядеться*, *довериться* (соотносимые с глаголами *поглядеть* и *доверить*).

Таблица 4. Типы субъектных возвратных глаголов

с подлежащим-экспериенцером

	Циркумфиксальные	Изменение статуса второго участника	Доля циркумфиксальных глаголов	Всего
Восприятие	36	20	0.65	56
Мышление	24	29	0.49	53
Эмоции	14	2	0.88	16

Как показывает Таблица 4, среди глаголов эмоций и глаголов восприятия доля циркумфиксальных глаголов выше, чем среди глаголов мышления. Статистически значимые различия наблюдаются между глаголами мышления и

глаголами эмоций, различия между глаголами мышления и глаголами восприятия приближаются к порогу статистической значимости (двусторонний вариант точного теста Фишера, $p < 0.01$ и $p \approx 0.06$ соответственно).

В данном случае различия между группами, по-видимому, объясняются продуктивностью циркумфиксальных глаголов, а не глаголов с изменением статуса второго участника. Во-первых, многие глаголы с изменением статуса второго участника семантически нерегулярно соотносятся с невозвратными глаголами и, возможно, не имеют с ними актуальных связей, ср. глаголы *забыться* или *сообразиться*. Во-вторых, возвратные глаголы с изменением статуса второго участника образуются, за единичными исключениями, от переходных глаголов, и во всех трех группах примерно одинакова доля переходных глаголов, образующих такие возвратные глаголы.

Если различия, наблюдаемые в Таблице 4, и связаны со степенью продуктивности циркумфиксальных глаголов, их сложно интерпретировать в каких-либо общих терминах из-за разнообразия значений, передаваемых циркумфиксами. Однако в рамках самих циркумфиксальных экспериенциальных глаголов можно выделить две большие группы. К первой относятся глаголы, при которых **циркумфикс указывает на вовлеченность экспериенциера** в ситуацию, т. е. сообщает ему пациентивные черты. К ней относятся глаголы с циркумфиксами: *за-…-ся* (*засмотреться*, *замечтаться*), которые содержат компонент длительной и чрезмерной погруженности экспериенциера в состояние; *из-…-ся* (*истосковаться*, *исстрадаться*), которые встречаются в основном среди глаголов эмоций и обозначают исчерпанность душевных сил экспериенциера каким-либо переживанием; *на-…-ся* (*нанюхаться*, *нанервничаться*), которые описывают пресыщение экспериенциера вследствие избыточного пребывания в каком-либо состоянии — «сативный способ действия» в [Шелякин 1987: 80]. Вторую группу составляют глаголы, при которых **циркумфикс передает идею применения усилий** для обработки стимула, т. е. сообщает экспериенциеру агентивные черты. Эта группа включает глаголы с циркумфиксами: *в-…-ся* (*вслушаться*, *вдуматься*) и *при-…-ся* (*приглядеться*),

которые предполагают стремление экспериенцера к более внимательному и пристальному восприятию стимула; *до-…-ся* (*догадаться, доглядеться*), описывающие настойчивые усилия экспериенцера, которые приводят к некоторой цели или вызывают какие-либо последствия. Некоторые циркумфиксальные глаголы остались за рамками этих двух групп, прежде всего глаголы с циркумфиксом *раз-…-ся* (*распиховаться, размечтаться*), обозначающие интенсивное, «доходящее до крайней меры» [Там же] экспериенциальное состояние. Приведенные значения циркумфиксов сформулированы прежде всего с опорой на грамматику [Шведова 1980: 385–388]. Распределение циркумфиксальных глаголов по типу значения циркумфиксса показывает Таблица 5.

Таблица 5. Распределение циркумфиксальных глаголов
по типу значения циркумфиксса

	Вовлеченность экспериенцера	Усилия экспериенцера	Прочие	Всего
Восприятие	16	17	3	36
Мышление	8	12	4	24
Эмоции	10	2	2	14

Хотя число циркумфиксальных глаголов невелико, между группами экспериенциальных глаголов наблюдаются заметные различия в том, как они распределяются на выделенные подтипы. В группе глаголов эмоций преобладают глаголы, предполагающие вовлеченность экспериенцера; эта группа значимо отличается от каждой из двух оставшихся групп (двусторонний вариант точного теста Фишера, $p < 0.05$ в обоих случаях). Циркумфиксальные глаголы восприятия делятся на эти два типа примерно поровну, в группе глаголов мышления немного выше, чем в других группах, доля глаголов, при которых экспериенцер прилагает дополнительные усилия для восприятия стимула.

Преобладание одного или другого из типов циркумфиксальных глаголов показывает, какие дополнительные семантические свойства: пациентивные или агентивные — склонен приобретать экспериенцер в ситуациях данной группы.

Если рассматривать этот параметр наряду с другими признаками, отражающими степень семантической переходности ситуаций, то группы экспериенциальных глаголов выстраиваются в следующем порядке: **мышление ≈ восприятие > эмоции.**

3.3. Синтаксическая переходность

В языках мира ситуации, характеризующиеся высокой степенью семантической переходности, систематически кодируются синтаксически переходными глаголами, например, к синтаксически переходным обычно относятся глаголы со значением ‘убить’ или ‘разрушить’ [Tsunoda 1985; Dowty 1991]. Таким агентивным глаголам в разных языках может синтаксически уподобляться более или менее широкий круг глаголов, участники которых в той или иной мере отличаются от прототипических агента и пациента [Lazard 2002: 152; Malchukov 2005: 82–83; Haspelmath 2015], в том числе глаголы, обозначающие экспериенциальные ситуации. Отмечается, что переходное кодирование с экспериенцером в позиции подлежащего часто можно связать с наличием у экспериенцера каких-либо агентивных свойств [Næss 2007: 188]. В соответствии с установками исследования, см. раздел 1.3, прямого анализа степени агентивности экспериенцера при разных глаголах здесь предприниматься не будет: она едва ли может быть точно измерена даже в случае двух отдельных глаголов (например, *слушать* и *вспоминать*) и тем более трудно сказать, как с этой точки зрения соотносятся группы в целом. Однако можно установить, насколько велика в каждой группе доля переходных глаголов с подлежащим-экспериенцером.

Этот признак рассматривается на множестве невозвратных глаголов с подлежащим-экспериенцером. Переходными считались только такие глаголы, при которых в позиции прямого дополнения может быть употреблена группа в винительном падеже, принадлежащая к открытому списку¹². Среди

¹² В частности, непереходными считались глаголы *думать* и *мечтать*, при которых в винительном падеже прежде всего употребляются такие существительные, как *думы* и *мечты*. Также к непереходным относились глаголы, при которых стимул может быть выражен

непереходных глаголов не противопоставлялись двухместные и одноместные глаголы, поскольку проведение границы между ними затруднительно¹³. Распределение глаголов трех групп на переходные и непереходные в принятом здесь понимании представлено в Таблице 6.

Таблица 6. Синтаксическая переходность невозвратных глаголов с подлежащим-экспериенцером

	Переходные	Непереходные	Доля переходных глаголов	Всего
Восприятие	123	35	0.78	158
Мышление	164	49	0.77	213
Эмоции	31	73	0.30	104

Таблица 6 показывает, что в группах глаголов восприятия и мышления доля переходных глаголов гораздо выше, чем в группе глаголов эмоций; различия между глаголами эмоций и каждой из этих групп статистически значимы (двоесторонний вариант точного теста Фишера, $p < 0.001$ в обоих случаях). Группы упорядочиваются следующим образом: **восприятие ≈ мышление >> эмоции**.

Во всех трех группах можно усмотреть некоторую семантическую основу распределения глаголов с подлежащим-экспериенцером на переходные и непереходные. В группе глаголов восприятия к непереходным относятся прежде всего глаголы активного зрительного восприятия, например *смотреть, глядеть, глазеть, следить*. Глагол *смотреть* — основной глагол этого семантического типа — с точки зрения переходности отличается и от основного глагола слухового восприятия *слушать*, и от глагола пассивного зрительного восприятия

только инфинитивом или придаточным, вводимым союзом *что*, например *вздумать*, ср. анализ этих типов групп как неканонических прямых дополнений в [Летучий 2016].

¹³ Для этого могут использоваться разные критерии: наличие второго участника в толковании, наличие лексически заданного способа его оформления, частотность употребления второго участника при глаголе или принципиальная возможность его выражения в той же клаузе, однако все они в большей или меньшей степени предполагают произвольное решение. В наибольшей степени на статус одноместных могли бы претендовать некоторые глаголы эмоций, например *унывать, грустить, нервничать*, однако и при этих глаголах стимул обычно присутствует в ситуации и иногда выражается при глаголе.

видеть, ср. также пару глаголов *зреть* и *взирать*. Е. В. Падучева объясняет синтаксическую непереходность глагола *смотреть* тем, что в его значении существенную роль играет направление метафорического движения — направление взгляда [Падучева 2004а: 232–233]. В уже упоминавшейся иерархии глагольных классов, предложенной Т. Цунодой, для глаголов со значением ‘видеть’ также более вероятным считается переходное кодирование, чем для глаголов со значением ‘смотреть’, — на основании того, что в первом случае стимул более полно охвачен одушевленным участником, чем во втором [Tsunoda 1981: 396; 1985: 388] (подобное различие между глаголами *смотреть* и *видеть* отмечается и в указанной работе Е. В. Падучевой). В группе глаголов мышления большинство непереходных глаголов с подлежащим-экспериенцером, как кажется, обладают следующим семантическим свойством: стимулом при них служит некоторый внешний по отношению к сознанию экспериенцера объект или ситуация, и ментальная обработка этого стимула не включает его полного охвата. К этому семантическому типу можно отнести глаголы *мечтать*, *грезить*, *думать*, *мыслить*, *судить*. Им можно противопоставить переходные глаголы *знать*, *ведать*, *понять*, *помнить*, *сознавать*, которые предполагают постижение ментального объекта экспериенцером и «обладание» им. Наконец, в группе глаголов эмоций синтаксическая переходность свойственна в основном таким глаголам с подлежащим-экспериенцером, которые описывают постоянные отношения, например *любить*, *обожать*, *уважать*, *презирать*, в то время как глаголы, описывающие временные состояния, скорее относятся к непереходным, например *скучать*, *горевать*, *негодовать*, *скорбеть*. Эти осторожные обобщения показывают, что, помимо общей интерпретации в терминах семантической переходности, в каждой из групп для того или иного противопоставления в ряде случаев можно предложить какую-либо более частную семантическую мотивацию.

В русском языке переходность глагола может быть связана с **наличием приставки**. Так, А. Б Летучий [2016б: 218] отмечает, что преимущественно переходными являются невозвратные глаголы с префиксами *раз-* (*рассмотреть*,

рассудить) и *из-* (*измыслить, исследовать*) ¹⁴. В выборке к переходным систематически относятся и некоторые другие типы приставочных глаголов, образованных от непереходных бесприставочных глаголов, в частности глаголы с префиксами *о-* (*осмотреть, осмыслить*), *вы-* (*выдумать, выстрадать*) и др. Эти приставки обычно связаны и с определенным семантическим эффектом. Так, приведенные приставочные глаголы, в отличие от исходных бесприставочных, предполагают более полную и тщательную обработку стимула, ср. *рассмотреть, исследовать, осмыслить*, или обозначают создание ментальных объектов, ср. *выдумать, измыслить*. Как можно видеть, эти семантические компоненты указывают на более агентивное участие экспериенцера в ситуации и большую вовлеченность стимула по сравнению с исходными бесприставочными глаголами.

Для того чтобы рассмотреть признак переходности вне возможного влияния приставочных глаголов, из каждой группы были отобраны бесприставочные невозвратные незаимствованные глаголы, например *терпеть, грустнеть, знать, веровать, зреть, видывать* и др. Распределение таких глаголов каждой из групп на переходные и непереходные представлено в Таблице 7.

Таблица 7. Переходность невозвратных бесприставочных незаимствованных глаголов

	Переходные	Непереходные	Доля переходных глаголов	Всего
Восприятие	20	6	0.8	26
Мышление	11	9	0.6	20
Эмоции	3	14	0.2	17

В распределении бесприставочных незаимствованных глаголов обнаруживается та же закономерность, что и среди невозвратных глаголов в целом:

¹⁴ Я благодарю А. Б. Летучего за указание на возможное влияние числа и типов приставочных глаголов на выводы, касающиеся переходности глаголов трех групп и способности образования ими пассивов.

в группе глаголов эмоций доля переходных глаголов значимо ниже, чем в двух оставшихся группах (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $p < 0.001$ и $p < 0.05$). В данном случае в группе глаголов восприятия доля переходных глаголов несколько выше, чем в группе глаголов мышления, однако это различие не является статистически значимым. Наблюдаемые различия могут быть представлены в виде следующей иерархии: **восприятие ≈ мышление > эмоции**.

3.4. Глаголы с подлежащим-экспериенцером: обобщение

В этом разделе рассматривались глаголы восприятия, мышления и эмоций с подлежащим-экспериенцером, например *выслушать, размышлять, дознаться, гордиться*. Семантические группы сопоставлялись на основании того, как среди принадлежащих к ним глаголов с подлежащим-экспериенцером распределены грамматические свойства, которые связаны с агентивностью экспериенцера и семантической переходностью обозначаемых глаголами ситуаций. К таким свойствам относится и собственно кодирование экспериенцера в позиции подлежащего.

По всем обсуждавшимся признакам глаголы эмоций четко противопоставлены двум оставшимся группам экспериенциальных глаголов как описывающие наименее семантически переходные ситуации: в группе глаголов эмоций наименьшую долю составляют глаголы с подлежащим-экспериенцером; среди глаголов с подлежащим-экспериенцером выше всего доля возвратных глаголов; среди возвратных выше всего доля объектных глаголов — глаголов, для которых в качестве исходных выступают глаголы с экспериенцером в позиции прямого дополнения; среди циркумфиксальных глаголов эмоций выше всего доля таких глаголов, при которых экспериенцер обладает пациентивными чертами; наконец, в группе глаголов эмоций ниже всего доля синтаксически переходных глаголов с подлежащим-экспериенцером: и среди невозвратных глаголов в целом, и среди бесприставочных незаимствованных глаголов.

Различия между глаголами мышления и глаголами восприятия по всем обсуждавшимся в разделе 3 признакам оказываются незначительными и не складываются в какую-либо единую закономерность.

4. Глаголы с подлежащим-стимулом и без подлежащего

4.1. Проблема разграничения глаголов с подлежащим-стимулом и без подлежащего

В этом разделе совместно обсуждаются глаголы с подлежащим-стимулом и безличные глаголы. Между этими двумя типами глаголов сложно провести четкую границу. К глаголам с подлежащим-стимулом бесспорно можно отнести такие глаголы, при которых в позиции подлежащего могут выступать именные группы в именительном падеже, принадлежащие к открытому списку. К этому типу относится подавляющее большинство глаголов рассматриваемого множества, например *наблюдаться, почуздиться, грезиться, измышиляться, полюбиться, устрашать*. Оставшиеся 12 глаголов в большей или меньшей степени близки к безличным. Такие глаголы обнаружены только среди глаголов мышления и эмоций, и все они являются соотносительными возвратными глаголами, при которых экспериенцер может быть выражен в дательном падеже, например *взгрустнуться, вериться, возмечтаться*. Из них ближе всего к глаголам с подлежащим-стимулом находятся глаголы *думаться* и *подуматься*, при которых в качестве подлежащего в именительном падеже могут выступать именные группы ограниченного класса (мысль, дума и т. п.), а также местоимения *это, что*. При глаголе *вздуматься* фиксируются только местоименные номинативные подлежащие (4).

- (4) *Чтобы не самовольничали, не бросались вниз с третьего этажа, чтобы умирали не тогда, когда им это вздумается, а когда будут на это высшие соображения.* [Е. С. Гинзбург. Крутой маршрут: Часть 1 (1967)]

В принципе не могут употребляться с подлежащим в именительном падеже глаголы мышления *вериться* и *провериться*, а также глаголы эмоций *взгрустнуться* (5) и *затосковаться*. Сходные наблюдения о глаголах *думаться* и *вериться* высказываются в [Летучий 2014а: 390–392].

- (5) — *От воспоминаний о командире, которого снял бандитский снайпер, о тех пропахших кровью временах друзьям немножко взгрустнулось.* [Лев Корнешов. Газета (2000)]

В значительной степени безличный или близкий к безличному статус этих возвратных глаголов связан со свойствами исходных невозвратных глаголов, при которых стимул выражается либо с помощью зависимой клаузы (придаточного или инфинитива), либо с помощью именной группы, оформленной косвенным средством, ср. глаголы *верить*, *думать*, *тосковать* и *грустить*. Все эти глаголы здесь считались непереходными, см. раздел 3.3. В то же время некоторые возвратные глаголы, образованные от непереходных глаголов, являются полноценными глаголами с подлежащим-стимулом, например глагол *мечтаться*, который способен употребляться с открытым списком именных групп в позиции подлежащего, хотя такие употребления и не частотны (6).

- (6) *Когда-то в Художественном театре хотели, чтобы Чичикова сыграл Качалов — мечталась именно такая мощная фигура.* [Анатолий Смелянский. Четыре круга (1990–2000)]

Таким образом, небольшая группа экспериенциальных глаголов, при которых действуют ограничения на употребление с подлежащим в именительном падеже, распадаются на несколько мелких типов, от категорически безличных до сочетающихся с узким кругом существительных в номинативе. Отсутствие четкого противопоставления между глаголами с подлежащим-стимулом и безличными глаголами служит основанием для того, чтобы не противопоставлять глаголы по признаку наличия подлежащего и рассматривать эти типа глаголов как единый класс.

4.2. Возвратность и переходность глаголов с подлежащим-стимулом и без подлежащего

Как и глаголы с подлежащим-экспериенцером, множество глаголов с подлежащим-стимулом и без подлежащего может быть разделено на возвратные и невозвратные и, в рамках невозвратных, на переходные и непереходные

глаголы. Для этого объединенного типа глаголов распределение на три класса по признакам возвратности и переходности представлено в Таблице 8.

Таблица 8. Возвратность и переходность глаголов
с подлежащим-стимулом и без подлежащего

	Возвратные		Невозвратные непереходные		Переходные		Всего
	Число	Доля	Число	Доля	Число	Доля	
Восприятие	68	0.94	1	0.01	3	0.04	72
Мышление	106	0.97	0	0	3	0.03	109
Эмоции	15	0.09	16	0.10	128	0.81	159

Таблица 8 показывает, что среди глаголов восприятия и мышления большинство глаголов с подлежащим-Стимулом и без подлежащего относятся к возвратным. Невозвратные глаголы с подлежащим-Стимулом в этих группах представлены единичными лексемами (*проглядывать, ослепить, озадачить*). Глаголы эмоций с подлежащим-Стимулом в основном переходные. В данном случае статистически группы осмысленно сравнивать только по **доле возвратных глаголов**. По этому признаку они выстраиваются в следующую иерархию: **мышление ≈ восприятие >> эмоции** (различие между глаголами эмоций и каждой из оставшихся групп статистически значимо, $p << 0.001$).

Один из возможных способов интерпретации распределения этих глаголов на типы заключается в том, чтобы рассматривать их «плоско», независимо от их деривационных связей с глаголами с подлежащим-экспериенцером. При таком взгляде можно сказать, что, даже когда стимул занимает позицию подлежащего при глаголах восприятия и мышления, глагол обычно содержит возвратный показатель, указывающий на вовлеченность подлежащего в ситуацию, см. о семантической интерпретации возвратности в разделе 3.2.

При другой интерпретации, «объемной», распределение глаголов в Таблице 8 в большой степени является обратной стороной тех обобщений, которые были сделаны в разделе 3 на материале глаголов с подлежащим-

экспериенцером. Так, значительную часть возвратных глаголов восприятия и мышления с подлежащим-стимулом составляют объектные возвратные глаголы: пассивы и декаузативы, например *наблюдаться, ощущаться, воображаться, выясниться*, — исходными для которых служат переходные глаголы с подлежащим-экспериенцером, к которым относится значительная доля невозвратных глаголов этих групп, см. Таблицу 6 в разделе 3.3. В группе же глаголов эмоций переходные глаголы с подлежащим-стимулом регулярно образуют возвратные объектные глаголы с подлежащим-экспериенцером, см. Таблицу 3 в разделе 3.2, формируя уже упоминавшиеся пары типа *тревожить — тревожиться, восхищать — восхищаться*. Таким образом, для глаголов мышления и восприятия типичным является такое деривационное соотношение, при котором производящим является глагол с подлежащим-экспериенцером, обычно — переходный (*слышать, выяснить*), производным — глагол с подлежащим-стимулом (*слышаться, выясниться*), в то время как в группе глаголов эмоций распространено такое соотношение, в котором переходный глагол с подлежащим-стимулом (*радовать*) служит для образования возвратного объектного глагола с подлежащим-экспериенцером (*радоваться*).

4.3. Возвратные глаголы с подлежащим-стимулом

Возвратные глаголы с подлежащим-стимулом делятся на необратимые, например *чудиться, втешиться, приесться*, и объектные, т. е. такие, при которых подлежащим является участник, при соотносительном невозвратном глаголе занимающий позицию прямого дополнения. Объектные возвратные глаголы с подлежащим-стимулом, в свою очередь, можно разделить на канонические пассивные (*облюбовываться, постигаться*), декаузативные (*выясниться, заслыщаться*) и т. н. «неагентивные пассивные» — глаголы, при которых экспериенцер оформляется дательным падежом, например *вспомниться, полюбиться*.

При канонических пассивных глаголах участник, занимающий позицию подлежащего при исходном глаголе, обязательно присутствует в ситуации; он может быть выражен дополнением в творительном падеже или оставаться не выраженным. Так, в примере (7) при глаголе *постигаться* экспериенцер не

выражен, но он подразумевается и мог бы быть выражен, например, с помощью дополнения *учащимися*.

(7) *Там постигалось литературное ремесло под эгидой определенной идеологии, институт официально назывался идеологическим учебным заведением.* [Анатолий Ким. Мое прошлое (1990–1998) // «Октябрь», 1998]

Декаузативные глаголы представляют ситуацию так, как будто она происходит спонтанно, без воздействия агентивного участника [Haspelmath 1993], или, согласно другой точке зрения, так, что внешняя причина, вызывающая ситуацию, является несущественной [Падучева 2001]. Примером декаузативного глагола с подлежащим-стимулом может служить глагол *выясниться* (8), который описывает ситуацию появления новых сведений, но не уточняет, были ли они получены благодаря усилиям экспериенцера или в силу обстоятельств.

(8) *Выяснилась фамилия того человека, который бежал из дрезденской тюрьмы, — Лютц Розенкеттер.* [Даниил Гранин. Зубр (1987)]

Декаузативы, описывающие экспериенциальные ситуации, обладают важной особенностью: такие ситуации обычно непредставимы вне сознания какого-либо экспериенцера, хотя он и не может быть выражен при глаголе; в подобных случаях, согласно Е. В. Падучевой [2000], «Экспериент находится За кадром».

«Неагентивными пассивами» здесь, вслед за [Летучий 2016а], называются объектные возвратные глаголы, при которых экспериенцер оформляется дательным падежом (9).

(9) *И все-таки Бору запомнилась его тогдашняя нетерпеливость.*
[Д. С. Данин. Нильс Бор (1969–1975)]

Неагентивные пассивы образуются преимущественно от экспериенциальных глаголов [Там же; Храковский 1991: 177]. Глаголы *вериться* и *думаться*, которые здесь отнесены к безличным, также обычно причисляются к этому типу. Неагентивные пассивы описывают ситуацию как происходящую помимо воли экспериенцера, см. [Янко-Триницкая 1962: 100–102; Перцов 2003: 58–62], и

в некоторых случаях предполагают, что восприятие обусловлено обманом чувств, ср. пару *слышать — слышаться*, а также [Летучий 2016а: 283].

Таким образом, неагентивные пассивные глаголы отличаются от канонических пассивных и декаузативных кодированием экспериенцера. При канонических пассивных глаголах экспериенцер в творительном падеже выражается редко, поэтому на этом основании их было бы сложно противопоставить декаузативам. Противопоставление пассивных глаголов декаузативным в первом приближении соответствует противопоставлению по виду: согласно большинству описаний, в качестве канонических пассивов в русском языке могут использоваться только или почти только возвратные глаголы НСВ [Храковский 1991: 154; Летучий 2016а: 318–319], в то время как декаузативное значение более естественно для глаголов СВ [Падучева 2001: 53]. Употребление возвратных глаголов с подлежащим-стимулом не полностью следует этой закономерности: как пассивные могут употребляться и некоторые глаголы СВ, например *осмыслиться, осознаться, усмотреться*, см. [Овсянникова, в печати]. Тем не менее в этом исследовании в качестве канонических пассивных глаголов с подлежащим-стимулом рассматриваются только глаголы НСВ. Неагентивные пассивные глаголы упоминаются далее в разделе 4.4.

Все канонические пассивные глаголы с подлежащим-стимулом могут быть соотнесены с каким-либо переходным глаголом с подлежащим-экспериенцером (см. раздел 3.3), например глагол *наблюдаться* — с глаголом *наблюдать*, *домысливаться* — с глаголом *домысливать* и т. п. Соответственно, по наличию пассивного глагола с подлежащим-стимулом можно судить о способности того или иного невозвратного переходного глагола с подлежащим-экспериенцером к образованию пассива (точнее, о наличии такого пассивного глагола в современных текстах НКРЯ). В типологических работах невозможность образования пассива часто связывается с отклонениями от семантической переходности — ограничения на образование пассива обычно демонстрируют переходные глаголы, при которых участник в позиции подлежащего обладает низкой агентивностью [Shibatani 1985: 831–832; 1998: 127–131]. Так, пассив часто не образуется

от глаголов типа английских *mean* ‘значить’ или *resemble* ‘напоминать’, ср. [Beedham 1982], от глаголов, обозначающих отношения, таких как *весить*, *стоить*, см. [Летучий 2016б: 217], а также от экспериенциальных глаголов с подлежащим-экспериенцером, ср. [Кибрик 2005: 335–336]. Исходя из этого обобщения, можно сравнить три группы по тому, для какой части переходных глаголов НСВ с подлежащим-экспериенцером фиксируется канонический пассив; например, глагол *понимать* относится к глаголам, образующим пассив, ср. *пониматься*, в то время как пассив от глагола *знать* не был обнаружен. Чем больше **доля переходных глаголов, образующих канонический пассив**, тем ближе к семантически переходным те ситуации, которые ими описываются. Распределение глаголов по этому параметру показывает Таблица 9.

Таблица 9. Доля переходных глаголов НСВ с подлежащим-экспериенцером, образующих канонический возвратный пассив

	Переходные глаголы НСВ		Доля переходных глаголов, образующих пассив
	Образующие пассив	Всего	
Восприятие	31	57	>0.5
Мышление	52	82	0.63
Эмоции	5	11	<0.5

Различия между семантическими группами, наблюдаемые в Таблице 9, незначительны, однако можно отметить, что их порядок повторяет наблюдавшийся и в некоторых других случаях: **мышление ≈ восприятие ≈ эмоции**¹⁵.

Среди пассивных глаголов с подлежащим-стимулом некоторые очень частотны, некоторые встречаются в современных текстах основного подкорпса

¹⁵ Интересно, что в распределении переходных глаголов СВ на образующие и не образующие объектные возвратные глаголы (\approx декаузативы) наблюдается та же закономерность: выше всего доля переходных глаголов, образующих декаузатив, в группе глаголов мышления и ниже всего в группе глаголов эмоций. В целом доля таких глаголов СВ гораздо ниже, чем глаголов НСВ. Таким образом, можно говорить в целом о снижении склонности к образованию возвратных глаголов, продвигающих прямое дополнение — стимул в позицию подлежащего, в порядке мышление — восприятие — эмоции.

НКРЯ один раз и очевидно окказиональны. Скажем, пассивные глаголы мышления *считаться, предполагаться и планироваться* попадают в 25% наиболее частотных глаголов группы, в то время как в группе глаголов эмоций все пассивные глаголы с подлежащим-стимулом оказываются среди 30% наименее частотных глаголов и все они кажутся маргинальными, ср. *уважаться, жалеться, облюбовываться*. Частотность пассивного глагола, как и его наличие, можно считать отражением степени семантической переходности ситуации, поскольку каноническая пассивная конструкция подчеркивает вовлеченность в ситуацию участника в позиции подлежащего — стимула — и агентивную роль экспериментера. Для сравнения групп с точки зрения **текстовой частотности пассивных глаголов** здесь используются два параметра. Во-первых, учитывается частотность самого пассивного глагола в ipm (items per million); например, для глагола *презираться* эта мера равна 0.11 (13 употреблений в подкорпусе объемом около 120 миллионов). Во-вторых, рассматривается соотношение частотности пассивного глагола и исходного переходного; например, глагол *презирать* встретился в использованном подкорпусе 1811 раз, значит соотношение в паре *презирать — презираться* равно 0.007 (= 13/1811). Второй параметр позволяет учесть связь между частотностью исходного переходного глагола и частотностью пассива (эта связь является статистически значимой; ранговая корреляция Спирмена, $\rho = 0.68$, $p << 0.001$).

В Таблице 10 приведены две характеристики распределений этих параметров для трех семантических групп: среднее значение и медиана (значение меры для наблюдения, которое делит ранжированную выборку пополам).

Таблица 10. Среднее и медиана текстовой частотности пассивных глаголов в ipm и соотношений частотности в парах пассивных и исходных переходных глаголов

	Частотность пассивных глаголов (ipm)		Соотношения частотности пассивных и исходных переходных глаголов	
	Среднее	Медиана	Среднее	Медиана
Восприятие	4.3	0.15	0.32	0.06
Мышление	6.4	0.44	0.22	0.11
Эмоции	0.1	0.02	0.02	0.003

Во всех распределениях среднее значение выше, чем медиана, — это связано с тем, что основную часть этих распределений составляют низкие значения: пассивные глаголы с низкой частотностью и пары, в которых переходный глагол намного частотнее пассивного. По частотности пассивных глаголов (и в чистом виде, и в соотношении с переходным глаголом) группы выстраиваются в уже не раз наблюдавшуюся иерархию: **мышление ≈ восприятие > эмоции**¹⁶.

4.4. Кодирование объектного экспериенциера

До сих пор при обсуждении глаголов с подлежащим-стимулом и безличных глаголов рассматривались прежде всего такие признаки, которые определяются деривационными связями глаголов и высвечивают соотношения между исходными и производными глаголами в трех группах. В этом разделе семантические группы экспериенциальных глаголов сравниваются с точки зрения распространенности разных способов кодирования экспериенциера, не занимающего позицию подлежащего. Отчасти этот признак с новой точки зрения описывает те противопоставления, которые уже рассматривались выше. Так, один из обсуждавшихся выше грамматических типов глаголов находится в однозначном

¹⁶ Статистически значимые различия наблюдаются между распределениями частотностей пассивных глаголов эмоций и мышления (U-критерий Манна-Уитни, $W = 242.5$, $p \approx 0.01$). Между распределениями соотношений частотности пассивных глаголов и исходных переходных глаголов значимые различия наблюдаются между глаголами эмоций и каждой из оставшихся групп (U-критерий Манна-Уитни, $W = 129$, $p \approx 0.02$; $W = 237.5$, $p \approx 0.002$).

соответствии с определенным способом кодирования экспериенцера: переходные глаголы с подлежащим-стимулом, такие как *ослепить, озадачить, удивить*, при которых экспериенцер всегда оформляется винительным падежом. Помимо этого способа кодирования, в классификации, которая используется для сравнения групп экспериенциальных глаголов, выделяется еще два: дательный падеж (*запомниться, опротиветь*) и — в рамках единого типа — глаголы, при которых экспериенцер не выражается (*выясниться*), и глаголы, при которых он оформляется творительным падежом (*ощущаться*). Распределение глаголов на эти три типа приведено в Таблице 11.

Таблица 11. Оформление экспериенцера в объектных позициях
при глаголах трех групп

	Винительный падеж		Дательный падеж		Не выражен или творительный падеж		Всего
Восприятие	3	0.04	22	0.31	46	0.65	71
Мышление	3	0.03	34	0.32	70	0.65	107
Эмоции	128	0.81	25	0.16	6	0.04	159

Данные Таблицы 11 свидетельствуют о том, что в группе глаголов эмоций экспериенцер гораздо чаще, чем в других группах, синтаксически уподобляется пациенту. Среди глаголов восприятия и мышления основную часть составляют глаголы, при которых экспериенцер не выражается или кодируется творительным падежом. Это отражение того, что в этих двух группах распространены возвратные глаголы с подлежащим-стимулом — пассивы и декаузативы.

Глаголы, при которых экспериенцер оформляется дательным падежом, можно разделить на соотносительные возвратные (неагентивные пассивы типа *чуються, полюбиться* и безличные пассивы, такие как *взгрустнуться* и *затосковаться*), необратимые возвратные (*чудиться, втемяшиться*) и невозвратные (*надоесть, претить*). Противопоставление между этими тремя **типами глаголов с дативным экспериенцером** можно интерпретировать следующим

образом. Если возвратный глагол является соотносительным, значит он представляет собой лишь один из возможных способов синтаксического выражения данной ситуации, наряду с исходным глаголом с подлежащим-экспериенцером, ср. пары *слышаться* — *слышать*, *вспомниться* — *вспомнить*. Возвратные глаголы с дативным экспериенцером с семантической точки зрения подчеркивают неконтролируемость ситуации экспериенцером, исходные же невозвратные нейтральны в этом отношении. При глаголах двух оставшихся типов объектное кодирование экспериенцера можно считать ингерентным, лексическим — эти глаголы задают единственный возможный для данной ситуации способ соотнесения участников с синтаксическими позициями. Описание ситуации с помощью необратимого возвратного глагола может быть следствием утраченных деривационных связей или возникать по аналогии с другими возвратными глаголами. При невозвратных глаголах объектное кодирование экспериенцера с наибольшими основаниями можно считать вытекающим из семантики ситуации, а не из деривационной истории глагола. Таким образом, распределение глаголов на эти три типа можно рассматривать как отражение того, насколько в каждой из групп распространены ситуации, для которых задано дативное кодирование экспериенцера. Чем большую долю составляют такие глаголы, тем менее семантически переходными следует считать ситуации соответствующего типа. Распределения глаголов по этому признаку приведены в Таблице 12.

Таблица 12. Соотносительные возвратные, необратимые возвратные и невозвратные глаголы с экспериенцером в дательном падеже

	Соотносительные возвратные глаголы	Необратимые возвратные глаголы	Невозвратные глаголы
Восприятие	12	10	0
Мышление	33	1	0
Эмоции	4	5	16

Распределение глаголов, при которых экспериенцер оформляется дательным падежом, позволяет противопоставить все три группы глаголов: почти все глаголы мышления этого типа являются соотносительными возвратными, глаголы восприятия примерно поровну делятся на возвратные соотносительные и возвратные необратимые, среди глаголов эмоций представлены все три типа, но больше всего непроизводных глаголов. Таким образом, в соответствии с тем, насколько лексически обусловлено кодирование экспериенцера дательным падежом, семантическая переходность ситуаций снижается в порядке: **мышление >> восприятие >> эмоции**¹⁷.

Почти все необратимые возвратные глаголы восприятия, благодаря которым в приведенной иерархии эта группа занимает промежуточное положение между глаголами эмоций и глаголами мышления, описывают ситуации ложного восприятия, в которых органы чувств обманывают экспериенцера (*мерещиться, почудиться, привидеться*). Этот семантический тип является специфическим для глаголов восприятия и очевидно предполагает низкую степень контролируемости ситуации экспериенцером. Таким образом, особый семантический тип глаголов, периферийный для группы глаголов восприятия в целом, определяет оценку этой группы по степени агентивности экспериенцера с точки зрения данного признака.

4.5. Глаголы с подлежащим-стимулом и без подлежащего: обобщение

При обсуждении глаголов с подлежащим-стимулом и безличных глаголов основное внимание было сосредоточено на отношениях производности между глаголами этого типа и глаголами с подлежащим-экспериенцером, обсуждавшимися в разделе 3. Глаголы с подлежащим-экспериенцером служат производящими для возвратных глаголов с подлежащим-стимулом и безличных, как в парах *оццывать — оццватъся, верить — вериться*, глаголы с подлежащим-

¹⁷ Различия между глаголами восприятия и глаголами мышления, а также между глаголами восприятия и глаголами эмоций статистически значимы (двусторонний вариант точного теста Фишера, $p < 0.001$ в обоих случаях).

стимулом — для возвратных декаузативных глаголов с подлежащим-экспериенцером, как в парах *озадачить* — *озадачиться*, *испугать* — *испугаться*. Деривационные отношения первого типа более распространены в группах глаголов мышления и восприятия, второго типа — в группе глаголов эмоций. Преобладание того или иного направления производности отражается в распределениях глаголов прежде всего с точки зрения таких базовых грамматических признаков, как возвратность и переходность.

Рассматривалось и несколько не связанных с деривационными отношениями признаков, которые в силу этого могут считаться тем более показательными. В частности, между группами были обнаружены различия в текстовой частотности пассивных глаголов с подлежащим-стимулом, а также в распределении глаголов с дативным экспериенцером с точки зрения возвратности и производности. В обоих случаях глаголы эмоции существенно отличаются от двух оставшихся групп как наименее семантически переходные. Второй из этих признаков также противопоставляет глаголы мышления глаголам восприятия, причем как менее семантически переходные ведут себя глаголы восприятия.

5. Глаголы с подлежащим-каузатором

Глаголы с подлежащим-каузатором занимают периферийное положение в этом обсуждении, поскольку их сложно в полном смысле рассматривать как экспериенциальные. К этому классу относятся такие глаголы, как *стращать*, *устыдить*, *напомнить*, *уверить*, *показать*, *демонстрировать*. Позицию подлежащего при этих глаголах занимает участник, который выступает по отношению к экспериенциальной ситуации как внешний каузатор. Так, глагол *устыдить* описывает ситуацию, в которой каузатор заставляет экспериенцера устыдиться какого-либо стимула, глагол *уверить* предполагает, что каузатор заставляет экспериенцера поверить во что-либо. Каузатор не относится к специфическим для экспериенциальных ситуаций участникам. К глаголам других семантических групп с подлежащим-каузатором можно отнести глаголы

напоить или *поссорить*, в которых каузатор вызывает ситуации ‘пить’ и ‘поссориться’, при этом не становясь участником каузируемых ситуаций.

С семантической точки зрения в ситуациях, обозначаемых глаголами с подлежащим-каузатором контроль разделен между каузатором и каузируемым одушевленным участником: каузатор наделен волитивностью и инициирует ситуацию, но от каузируемого зависит совершение действий, определяющих эту ситуацию, см. [Luraghi 1993: 264; Babby 1993: 355]. Таблица 13 показывает количество и долю глаголов с подлежащим-каузатором в каждой из групп эксперииенциальных глаголов.

Таблица 13. Глаголы с подлежащим-каузатором
в трех группах эксперииенциальных глаголов

Группа глаголов	Глаголы с подлежащим-каузатором	Прочие глаголы	% глаголов с подлежащим-каузатором
Эмоции	8	420	2.0%
Мышление	10	393	2.5%
Восприятие	4	304	1.3%

Во всех трех группах глаголы с подлежащим-каузатором составляют очень небольшую часть и различия в их доле незначительны. Помимо приведенных выше глаголов и парных им по виду, к этому типу относятся глаголы эмоций *влюбить* и *запугать* и соотносительные с ними по виду глаголы и глаголы мышления *заверить*, *убедить*, *уведомить* и парные им глаголы НСВ.

В ряде случаев на глаголы с подлежащим-каузатором могут быть похожи употребления переходных глаголов с подлежащим-стимулом, ср. примеры глагола с подлежащим-каузатором *запугать* (10) и глагола с подлежащим-стимулом *распугать* (11).

(10) *Он так запугал этими речами сенаторов, что был всеобщий восторг.*
[Наталья Басовская. Цицерон // «Знание - сила», 2008]

(11) *Не хватает мне, чтобы ты, Вахмурка, своим чиханьем всех моих пчел распугал.* [Валентин Постников. Приключения Вахмурки и Мухмурки (1997)]

Примеры типа (11) часто анализируются в терминах расщепления валентности [Падучева 2004а: 282]: участник, выраженный в позиции подлежащего, и участник, выраженный в качестве инструментального дополнения, могут рассматриваться как два компонента стимула: выделяется некое действие или объект, которые воздействуют на экспериенцера, и их посессор, который занимает позицию подлежащего как участник, несущий ответственность за ситуацию. Таким образом, участник, занимающий позицию подлежащего в таких употреблениях, семантически является «частью» стимула, т. е. внутренним по отношению к экспериенциальной ситуации, что отличает его от внешнего каузатора. Эти два участника могут быть выражены и в рамках одной группы в позиции подлежащего (12), и в таких примерах очевидно соответствие подлежащего стимулу. Если же подобное и возможно при глаголах с подлежащим-каузатором (13), то участник в позиции подлежащего воспринимается как инструмент каузации эмоции по отношению к подразумеваемому стимулу, но не как собственно стимул.

(12) *<...> чтобы твое чиханье всех моих пчел **распугало**.*

(13) *??Эти его речи так запугали сенаторов, что был всеобщий восторг.*

Несмотря на отсутствие значительных различий в доле глаголов с подлежащим-каузатором, отдельные различия в грамматическом поведении глаголов этих трех групп свидетельствуют о том, что в ситуациях, которые описываются глаголами с подлежащим-каузатором, относящимися к группе глаголов эмоций, каузация является более успешной и в большей степени затрагивает экспериенцера, чем в ситуациях, которые описываются глаголами двух других семантических групп.

Во-первых, можно заметить, что при глаголах с подлежащим-каузатором экспериенцер может кодироваться по-разному. Он занимает позицию прямого

дополнения при всех глаголах эмоций (например, *влюбить*, *устыдить*, *страшать*) и при большей части глаголов мышления (*убедить*, *уведомить*), относящихся к этому типу, и позицию косвенного дополнения при двух глаголах мышления (*напомнить* и *напоминать*) и всех глаголах восприятия (*показать*, *демонстрировать*). Если считать, что при кодировании в позиции прямого дополнения экспериенцер уподобляется пациенту, а при дативном кодировании — реципиенту, экспериенцер оказывается в большей степени вовлечен при каузации изменения эмоционального состояния, несколько меньше — при каузации ментальных изменений и меньше всего — при каузации восприятия.

Во-вторых, со степенью эффективности воздействия каузатора на экспериенцера можно связать различия в аспектуальном устройстве глаголов с подлежащим-каузатором этих трех групп. Прежде всего, можно заметить, что из девяти экспериенциальных глаголов с подлежащим-каузатором СВ все четыре глагола эмоций (*влюбить*, *запугать*, *устыдить*, *застрашать*) и только один из пяти глаголов мышления (*убедить*) предполагают переход экспериенцера в новое экспериенциальное состояние. Ситуации же, описываемые остальными глаголами СВ этого типа, например глаголом восприятия *показать*, обязательно включают каузирующее под событие, но оно может не приводить к переходу экспериенцера в новое состояние ср. (14). Тем самым каузация перехода в новое состояние является более безусловной, если воздействию подвергается эмоциональное состояние экспериенцера.

(14) *Он показал рукой, но они уже не смотрели, они спешили вырваться — туда, к ивам, вниз.* [Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 26–51 (1968) // «Новый Мир», 1990]

В таком же ключе можно сопоставить аспектуальные интерпретации глаголов НСВ. Такие глаголы могут обозначать как деятельность, целью которой является изменение состояния экспериенцера, ср. (15), так и многократное достижение результата этой деятельности, ср. (17)–(18).

- (15) [Самое обидное, что он 3 месяца меня **убеждал**, что я — смысл его жизни, что я — то, что ему надо, и что он во мне никогда не разочаруется, а теперь вот уходит... Добивался меня и влюблял в себя... [Женщина + мужчина: Психология любви (форум) (2004)]
- (16) Воры или подкупали местного врача, или **запугивали**, и врач сочинял фальшивый медицинский документ. [В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961)]
- (17) И **убеждал** людей в их неправоте так, словно раскрывал им глаза на естественные их заблуждения, не подозревая в них умысла. [Александр Избицер. «...но с благодарностию: были» (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.08.11]

Представляется, что для глаголов эмоций НСВ с подлежащим-каузатором многократная результативная интерпретация (16) является более естественной, чем для глаголов мышления. Такое различие свидетельствовало бы о том, что воздействие на экспериенцера, которое описывается глаголами эмоций с подлежащим-каузатором, чаще оказывается успешным, чем воздействие, которое описывается этими глаголами мышления этого типа. Можно предположить, что воздействие на эмоциональное состояние чаще оказывается результативным, потому что экспериенцер контролирует переход в новое эмоциональное состояние в меньшей степени, чем переход в новое ментальное состояние.

Чтобы проверить это предположение, можно сравнить распределения употреблений с процессуальной и с многократной результативной интерпретаций у глаголов эмоций *влюблять* и *запугивать*, с одной стороны, и глаголов мышления *убеждать* и *уверять*, с другой¹⁸. Эти распределения отражены в Таблице 14.

¹⁸ Для некоторых оставшихся глаголов НСВ с подлежащим-каузатором затруднительна одна из интерпретаций: или процессуальная (*уведомлять*, *напоминать*), или многократная (*страшить*). Глаголы *показывать* и *демонстрировать* предполагают скорее изменение состояния стимула, а не экспериенцера, поэтому их употребления сложно оценить с этой точки зрения. Глагол *устыжать* слишком редко встречается в текстах, на которых основана

Таблица 14. Аспектуальная интерпретация формы претерита глаголов эмоций и глаголов мышления НСВ с подлежащим-каузатором

Глагол	Деятельность	Многократный результат	Доля употреблений с интерпретацией многократного результата
Эмоции			
<i>влюблять</i>	3	4	0.57
<i>запугивать</i>	36	23	0.41
Мышление			
<i>убежждать</i>	93	7	0.07
<i>уверять</i>	98	2	0.02

Таблица 14 показывает, что глаголы эмоций НСВ с подлежащим-каузатором, действительно, реже описывают срединную фазу ситуации, т. е. деятельность каузатора, чем глаголы мышления этого типа¹⁹.

Итак, глаголы эмоций НСВ *влюблять* и *запугивать* описывают многократное результативное воздействие каузатора на экспериенцера чаще, чем глаголы мышления НСВ *убежждать* и *уверять*. Многократное результативное воздействие является простым сложением отдельных однократных результативных ситуаций, и в этом смысле передает значение, вторичное по отношению к значению однократной результативной ситуации. Поэтому можно ожидать, что частотное соотношение глаголов НСВ и СВ в видовых парах глаголов эмоций и глаголов мышления также будет различаться: глаголы СВ, которые являются основным средством обозначения однократного результативного воздействия, в парах глаголов эмоций будут составлять большую долю, чем в парах глаголов мышления. Это ожидание подтверждается данными об употреблении форм

выборка. Наконец, из употреблений глагола *заверять* только в малой части он используется в экспериенциальном значении.

¹⁹ Различия между глаголами эмоций и глаголами мышления во всех четырех парах являются статистически значимыми, двусторонний вариант точного теста Фишера, $p < 0.002$ во всех случаях.

претерита этих же глаголов НСВ и их перфективных коррелятов, представленными в Таблице 15.

Таблица 15. Частотность форм прошедшего времени глаголов эмоций и мышления для соотносительных глаголов СВ и НСВ²⁰

Глагол	Употреблений СВ	Употреблений НСВ	Доля СВ
Эмоции:			
<i>влюбить — влюблять</i>	18	8	0.73
<i>запугать — запугивать</i>	91	57	0.61
Мышление:			
<i>убедить — убеждать</i>	124	188	0.40
<i>уверить — уверять</i>	213	1308	0.14

Выше различия в аспектуальном поведении глаголов эмоций и мышления, приведенных в Таблицах 14 и 15, предлагалось интерпретировать в терминах успешности и легкости приведения экспериенцера в новое состояние. Однако эти различия в аспектуальном поведении могут объясняться также тем, каким образом обычно производится воздействие на экспериенцера в случае этих ситуаций. Воздействие на ментальное состояние экспериенцера по умолчанию является речевым, в то время как заданный способ воздействия на эмоциональное состояние отсутствует. Из глаголов мышления с подлежащим-каузатором глаголы *убедить* и *убеждать* в наименьшей степени смещены в сторону глаголов речи. Так, глагол *убедить* обязательно предполагает изменение в ментальном состоянии экспериенцера и не может обозначать ситуацию, в которой было оказано речевое воздействие, но оно не подействовало на

²⁰ Для всех глаголов учитывались только такие употребления, в которых позицию подлежащего занимает одушевленный участник; для глаголов *убедить* и *убеждать* данные были получены на основании подкорпуса текстов, созданных с 1960 до 1980 г. Различия во всех четырех возможных сочетаниях пары глаголов эмоций и пары глаголов мышления статистически значимы, в случае сочетания пар *влюбить — влюблять* и *уверить — уверять* использовался двусторонний вариант точного критерия Фишера, $p << 0.01$, в остальных случаях — критерий χ^2 , $p < 0.01$ во всех случаях.

экспериенцера. В отличие от глагола *убедить*, глагол *уверить* в основном используется как речевой глагол, не предполагающий перехода участника в позиции прямого дополнения в новое состояние, ср. (18), и намного реже описывает результативную ситуацию, ср. (19).

(18) *Леля со снисходительной улыбкой завзятой врунью **уверила** меня, что это бред.* [Юрий Нагибин. Тьма в конце туннеля (1994)]

(19) *Он принял предложение Двинятина после того, как Федя **уверил** его в том, что группу “Рыцари диких яблок” ждет большое будущее (...).* [Запись LiveJournal (2004)]

В употреблениях глаголов НСВ *убеждать* и *уверять* речевой и экспериенциальный компоненты совмещены, и на основании свойств контекста можно судить о большей или меньшей роли каждого из них. Например, использование для введения прямой речи, в цепочке глаголов речи или с придаточным, вводимым союзом *что* без предлога, сближает эти глаголы с глаголами речи. У глагола *уверить* речевые и «экспериенциальные» употребления (18)–(19) лучше противопоставлены, чем у глаголов НСВ *убеждать* и *уверять*, но все же не каждый пример можно определенно отнести к одному из значений, ср. (20).

(20) *Отца врачи в родильном доме **уверили**, что родится наследница.* [Александр Мишарин. Белый, белый день // «Октябрь», 2003]

Таким образом, четко отделить речевые употребления этих глаголов от экспериенциальных для того, чтобы устраниТЬ влияние речевых употреблений глаголов мышления на распределения, невозможно. Однако, как кажется, и склонность глаголов мышления к употреблениям, близким к речевым, можно интерпретировать с точки зрения семантической переходности каузирующей экспериенциальной ситуации и распределения контроля между каузатором и экспериенцером при разных глаголах.

Прежде всего, можно заметить, что в некоторых употреблениях глаголов мышления с подлежащим-каузатором компонент взаимодействия каузатора с экспериенцером оказывается вторичным, и на первый план выходит речевая

деятельность каузатора, как в примере (21), где экспериенцер не назван, поскольку является обобщенным, а глагол *убеждать* описывает прежде всего настойчивую и безуспешную речевую деятельность каузатора.

(21) *Я просился в свою часть, но, сколько ни убеждал, ни уговаривал, получил назначение в 71-й отдельный дивизион, который стоял за Колпином, в районе Красного Бора.* [Юрий Никулин. Семь долгих лет (1979)]

При смещении внимания на речевую деятельность каузатора собственно каузативный компонент — воздействие на состояние экспериенцера — оказывается менее существенным, а сам экспериенцер может быть неконкретным, ср. (21). Возможно, с пониженной вовлеченностью экспериенцера в ситуацию в речевых употреблениях связано то, что при глаголах мышления *убеждать* и *уверять* экспериенцер выражается реже, чем при глаголах эмоций *влюблять* и *запугивать*. Данные о выраженности экспериенцера в употреблениях этих четырех глаголов с одушевленным подлежащим представлены в Таблице 16.

Таблица 16. Употребления глаголов НСВ
с выраженным и с не выраженным экспериенцером

Глагол	Выражен	Не выражен	Доля употреблений с невыраженным экспериенцером
Эмоции			
<i>влюблять</i>	6	1	0.14
<i>запугивать</i>	50	7	0.12
Мышление			
<i>убеждать</i>	144	44	0.23
<i>уверять</i>	29	71	0.71

На то, что различия в доле употреблений с невыраженным экспериенцером определяются развитостью речевых употреблений, указывают и значительные

различия между глаголами *убеждать* и *уверять* в Таблице 16²¹. Также наблюдаются различия в допустимости опущения прямого дополнения при соотносительных с этими глаголами глаголах СВ *убедить* и *уверить*. Так, пример (22) с выраженным экспериенцером, как кажется, вне контекста может иметь и результивную интерпретацию, и нерезультивную речевую²².

(22) *Марк Местечкин ставил пантомиму на воде — и Константиновский уверил его, что не нужно устанавливать решетки вдоль барьера: для тигров нет большего наслаждения, чем пребывать в воде.* [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999)]

Если же прямое дополнение не выражено, возможна, как кажется, только речевая нерезультивная интерпретация, ср. (23). Употребление глагола *убедить*, который всегда является результивным, без выраженного прямого дополнения представляется в данном случае нежелательным, ср. (24).

(23) *Марк Местечкин ставил пантомиму на воде — и Константиновский уверил, что не нужно устанавливать решетки вдоль барьера: для тигров нет большего наслаждения, чем пребывать в воде.*

(24) *Марк Местечкин ставил пантомиму на воде — и Константиновский убедил ??(его), что не нужно устанавливать решетки вдоль барьера: для тигров нет большего наслаждения, чем пребывать в воде.*

Таким образом, различия в аспектуальном поведении и частотности выражения прямого дополнения, скорее всего, связаны с тем, что у глаголов мышления с подлежащим-каузатором компонент речевой деятельности каузатора является более выраженным, чем у глаголов эмоций. С точки зрения

²¹ Статистически значимые различия были обнаружены между глаголами: *запугивать* и *убеждать* (односторонний вариант точного теста Фишера, $p < 0.05$), *запугивать* и *уверять*, *убеждать* и *уверять* (χ^2 , в обоих случаях $p < 0.001$).

²² Из правого контекста, приведенного в (i), становится понятно, что в этом случае глагол имеет результивную интерпретацию. Нерезультивной речевой интерпретации соответствовало бы продолжение, подобное сконструированному примеру (ii).

(i) *Но на первой же репетиции тигры вынырнули и пошли гулять по цирку...*

(ii) *К счастью, Марк Местечкин не послушал его и попросил установить решетки.*

всех обсуждавшихся частных противопоставлений глаголы мышления в целом используются в менее семантически переходных контекстах, чем глаголы эмоций: чаще описывают ситуации в срединной фазе, а не достижение результата; чаще употребляются с обобщенным, неиндивидуализированным экспериенцером. Иными словами, чаще используются для обозначения ситуаций, в которых экспериенцер не является полностью вовлеченным и совершившим переход в новое ментальное состояние. Из-за связи между этими свойствами и речевыми употреблениями глаголов мышления невозможно утверждать, что ситуации воздействия на ментальное состояние сами по себе являются менее переходными, чем ситуации воздействия на эмоциональное состояние. Однако можно сделать более осторожный вывод: исследованные глаголы мышления с подлежащим-каузатором в большей степени, чем глаголы эмоций, обладают потенциалом к такому сдвигу в значении, в результате которого они начинают описывать менее семантически переходные ситуации.

Поведение зафиксированных глаголов с подлежащим-каузатором указывает на то, что воздействие на экспериенцера является наиболее эффективным, а сам экспериенцер — наиболее задействованным при глаголах, обозначающих каузацию эмоционального состояния, глаголы оставшихся двух групп в меньшей степени склонны описывать успешную каузацию. Таким образом, экспериенцер при глаголах эмоций, видимо, в меньшей степени способен противостоять воздействию каузатора, чем при глаголах с подлежащим-каузатором, относящихся к двум оставшимся группам, т. е. при глаголах эмоций с подлежащим-каузатором экспериенцер оказывается менее агентивным, чем при глаголах мышления и глаголах восприятия. Это обобщение согласуется с результатами, которые были получены в предшествующих разделах при анализе распределений глаголов других синтаксических типов.

6. Синтаксические свойства глаголов физиологических ощущений и их место в иерархии групп экспериенциальных глаголов

В разделе 1.2 этой главы были приведены семантические особенности глаголов физиологических ощущений, в силу которых их сложно сопоставить

с другими группами на общих основаниях. В этом разделе обсуждается, каким образом глаголы физиологических ощущений распределены с точки зрения некоторых из тех признаков, которые оказались показательными при анализе групп глаголов эмоций, мышления и восприятия.

Прежде всего, согласно принципам, описанным в разделе 2, был создан список глаголов, основу которого составили глаголы, которые отнесены в семантической разметке НКРЯ к физиологической сфере в первом значении. Получившаяся выборка глаголов включает 393 лексических единицы, так что по размеру она сопоставима с данными, полученными для других семантических групп, см. раздел 2. Тем не менее семантически круг глаголов, отнесенных в НКРЯ к физиологической сфере, включает не только глаголы физиологических ощущений, такие как *голодать* или *знобить*, но и глаголы, обозначающие ситуации, связанные с физиологией, но не принадлежащие к экспериенциальным, например *жевать*, *моргать*, *полакомиться*, *вздохнуть*. Ситуации, которые обозначают эти глаголы, можно назвать физиологическими процессами. Эти ситуации часто сопровождаются определенными ощущениями, однако прежде всего они состоят в совершении одушевленным участником некоторых действий над своим телом или с помощью него. Как показывает типологическое исследование [Bickel et al. 2014], глаголы физиологических ощущений ‘испытывать жажду’, ‘мерзнуть’ с точки зрения кодирования одушевленного участника часто группируются с глаголами эмоций ‘удивиться’, ‘стыдиться’ и отделяются от глаголов физиологических процессов. В то же время при анализе глаголов конкретного языка трудно провести границу между глаголами физиологических ощущений и глаголами физиологических процессов. В частности, промежуточное положение между этими группами, как кажется, занимают глаголы *задыхаться*, *подавиться*, *смаковать*. Поскольку границу между глаголами физиологических ощущений и другими глаголами физиологической сферы провести трудно, было принято решение не пытаться исключить из выборки глаголы, находящиеся за пределами группы физиологических ощущений, а рассматривать свойства имеющегося множества, уделяя более пристальное внимание семантическому

составу синтаксических классов. Тем самым с оставшимися тремя группами здесь сравниваются не глаголы физиологических ощущений, а более широкая группа глаголов физиологической сферы. Тем не менее существенно, что все эти глаголы, как и экспериенциальные глаголы, рассматривавшиеся ранее, обозначают ситуации, в которых обязательно присутствует одушевленный участник.

Согласно полученному списку, **глаголы с одушевленным участником в позиции подлежащего** в группе глаголов физиологической сферы составляют большую долю, чем в других трех группах. Одушевленный участник занимает позицию подлежащего более чем при половине глаголов восприятия, мышления и эмоций: их доля составляет 0.76, 0.72 и 0.62, соответственно, см. раздел 3.1. В группе глаголов физиологической сферы их доля равна 0.82. Такое выраженное преобладание глаголов с одушевленным участником в позиции подлежащего в этой семантической группе может объясняться вкладом двух типов глаголов. Во-первых, кодирование одушевленного участника в позиции подлежащего характерно для двухместных глаголов, которые описывают тот или иной способ поглощения или обработки второго участника, например *есть, выпить, курить, глотать*. В ситуациях, описываемых этими глаголами, первого, одушевленного участника, можно назвать скорее агенсом, чем экспериенцером, а второго участника — пациентом или темой. Во-вторых, как уже говорилось в разделе 1.2, значительную часть ситуаций физиологической сферы, в частности физиологических ощущений, естественно представлять как одноместные, ср. ситуации, описываемые глаголами *голодать, кашлять, дышать, дремать*. В таких ситуациях нет другого участника, который конкурировал бы с одушевленным участником за позицию подлежащего, поэтому для них менее вероятно объектное кодирование экспериенцера, чем для двухместных ситуаций, см. об этом [Malchukov 2005: 104–106].

Доля возвратных глаголов среди глаголов физиологической сферы с одушевленным участником в позиции подлежащего равна 0.26. Тем самым по этому признаку глаголы физиологической сферы находятся между глаголами восприятия и мышления, в то время как в группе глаголов эмоций доля таких

глаголов гораздо выше. В основном эти возвратные глаголы физиологической сферы относятся к циркумфиксальным глаголам, подчеркивающим воздействие ситуации на одушевленного участника (*выспаться, захлебнуться, наесться*)²³. Следующую по численности группу составляют объектные возвратные глаголы, соотносимые с глаголами с подлежащим-каузатором (*кормиться, усыпляться*) или подлежащим-стимулом (*отрезвиться, утомиться*). Таким образом, если по доле возвратных глаголов среди глаголов с одушевленным участником в позиции подлежащего физиологические глаголы сближаются с глаголами мышления и восприятия, то по распределению этих возвратных глаголов на типы они в наибольшей степени похожи на глаголы эмоций.

Сравнение групп с точки зрения **доли непереходных глаголов** среди невозвратных глаголов с одушевленным участником в позиции подлежащего также осложняется разнообразием ролевых свойств участников при глаголах физиологической сферы. С точки зрения количественного распределения по признаку синтаксической переходности глаголы физиологической сферы занимают промежуточное положение между глаголами восприятия и мышления, с одной стороны, и глаголами эмоций, с другой. К непереходным относится чуть больше половины невозвратных глаголов физиологической сферы. В группах глаголов восприятия и мышления непереходные глаголы составляют примерно пятую часть от соответствующего подмножества, в группе глаголов эмоций — около двух третей, см. раздел 3.3. Большинство переходных глаголов физиологической сферы с одушевленным участником в позиции подлежащего обозначает уже упоминавшиеся ситуации поглощения (*есть, жевать, курить, грызть*) или перемещения (*вдыхать, глотать, выплюнуть*) второго участника. Помимо этого, небольшая часть переходных глаголов физиологической сферы описывает ситуации намеренного или ненамеренного воздействия одушевленного участника

²³ Такие циркумфиксальные дериваты высвечивают компонент вовлеченности одушевленного участника в ситуациях физиологической сферы, таких как *есть, пить, глотать*, которые на первый взгляд кажутся вполне агентивными. Эта семантическая составляющая ситуаций поглощения пищи отражается в их грамматическом кодировании во многих языках, см. [Næss 2007: 52–81].

на собственную часть тела, например *вывихнуть, высморкать, жмурить*. Непереходные невозвратные глаголы физиологической сферы в основном описывают одноместные ситуации, в которых одушевленный участник отличается пониженной агентивностью, ср. глаголы *вспотеть, зевать, пьянеть, хворать*.

Глаголы физиологической сферы, при которых одушевленный участник не занимает позицию подлежащего, распадаются на три синтаксических типа.

К первому типу, специальному для этой семантической группы, относятся глаголы, при которых позицию подлежащего занимает обозначение части тела, такие как *воспалиться, зудеть, кровоточить, слезиться*. Все эти глаголы синтаксически непереходные. Одушевленный участник — обладатель части тела при них выражается с помощью группы с предлогом *у*.

Второй тип составляют возвратные пассивные глаголы, образованные от переходных глаголов с одушевленным участником в позиции подлежащего, например *вкуситься, заглатываться, раскуриваться*. Как и в других группах, пассивные образования засвидетельствованы примерно для половины переходных глаголов НСВ физиологической сферы с одушевленным участником в позиции подлежащего.

Наконец, к третьему типу можно отнести невозвратные глаголы, при которых одушевленный участник занимает позицию прямого дополнения; среди них есть глаголы с подлежащим-стимулом (*будить, отрезвить, утомить* и др.) и безличные (глаголы *тошнить, знобить* и их приставочные дериваты). Глаголов с подлежащим-стимулом и аккузативным экспериенцером в этой группе несколько больше, чем в группах глаголов мышления и восприятия, хотя они и не являются преобладающим типом, как в группе глаголов эмоций, см. раздел 4.2. Безличные же глаголы с аккузативным экспериенцером обнаружены только в этой группе и могут рассматриваться как признак высокой степени пациентивности экспериенцера: несмотря на то что в ситуации присутствует только один участник, причем одушевленный, синтаксически он уподобляется пациенту. Таким образом, для глаголов эмоций и физиологических глаголов более типично помещение экспериенцера в позицию прямого дополнения,

ассоциирующуюся с пациентом, чем для глаголов мышления и восприятия. При этом оформление одушевленного участника дательным падежом встречается среди глаголов мышления, восприятия и эмоций, но не среди глаголов физиологической сферы.

Итак, группа глаголов физиологической сферы не занимает какого-либо последовательного положения относительно трех групп экспериенциальных предикатов, рассматривавшихся выше. С точки зрения наиболее обобщенных признаков: частотности кодирования одушевленного участника в позиции подлежащего, возвратности и переходности — эта группа примыкает к глаголам мышления и восприятия и противопоставлена глаголам эмоций. Распределения по более частным признакам: типам возвратных глаголов с одушевленным участником в позиции подлежащего и преобладающему способу оформления одушевленного участника в объектной позиции — сближают их с глаголами эмоций в большей степени, чем с глаголами мышления и восприятия.

При этом глаголы восприятия, мышления и эмоций за редкими исключениями соответствуют некоторым константам семантического устройства ситуации: в ней присутствуют два участника, один из которых является личным и воспринимающим, а второй не определен с точки зрения онтологического класса и является воспринимаемым. Ощущаемая часть глаголов физиологической сферы выходит за рамки этих констант: их толкования содержат только одного участника или участника, являющегося частью тела экспериенциера. Помимо этого, круг глаголов, который использовался при сопоставлении, включал не только экспериенциальные ситуации, что также требовало дополнительных оговорок. Эти особенности не делают сопоставление групп невозможным, однако требуют более развернутого анализа семантики мелких семантических группировок глаголов, которые попадают в тот или иной синтаксический класс.

7. Обсуждение результатов

7.1. Синтаксические свойства русских глаголов восприятия, мышления и эмоций и иерархия глагольных классов

Основная часть этой главы была посвящена синтаксическим свойствам глаголов восприятия, мышления и эмоций в русском языке. Сопоставлялись распределения глаголов этих трех групп с точки зрения грамматических свойств, которые можно интерпретировать в терминах семантической переходности. Таблица 16 показывает, в какие иерархии выстраиваются группы глаголов на основании этих признаков от наиболее к наименее семантически переходным.

Таблица 16. Иерархии трех групп экспериенциальных глаголов:
грамматические признаки, связанные с семантической переходностью

Признак	Иерархия групп глаголов
Доля глаголов с подлежащим-экспериенцером	восприятие ≈ мышление > эмоции
Доля невозвратных глаголов среди глаголов с подлежащим-экспериенцером	мышление > восприятие >> эмоции
Доля субъектных глаголов среди соотносительных возвратных глаголов с подлежащим-экспериенцером	восприятие > мышление >> эмоции
Доля глаголов, предполагающих агентивность экспериенциера, среди циркумфиксальных глаголов	мышление ≈ восприятие > эмоции
Доля переходных глаголов среди невозвратных глаголов с подлежащим-экспериенцером	восприятие ≈ мышление >> эмоции
Доля возвратных глаголов среди глаголов с подлежащим-стимулом	мышление ≈ восприятие >> эмоции
Доля переходных глаголов НСВ, образующих пассив	мышление ≈ восприятие ≈ эмоции
Текстовая частотность пассивных глаголов	мышление ≈ восприятие > эмоции
Соотносительность и возвратность глаголов с дативным экспериенцером	мышление >> восприятие >> эмоции

Таблица 16 показывает, что во всех иерархиях глаголы эмоций занимают последнее место и почти всегда демонстрируют значимые отличия от глаголов восприятия и мышления. Иными словами, по всем признакам глаголы эмоций как группа оказываются наименее семантически переходными.

Между глаголами восприятия и мышления в большей части случаев не было обнаружено значимых различий. Тем не менее можно отметить, что первое место в иерархиях обычно занимают глаголы мышления, т. е. среди них систематически оказывается меньше глаголов, демонстрирующих грамматические отклонения от переходного кодирования, чем среди глаголов восприятия. Таким образом, в русском языке глаголы мышления в целом ведут себя как более семантически переходные, чем глаголы восприятия. Возможно, это различие связано с тем, что восприятие в большей степени, чем мышление, может выходить из-под контроля экспериенцера (см. обсуждение глаголов «ложного восприятия», таких как *мерещиться, привидеться, чудиться* в разделе 4.4).

Как говорилось в разделе 1.3, в типологических иерархиях группы экспериенциальных глаголов выстраиваются в следующем порядке от наиболее семантически переходных: восприятие > мышление > эмоции. По итогам анализа словарной частотности разных грамматических типов экспериенциальных глаголов для русского языка может быть предложена следующая иерархия: мышление > восприятие > эмоции. То, что на основании грамматических свойств в иерархии для русского языка глаголы мышления оказываются более семантически переходными, чем глаголы восприятия, может быть связано как с тем, что в данном исследовании к сопоставлению был привлечен более широкий круг глаголов, так и с особенностями кодирования экспериенциальных ситуаций трех типов, специфическими для русского языка.

Степень семантической переходности групп оценивалась на основании признаков, которые касаются морфологического устройства (возвратность, наличие приставки), синтаксического поведения (переходность, способ оформления экспериенцера) или деривационных связей (формальный тип возвратного глагола, наличие пассива) глагола. Многие из этих признаков имеют самостоятельный лингвистический статус и могут рассматриваться независимо от представлений о семантической переходности, поэтому и вне предлагаемой здесь интерпретации эмпирическим результатом данного исследования является описание грамматических свойств трех групп экспериенциальных глаголов

русского языка. В общетеоретическом плане, обнаруженные различия между группами подтверждают идею о том, что существует согласующаяся с ожиданиями и статистически обнаруживаемая связь между принадлежностью глагола к определенной семантической группе и его грамматическими свойствами. Наконец, существенно, что распределения разных признаков, в том числе не связанных друг с другом, складываются в единую картину. Это свидетельствует о том, что в основе разных грамматических механизмов кодирования ситуаций лежат общие семантические принципы, которые могут быть объединены в рамках понятия семантической переходности.

7.2. Состав семантических групп экспериенциальных глаголов в корпусе и в словаре

В разделе 2 этой главы упоминалось, что в качестве источника данных о составе групп экспериенциальных глаголов могли бы использоваться не семантическая разметка НКРЯ и содержащиеся в нем тексты, а подробный идеографический словарь глаголов русского языка [Бабенко 1999]. Также этот словарь может служить для верификации тех обобщений, которые были сделаны в предшествующих разделах. Тем самым можно проверить, насколько распределения глаголов на грамматические классы, полученные на основании разметки текстов, согласуются с распределениями, представленными в словаре, и к каким различиям приводят особенности этих двух источников данных.

Прежде всего, существенно, что в словаре [Бабенко 1999] принята несколько иная классификация глагольной лексики, чем в семантической разметке НКРЯ. Глаголы восприятия составляют одну из подгрупп глаголов интеллектуальной деятельности, что примечательно в свете значительной близости грамматического состава глаголов восприятия и глаголов мышления, выявленной в ходе исследования. Из прочих подгрупп глаголов интеллектуальной деятельности, выделенных в словаре, с группой глаголов мышления в принятом здесь понимании последовательно соотносятся три: глаголы понимания, глаголы познания и глаголы мышления. Наконец, глаголы эмоций систематически сопоставлялись только с классом глаголов

эмоционального состояния, но некоторые обсуждавшиеся выше глаголы эмоций в словаре отнесены к подклассу эмоционально-оценочного отношения в рамках класса межличностных отношений.

Другое важное отличие этого словаря от тех списков, которые использовались здесь, заключается в том, что принадлежность к классу определяется не основным значением глагола, а его возможностью обслуживать данную семантическую зону (что вполне оправданно в контексте целей обсуждаемого словаря, но не согласуется с установками данного исследования). Так, в подклассе глаголов понимания числятся глаголы *видеть* и *разглядеть*, у которых ментальное значение является дополнительным, а также глаголы *извлекать* или *схватывать*, для которых оно является переносным (последнее отмечается в словаре). По этой причине для сопоставления списков, основанных на текстах НКРЯ, с данными словаря на группы, выделенные в словаре, накладывались семантические рамки уже имеющихся групп — отбирались такие глаголы, которые интуитивно могли бы быть включены в соответствующие списки. Таким образом была увеличена сопоставимость двух источников с точки зрения семантических границ групп, но отчасти утрачена изначально заданная в словаре классификация.

Как и ожидалось, списки, основанные на НКРЯ, в значительной степени пересекаются с тем кругом глаголов, который был получен с помощью словаря. В словаре зафиксирована примерно треть глаголов каждой из групп. Есть и такие глаголы, которые приведены в словаре, но не попали в списки, основанные на НКРЯ. Особенно много таких глаголов, которые могли бы быть включены в группу глаголов эмоций, например *обомлеть*, *торжествовать*, *умилиться*, *утешить*. Расхождения в списках оправдывают выбранный в данном исследовании способ анализа различий между группами как различий между выборками, а не генеральными совокупностями. В пересекающееся множество глаголов попадают в целом более частотные глаголы списков. Так, во всех семантических группах средняя частотность глаголов, зафиксированных и в исходных списках, и в словаре, существенно выше, чем средняя частотность глаголов, попавших

только в списки. Отчасти это связано с тем, что в словаре гораздо менее последовательно, чем в списках, отражены возвратные глаголы, особенно пассивные, хотя в словаре и присутствуют отдельные пассивные глаголы, особенно с дативным экспериенцером, например *слышаться, вообразиться, запомниться*. Однако отмеченные выше различия в средней частотности наблюдаются и в тех подмножествах, которые не включают возвратные глаголы.

В силу того что часть грамматических типов глаголов, прежде всего возвратных, в словаре представлена очень ограниченно, при анализе состава групп по данным словаря будут рассматриваться только наиболее общие признаки: распределение глаголов по тому, какой из участников занимает позицию подлежащего, а также переходность и возвратность глаголов с подлежащим-экспериенцером. В Таблице 17 представлено распределение глаголов, отобранных из словаря Л. Г. Бабенко, на глаголы с подлежащим-экспериенцером (*уставиться, анализировать, успокоиться*) и глаголы с подлежащим-стимулом (*слышаться, объясняться, зачаровать*) и без подлежащего (*заблагорассудиться*), см. раздел 3.1.

Таблица 17. Доля глаголов с подлежащим-экспериенцером
в трех семантических группах (данные словаря [Бабенко 1999])

	Глаголы с подлежащим- экспериенцером	Глаголы с подлежащим-стимулом и безличные глаголы	Доля глаголов с подлежащим- экспериенцером
Восприятие	95	2	0.98
Мышление	160	16	0.91
Эмоции	179	126	0.58

Иерархия семантических групп, которая может быть построена на основании Таблицы 17, совпадает с обобщением, основанным на данных НКРЯ, см. раздел 3.1, а также 7.1, причем в данном случае статистически значимые различия наблюдаются между всеми тремя группами. Итак, доля глаголов с подлежащим-экспериенцером снижается в порядке: восприятие > мышление > эмоции.

В Таблице 18 представлено распределение глаголов с подлежащим-экспериенцером, отобранным из словаря, по признаку возвратности, который рассматривался на материале данных НКРЯ в разделе 3.2.

Таблица 18. Возвратность глаголов с подлежащим-экспериенцером
(данные словаря [Бабенко 1999])

	Возвратные	Невозвратные	Доля возвратных глаголов	Всего
Восприятие	28	67	0.29	95
Мышление	22	138	0.14	160
Эмоции	126	53	0.70	179

Различия между группами, отраженные в Таблице 18, полностью соответствуют иерархии, предложенной с опорой на данные НКРЯ: мышление > восприятие > эмоции. Тем самым и по данным словаря глаголы мышления с точки зрения доли возвратных глаголов с подлежащим-экспериенцером оказываются более семантически переходными, чем глаголы восприятия.

Наконец, Таблица 19 показывает распределение невозвратных глаголов с подлежащим-экспериенцером, отобранных из словаря, с точки зрения синтаксической переходности.

Таблица 19. Переходность невозвратных глаголов
с подлежащим-экспериенцером (данные словаря [Бабенко 1999])

	Переходные	Непереходные	Доля переходных глаголов	Всего
Восприятие	57	10	0.9	67
Мышление	112	26	0.8	138
Эмоции	11	42	0.2	53

В данном случае данные словаря также полностью повторяет обобщение, сделанное в основной части главы (см. раздел 3.3): между группами глаголов

восприятия и мышления не обнаруживается существенных различий, в группе глаголов эмоций доля непереходных глаголов значимо выше, чем в двух других группах. Подтверждается иерархия, уже предлагавшаяся на материале данных НКРЯ: восприятие \approx мышление $>>$ эмоции.

Среди глаголов с подлежащим-стимулом и без подлежащего большого разнообразия грамматических свойств не наблюдается. Все отобранные из словаря глаголы восприятия и мышления, принадлежащие к этому классу, относятся к возвратным (*слышаться, пригрезиться, вздуматься*). Все глаголы эмоций этого типа относятся к переходным (*всполошить, зачаровать, тяготить*), кроме одного (*наскучить*).

Таким образом, на материале списков глаголов, полученных на основании словаря [Бабенко 1999] и при опоре на семантическую разметку НКРЯ получены очень близкие обобщения о распределении глаголов на базовые синтаксические классы. Этот результат особенно показателен в силу расхождений в составе и принципах разделения глаголов на группы. В то же время важно помнить, что в представленные в словаре классы использовались не в полном виде.

7.3. Роль деривационных отношений в организации семантических групп экспериенциальных глаголов

В ходе обсуждения синтаксических свойств глаголов восприятия, мышления и эмоций не раз упоминалась роль деривационных связей в организации синтаксических классов в рамках семантической группы. В первую очередь с синтаксическим кодированием участников связаны деривационные отношения между возвратными и невозвратными глаголами, и именно этот тип отношений рассматриваются в данном разделе. В разделе 4.2 были противопоставлены два подхода к интерпретации распределения глаголов на синтаксические типы: «плоский» и «объемный». В разделе 7.1 были подведены итоги сопоставления групп с позиций «плоского» подхода. «Объемный» подход позволяет выявить деривационные отношения, типичные для исследованных семантических групп, и установить, каким образом наблюдаемые «плоские» распределения обусловлены этими отношениями.

В целом среди всех групп экспериенциальных глаголов наиболее распространены деривационные отношения между глаголами с подлежащим-экспериенцером и глаголами с подлежащим-стимулом, т. е. отношения, в которых возвратный глагол является объектным. Однако семантические группы существенно различаются тем, каково типичное направление деривации в таких парах. В группе глаголов эмоций производящим обычно является переходный глагол с подлежащим-стимулом, производным — глагол с подлежащим-экспериенцером, как в парах *обрадовать* — *обрадоваться*, *испугать* — *испугаться*, *встревожить* — *встревожиться*²⁴. Распространенность этого типа деривации прежде всего отражается в доле возвратных глаголов с подлежащим-экспериенцером и доле объектных глаголов среди них. В группах глаголов восприятия и мышления подобные пары почти не засвидетельствованы, однако распространены такие отношения, в которых глагол с подлежащим-экспериенцером является непроизводным, а глагол с подлежащим-стимулом — производным, например *почувствовать* — *почувствоваться*, *обнаружить* — *обнаружиться*, *планировать* — *планироваться*, *вспомнить* — *вспомниться*. Различия в преобладающем типе деривационных отношений указывают на то, какой способ синтаксического кодирования участников является для ситуаций данной группы исходным, формально непроизводным, ср. идею базовой валентностной ориентации глагольной лексики в работе [Nichols et al. 2004], а также в более раннем варианте в [Nichols 1993]. Для ситуаций, описывающих эмоции, в русском языке в качестве базового выступает глагол с подлежащим-стимулом и экспериенцером в позиции прямого дополнения, т. е. синтаксически уподобленным пациенту. В группах глаголов мышления и восприятия деривационные отношения такого типа почти не

²⁴ Отношения семантической производности в этих парах иногда считаются обратными отношениям формальной производности, см. [Апресян 1998], а также обсуждение в [Падучева 2004: 279]. Помимо этого, направление соотношения формальной производности может отличаться от направления диахронической производности, ср. глаголы типа *отчаять* и *улыбнуть*, которые являются примером обратной деривации, см. обсуждение подобных образований в [Сай 2004]. В данном случае, однако, учитывается только наблюдающиеся синхронно направление формальной производности.

представлены. В этих двух группах преобладает соотношение, при котором базовым является глагол с подлежащим-экспериенцером, производным — глагол с подлежащим-стимулом или глагол без номинативного подлежащего.

При этом состав возвратных глаголов в этих трех группах указывает на то, что из двух участников экспериенциальной ситуации деривационные процессы в первую очередь затрагивают синтаксический и семантический статус экспериенцера. В частности, почти всем переходным глаголам с подлежащим-стимулом можно поставить в соответствие объектный возвратный глагол с подлежащим-экспериенцером, т. е. «синтаксическое повышение» экспериенцера с помощью возвратного глагола носит чрезвычайно регулярный характер. Образование объектных возвратных глаголов с подлежащим-стимулом происходит гораздо менее регулярно. Помимо этого, только среди глаголов с подлежащим-экспериенцером обнаруживаются субъектные возвратные глаголы, которые позволяют вывести на первый план тот или иной семантический компонент ситуации, описываемой исходным глаголом, ср. *приглядеться, довериться, натерпеться*. Среди возвратных глаголов с подлежащим-стимулом субъектных глаголов не встретилось.

Регулярность деривационных процессов отражается не только в доле возвратных глаголов, но и в распределении глаголов по тому, какой из участников занимает позицию подлежащего. В этом смысле наиболее спорным оказывается статус пассивных глаголов. С одной стороны, способность к образованию пассивных глаголов в разделе 4.3 рассматривалась как характеристика, связанная с семантической переходностью. С другой стороны, пассивный глагол дает возможность выразить в позиции подлежащего того участника, который при исходном глаголе занимает менее привилегированную синтаксическую позицию и тем самым сделать его точкой отсчета. Особенно отчетливо этот аспект пассивного преобразования виден в употреблении таких пассивных глаголов, как *наблюдаться, планироваться, забываться*, при которых экспериенцер обычно не назван и на первый план выходит состояние стимула (подобный тип употребления пассивных глаголов мышления подробнее

обсуждается в статье [Овсянникова, в печати]). Таким образом, есть основания рассматривать наличие пассивного глагола и как признак более полного охвата действием объектного участника, и как способ его коммуникативного продвижения в синтаксически привилегированную позицию.

Несмотря на то что «плоские» распределения в значительной степени определяются деривационными отношениями между глаголами, для описания организации семантических групп представляются существенными оба подхода. Во-первых, это связано с тем, что некоторые типы глаголов не участвуют в деривационных отношениях, например необратимые возвратные глаголы. Во-вторых, синтаксические классы, на которые распадаются глаголы, в большой степени независимы от их деривационной истории. Так, очень близкими грамматическими свойствами обладают возвратные глаголы *убедиться, разочароваться, определиться и сомневаться*. Глагол *убедиться* соотносится с глаголом *убедить* с подлежащим-каузатором, глагол *разочароваться* — с глаголом *разочаровать* с подлежащим-стимулом, глагол *определиться* — с глаголом *определить* с подлежащим-экспериенцером, а глагол *сомневаться* относится к необратимым. Распространенность некоторого синтаксического типа глагола может приводить к образованию новых глаголов по аналогии с уже существующими, вне зависимости от их деривационной истории²⁵. Таким образом, представление о синтаксических классах глаголов, характерных для каждой из семантических групп, можно составить, анализируя распределения глаголов в отвлечении от их деривационных связей. В свою очередь, деривационные отношения, существующие между глаголами в рамках семантической группы, позволяют установить исходный и производный способ кодирования ситуаций, а также определить степень их регулярности.

²⁵ Ср. обсуждение взгляда на актантные деривации с точки зрения продукта деривации и механизма деривации в статье [Летучий 2014б], а также обсуждение деривационного и логического подходов к классификации возвратных глаголов в статье [Сай 2010].

8. Выводы

В главе содержится анализ синтаксических свойств глаголов восприятия, мышления и эмоций. Отдельно рассматривались глаголы физиологической сферы. Сопоставление глаголов восприятия, мышления и эмоций показывает, что среди глаголов эмоций систематически больше лексем, которые обладают грамматическими свойствами, связанными с пониженной переходностью ситуаций. В частности, среди глаголов эмоций меньше глаголов с подлежащим-экспериенцером, среди таких глаголов больше возвратных, среди невозвратных — больше непереходных. В контексте задач данного исследования существенно, что существенную часть группы глаголов эмоций составляют глаголы с аккузативным экспериенцером. Существенно, что аккузативное кодирование экспериенцера в наибольшей степени характерно для той группы глаголов, в которой распространены и другие грамматические свойства, связанные с пониженной переходностью ситуации, в частности с пациентивными свойствами экспериенцера.

Глава 2. Порядок слов в предложениях с аккузативным экспериенцером

1. Введение

В центре внимания данной главы — порядок слов в предложениях с глаголами, при которых стимул занимает позицию подлежащего, а экспериенцер находится в позиции прямого дополнения и оформляется винительным падежом, ср. (1)–(2)²⁶.

- (1) *Специалистов удивляет точность очертания Антарктиды и ее изображение без ледяного покрова.* [Вадим Бурлак. Хранители древних тайн (2001)]
- (2) *Несовместимая контрастность фигуры и низкого грудного голоса обязательно удивляла окружающих.* [Людмила Гурченко. Аплодисменты (1994–2003)]

В предложениях с такими глаголами прямое дополнение часто занимает предглагольную позицию, а подлежащее следует за глаголом, как в примере (1); для такого порядка слов далее будет использоваться обозначение OVS (прямое дополнение, глагол, подлежащее). Такое расположение подлежащего и прямого дополнения не соответствует порядку слов, который считается базовым для русского языка. Базовый порядок слов в предложениях с переходным глаголом, при котором и подлежащее, и прямое дополнение выражены с помощью полных именных групп, в pragматически нейтральном контексте — SVO: подлежащее предшествует глаголу, дополнение следует за ним, см., например, [Сиротинина 2003; Dryer 2013]. Такой порядок слов представлен в примере (2) с глаголом *удивлять*, а также в примерах (3)–(4), в которых прямое дополнение соответствует пациенту, а не экспериенцеру.

²⁶ В этих примерах и далее подлежащее выделено сплошным подчеркиванием, прямое дополнение — пунктирным, для глагола и других существенных для обсуждения элементов используется полужирное начертание. Как подлежащее и прямое дополнение рассматриваются и соответствующим образом выделяются группы, а не те слова, которые их возглавляют, например в (1) подлежащим считается группа *несовместимая контрастность фигуры и низкого грудного голоса*, а не только ее вершина *контрастность*.

- (3) — *У человека несчастье: наша собака съела его курицу.* [Юрий Коваль. Картофельная собака (1972)]
- (4) *Неужели вы допустите, чтоб машина убила человека?!* [Игорь Сухих. Остается только метафора... // «Звезда», 2002]

Склонность к предглагольному расположению — это одно из целого ряда необычных синтаксических свойств, которые характерны для клауз с экспериенцером в позиции прямого или косвенного объекта. Особые синтаксические и семантические свойства объектов, соответствующих экспериенцеру, обсуждаются в рамках многих направлений.

В традиционных описаниях русского синтаксиса участник с ролью экспериенцера, занимающий ту или иную объектную позицию, обычно рассматривается как субъект состояния или восприятия. Субъект чаще всего определяется как семантико-синтаксическая сущность [Шведова 2005: 264–270; Белошапкова 1977: 129–131; Золотова 1982: 133], иногда — как чисто семантическая [Бондарко 1992: 62–65]. Экспериенцер в винительном падеже при наличии неодушевленного стимула-подлежащего, как в (1)–(2), согласно [Золотова 2006: 157], сочетает в себе значения «объекта каузирующего воздействия и субъекта каузируемого состояния», ср. также [Шведова 2005: 266, 283; Бондарко 1992: 62–63].

В типологической литературе свойства объектного экспериенцера обсуждаются в свете противопоставления канонического и неканонического подлежащего, ср. [Onishi 2001; Bhaskararao, Subbarao (eds.) 2004; Kulikov, Seržant (eds.) 2013]. Это противопоставление связано с предложенным в [Keenan 1976] (перевод на русский язык — [Кинэн 1982]) представлением о подлежащем как об особом грамматическом статусе, которым обладает зависимое глагола с максимальным числом т. н. признаков приоритета, см. о признаках приоритета подлежащего в русском языке в [Тестелец 2001: 317–347], а также раздел 2.1 далее. Объектные группы, соответствующие экспериенцеру, называют неканоническими подлежащими, когда они обладают некоторыми признаками приоритета, характерными для канонических подлежащих. В первую очередь учитываются синтаксические

признаки, такие как способность к связыванию рефлексивного местоимения или к контролю сочинительного сокращения, см. подробнее об этих свойствах [Тестелец 2001: 317–347], а также в разделе 2.1.

В рамках формальных моделей было предложено несколько способов анализа этих и некоторых других особых синтаксических свойств неноминативного экспериенцера — т. н. “psych-properties”. Обзор основных идей в этой области представлен в [Landau 2010]. Анализу данных русского языка посвящены работы [Schoorlemmer 1994; Moore, Perlmutter 2000; Landau 2010], а также целый ряд статей А. В. Циммерлинга, в частности, [Zimmerling 2009; Циммерлинг 2012]. В формальных описаниях синтаксического статуса неноминативного экспериенцера обычно предлагается то или иное решение двух проблем: во-первых, проблемы наличия свойств, привязанных к структурной позиции подлежащего, у группы с неноминативным маркированием; во-вторых, проблемы структурного противопоставления групп с одинаковым падежным маркированием, например дативным, обладающих и не обладающих подлежащими свойствами.

Подробнее трактовка статуса экспериенцера в объектной позиции в рамках этих трех направлений будет обсуждаться в разделе 2.

Как будет показано далее, хотя и существуют употребления, в которых аккузативный экспериенцер демонстрирует некоторые подлежащие свойства, в основном они не частотны и часто находятся на грани грамматической приемлемости. Возможность препозиции группы экспериенцера по отношению к глаголу не относится к таким свойствам, которые могут служить однозначной диагностикой статуса подлежащего: в этом положении в силу коммуникативных причин чаще или реже оказываются объекты с разными семантическими свойствами. В то же время именно порядок слов может быть количественно исследован на обширном корпусном материале, поэтому это проявление сходства объектного экспериенцера с подлежащим и рассматривается в данной главе наиболее подробно.

Цель данной главы заключается в том, чтобы выявить закономерности выбора порядка слов в предложениях с аккузативным экспериенцером.

Ожидается, что наиболее существенными окажутся признаки, связанные с коммуникативными противопоставлениями, которыми прежде всего определяется порядок слов в русском языке, ср. [Ковтунова 1976; Слюсарь 2009]. В контексте настоящего исследования центральное место занимает вопрос о наличии связи между порядком слов и семантической группой глагола. Чтобы установить, существует ли такая связь, необходимо проверить, наблюдаются ли различия в порядке слов между предложениями с глаголами разных групп в условиях, когда невозможно объяснить эти различия влиянием других признаков, с которыми связан порядок слов, прежде всего коммуникативных.

В данном случае сопоставляются представители двух семантических групп экспериенциальных глаголов: глаголы эмоций, такие как *удивлять, обрадовать, страшить*, и глаголы, описывающие физиологическое воздействие на экспериенцера, например *разбудить, тревожить, утомлять*.

Изложение в данной главе организовано следующим образом. В разделе 2 описываются основные признаки канонического подлежащего в русском языке, в соответствии с обсуждением, представленным в [Тестелец 2001: 317–347], и рассматривается, насколько часто свойства, которые характеризуют подлежащее, фиксируются у аккузативных и дативных групп с ролью экспериенцера при глаголах русского языка. В разделе 3 обсуждаются предлагавшиеся в рамках различных концепций объяснения природы особых синтаксических свойств объектных экспериенцеров и на фоне этих взглядов обсуждаются некоторые особенности данного исследования. В разделе 4 описываются материал исследования и методы его обработки, вводится ряд ограничений, на основании которых выделяется круг контекстов, подвергавшихся более подробному анализу. Результаты исследования связи порядка слов с различными признаками изложены в разделе 5. В кратком разделе 6 отдельно рассматривается небольшая выборка употреблений, в рамках которой противопоставляются не семантические группы глаголов, а два разных значения, которые можно выделить у некоторых глаголов эмоций. Наконец, в разделе 7 представлено

обобщение эмпирических результатов исследования и предлагается их интерпретация в семантических и дискурсивных терминах.

2. Свойства подлежащего в русском языке и объектный экспериенцер как неканоническое подлежащее

2.1. Свойства канонического подлежащего в русском языке

В большинстве существующих концепций русского синтаксиса не ставится под сомнение то, что статусом подлежащего обладают группы в именительном падеже, способные находиться в отношениях согласования со сказуемым (это отношение часто выводится за рамки согласования и описывается как особый тип связи). В грамматиках [Виноградов, Истрина 1960: 368–384; Шведова 1970: 547–559] как подлежащие рассматриваются также инфинитивы и «цитатные» формы (типа *ура*, *последнее «прости»*). Согласно [Бондарко 1992: 61–62], «признаками подлежащего во всей их полноте характеризуется лишь форма именительного падежа», другие же два названных типа групп называются заместителями подлежащего и относятся к «ближайшей периферии» центра, в котором находится «прототипическое подлежащее» в именительном падеже. И прототипическое подлежащее, и его заместители составляют отдельные классы т. н. носителей предикативного признака, а еще один класс, наиболее периферийный по отношению к центру, составляют прочие группы, для которых может обсуждаться статус подлежащего, в частности соответствующие субъекту состояния (т. е. дативному или аккузативному экспериенцеру), см. [Там же: 54–67]. В [Золотова 1982: 103–104, 139] предлагается расширительная трактовка подлежащего, при которой к подлежащим относятся и некоторые группы в косвенных формах, — соответствующие субъекту, для которого нейтральным является расположение в препозиции к глаголу (как в предложениях *У больного радикулит*, *Малышу год*). Формы именительного падежа в подобных примерах, напротив, не считаются подлежащими в силу того, что они обозначают «не носителя признака, а предикативный признак, приписываемый субъекту» [Там же: 103] и располагаются после группы, имеющей значение субъекта. Для

настоящего обсуждения существенно, что определение подлежащего в рамках этих концепций в большой степени определяется общетеоретическими соображениями и опирается прежде всего на семантические свойства различных групп, в то время как из их грамматических свойств обычно учитываются только падеж и наличие согласования, иногда — порядок слов (см., впрочем, обсуждение некоторых грамматических свойств субъекта в винительном падеже в [Золотова 1982: 141–143]).

Для функционально-типологических представлений о подлежащем важную роль сыграл подход к определению подлежащего, предложенный Э. Кинэном [Keenan 1976]. Одна из установок этого подхода состояла в том, чтобы выявить и систематизировать те грамматические, семантические и прагматические свойства, которыми обладают синтаксические группы, традиционно описываемые как подлежащее в отдельных языках [Keenan 1976: 306]. Здесь будут обсуждаться только грамматические, т. е. морфологические и синтаксические, но не семантические и прагматические свойства, ассоциируемые с подлежащим. Набор грамматических свойств подлежащего устанавливается особо для каждого языка, хотя некоторые из них могут рассматриваться как признаки приоритета, или признаки подлежащего, во многих языках. Выделение набора таких признаков и последовательная проверка их наличия у групп разных типов, выраженных при глаголе, позволяет говорить о степени проявления подлежащих свойств у группы того или иного типа.

Подробный анализ ряда признаков, которые могут рассматриваться как признаки приоритета в русском языке, и результат приложения этих признаков к некоторым типам групп представлен в [Тестелец 2001: 317–347]. К морфологическим признакам приоритета в русском языке относятся маркирование именительным падежом и контроль глагольного согласования. Группы, обладающие этими признаками, являются каноническими подлежащими, что не противоречит определению подлежащего, принятому в большинстве грамматических описаний, см. обсуждение выше. Существует также ряд синтаксических свойств, которые обычно рассматриваются как признаки приоритета, которыми

обладает (наряду с другими типами групп или исключительно) каноническое подлежащее. В частности, только подлежащее в именительном падеже способно контролировать сочинительное сокращение канонического подлежащего, как в примере (5), и, наоборот, служить мишенью сочинительного сокращения при кореферентности с подлежащим. Так, первая часть примера (5) с глаголом *полюбить* не может быть заменена на конструкцию с глаголом *полюбиться* и дативным экспериенцером так, чтобы была сохранена референция нуля во второй клаузе. Во второй части примера (5) так же недопустима замена глагола *захотеть* на глагол *захотеться*, при котором экспериенцер выражается формой дательного падежа²⁷.

- (5) *Василий Макарович* очень полюбил артиста и __ не захотел расставаться с ним в своей следующей постановке. [Эльдар Рязанов. Подведенные итоги (2000)]

К свойствам канонического подлежащего в русском языке также относятся способность к контролю референции рефлексивов (6) и к контролю нулевого подлежащего при деепричастии (7) и при инфинитивном обороте с союзом *чтобы* (8), см. [Тестелец 2001: там же].

- (6) *Я_i* впервые увидел *его* в доме *своего_i* брата, с которым он был в дружеских отношениях. [Борис Ефимов. Десять десятилетий (2000)]
- (7) *Войдя* в ворота монастыря, *Амвросий* повел их в храм Успения Пресвятой Богородицы. [Евгений Водолазкин. Лавр (2012)]
- (8) *Французские археологи* применили необычную технологию, *чтобы спасти* сделанную ими находку. [Лодку спасла радиация // «Знание — сила», 2003]

²⁷ Впрочем, как отмечает Я. Г. Тестелец [Там же: 324], возможность контроля сочинительного сокращения определяется в первую очередь совпадением падежного кодирования групп, в частности оно может происходить, когда обе группы оформлены дательным падежом:

(i) *Василию Макаровичу* полюбилось работать с артистом и __ не захотелось расставаться с ним в следующей постановке.

В русском языке, как и во многих других языках, некоторые типы групп обладают частью тех свойств, которыми характеризуется каноническое подлежащее. Они обладают частью синтаксических признаков приоритета, но отличаются от канонического подлежащего кодированием.

Во многих работах в русле генеративной лингвистики для описания (некоторых или всех) неканонических подлежащих используется понятие т. н. «странных подлежащих» (*quirky subject*). Это понятие связано с противопоставлением ингерентного и структурного падежа. Ингерентный падеж приписывается лексической вершиной, в частности глаголом, и соответствует семантической роли участника, в то время как структурный падеж приписывается позицией в синтаксической структуре и нечувствителен к семантической роли, см. [Butt 2006: 58, 67–70; Landau 2010: 21; Лютикова 2017: 115–116]. Обычно выделяются два структурных падежа: номинатив и аккузатив, — которым часто, но не всегда, соответствуют морфологические номинатив и аккузатив, см. указанные работы. В целом постулируется, что обычно в финитной клаузе один из участников, задаваемых предикатом, но не получивших от него ингерентного падежа, подвергается передвижению в позицию подлежащего, находящуюся вне глагольной группы, и в этой позиции получает именительный падеж, см. [Butt 2006: 56–60]. Странное подлежащее (*quirky subject*) наблюдается в случае, когда участник, получивший ингерентный падеж от предиката, например дательный, реализуется в структурной позиции подлежащего и обладает синтаксическими признаками подлежащего, но не способностью к согласованию [Landau 2010: 81; Лютикова 2017: 114–126]. В литературе представлены разные точки зрения на то, какой набор подлежащих свойств достаточен для того, чтобы считать группу в ингерентном падеже находящейся в структурной позиции подлежащего, и как трактовать наличие в разных языках групп с разным набором подлежащих свойств, см. [Fischer 2004: 194–198; Landau 2010: 81–84]. В некоторых работах как подлежащие анализируются только такие группы, которые обладают всеми синтаксическими свойствами, характеризующими номинативное подлежащее, такие как неканонические подлежащие

в исландском языке, см. обсуждение в книге [Лютикова 2017: 116–122]. В [Landau 2010: 81–87] предлагается анализ, согласно которому экспериенцер всегда занимает позицию подлежащего, независимо от падежного кодирования (номинативного, дативного, аккузативного) и набора свойств. В русском языке из неноминативных групп наиболее широким набором подлежащих свойств обладают группы в дательном падеже в инфинитивных конструкциях типа *Васе завтра идти в школу*, которые могут в большей степени, чем другие типы групп, претендовать на статус структурного подлежащего. Сопоставление дативных групп в таких конструкциях и при словах категории состояния, например *жаль*, *холодно*, проводится в [Тестелец 2001: 317–347; Циммерлинг 2012]. В часто цитируемой статье [Moore, Perlmutter 2000] дативные группы в инфинитивной конструкции предлагается анализировать как подлежащее, в противоположность дативным группам при экспериенциальных глаголах типа *нравиться* и модальных предикатах, таких как *нужно* или *приходиться*, с другой стороны. Обсуждение статуса подлежащего применительно к ряду дативных групп русского языка содержится также в ряде работ А. В. Циммерлинга [2009; 2012], см. также [Циммерлинг, Трубицина 2015]. Кроме того, в работах А. В. Циммерлинга, написанных в целом с позиций генеративного подхода, обсуждается и осмысляется ряд представлений, связанных с трактовкой понятия подлежащего в русистике, в частности противопоставление односоставных и двусоставных предложений, соотношение подлежащего и субъекта, вопрос существования не управляемых глаголом форм дательного падежа.

Неканонические подлежащие в дательном падеже, или дативные субъекты, в целом являются наиболее изученным типом групп, обладающих теми или иными подлежащими свойствами в русском языке. Помимо указанных выше, грамматические свойства всех или отдельных типов дативных субъектов обсуждаются в работах [Guiraud-Weber 2002; Бонч-Осмоловская 2003; Гиро-Вебер 2005; Сай 2014; Seržant 2015]. Свойства объектных экспериенцеров, которые кодируются винительным падежом, на материале русского языка рассматривались в гораздо меньшей степени.

Исследования, в которых сопоставляются свойства дативных и аккузативных объектных экспериенцеров в других языках, показывают, что дативные экспериенцеры в большей степени обладают свойствами подлежащего, чем аккузативные экспериенцеры, см. [Haspelmath, Caruana 2000] для мальтийского языка, [Temme, Verhoeven 2016] для немецкого, новогреческого, венгерского и корейского языков. Для русского языка подобное обобщение делается в статьях [Guiraud-Weber 2002; Гиро-Вебер 2005], где рассматриваются свойства объектных участников в безличных конструкциях: группы в дательном падеже в разнообразных конструкциях, в частности при глаголах *думаться, хотеться, вериться*, группы в винительном падеже при глаголах *тошнить, лихорадить* и др., а также группы в творительном падеже в конструкциях типа *Крышу сорвало ветром* (группы последнего типа, естественно, не соответствуют участнику с ролью экспериенцера).

В следующем разделе с точки зрения некоторых подлежащих свойств сопоставляются группы экспериенцера в дательном и в винительном падеже. В обоих случаях рассматриваются только конструкции с финитными глаголами, которые, в традиционных терминах, управляют той или иной падежной формой экспериенцера.

2.2. Подлежащие свойства дативных и аккузативных экспериенцеров в русском языке

В качестве подлежащих свойств, которыми обладают дативные субъекты в русском языке, чаще всего обсуждаются способность контролировать референцию рефлексивных местоимений и нулевого подлежащего при деепричастии, ср. (9)–(10).

- (9) *Кривцову многое не нравилось в своей стране.* [Евгений Евтушенко. Ягодные места (1982)]
- (10) *Глядя на них, мне всегда вспоминался гоголевский Хома из «Вия».* [А. А. Есенина. Родное и близкое (1960–1979)]

Для экспериенцеров, выраженных группой в винительном падеже, также можно найти такие примеры, в которых они являются антецедентом рефлексивного местоимения, ср. (11)–(12), и контролируют нулевое подлежащее при деепричастии, ср. (13).

- (11) *Людей* всегда **интересуют** свои корни, откуда пришли их предки.
[коллективный. Переписка с читателями // «Наука и жизнь», 2006]
- (12) *Ральфа* бы такое внимание к **себе** приятно **поразило**. [Мариам Петросян.
Дом, в котором... (2009)]
- (13) **Просматривая** темы по питанию, меня удивило, что мало кто
употребляет этот бесценный продукт. (Яндекс)

По сравнению с аналогичными предложениями с дативным экспериенцером примеры (11)–(13) кажутся несколько менее грамматичными, в большей степени отклоняющимися от нормы. Уже это наблюдение указывает на то, что группы экспериенцера в винительном падеже обладают свойствами подлежащего в меньшей степени, чем дативные группы с той же ролью. Однако, поскольку для таких маргинальных контекстов в целом сложно судить о грамматической приемлемости, в основном внимание будет уделяться их частотности.

Для групп, соответствующих экспериенцеру, затруднительно напрямую проверить наличие способности контролировать нулевое подлежащее при инфинитивном обороте с союзом *чтобы*, поскольку целевые конструкции обычно требуют в качестве контролирующего участника агенса. Особенности целевых инфинитивных конструкций как диагностического контекста для проверки свойств подлежащего обсуждаются в [Тестелец 2001: 326–328]. Обойти это ограничение отчасти позволяет обращение к контекстам, в которых экспериенциальный глагол употреблен при модальном предикате *должен*. При

этом условии и для дативного, и для аккузативного экспериенцера обнаруживаются употребления, в которых экспериенцер контролирует нулевое подлежащее при инфинитивном обороте с союзом *чтобы*²⁸,ср. (14)–(15).

- (14) *Для того чтобы добиться успеха, вам должен нравиться сам процесс изменения привычек.* (Яндекс)
- (15) *На начальной стадии, чтобы научиться рисовать правильно вас должна интересовать общая закономерная геометрическая основа предметной конструкции, строение ее и связь элементов, вместе составляющих форму.* (Яндекс)

До сих пор при сопоставлении дативных и аккузативных экспериенцеров учитывалось только то, может ли в принципе группа экспериенцера демонстрировать то или иное свойство. В частности, было показано, что и дативные, и аккузативные группы экспериенцера обладают следующими свойствами: способностью к связыванию рефлексивных местоимений, а также к контролю нулевого подлежащего при деепричастии и при инфинитивном обороте с союзом *чтобы*. Чтобы обнаружить различия между дативными и аккузативными экспериенцерами, следует рассмотреть степень выраженности этих свойств. Так, о различиях в способности к связыванию рефлексивов у этих двух типов объектных экспериенцеров свидетельствуют данные об употреблении рефлексивного притяжательного местоимения *свой* и личного притяжательного местоимения *мой* в контекстах типа (16)–(17) при глаголах *нравиться* и *устраивать*, различающихся кодированием экспериенцера.

- (16) *Мне не нравится мой цвет волос, он блеклый, я его перекраиваю.* (Яндекс)

²⁸ Возможность употребления инфинитивного оборота с союзом *чтобы* в таком контексте можно связать либо с тем, что в них экспериенцеру навязывается некоторая степень контроля над ситуацией, либо с тем, что модальный предикат *должен* в главной клаузе создает прочтение достаточного условия: ‘чтобы P_1 , должно быть P_2 ’. Тем не менее факт наличия примеров, в которых экспериенцер кореферентен нулевому субъекту инфинитивного оборота с союзом *чтобы*, не зависит от того, какая из этих двух интерпретаций точнее.

(17) *Не люблю менять часто цвет, так как меня устраивает свой цвет волос.*
(Яндекс)

Прежде чем перейти к анализу данных о частотности таких употреблений, необходимо сделать две оговорки. Во-первых, следует отметить, что случаи связывания рефлексивного местоимения участником, выраженным не в позиции подлежащего, как в примерах (16)–(17), анализируются как употребления местоимения *свой* в особом, не собственно притяжательном значении, например в значении ‘собственный’, см. [Падучева 1983]. Естественно предположить, что употребление в этом особом значении не определяется синтаксическими свойствами антецедента, а значит между дативными и аккузативными экспериенцерами не должно обнаруживаться различий в выборе местоимения. Во-вторых, как уже упоминалось выше, употребления, в которых у объектных экспериенцеров наблюдаются подлежащные свойства, часто оказываются за гранью нормы. Для исследования таких свойств приходится обращаться к таким сферам функционирования языка, где норма в целом может быть «расшатана». В данном случае отклонением от нормы является использование рефлексивного, а не личного притяжательного местоимения. Ожидается, что рефлексивное местоимение будет чаще использоваться при глаголе *нравиться* с дативным экспериенцером, чем при глаголе *устраивать* с аккузативным экспериенцером. Из этих двух глаголов с более сниженным, разговорным регистром связан глагол *устраивать*, так что если ожидаемые различия обнаружатся, то нельзя будет списать их на различия в регистре употребления глаголов. Данные о распределении рефлексивного и личного притяжательного местоимения при глаголах *нравиться* и *устраивать* с экспериенцером 1 л. ед. ч. представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Употребление притяжательных местоимений *свой* и *мой* при антецедентах-экспериенцерах в дательном и винительном падежах²⁹

	<i>свой цвет волос / глаз / ...</i>	<i>мой цвет волос / глаз / ...</i>	Доля употреблений с рефлексивом
<i>мне (не) нравится</i>	36	83	0.30
<i>меня (не) устраивает</i>	9	54	0.14

Таблица 1 показывает, что в случае, когда посессор совпадает с экспериенцером, выраженным местоимением 1 л. ед. ч. в дательном падеже при глаголе *нравиться*, доля употреблений с рефлексивным местоимением выше, чем когда экспериенцер выражен с помощью аккузативной формы местоимения при глаголе *устраивать*. В данном случае это различие будет интерпретироваться как указание на то, что в отношении способности контролировать рефлексивное местоимение экспериенцер в дательном падеже в большей степени ведет себя как подлежащее, чем экспериенцер в винительном падеже.

Еще одно свойство, которое в количественном отношении различает группы экспериенцера в дативе и в аккузативе, — способность к контролю нулевого подлежащего при инфинитиве, см. примеры (18)–(19)³⁰.

(18) *Говори, говори: мне нравится слушать твой голосок.* [Василий Шукшин. Калина красная (1973)]

(19) *Меня всегда страшило попасть под пресс чужого, выношенного мнения, готовой «теории» творца и человека.* [Ю. М. Нагибин. Блестящая и горестная жизнь Имре Кальмана (1972–1979)]

²⁹ Данные были собраны с помощью поисковой системы Яндекс 28 ноября 2015 г. Различия между распределениями для глагола *нравиться* с экспериенцером в дательном падеже и глаголом *устраивать* с экспериенцером в винительном падеже статистически значимы (двусторонний вариант точного теста Фишера, $p \approx 0,02$).

³⁰ В литературе представлены различные точки зрения на синтаксическое устройство таких предложений. В традиционной русистике, в частности в грамматике [Шведова 1980: 270–272] (§§ 2302–2307), такие предложения рассматриваются как безличные. Здесь инфинитив будет считаться подлежащим соответствующего глагола.

Это свойство не является специфическим для подлежащего, поскольку контролировать нуль при инфинитиве свободно могут и прямое дополнение, ср. глаголы *заставить*, *попросить*, и косвенное, ср. *приказать*, *поручить*. Тем не менее оно обсуждается в разделе, посвященном подлежащным свойствам объектных экспериенцеров, поскольку в употреблениях, подобных (18)–(19), группа экспериенцера почти всегда располагается перед глаголом, т. е. занимает линейную позицию, характерную для подлежащего.

При большинстве глаголов с дативным экспериенцером свободно употребляются инфинитивы, нулевое подлежащее при которых кореферентно дативному экспериенцеру, ср. (18), (20), см. также [Бонч-Осмоловская 2003: 19; Janda, Divjak 2015].

- (19) *И вообще, мне остырело слушать всю эту вашу гуманитарную ерунду...* [Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер. Лекарство против страха (1987)]

У глаголов с аккузативным экспериенцером такие употребления встречаются, ср. (19), (21), однако в основном они находятся на грани приемлемости.

- (21) *Вернее, меня тоже не слишком радовало проводить с Веркой свободное время* (...). [Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)]

Частотность употребления зависимого инфинитива при глаголах с дативным и с аккузативным экспериенцером в изъявительном наклонении в современных текстах НКРЯ представлена в Таблице 2. В нее включены пять наиболее частотных глаголов с дативным экспериенцером и пять глаголов с аккузативным экспериенцером, для которых в подкорпусе современных текстов НКРЯ вообще встретились употребления с зависимым инфинитивом³¹. Глаголы каждой из групп расположены в порядке убывания доли употреблений с зависимым инфинитивом.

³¹ Из 15 глаголов с дативным экспериенцером, встретившихся в подкорпусе современных текстов НКРЯ (текстов, созданных строго после 1950 г.) больше 50 раз, употребления с зависимым инфинитивом обнаруживаются для 12 глаголов. Из 86 глаголов с аккузативным экспериенцером, превышающих такой же порог частотности, употребления с зависимым инфинитивом были обнаружены только для тех 5 глаголов, которые включены в Таблицу 2.

Таблица 2. Частотность употреблений с зависимым инфинитивом
для глаголов с дативным и с аккузативным экспериенцером

Глагол	Число употреблений с инфинитивом в индикативе	Всего употреблений в индикативе	Доля употреблений с инфинитивом
Глаголы с дативным экспериенцером			
<i>надоесть</i>	814	4855	0.17
<i>надоедать</i>	63	509	0.12
<i>нравиться</i>	1240	20226	0.06
<i>полюбиться</i>	2	202	0.01
<i>понравиться</i>	94	11027	0.009
Глаголы с аккузативным экспериенцером			
<i>страшить</i>	4	349	0.01
<i>бесить</i>	1	460	0.002
<i>пугать</i>	2	3094	0.0007
<i>интересовать</i>	4	6892	0.0006
<i>радовать</i>	1	2164	0.0005

Данные о частотности употреблений глаголов двух рассматриваемых типов с инфинитивами согласуются с наблюдениями о различиях в их грамматической приемлемости. Как показывает Таблица 2, у глаголов с дативным экспериенцером употребления в конструкциях с зависимым инфинитивом гораздо более распространены, чем у глаголов с аккузативным экспериенцером, для которых в НКРЯ встретились лишь единичные употребления с инфинитивом. Таким образом, экспериенцер в дательном падеже чаще контролирует нулевое подлежащее при зависимом инфинитиве, чем экспериенцер в винительном падеже. Одно из объяснений подобных различий предлагается в работе [Летучий 2012: 69–70], где ограниченная употребительность инфинитива при глаголах с аккузативным экспериенцером связывается с неспособностью

инфinitива занимать позицию подлежащего при переходных глаголах³². Даже если эти различия обусловлены свойствами инфинитивных зависимых, а не объектных экспериенцеров разных типов, можно сказать, что в текстах экспериенцеры в дательном падеже в большей степени, чем экспериенцеры в винительном падеже, являются сквозными участниками для последовательностей из двух и более клауз, что с точки зрения дискурсивных свойств сближает их с каноническими подлежащими, которые часто являются топикальными участниками, ср. подобную интерпретацию склонности дативных субъектов контролировать нулевое подлежащее при зависимом инфинитиве в [Сай 2014: 601–602].

Таким образом, и у дативных, и у аккузативных групп с ролью экспериенцера обнаруживаются употребления, в которых они обладают некоторыми синтаксическими свойствами подлежащего: контролируют референцию рефлексивного местоимения, нуля при деепричастии и нуля при инфинитиве в целевом обороте с союзом *чтобы*. Если учитывать только принципиальное существование таких употреблений, но не их грамматическую приемлемость или частотность, группы экспериенцера в винительном падеже в такой же степени обладают свойствами неканонических подлежащих, как и группы экспериенцера в дательном падеже, для которых наличие основных синтаксических подлежащих свойств многократно демонстрировалось в литературе. Однако с точки зрения грамматической приемлемости употребления, в которых аккузативный экспериенцер демонстрирует свойства подлежащего, часто более сомнительны, чем употребления с дативным экспериенцером с такими же свойствами. Для двух свойств: контроля рефлексивных местоимений и контроля нулевого подлежащего при зависимом инфинитиве — были привлечены количественные данные. Они указывают на то, что дативные группы с ролью экспериенцера употребляются в таких контекстах, где они ведут себя подобно

³² Ср. типологическое обобщение, касающееся доступности различных ядерных позиций для сентенциальных зависимых, предлагаемое в [Dixon 2010: 379]. Согласно этому обобщению, наиболее доступной позицией для сентенциальных зависимых является позиция прямого дополнения (О-участника), затем следует позиция подлежащего при непереходном глаголе (позиция S-участника), реже всего типологически сентенциальные зависимости могут занимать позицию подлежащего при переходном глаголе (А-участника).

подлежащему, чаще, чем аккузативные группы с этой ролью. Проверка этих и других свойств на более обширном корпусном материале представляется затруднительной, поскольку употребления, в которых дативные и аккузативные экспериенцеры обладают подлежащими свойствами, часто находятся на грани приемлемости с точки зрения нормы и не частотны.

Как говорилось в разделе 1, отклонения от базового порядка слов, наблюдаемые в предложениях с неноминативными экспериенцерами, также часто рассматриваются в ряду свойств, сближающих их с подлежащим, см. [Бонч-Осмоловская 2003; Гиро-Вебер 2005; Сай 2014]. Как и примеры (1)–(2) в разделе 1, примеры (22)–(23) ниже показывают, что объектные группы с ролью экспериенцера часто занимают предглагольную позицию, которая в русском языке по умолчанию ассоциируется с подлежащим, в то время как «обычные» прямые и непрямые дополнения, выраженные существительными, при нейтральном коммуникативном членении располагаются после глагола, как в примерах (24)–(25).

- (22) *Допустим, шилона интересует новая баллистическая ракета.* [Сергей Довлатов. Чемодан (1986)]
- (23) *И вообще вельможным панам наскучила вся эта русская история.* [Эдвард Радзинский. Лжедмитрий (1999)]
- (24) *Мама завела котенка (...).* [Дарья Донцова. Микстура от косоглазия (2003)]
- (25) *Его имение достаётся захватчикам.* [Алексей Филиппов. Спектакль-привидение. Премьера Театра имени Пушкина напоминает о его недавнем прошлом (2003) // «Известия», 2003.01.10]

Употребления с порядком слов, при котором группа экспериенцера предшествует глаголу, являются нормативными и достаточно распространеными. Вполне допустимы и частотны и такие употребления глаголов с неноминативными экспериенцерами, в которых представлено базовое для

русского языка расположение подлежащего и объектов, ср. (26)–(27), где группы экспериенцера в винительном и в дательном падеже следуют за глаголом.

(26) *И потому Фридин крик сильно поразил близких.* [Л. К. Чуковская. Памяти Фриды (1966–1967)]

(27) *Мое безделье, наверное, надоело серьезной птице.* [Вадим Бурлак. Хранители древних тайн (2001)]

Таким образом, порядок слов может рассматриваться с помощью количественных методов на большой выборке примеров, поэтому эта особенность аккузативных экспериенцеров и была выбрана в качестве центрального предмета исследования данной главы.

3. Природа подлежащих свойств объектного экспериенцера

3.1. *Подлежащие свойства как следствие коммуникативных свойств экспериенцера*

Выше упоминалось, что во многих языках неноминативные экспериенцеры обладают более или менее широким подмножеством свойств, характеризующих каноническое подлежащее. Верно также и то, что неканонические подлежащие, которые описываются в литературе, в основном соответствуют именно участникам с ролью экспериенцера, см. [Onishi 2001: 23–43]. В этом разделе обсуждаются возможные объяснения синтаксического сходства объектных экспериенцеров с подлежащими. Большинство приводимых здесь обобщений предложено в работах, не рассматривающих непосредственно факты русского языка. Тем не менее они могут быть распространены и на русский язык, поскольку объектные экспериенцеры в русском языке обладают многими из тех свойств, которые рассматриваются в этих работах.

Во многих исследованиях те синтаксические свойства подлежащего, которыми часто обладают объектные экспериенцеры, связываются не с ролью экспериенцера как таковой, а с семантическими и коммуникативными особенностями участников с этой ролью и экспериенциальной ситуации в целом. Они состоят в том, что в роли экспериенцера обычно выступает одушевленный, чаще

всего — личный, участник, стимул же может быть как одушевленным, так и неодушевленным, см. обсуждение свойств участников в разделе 1.2 главы 1. Личные и, шире, одушевленные участники обычно обладают большей степенью топикальности, чем неодушевленные участники, см., например, [Du Bois 1987: 829; Croft 1991: 151]. Топикальность участника определяется тем, насколько часто он фигурирует в ситуациях, описываемых в рамках некоторой последовательности клауз, см. о разных аспектах топикальности в разделе 3.2. Участник, обладающий наибольшей степенью топикальности в рамках отдельно взятого предложения, в более распространенных в русскоязычной традиции терминах будет являться темой. Можно ожидать, что из двух участников экспериенциальной ситуации экспериенцер чаще будет топикальным, чем стимул, особенно в тех случаях, когда последний является неодушевленным, ср. [Verhoeven 2014]. Согласно ряду работ, именно с топикальностью экспериенцера следует связывать такие свойства, как способность контролировать рефлексивные местоимения и служить антецедентом нулевых анафорических выражений в конструкциях, подобных деепричастным оборотам в русском языке, а также занимать линейную позицию, ассоциирующуюся с каноническим подлежащим, см. [Bickel 2004³³; Comrie 2004].

В традиционных описаниях русского синтаксиса также обсуждается вопрос о том, насколько предглагольное расположение объектов, соответствующих субъекту состояния, определяется коммуникативным членением предложения. При некоторых различиях в трактовке понятия субъекта, в работах [Золотова 1982: 139, 141; Шведова 2005: 265–266] отмечается, что расположение в начале предложения является для неноминативного субъекта нейтральным, не связанным с реализующимся в конкретном контексте актуальным членением, см. примеры (28)–(29) из указанных работ.

(28) *Детям надоела школа.*

³³ Дискурсивно обусловленным свойствам неканонических подлежащих Б. Бикель противопоставляет морфологические (способность вызывать согласование) и строго синтаксические признаки приоритета, такие как способность подвергаться подъему и быть мишенью контроля [Там же].

(29) Учителя возмутила ложь.

В то же время типичным для предложений, подобных (28)–(29), считается такое актуальное членение, при котором препозитивная форма, соответствующая субъекту состояния в дательном или винительном падеже, служит темой, а оставшаяся часть, включая форму номинатива, относится к реме, см. [Ковтунова 1976: 173–183; Шведова 1980: § 2140; Золотова 1982: 214]³⁴. В указанных работах в качестве неноминативного субъекта в большей части примеров выступает одушевленный участник, обычно — экспериенцер, а позицию номинативного подлежащего — неодушевленный участник, как в (28)–(29). Однако одушевленность участников не рассматривается как существенное для статуса субъекта свойство, и в отдельных примерах в качестве неноминативных субъектов рассматриваются неодушевленные участники, например формы *светлое северное небо* в (30) и *улицу* в (31).

(30) *Светлое северное небо* слабо озаряла туманная луна.

(31) *Улицу* перебегают разносчики кофе.

Таким образом, предлагаемый в русистике анализ порядка слов в предложениях с неноминативными субъектами указывает на то, что препозиция объектных экспериенцеров глаголу связана с конвенционализованным распределением коммуникативных ролей: чаще всего субъект имеет статус темы, поэтому такой порядок слов, при котором группа субъекта находится в начале предложения, кажется наиболее естественным и вне контекста.

Итак, возможно, предглагольное положение неноминативных групп экспериенцера и некоторые другие свойства, сближающие их с подлежащим, могут объясняться не самой ролью экспериенцера, а тем, что участники с такой

³⁴ В трактовке Н. Ю. Шведовой в части случаев субъект состояния рассматривается как объектный детерминант — падежная форма, относящаяся ко всему предложению в целом и в обычном случае занимающая в нем начальное положение, см. [Шведова 2005: 181, 184, 198]. Детерминантами, по Н. Ю. Шведовой, следует считать формы, которые не являются управляемыми, например формы дательного падежа при словах категории состояния (*Мне больно, Вам холодно*), поэтому ни группы экспериенцера в винительном падеже, ни дативные группы при глаголах *нравиться* или *надоест* как детерминанты рассматриваться не должны.

ролью часто обладают тематическим статусом, или высокой топикальностью. Тогда, чтобы проверить, связаны ли отклонения от базового порядка слов собственно с ролью экспериенцера, а не с его коммуникативными свойствами, предложения с объектными экспериенцерами необходимо сравнивать с предложениями, в которых в таких же позициях были бы выражены два участника с такими же онтологическими свойствами, как у экспериенцера и стимула, но с другими семантическими ролями. В такой перспективе предложения с объектными экспериенцерами также рассматриваются в нескольких работах; полученные в них обобщения обсуждаются в следующем разделе.

3.2. Связь порядка слов с семантической ролью при учете коммуникативных свойств

Необходимость учитывать возможную связь порядка слов в предложениях с неноминативными экспериенцерами с одушевленностью и топикальностью участников обсуждается в статье [Haspelmath 2001: 68–69]. В ней рассматривается порядок слов при итальянских глаголах *piacere* ‘нравиться’ (32) и *somigliare* ‘походить’ (33) (примеры взяты из указанной статьи). При обоих глаголах в (32)–(33) позицию подлежащего занимает неодушевленный участник, позицию косвенного объекта — личный участник.

(32) a. *La sua nuova bici piace a Livia.*

b. *A Livia piace la sua nuova bici.*

‘Ливии нравится ее новый велосипед’.

(33) a. *Questa statua somiglia a Cleopatra.*

b. *A Cleopatra somiglia questa statua.*

‘Эта статуя похожа на Клеопатру’.

Согласно [Haspelmath 2001: 69], порядок слов, при котором объект находится в препозиции к глаголу, является распространенным и немаркированным (“relatively usual, unmarked word order”) для глагола *piacere* ‘нравиться’ (32b), но не для неэкспериенциального глагола *somigliare* ‘походить’

(33b). Этот контраст указывает на то, что порядок слов при глаголах с объектным экспериенцером не сводится к эффектам, связанным с одушевленностью участников ситуации.

Более подробные исследования связи между ролевыми свойствами участников и порядком слов при учете их одушевленности и коммуникативных свойств представлены в статьях [Verhoeven 2015; Temme, Verhoeven 2016]. В [Verhoeven 2015] на корпусном материале рассматривается связь между одушевленностью и определенностью участников, типом глагола, выбором активной или пассивной конструкции, типом выражения участника и порядком слов в немецком языке. В частности, автор обнаруживает, что при глаголах с экспериенцером в позиции прямого дополнения и неодушевленным стимулом в позиции подлежащего, аналогичных русским глаголам *интересовать* или *раздражать*, порядок слов, при котором прямое дополнение располагается левее, чем подлежащее, встречается чаще, чем при канонических переходных глаголах типа *heilen* ‘исцелять’, *retten* ‘спасать’, *wecken* ‘будить’, употребленных с неодушевленным подлежащим и одушевленным прямым дополнением.

В статье [Temme, Verhoeven 2016] представлены результаты экспериментального исследования, проведенного на материале немецкого, новогреческого, венгерского и корейского языков. Как и в предыдущей работе, с точки зрения порядка слов объектные группы с ролью экспериенцера сравниваются с группами в такой же падежной форме, соответствующими участникам с другими ролями. Рассматриваются только контексты с неодушевленным подлежащим и одушевленным объектом с глаголами тех же типов, что и в предыдущем случае: в частности, глаголы с аккузативным экспериенцером типа *удивлять*, *огорчать* противопоставляются каноническим переходным глаголам, допускающим употребление с неодушевленным подлежащим, аналогичным русским глаголам *защищать* или *ранить*. Таким образом, исследовался предпочтительный порядок слов в предложениях, подобных (34)–(35), с экспериенциальным и неэкспериенциальным глаголами, соответственно.

(34) а. *Дождь обрадовал фермера.*

б. *Фермера обрадовал дождь.*

(35) а. *Лекарство излечило больного.*

б. *Больного излечило лекарство.*

Для того чтобы независимо оценить влияние типа глагола (иными словами, ролей участников) и топикальности, задавался предшествующий контекст, который предполагал в половине случаев топикализацию прямого объекта в проверяемой клаузе, в другой половине — тетическое прочтение (вопрос типа *Что случилось?*).

Как показало исследование, для части языков предшествующий контекст действительно оказался значимо связанным с порядком слов. В соответствии с ожиданиями, в случаях когда такая связь оказывалась значимой, расположение объекта до подлежащего выбиралось чаще в случае, если предшествующим контекстом был задан топикальный статус соответствующего участника, см. [Temme, Verhoeven 2016: 798].

В результате эксперимента также была обнаружена связь между типом глагола и порядком слов для предложений с объектами в аккузативе в немецком, венгерском и корейском языках. В первых двух языках объект с ролью экспериментера чаще предшествует подлежащему, чем объект с ролью пациента, в третьем наблюдается обратное различие.

В обоих исследованиях авторы исходят из генеративных представлений о том, что реализация группы одного участника в препозиции группе другого участника может быть связана с его более высоким положением в синтаксической структуре, и рассматривают такое объяснение в терминах различий в структурной позиции как альтернативу функциональному объяснению в терминах топикальности и других дискурсивных свойств, ср. [Verhoeven 2015: 52; Temme, Verhoeven 2016: 772–773, 799–801]. Разным структурным положением они объясняют различия между дативными и аккузативными группами экспериментера, которые здесь не рассматривались. Различие же между аккузативными группами с ролями экспериментера и пациента, согласно анализу авторов, не может быть объяснено более высоким структурным положением

аккузативного экспериенцера по сравнению с номинативным стимулом, потому что такая структура уже предложена для дативного экспериенцера [Temme, Verhoeven 2016: 799–800]. Поэтому, несмотря на учет предшествующего контекста, авторы неожиданным образом объясняют контраст между аккузативным экспериенцером и пациентом различиями в их дискурсивных свойствах — тем, что экспериенцер в большей степени склонен служить участником, о котором делается данное утверждение, ср.: «The notion of “topic” that applies to these cases is the notion of aboutness topic: the intuition is that experiential predicates may be used as statements about the experiencing individual without contextual requirements (i. e., in all new contexts), whereas such utterances are less likely to occur for patients of canonical verbs» [Там же: 773].

Как можно видеть, понятие “aboutness topic”, которое используется авторами, очень близко к традиционному понятию темы, см. подробнее об “aboutness topic” в [Cook, Bildhauer 2013]. Таким образом, как и в большинстве упоминавшихся в этом разделе работ, в статье [Temme, Verhoeven 2016] различия в склонности объектов, соответствующих одушевленным участникам, в частности — экспериенцеру, линейно предшествовать подлежащему в конечном счете объясняются их дискурсивными свойствами, которые, по предложению авторов, являются различными для участников с разными ролями.

Таким образом, существует два аспекта топикальности, или тематичности, участника, которые соотносятся с двумя основными компонентами традиционного определения темы и которые следует учитывать при проверке связи порядка слов с его дискурсивными свойствами, ср. [Givón 2001: 277]. Первый — доступность референта в предшествующем контексте — согласуется с представлениями о связи темы и данного, согласно которым темой часто служит известная информация. Второй связан с тем, продолжает ли участник, выраженный в рассматриваемой клаузе, фигурировать в последующих клаузах — этот аспект соответствует представлению о том, что тема — это тот референт, о котором делается утверждение. Второй из этих аспектов особенно важен в условиях,

когда все участники в клаузе являются новыми, не известными из предшествующего контекста: ожидается, что в подобных случаях топикальность определяется тем, насколько важное место, с точки зрения говорящего, данный участник будет занимать в последующих клаузах³⁵. Ни один из этих аспектов топикальности не может быть исчерпывающе описан с помощью объективных характеристик контекста, однако существуют меры, которые могут рассматриваться в качестве коррелятов топикальности и отражают связываемые со степенью топикальности аспекты грамматического поведения (тип выражения участников, порядок слов и т. п.), см. [Givón 1983; 1994]. В указанных работах Т. Гивона предлагаются две таких меры: референциальное расстояние — расстояние в клаузах до предыдущего упоминания данного участника — и «живучесть» (persistence) — количество упоминаний участника в более или менее протяженном отрезке последующих клауз.

В настоящем исследовании порядка слов при глаголах с аккузативным экспериенцером в русском языке также учитывались эти два аспекта топикальности участников и проверялось, обнаруживается ли при контроле этих коммуникативных свойств участников связь между порядком слов и семантической группой глагола. В следующем разделе обсуждаются некоторые практические проблемы, которые необходимо учитывать при проверке наличия этой связи, и обосновываются способы их решения, принятые в данном исследовании.

3.3. Подход к проверке связи между семантическим типом глагола и порядком слов, принятый в данном исследовании

Итак, склонность неноминативных групп экспериенцера занимать линейную позицию, ассоциирующуюся с подлежащим, в ряде исследований объясняется не ролью экспериенцера как таковой, а семантическими и дискурсивными свойствами участников с этой ролью — тем, что они являются одушевленными и в силу этого часто обладают тематическим статусом, или высокой степенью топикальности.

³⁵ В [Frascarelli, Hinterhölzl 2007: 88] эти два компонента топикальности разводятся и предлагается выделять два разных типа топика: “familiar topic” и “aboutness topic”.

Можно ожидать, что отклонения от базового порядка слов и другие подлежащные свойства группы экспериенцера будут в большей степени проявляться тогда, когда в качестве стимула в той же клаузе выступает неодушевленный участник, поскольку одушевленный стимул скорее может конкурировать с экспериенцером при распределении коммуникативных статусов. Кроме того, при некоторых глаголах с аккузативным экспериенцером одушевленный стимул может быть и агентивным (36), и неагентивным (37), и это противопоставление также может быть связано с порядком слов, см. о возможном влиянии этого противопоставления на порядок слов [Verhoeven 2014; 2015; Temme, Verhoeven 2016].

- (36) *Я не поклонница С. Кинга с его ужастиками (слышала, что он до того дописался, что боится темноты, и его родные дети специально пугали его, выключая свет в доме... [коллективный. Форум: Обсуждение фильма «Побег из Шоушенка» (2009–2011)]*
- (37) *«А это ему даже шло, — писал Евгений Шварц. — <...> Он, конечно, был последний в роду. Дальше потомство пошло бы совсем уж страшное. Вот отчего даже чужие дети пугали его.» [Илья Авраменко. Даниил Хармс: тридцать два зуба и восемь (2002) // «Домовой», 2002.01.04]*

В данном случае было принято решение свести к минимуму количество противопоставлений, рассматриваемых для подлежащего, и ограничить исследование такими употреблениями, в которых позицию подлежащего занимает неодушевленный участник, выраженный с помощью полной ИГ, как в примерах (38)–(39)³⁶.

³⁶ Также исключались из рассмотрения примеры, в которых стимул является расщепленным (i): в таких случаях между участником в позиции подлежащего и участником, выраженным в творительном падеже, (выделены в (i) подчеркиванием) существуют отношения, подобные посессивным, см. о расщепленных участниках при глаголах эмоций в [Падучева 2004а: 282–284].

(i) *Некоторые мысли его удивили меня высокой точностью попадания.* [Фазиль Искандер. Начало (1969)]

- (38) *На четвертый день к вечеру нас обрадовало появление скудной растительности.* [В. А. Обручев. В дебрях Центральной Азии (1951)]
- (39) *Но все эти шутки мало уже интересовали нашего героя.* [Александр Житинский. Лестница (1972)]

В силу связи между топикальностью и одушевленностью именно при неодушевленном стимуле можно скорее ожидать начального расположения группы экспериенцера. Кроме того, при глаголах с аккузативным экспериенцером неодушевленный стимул занимает позицию подлежащего значительно чаще, чем одушевленный, см. [Овсянникова 2015: 449].

В исследованиях, обсуждавшихся в разделе 3.2, в контексте связи порядка слов с ролевыми свойствами участников и семантическим классом глагола, также рассматривались примеры с неодушевленными участниками в позиции подлежащего, см. [Haspelmath 2001: 68–69; Temme, Verhoeven 2016]. Глаголы с объектным экспериенцером в этих исследованиях сопоставлялись с глаголами, при которых объект соответствует участнику с другой ролью. Так, во второй из указанных работ глаголы, подобные русским *интересовать* и *удивить*, противопоставлялись переходным глаголам, которые могут употребляться с неодушевленным подлежащим, аналогичные русским глаголам *спасти*, *защищать*, *разбудить*, *исцелить*, *отравить*, *ранить*, *задержать* и др., ср. (40)–(41); участник в позиции прямого дополнения при этих глаголах в указанной работе считался пациентом.

- (40) *Самого Либиха спасла золотая табакерка, лежавшая в кармане его панталон.* [обобщенный. Коллекция рассказов мемориальных // «Наука и жизнь», 2006]
- (41) *Но мамонты не сами себя погубили — их погубило какое-то изменение природных условий.* [Василь Быков. Волчья яма (1999) // «Дружба народов», 1999.07.15]

Противопоставление подобных глаголов экспериенциальным для проверки связи между семантическим типом ситуации и порядком слов связано

с несколькими сложностями. Прежде всего можно заметить, что перечисленные выше переходные глаголы неоднородны с точки зрения ролевых свойств участника, который занимает при них позицию прямого дополнения. Если одушевленного участника при глаголах *ранить* или *отравить* действительно можно считать пациентом, то при глаголе *задержать* прямое дополнение скорее соответствует участнику с ролью темы, а при глаголе *разбудить* — эксперинцу изменения физиологического состояния. Многие из глаголов, способных употребляться с неодушевленным подлежащим, относятся к глаголам интерпретации, в частности *спасти*, *погубить*, *защищать*, *выручить*, т. е. описывают не какое-либо определенное действие, а тип эффекта, который определяется тем, как говорящий квалифицирует какую-либо ситуацию, см. [Адресян 2004; Кустова 2004: 211–241], а также [Кустова 1996]. При этом тот или иной эффект часто может быть приписан очень широкому кругу ситуаций, так что участники в позиции прямого дополнения могут в разной степени обладать пациентивными свойствами. Так, если в (41) одушевленный участник при глаголе *погубить* выступает в качестве несомненного пациента, ситуация, описываемая тем же глаголом в (42), предполагает гораздо менее существенное воздействие — речь идет о проигрыше в решающей партии, который привел к ничьей в матче и не позволил Леко стать чемпионом мира.

(42) *И Крамник повторил то же самое: он понимал, как трудно играть сопернику, имевшему очко преимущества в последней партии. Именно бремя лидерства и погубило Леко.* [О'кей, меня моя жизнь устраивает (2004) // «64 — Шахматное обозрение», 2004.11.15]

Семантическая неоднородность является наиболее существенным препятствием для того, чтобы использовать перечисленные глаголы для сопоставления с экспериментальными. Другая сложность заключается в том, что многие из них (*отравить*, *ранить*, *спасти*, *выручить*, *защищать*) чаще описывают ситуации с одушевленным агентом, в то время как употребления с неодушевленным участником нечастотны.

По этим причинам в настоящем исследовании противопоставляются не глаголы с прямым дополнением — экспериенцером и глаголы с прямым дополнением — пациентом, а две группы в рамках класса экспериенциальных глаголов, для которых на независимых основаниях можно ожидать различий в степени выраженности пациентивных свойств у участника-экспериенцера. Эти две группы глаголов подробно обсуждаются в следующем разделе.

Таким образом, если в обсуждавшихся выше исследованиях ставился вопрос об особых свойствах групп, соответствующих экспериенцеру, в противоположность группам с ролью пациента, в данном исследовании рассматриваются только глаголы с экспериенцером в позиции прямого дополнения, однако среди них выделяются глаголы с более и с менее близким к пациенту экспериенцером.

Итак, одна из существенных задач данного исследования состоит в проверке наличия связи между семантической группой глагола и расположением групп, соответствующих его участникам. Эта задача входит в общую цель описания порядка слов в клаузах с неодушевленным стимулом в позиции подлежащего и экспериенцером в позиции прямого дополнения. Признак семантической группы глагола рассматривается как один из многих признаков, для которых проверяется существование и степень связи с порядком слов. Методы, которые использовались для проверки такой связи, а также принципы составления выборки, на материале которой проводилось исследование, описываются в разделе 4.

4. Материал и методы: список глаголов, ограничение и обработка выборки

4.1. Две семантические группы экспериенциальных глаголов

Выборка предложений с аккузативным экспериенцером, на материале которой проводилось исследование, формировалась с опорой на список глаголов двух семантических групп.

Первая группа включает глаголы эмоций, например *интересовать*, *обидеть*, *страшить*. Как было показано в главе 2, экспериенцер находится в позиции прямого дополнения при большей части глаголов эмоций с подлежащим-стимулом, в то время как в группах восприятия и мышления

такие глаголы единичны, см. раздел 4.4 главы 1. Отбор глаголов эмоций для исследования порядка слов был основан на нескольких неформальных принципах. Во-первых, в выборку включались употребления наиболее частотных глаголов; учитывалась частотность глагола в целом, а также частотность его употреблений в индикативе. Можно ожидать, что к наиболее частотным глаголам относятся наиболее базовые семантически, а также что у более частотных глаголов будет больше и число употреблений, обладающих необходимыми свойствами (см. раздел 4.4). Во-вторых, по возможности включались однокоренные глаголы разных видов, например *радовать* и *обрадовать*, *удивить* и *удивлять*. Благодаря этому можно проверить наличие связи порядка слов с видом в парах глаголов, обозначающих одну и ту же экспериенциальную ситуацию³⁷. Наконец, в-третьих, желательно было, чтобы в это множество попали глаголы всех основных семантических зон в рамках класса эмоций, см. группы глаголов в [Иорданская 1970] и кластеры эмотивной лексики в [Апресян В. 2011а; 2011б]. В частности, среди выбранных глаголов есть относящиеся к зонам ‘страх’ (*испугать, страшить*), ‘гнев’ (*раздражать*), ‘удивление’ (*удивить, поразить*), ‘грусть’ (*огорчить*), ‘радость’ (*обрадовать*), ‘обида’ (*обижать*) и др. Полный список глаголов эмоций, употребления которых включались в выборку, представлен в левом столбце Таблицы 3. Правая половина содержит глаголы противопоставленной глаголам эмоций семантической группы, которые здесь будут называться глаголами физиологического воздействия. Для каждого глагола указано число употреблений, включенных в выборку.

³⁷ Включались только такие видовые корреляты, которые достаточно употребительны. По этой причине в выборке отсутствуют глаголы, парные глаголам *страшить, беспокоить, раздражить, оживлять* и некоторым другим.

Таблица 3. Глаголы, употребления которых включались в выборку
для исследования порядка слов

Глаголы эмоций		Глаголы физиологического воздействия	
НСВ	СВ	НСВ	СВ
<i>беспокоить</i>		<i>будить</i>	<i>разбудить</i>
<i>волновать</i>	<i>взволновать</i>		<i>оглушить</i>
<i>интересовать</i>	<i>заинтересовать</i>		<i>оживить</i>
<i>обижать</i>	<i>обидеть</i>	<i>опьянить</i>	<i>опьянить</i>
<i>огорчить</i>		<i>ослеплять</i>	<i>ослепить</i>
<i>поражать</i>	<i>поразить</i>	<i>отрезвлять</i>	<i>отрезвить</i>
<i>пугать</i>	<i>испугать</i>	<i>пьянить</i>	
<i>радовать</i>	<i>обрадовать</i>	<i>убаюкивать</i>	
<i>раздражать</i>		<i>утомлять</i>	<i>утомить</i>
<i>страшить</i>			
<i>тревожить</i>	<i>встревожить</i>		
<i>удивлять</i>	<i>удивить</i>		

Глаголы, объединенные в группу физиологического воздействия, описывают ощущаемое личным участником — экспериенцером — изменение состояния организма в целом (*опьянить*, *утомлять*, *оживить*) или каких-либо его частей (*ослепить*, *оглушить*), ср. (43)–(44).

- (43) *Однажды утром тревожный грохот в дверь разбудил меня.* [С. Сахарнов. Про слонов и змей // «Наука и жизнь», 2006]

- (44) *Яркий свет внезапно ослепил Веру.* [Александр Чаковский. Блокада (1968)]

Как упоминалось в главе 1, при предикатах физиологических ощущений экспериенцер в большей степени вовлечен в ситуацию и в меньшей степени наделен контролем, чем при предикатах, обозначающих эмоции, см. [Bossong 1998: 261; Malchukov 2005: 89–90]. Подобные семантические различия существуют и между глаголами двух групп, представленных в Таблице 3. В

семантике глаголов эмоций присутствует компонент ментальной оценки: стимул оценивается положительно (*обрадовать*) или отрицательно (*огорчить*), как неожиданный (*удивить*) или представляющий опасность (*страшить, пугать*), ср. [Апресян 1995б: 362, 458–459]. Глаголы же второй группы обозначают более непосредственное воздействие: экспериенцер испытывает изменение состояния организма, однако оно не обусловлено ментальной обработкой и оценкой стимула. В силу ментальной составляющей реакции и состояния, описываемые глаголами эмоций, в большей степени субъективны, связаны с личными свойствами и установками экспериенцера, в то время как воздействие, описываемое глаголами второй группы, более безусловное, объективное. Так, в ситуации, описываемой глаголом *огорчить*, отрицательная реакция на стимул в большей степени определяется индивидуальными свойствами экспериенцера, ср. [Кустова 1998: 36], и в какой-то степени может быть пересмотрена самим экспериенцером. В то же время ситуация, обозначенная, скажем, глаголом *ослепить*, предполагает, что экспериенцер временно или навсегда утратил способность видеть, и это состояние не может быть отменено ментальным усилием. Наличие компонента ментальной оценки в семантике глаголов эмоций и неконтролируемость физиологической реакции обсуждаются и в статье [Апресян В., Апресян 1993]. Итак, перечисленные семантические свойства соответствуют степени контроля экспериенцера над оказываемым на него воздействием: большей в случае глаголов эмоций, меньшей в случае глаголов физиологического воздействия³⁸. Как упоминалось выше, одна из важных задач данного исследования состоит в том, чтобы проверить, существует ли связь между семантической группой глагола и порядком слов. В свете семантических свойств двух рассматриваемых групп глаголов можно предположить, что, если

³⁸ Участника, занимающего позицию прямого дополнения, при некоторых (*ослепить, оглушиить, разбудить*) или всех перечисленных глаголах физиологического воздействия можно было бы считать не экспериенцером, а пациентом, — как говорилось в разделе 1.1 главы 1, приписывание семантических ролей во многих случаях условно, и в данном случае альтернативный анализ возможен. Тем не менее и при такой трактовке существенно, что глаголы физиологического воздействия составляют более или менее семантически однородную группу.

такая связь существует, то, при прочих равных, отклонения от базового порядка слов в большей степени ожидаются при глаголах эмоций, чем при глаголах физиологического воздействия.

Следует отметить, что некоторые из перечисленных глаголов физиологического воздействия в ряде примеров сближаются по значению с глаголами эмоций (45)–(46).

- (45) Чувство легко достающегося ему профессионализма и умения в любом новом деле пьянило его. [Владимир Маканин. Голоса (1977)]
- (46) Появление кристаллов ненадолго оживило путешественников. — Свет и смерть, здесь они равнозначны, — сказал Шумерин. [Дмитрий Биленкин. Десант на Меркурий (1967)]

В этих случаях глаголы описывают внутренние ощущения и поведенческие реакции, а не собственно изменение состояния организма. Тем не менее представляется, что, как и при употреблении в основном значении, в таких примерах глаголы сохраняют компонент непосредственного воздействия, в то время как компонент ментальной обработки стимула отсутствует. Поскольку невозможно четко разграничить такие употребления и употребления в основном значении, они также включались в выборку³⁹. При этом важно, что наличие таких употреблений может лишь сглаживать противопоставление между двумя типами ситуаций, а не, наоборот, искусственно создавать их.

В ряде работ обсуждалась возможная связь отклонений от базового порядка слов в клаузах с объектным экспериенцером с тем, существует ли возможность описать ту же ситуацию с помощью конструкции, в которой экспериенцер занимал бы позицию подлежащего, см. [Lamers, de Hoop 2014; Verhoeven 2015: 92–93]. Такая конструкция может содержать пассивную форму того же глагола или соотносительный с ним глагол, при котором между

³⁹ Некоторые глаголы эмоций, например *беспокоить* или *волновать*, также могут употребляться в двух несколько различных значениях: более «эмоциональном» и более ментальном. Противопоставление этих двух типов употреблений отдельных глаголов эмоций рассматривается в разделе 6 этой главы.

участниками иначе распределены синтаксические позиции. Такой способ описания ситуации, при котором экспериенцер занимал бы позицию подлежащего, может быть поставлен в соответствие всем глаголам с аккузативным экспериенцером, рассматриваемым в данном исследовании. Однако с точки зрения того, каково типичное грамматическое устройство этого способа, две группы глаголов значительно различаются. Для глаголов эмоций таким способом является прежде всего соотносительный возвратный глагол, при котором обычно сохраняются оба участника ситуации, например *волноваться, обрадоваться, страшиться*, — эти возвратные глаголы анализируются либо как декаузативы [Падучева 2004б], либо как конверсивы [Апресян 1995а: 271; 1998], см. также [Князев 2007: 540–541]. Глаголы эмоций СВ также могут выступать в конструкциях с пассивным причастием, которые обычно имеют статальную интерпретацию, см. о семантике таких конструкций в [Падучева 2004а: 277; Князев 2007: 562–563]. В (47)–(49) представлены употребления глагола *поразить* в активном залоге, глагола *поразиться* и конструкции с пассивным причастием *поражен*.

- (47) *Меня поразила его эрудиция* — он даже цитировал Пушкина наизусть.
[Владимир Голяховский. Русский доктор в Америке (1984–2001)]
- (48) *Работая со Святославом Бэлзой, я поразился его эрудиции, его невероятной памяти.* [Муслим Магомаев. Любовь моя — мелодия (1999)]
- (49) *Немцы были поражены его знаниями, организаторскими способностями.*
[Анастас Микоян. Так было (1971–1974)]

Из глаголов второй группы к глаголам эмоций примыкают глаголы *утомить* и *утомлять*, имеющие парные декаузативные глаголы⁴⁰. Основную же часть этой группы составляют глаголы, которые формируют с однокоренными глаголами с подлежащим-экспериенцером эквивалентные пары, т. е. при очевидной родственности лексем невозможно установить направление

⁴⁰ Глаголу *оживить* также можно поставить в соответствие декаузативный глагол *оживиться*, однако интересно, что этот глагол может обозначать изменение только эмоционального, но не физиологического состояния.

отношений формальной производности на синхронном уровне, см. [Haspelmath 1993], ср. *опьянить — опьянеть, ослепнуть — ослепить*. Глаголы *разбудить и будить*, как кажется, можно соотнести с глаголами *проснуться и просыпаться* — такие пары следует считать супплетивными, см. [Там же]. Кроме того, все глаголы СВ, принадлежащие к этой группе, могут более или менее регулярно использоваться в пассивной конструкции (ср. *был ослеплен*). Таким образом, с точки зрения наличия альтернативного способа описания ситуации с иным распределением синтаксических позиций эти две группы глаголов не противопоставлены друг другу. Можно предположить, что, если наличие такого способа и связано с порядком слов, то играет роль не его принципиальное существование, а его тип и соотношение частотности разных типов конструкций. Однако в рамках данного исследования эта проблема рассматриваться не будет.

В следующем разделе описывается распределение употреблений глаголов двух групп в предложениях с разным порядком слов и обсуждаются дальнейшие ограничения круга контекстов, вошедших в выборку.

4.2. Порядок слов при глаголах двух групп: общие закономерности

При создании выборки употреблений перечисленных выше глаголов были заданы ограничения: а) на семантический класс и тип выражения стимула; б) на тип выражения экспериенцера; в) на форму глагола. Как говорилось в конце раздела 3, рассматривались только употребления с неодушевленным стимулом, выраженным с помощью полной ИГ, как, например, в (43)–(47). Далее, в выборку включались только такие употребления, в которых экспериенцер выражен группой, возглавляемой местоимением 1-го (47) или 3-го лица (45), собственным (44) или нарицательным существительным (46). Тем самым исключались случаи, когда экспериенцер выражен с помощью личных местоимений 2-го лица, а также неличных местоимений (*все, многие и т. п.*)⁴¹. Наконец, примеры выборки

⁴¹ Такие примеры нечастотны, поэтому их сложно рассматривать как отдельные категории при количественном анализе. Помимо этого, с помощью местоимений 2-го лица экспериенцер выражается преимущественно в вопросах, которые могут отличаться с точки

ограничены такими, в которых глагол употреблен в форме прошедшего или настоящего времени.

Таблица 4 показывает, как употребления, соответствующие этим трем ограничениям, распределены с точки зрения порядка слов. Для каждого из четырех выделенных типов выражения экспериенцера и — в их рамках — для каждой из двух групп глаголов приводится среднее значение доли, которую составляет данный порядок слов⁴². Порядки слов упорядочены от наиболее к наименее частотному.

Таблица 4. Среднее значение доли каждого из порядков слов для четырех типов выражения экспериенцера и двух групп глаголов (Э vs. Ф)

	Мест. 1 л.		Мест. 3 л.		Собств. сущ.		Нариц. сущ.	
	Э	Ф	Э	Ф	Э	Ф	Э	Ф
SVO	0.17	0.41	0.28	0.51	0.43	0.69	0.55	0.83
OVS	0.46	0.37	0.42	0.25	0.34	0.21	0.30	0.14
SOV	0.25	0.16	0.25	0.19	0.08	0.08	0.05	0.01
OSV	0.07	0.01	0.01	0.01	0.07	0.02	0.07	0.02
VOS	0.05	0.05	0.04	0.05	0.08	0.01	0.04	0

зрения реализации коммуникативных противопоставлений от невопросительных предложений.

⁴² В Таблице 4 не приводятся данные для порядка слов VSO, который встретился только в двух из 2903 употреблений выборки. При вычислении среднего значения исключались глаголы, которые употреблены при данном сочетании типа выражения экспериенцера и группы глагола менее 5 раз.

Использование усредненной доли имеет два недостатка. Во-первых, сами доли, наблюдаемые для отдельных глаголов в выборке, с разной степенью точности отражают реальную долю в популяции — в зависимости от числа наблюдений, на основании которого высчитывается доля. Во-вторых, за средним значением долей могут стоять очень разные распределения долей для отдельных глаголов, в частности в значительной степени на среднее значение влияет наличие выбросов. Менее чувствительной к выбросам является медиана, которая в данном случае почти для всех случаев ниже среднего значения. Тем не менее среднее значение является более привычным способом обобщения данных, поэтому оно используется здесь для описания общих принципов распределения порядка слов.

Как видно из Таблицы 4, в целом два наиболее частотных порядка слов — SVO, см. (45)–(46), и OVS, см. (47), (50). Важно, что они составляют существенную долю для всех комбинаций типа выражения экспериенцера и группы глагола. Выбор между этими двумя порядками слов SVO и OVS подробно рассматривается в дальнейшем. Следующий по частотности порядок слов SOV характерен прежде всего для случаев, когда экспериенцер выражен местоимением (51). Два оставшихся порядка слов: OSV (52) и VOS (53) — встречаются гораздо реже.

- (50) *Однако его очень заинтересовала знакомая фамилия, мелькнувшая в одной из статей.* [Андрей Белозеров. Чайка (2001)]
- (51) *Обязанности прицепщика меня не так пугали, хотя они требуют выносливости и терпения.* [Чингиз Айтматов. Верблюжий глаз (1962)]
- (52) *Но после киевских храмов Анну эта сумрачная церковь с раскрашенной статуей мадонны не удивила...* [А. П. Ладинский. Анна Ярославна — королева Франции (1960)]
- (53) *И еще поразили меня дисциплина и порядок на съемочной площадке.* [Родион Нахапетов. Влюбленный (1998)]

На основании Таблицы 4 можно сделать предварительные наблюдения о распределении порядков SVO и OVS в зависимости от типа выражения экспериенцера и семантической группы глагола. При продвижении по Таблице 4 от местоимений 1-го лица до ИГ отдельно в рамках каждой из двух групп глаголов доля употреблений с порядком SVO непрерывно растет, в то время как доля употреблений с OVS падает. Между группами глаголов для всех типов выражения экспериенцера наблюдается одно и то же различие: при глаголах эмоций порядок слов OVS составляет большую долю, чем при глаголах физиологического воздействия. В разделе 5 эти два параметра рассматриваются подробнее и обсуждается их место среди других признаков, с которыми связан выбор между порядками SVO и OVS.

Группы глаголов также различаются частотностью употребления с порядками слов SOV и OSV, по крайней мере при некоторых типах выражения экспериенцера. Статистически значимые различия между группами обнаруживаются лишь для порядка SOV при экспериенцере, выраженном местоимениями 1-го лица⁴³. В целом же в имеющейся выборке недостаточно данных для того, чтобы оценить влияние семантической группы глагола на порядок слов, учитывая другие факторы, с которыми он может быть связан.

Из итоговой выборки, использовавшейся для исследования различий между порядками SVO и OVS, была исключена еще одна группа употреблений, которая обсуждается в следующем разделе.

4.3. Порядок слов SVO и наличие групп после глагола и ядерных участников

При предварительном обследовании выборки было обнаружено, что существует такой тип предложений, в которых вариативности между порядками слов SVO и OVS почти не наблюдается. Речь идет об употреблениях, в которых после глагола и расположенного после него ядерного участника: подлежащего или прямого дополнения — находятся какие-либо группы, чаще всего — предложные (54) или наречные (55). К той же категории относились употребления со сравнительными оборотами (56) и придаточными степени (57), которые интонационно и семантически в большей степени интегрированы в главную клаузу, чем другие типы обстоятельственных придаточных.

- (54) *Гудки тепловозов будили Соловьева по утрам, вечерами же его убаюкивал ритмичный стук колес.* [Евгений Водолазкин. Соловьев и Ларионов (2009)]
- (55) *Мысли о скорой смерти беспокоили меня часто.* [Павел Санаев. Похороните меня за плинтусом (1995) // «Октябрь», 1996]

⁴³ Для оценки различий между группами использовался критерий χ^2 для групп с внутренней кластеризацией с поправкой Доннера (“adjusted χ^2 test for clustered data”; функция drs(type = ‘d’) пакета aods3 [Lesnoff, Lancelot 2013] для R), $p \approx 0.03$. Употребления с порядком SOV для каждого глагола и типа выражения экспериенцера противопоставлялись употреблениям с прочими порядками. Использование указанных поправок позволяет сравнить распределения в двух группах глаголов, учитывая то, что в рамках этих распределений выделяются подмножества,

(56) *И этот неясный тусклый свет обрадовал Яло, как солнце. [Виталий Губарев. Королевство кривых зеркал (1951)]*

(57) *Этот толстый палец так поразил Маянова, что он последовал за Снеговым как овечка. [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. За миллиард лет до конца света (1974)]*

В основном в употреблениях, содержащих такие обстоятельственные группы, представлен порядок слов SVO, ср. примеры (54)–(57). Как показывает Таблица 5, между наличием групп после глагола и ядерных участников и порядком слов SVO наблюдается сильнейшая связь (критерий χ^2 , $p < 0.001$).

Таблица 5. Наличие групп после глагола и ядерных участников и порядок слов

Группы после глагола	SVO	OVS	Доля SVO
присутствуют	139	4	0.97
отсутствуют	858	1130	0.43

Порядок OVS при этом условии встречается в выборке в единичных употреблениях (58)–(59). Во всех этих случаях предложения содержат глаголы эмоций, однако это не показательно, потому что глаголы эмоций более частотны, чем глаголы другой группы, в выборке в целом. Возможно, более существенно то, что в двух из этих примеров после подлежащего употреблены сравнительный оборот и придаточное степени, в двух других — группы, которые соответствуют добавочной, дополняющей информации, как в (59), — т. е. группы, характеризующиеся слабой степенью интеграции в клаузу, возглавляемую экспериенциальным глаголом.

(58) *Анну Васильевну огорчило опоздание Савушкина, как досадная нескладица, испортившая хорошо начатый день. [Юрий Нагибин. Зимний дуб (1953)]*

(59) *Знаете, меня поражает тоже притча о Страшном суде в этом контексте. [митрополит Антоний (Блум). Христианство сегодня (1990)]*

С точки зрения грамматической приемлемости порядка слов OVS употребления с постглагольными сравнительными оборотами и придаточными

степени также ведут себя иначе, чем употребления с наречными и предложными группами. В случае последних при изменении порядка слов с SVO на OVS предложение становится неграмматичным, по крайней мере не соответствующим нормам письменной речи, ср. (60)–(61), полученные путем преобразования примеров (54)–(55). Для менее интегрированных в клаузу групп такое изменение не приводит к неграмматичности, ср. (57) и (62).

- (60) *??Соловьева будили гудки тепловозов по утрам.*
(61) *??Меня беспокоили мысли о скорой смерти часто.*
(62) *Маянова так поразил этот толстый палец, что он последовал за Снеговым как овечка.*

Для прямых дополнений, выраженных местоимениями, связь между наличием зависимых после глагола и порядком слов SVO в русском языке показана в работе [Холодилова 2013: 74–75]. В статье [Jacennik, Dryer 1992] обсуждается расположение и коммуникативные свойства подлежащего, связанные с присутствием групп после глагола, в польском языке. В частности, обнаруживается, что при порядке слов VSX (т. е. при наличии групп, иных, чем подлежащее, после глагола) подлежащее чаще, чем при порядках VS и SV, упомянуто в предшествующих клаузах и расстояние до его упоминания обычно меньше, чем для двух других порядков. Эти и некоторые другие особенности порядка слов VSX авторы связывают с важностью последней позиции в клаузе [Там же: 233], которую, согласно одному из предлагаемых объяснений, занимает коммуникативно выделенная (highlighted) группа [Там же: 227].

На материале имеющейся выборки употреблений также можно обнаружить связь между наличием групп после глагола и ядерных участников и коммуникативными свойствами подлежащего и прямого дополнения. В данном случае используется только подмножество употреблений с порядком слов SVO. Прежде всего, рассматривается данность подлежащего-стимула. В разделе 5.1 этот признак подробно обсуждается в связи с выбором между порядками слов SVO и OVS. Здесь достаточно будет сказать, что с точки зрения этого признака противопоставляются данные, доступные и новые участники, в соответствии с

[Lambrecht 1994: 93–101]. Данным считался такой участник, который напрямую упомянут в клаузе, непосредственно предшествующей клаузе с экспериенциальным глаголом (56). Доступным — участник, упомянутый ранее, чем в предыдущей клаузе (проверялись предшествующие 10 клауз), или не названный в предшествующем контексте, но подразумеваемый (например, в силу отношений часть — целое) (54). Новым считался не упоминавшийся ранее и не выводимый из предшествующего контекста участник (59). Развёрнутые примеры, иллюстрирующие каждый из этих статусов, приведены в разделе 5.1. Таблица 6 показывает, как распределяются употребления с порядком слов SVO, содержащие обстоятельственные группы после глагола и не содержащие их, в зависимости от данности стимула.

Таблица 6. Данность подлежащего-стимула и наличие обстоятельственных групп после глагола в предложениях с порядком слов SVO

Данность подлежащего	Обстоятельственные группы после глагола		Доля употреблений с обстоятельственными группами
	присутствуют	отсутствуют	
Данное	35	221	0.14
Доступное	75	392	0.16
Новое	29	244	0.11
Всего	140	857	

На основании Таблицы 6 можно предположить, что в употреблениях, содержащих группы после глагола и ядерных участников, стимул является данным или доступным чаще, чем новым (статистически значимые различия наблюдаются между распределением употреблений с новым стимулом и доступным стимулом, критерий χ^2 , $p < 0.001$ в обоих случаях). В несколько более явном виде эта связь обнаруживается, если рассматривать ее отдельно для каждого типа выражения прямого дополнения.

Для прямого дополнения — экспериенцера не вводилось противопоставление по данности, коммуникативному или референциальному статусу, поскольку

об этих свойствах в значительной степени можно судить по типу выражения экспериенцера. Экспериенцер, выраженный личным местоимением 1 л., всегда является данным в силу присутствия в коммуникативной ситуации. Местоимение 3 л. также обычно соответствует данному участнику, но такому, который присутствует не в ситуации коммуникации, а в непосредственно предшествующем контексте. С помощью имени собственного выражаются прежде всего данные или доступные участники, полной ИГ — доступные или новые, см. подробнее разделы 6.2 и 6.8 ниже. В Таблице 7 представлены распределения употреблений, содержащих и не содержащих обстоятельственные группы после глагола, в зависимости от типа выражения экспериенцера и данности стимула.

Таблица 7. Наличие (+/-) обстоятельственных групп после глагола при четырех типах выражения прямого дополнения — экспериенцера для трех степеней данности подлежащего-стимула

Прямое дополнение	Данное			Доступное			Новое		
	+	-	Доля +	+	-	Доля +	+	-	Доля +
Мест. 1 л.	15	29	0.34	20	50	0.29	11	55	0.17
Мест. 3 л.	7	39	0.15	26	95	0.21	13	65	0.17
Им. собст.	7	57	0.11	10	89	0.10	2	42	0.05
Им. нариц.	7	96	0.07	19	158	0.11	3	82	0.04

Данные, представленные в Таблице 7, позволяют говорить о наличии сильной связи между типом выражения экспериенцера и наличием групп после глагола (критерий Кохрана-Мантеля-Хензеля⁴⁴, $p < 0.001$). В целом обстоятельственные группы чаще встречаются в употреблениях с экспериенцером, который занимает более высокое положение в референциальной иерархии, см. [Silverstein 1976], а также раздел 5.2. Наиболее последовательно прослеживается противопоставление личных местоимений существительным:

⁴⁴ Этот критерий позволяет проверить независимость двух признаков, в данном случае — наличия групп после глагола и типа выражения экспериенцера, противопоставленных в рамках нескольких страт, здесь — групп, выделенных на основании данности стимула, см. [McDonald 2014: 94–100].

в предложениях с экспериенцером, выраженным с помощью местоимения, обстоятельственные группы присутствуют после глагола чаще, чем в предложениях с экспериенцером, выраженным существительным.

Также на материале Таблицы 7 можно рассмотреть связь между данностью стимула и наличием групп после глагола отдельно для каждого типа выражения экспериенцера. Эта связь прослеживается в подмножествах употреблений с экспериенцерами, выраженными местоимением 1 л. и именами собственными, в то время как в оставшихся двух группах обстоятельственные группы чаще всего встречаются в употреблениях с доступным стимулом.

Таким образом, статистически появление групп после глагола и ядерных участников связано с данностью или доступностью подлежащего и местоименным выражением, т. е. — косвенно — также данностью, прямого дополнения. Можно предположить, что в таких употреблениях группа, находящаяся в финальном положении, находится в фокусе, в частности многие употребления предполагают контрастивное выделение этой группы, ср. (54) противопоставление групп *по утрам и вечерами*, в (56) — *неясный тусклый свет и как солнце*. Коммуникативная структура таких предложений обсуждается в статье [Падучева 2016: 47, 58–59]. Согласно предлагаемому в этой статье анализу, обстоятельственная группа в постпозиции к глаголу находится в рематической позиции и соответствует ассерции, в то время как глагол и оставшиеся группы составляют в таких предложениях тему и относятся к пресуппозиции. Таким образом, можно предположить, что применительно к предложениям с аккузативным экспериенцером можно считать, что при рематическом постглагольном расположении обстоятельственной группы коммуникативное противопоставление подлежащего и прямого дополнения отсутствует, поэтому предпочтается наиболее базовый и нейтральный способ их расположения и вариативности в порядке слов почти не наблюдается.

Даже если такое объяснение предпочтения порядка слов SVO в предложениях с группами после глагола и ядерных участников оправданно, необычно то, что — по крайней мере в условиях, которыми ограничена данная выборка, — это

предпочтение является почти абсолютным, а его нарушение обычно приводит к неграмматичности. В силу того, что при наличии групп после глагола и ядерных участников вариативности между порядками слов SVO и OVS почти не наблюдается, такие употребления были полностью исключены из итоговой выборки (в результате исключения 143 примеров этого типа в выборке остается 1988 употреблений).

4.4. Итоговый состав и методы статистической обработки выборки

Число употреблений, получившееся в результате учета всех описанных в разделах 4.2–4.3 ограничений, отдельно для каждого из глаголов, а также для двух семантических групп в целом представлено в Таблице 8, которая повторяет список глаголов, обсуждавшийся в разделе 4.1 выше.

Таблица 8. Итоговое количество употреблений
экспериментальных глаголов, включенных в выборку

Глаголы эмоций				Глаголы физиологического воздействия			
НСВ		СВ		НСВ		СВ	
беспокоить	64			будить	51	разбудить	171
волновать	66	взволновать	76	оглушить	52		
интересовать	129	заинтересовать	134	оживить	14		
обижать	21	обидеть	36	опьянить	7	опьянить	9
огорчить	55			ослеплять	18	ослепить	75
поражать	58	поразить	95	отрезвлять	9	отрезвить	44
пугать	51	испугать	79	пьянить	17		
радовать	20	обрадовать	71	убаюкивать	7		
раздражать	50			утомлять	45	утомить	55
страшить	44						
тревожить	146	встревожить	46				
удивлять	122	удивить	51				
Всего	1414			Всего	574		

Таблица 8 показывает, что по числу употреблений, вошедших в итоговую выборку, глаголы распределены очень неравномерно: для некоторых глаголов включено более сотни употреблений (*разбудить, интересовать, заинтересовать, тревожить*), некоторые встречаются в выборке менее десяти раз (*опьянить, опьянить, убаюкивать*). В значительной степени этот разброс связан с процессом отбора употреблений для исследования, который был разным в случае разных глаголов. Для некоторых глаголов из используемого подкорпуса НКРЯ (тексты основного подкорпуса, созданные строго после 1950 г.) извлекались все употребления в тех временных формах, которыми ограничено исследование, и из них отбирались удовлетворяющие прочим требованиям. Для более частотных глаголов та же процедура производилась сначала для 500 случайных употреблений, затем еще для 500, пока число «подходящих» употреблений не достигало нескольких десятков. Ясно, что такое неравномерное включение разных глаголов приводит к тому, что разнообразие в поведении глаголов игнорируется и распределения признаков в выборке в большей степени отражают закономерности употребления глаголов, представленных большим количеством употреблений⁴⁵. Поэтому в качестве основного метода статистической обработки данных здесь используется смешанная модель логистической регрессии (mixed-effects logistic regression model). Этот метод позволяет описать связь порядка слов с разнообразными факторами, принимая во внимание наличие уровня отдельных глаголов и учитывая различия между ними.

Логистическая регрессия используется для описания или предсказания выбора одного из значений категориальной зависимой переменной, чаще всего — бинарной, на основании одной или более независимых переменных и позволяет оценить связь зависимой переменной с каждой из них, контролируя

⁴⁵ Другой признак, который также группирует примеры выборки в отдельные группы, и также мог бы рассматриваться как случайный фактор, — автор текста. В данном случае возможное влияние этого признака не учитывалось, поскольку даже на наиболее широко представленного в выборке автора приходится не более 1 % употреблений, а включение этого признака еще усложнило бы модель.

прочие⁴⁶. В данном случае зависимой переменной является порядок слов: SVO или OVS, к независимым переменным относятся данность стимула, тип эксперимента и др. Логистическая регрессия используется для изучения выбора между двумя конкурирующими конструкциями, в частности, в известной работе о дативной альтернации в английском языке [Bresnan et al. 2007], которая подробно разбирается в [Johnson 2008: 247–264], а также в исследовании локативной альтернации при глаголе *грузить* и его приставочных дериватах в русском языке [Sokolova et al. 2012]. Смешанная, или многоуровневая [Gelman, Hill 2007], модель учитывает, что отдельные наблюдения не независимы и объединяются в группы, в рамках которых по-разному может реализовываться связь между зависимой и независимыми переменными. Независимые переменные в таких моделях обычно называются фиксированными факторами, признаки, на основании которых выделяются группы наблюдений, — случайными факторами, см. [Johnson 2008: 237], а также обсуждение этих терминов в [Gelman, Hill 2007: 245–246]. Здесь в качестве случайного фактора, группирующего употребления, в модель как раз и включается глагол.

Изложение результатов исследования порядка слов с помощью логистической регрессионной модели организовано следующим образом. В разделах 5.1–5.9 по очереди рассматриваются признаки, для которых в рамках построенной модели обнаружена статистически значимая связь с выбором между порядками слов SVO или OVS. Эти признаки обсуждаются в порядке от наиболее сильно связанных с порядком слов к демонстрирующим менее сильную связь и периферийным. В разделе 5.10 рассматривается связь между порядком слов и еще одним семантическим противопоставлением — противопоставлением двух разных значений у некоторых глаголов выборки. После этого, в разделе 5.11.1, исследованные признаки представлены в рамках единой модели и больше внимания уделяется технической стороне ее построения и интерпретации.

⁴⁶ Зависимая переменная — такой признак, выбор которого изучается; независимые переменные — признаки, с которыми может быть связан выбор значения зависимой переменной.

В качестве дополнительных способов анализа использовались методы, основанные на т. н. деревьях условного вывода. Эти методы предполагают подбор такой классификации наблюдений (в данном случае — употреблений глаголов), которая будет основана на признаках, наиболее сильно связанных с зависимой переменной. Кроме того, дерево условного вывода позволяет наглядно и интуитивно ясно представить отношения между этими признаками. Сопоставление логистической регрессии и методов, основанных на классификации, при исследовании конкурирующих форм и конструкций представлено в [Baayen et al. 2013], где обсуждаются примеры исследований на материале русского языка.

5. Порядок слов при глаголах с аккузативным экспериенцером и неодушевленным стимулом: SVO vs. OVS

5.1. Данность стимула

Из всех рассматривавшихся признаков наиболее сильной связью с порядком слов обладает данность стимула. Такая связь не противоречит ожиданиям: порядок слов в русском языке определяется прежде всего коммуникативными противопоставлениями, ср. [Ковтунова 1976; Слюсарь 2009], и не удивительно, что данность участника, выраженного в позиции подлежащего, играет существенную роль в расположении подлежащего относительно глагола.

Принятое в этом исследовании определение данности основано на противопоставлении степени активации референтов в терминах [Chafe 1994: 71–75; Lambrecht 1994: 93–101]. Степень активации, согласно указанным работам, связана с представлениями говорящего о том, в какой степени внимание слушающего сосредоточено на данном референте в текущий момент. Выделяются три категории: активные, неактивные и занимающие промежуточное положение полуактивные (или доступные) референты. Активный референт, по мнению говорящего, находится в центре внимания слушающего, полуактивный — на периферии внимания, неактивный — вне кратковременной памяти слушающего. Полуактивным статусом могут обладать

референты, которые были активированы ранее в тексте, но затем отошли на периферию сознания слушающего, или такие референты, которые не были названы ранее, но присутствуют в сознании слушающего благодаря активации некоторого образа или фрейма, например благодаря отношениям часть — целое и т. п.⁴⁷ Как можно видеть, такое противопоставление референтов по степени активации определяется путем прямой отсылки к реальным механизмам активации референтов в сознании слушающего и их конструирования говорящим. Однако любое дискретное представление о степени активации, по-видимому, отражает эти механизмы лишь очень условно, ср. [Seoane 2012: 141; Arnold et al. 2000: 30], а также обсуждение разных походов к определению и измерению активации и данности в [Seoane 2012]. Поэтому при анализе текстов необходимо тем или иным образом операционализировать предполагаемую степень активации референта. Здесь для этого используется признак данности, который формулируется в терминах наличия упоминаний референта в предшествующем контексте. На основании этого признака противопоставляются три типа участников: данные, доступные и новые.

Как говорилось в разделе 5.3, к данным здесь относились участники, упомянутые в непосредственно предшествующей клаузе (63). В примере (63) таким участником является ситуация, обозначенная в первом предложении глаголом *звонить*, а во втором — с помощью имени действия *звонки*. Доступным считался стимул, упомянутый далее, чем в предшествующей клаузе⁴⁸ (64), или легко идентифицируемый на основании предшествующего контекста (65). К новым относились не упоминавшиеся ранее участники (66).

⁴⁷ К. Ламбрехт также относит к доступным таких референтов, которые присутствуют в ситуации коммуникации (*situationally accessible*) [Lambrecht 1994: 100]. В силу того, что рассматриваемые здесь употребления в основном относятся к письменным текстам, этот подтип доступных референтов не рассматривается подробно.

⁴⁸ В [Du Bois 1987: 816] противопоставляются те же три группы, однако разграничение данных и доступных участников производится иначе: к доступным относятся лишь участники, упомянутые за 20 интонационных единиц (примерно соответствующих клаузам) от рассматриваемой клаузы или еще раньше. Доступные участники, выделенные на таких основаниях, оказываются малочисленными, поэтому для многих подсчетов объединяются в одну группу с данными.

- (63) — *Старику Дашикевичу я звонил трижды. Мне показалось, его испугали мои звонки.* [Александр Терехов. Каменный мост (1997–2008)]
- (64) *Мне нравилось играть на нервах старого прощелыги, демонстрировать ему свое лихачество. <...> Темные силуэты вдруг стали приближаться. Теперь я легко различал фигуру Афанасьева. Мое лихачество явно взволновало старика.* [Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998–2004)]
- (65) *После обеда наняли такси и отправились в Петергоф. Фонтан с Самсоном не особенно удивил Сатану.* [Михаил Гиголашвили. Чертово колесо (2007)]
- (66) *И тут меня оживила простая догадка, которая должна была, подумал я, явиться мне еще раньше, с самого начала беседы.* [А. Т. Твардовский. Печники (1953–1958)]

В Таблице 9 представлено распределение порядка слов в употреблениях выборки с данным, доступным и новым стимулом.

Таблица 9. Данность стимула и порядок слов

Данность стимула	SVO	OVS	Доля OVS
Данный	222	39	0.15
Доступный	392	279	0.42
Новый	244	812	0.77

В соответствии с ожиданиями, среди употреблений, в которых участник-стимул в позиции подлежащего данный, порядок слов OVS фиксируется значительно реже, чем в употреблениях с доступным стимулом, а в последних, в свою очередь, реже, чем в случае, когда стимул является новым.

5.2. Тип выражения экспериенциера

Значимые различия в распределении порядков слов наблюдаются и между уже упоминавшимися типами выражения экспериенциера. Как говорилось выше, это противопоставление в данном случае включает личные местоимения 1 л. (66) и 3 л. (63), имена собственные (65) и нарицательные существительные (полные

ИГ) (64)⁴⁹. Распределение порядков слов для этих четырех групп употреблений представлено в Таблице 10.

Таблица 10. Тип выражения экспериенцера и порядок слов

Тип выражения экспериенцера	SVO	OVS	Доля OVS
Местоимение 1 л.	134	493	0.79
Местоимение 3 л.	201	302	0.60
Имя собственное	187	133	0.42
Полная ИГ	336	202	0.38

Таблица 10 показывает, что от местоимений 1 л. к полным ИГ снижается доля употреблений с порядком слов OVS, или растет доля употреблений с базовым порядком слов SVO (эта же закономерность на материале более широкой выборки упоминалась в разделе 4.2). Как можно заметить, выделенные типы выражения экспериенцера и их порядок соответствуют одной из частей иерархии типов референтов [Silverstein 1976], часто называемой иерархией одушевленности, см. обзор разных вариантов этой иерархии в [Haude, Witzlack-Makarevich 2016]. Противопоставление собственно по одушевленности в данном случае не релевантно, поскольку экспериенцером может быть только одушевленный участник⁵⁰. Различия между местоимениями и двумя оставшимися группами, а также между именами собственными и нарицательными можно объяснить тесной связью этих типов с данностью и определенностью участников. Однако данность и определенность не позволяют противопоставить две группы личных местоимений, между которыми также наблюдаются

⁴⁹ Случаи, когда в позиции прямого дополнения находится сочиненная группа, в которой компоненты выражены разными способами, относились к более «тяжелому» типу, например группа экспериенцера *Грэйма и его жену* считалась возглавляемой нарицательным существительным. К этой же категории относились случаи употребления имени собственного в качестве приложения, например *нашу читательницу Веру Игоревну*.

⁵⁰ Такие случаи, когда в позиции прямого дополнения выступает часть тела экспериенцера или подобные участники, как, например, в сочетаниях *радовать глаз, поразить сердце*, в выборку не включались. В выборке есть такие употребления, где в качестве экспериенцера выступает животное, а не личный участник, однако они единичны.

значительные различия. В качестве свойств, которые могут стоять за грамматическими явлениями, укладывающимися в иерархию типов референтов, в [Comrie 1989: 198–199] обсуждаются также склонность участников данного класса быть топикальными (topic-worthiness) и находиться в фокусе внимания (salience). Оба эти свойства позволяют противопоставить первое лицо другим лицам на основании идеи эгоцентричности говорящего.

Логически тип выражения экспериенцера и данность стимула представляют собой независимые признаки. Тем не менее важно проверить, не существует ли взаимодействия между этими признаками. Распределение порядка слов в зависимости от типа выражения экспериенцера и данности стимула отражено в Таблице 11.

Таблица 11. Данность стимула, тип выражения экспериенцера и порядок слов

Тип выражения прямого дополнения	Данное			Доступное			Новое		
	SVO	OVS	Доля OVS	SVO	OVS	Доля OVS	SVO	OVS	Доля OVS
Мест. 1 л.	29	15	0.34	50	103	0.67	55	375	0.87
Мест. 3 л.	40	5	0.11	95	90	0.49	66	207	0.76
Им. собст.	57	15	0.21	89	43	0.33	41	75	0.65
Им. нариц.	96	4	0.04	158	43	0.21	82	155	0.65

В целом различия между типами выражения экспериенцера прослеживаются и отдельно в рамках каждой из степеней данности стимула, однако не совсем последовательно, см. в Таблице 11 доли, выделенные курсивом. Во-первых, с установленной выше иерархией типов выражения экспериенцера не согласуется то, что в группе употреблений с данным стимулом порядок слов OVS при экспериенцере, выраженном местоимением 3 л. (67), встречается реже, чем при экспериенцере, выраженном именем собственным (68). Во-вторых, не прослеживается различия между именем собственным и полной ИГ (69) в рамках употреблений с новым стимулом.

- (67) *Было ясно, что его не больно взволновала моя «эврика!».* [Анатолий Мариенгоф. Мой век, мои друзья и подруги (1956–1960)]
- (68) *Игоря неприятно поразили эти слова, но он решил промолчать.* [Сергей Таранов. Мстители (1999)]
- (69) *Начну с того, как героя разбудил шум дождя, а остальное все вон.* [Борис Акунин. Чайка // «Новый Мир», 2000]

Анализ употреблений, относящихся к перечисленным группам, не позволил выявить таких неучтенных признаков, которые могли бы объяснить неожиданное распределение в этих случаях. Поэтому на данном этапе наблюдаемые отклонения от ожидаемого распределения следует считать фактом статистического анализа, который требует дальнейшей проверки и объяснения. Тем не менее взаимодействие между данностью стимула и типом выражения эксперинцера было включено в модель логистической регрессии, которая анализируется в разделе 5.11.1.

5.3. Длина групп эксперинцера и стимула

Наряду с данностью и другими коммуникативными свойствами участников во многих исследованиях в качестве фактора, существенно определяющего порядок слов, рассматривается вес участников, см. [Siewerska 1993; Arnold et al. 2000; Bresnan et al. 2007]. Вес может измеряться как длина синтаксической группы в словах или как степень синтаксической сложности, например в терминах количества узлов в синтаксическом дереве. Последний из этих двух способов обсуждается и применяется в [Hawkins 1994], а также, на материале русского языка, в [Kizach 2012]. Эти способы измерения веса могут рассматриваться и как две независимые меры. В статье [Wasow, Arnold 2003] обсуждается влияние синтаксической сложности на порядок слов в нескольких конструкциях при постоянной длине групп в словах. Такое влияние обнаруживается в условиях эксперимента, но при проверке на корпусном материале синтаксическая сложность, в отличие от длины групп, не демонстрирует значимой связи с порядком слов.

В данном исследовании будет учитываться длина групп, с помощью которых выражены экспериенцер и стимул, в словах. Для каждого употребления в выборке длина групп экспериенцера и стимула подсчитывалась вручную. При подсчете в качестве одного слова рассматривались знаменательные слова, а также непервообразные предлоги и союзные слова. В соответствии с этим принципом, в (70) длина группы стимула *недостаток инженеров* составляет 2 слова, длина группы экспериенцера — *японцев, посещающих английские предприятия* — составляет 4 слова, в (71) длина этих групп равна, соответственно, 5 и 2 словам.

(70) *Японцев, посещающих английские предприятия, поражает там недостаток инженеров.* [Всеволод Овчинников. Ветка сакуры (1971)]

(71) *Известие о том, что Маруся еще на плаву, чрезвычайно обрадовало Андрея Николаевича.* [Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998]

Между длиной группы экспериенцера и типом выражения экспериенцера, а также между длиной группы стимула и данностью стимула существует сильная связь, см. о связи между длиной и данностью в [Arnold et al. 2000: 34]. Графики 1 и 2 показывают, как распределяются группы по длине, во-первых, при каждом из трех типов выражения экспериенцера и, во-вторых, при каждой из четырех степеней данности стимула. Каждая точка соответствует одному употреблению⁵¹; чтобы точки не накладывались друг на друга, они были немного «разбросаны» вокруг своих значений. Плотность точек отражает частотность того или иного сочетания значений рассматриваемых признаков.

⁵¹ Из Графиков 1 и 2 было удалено по одной точке с крайними значениями длины групп экспериенцера и стимула: 27 и 35 слов, соответственно.

Графики 1 и 2. Распределение групп по длине
в зависимости от типа выражения экспериенцера и данности стимула

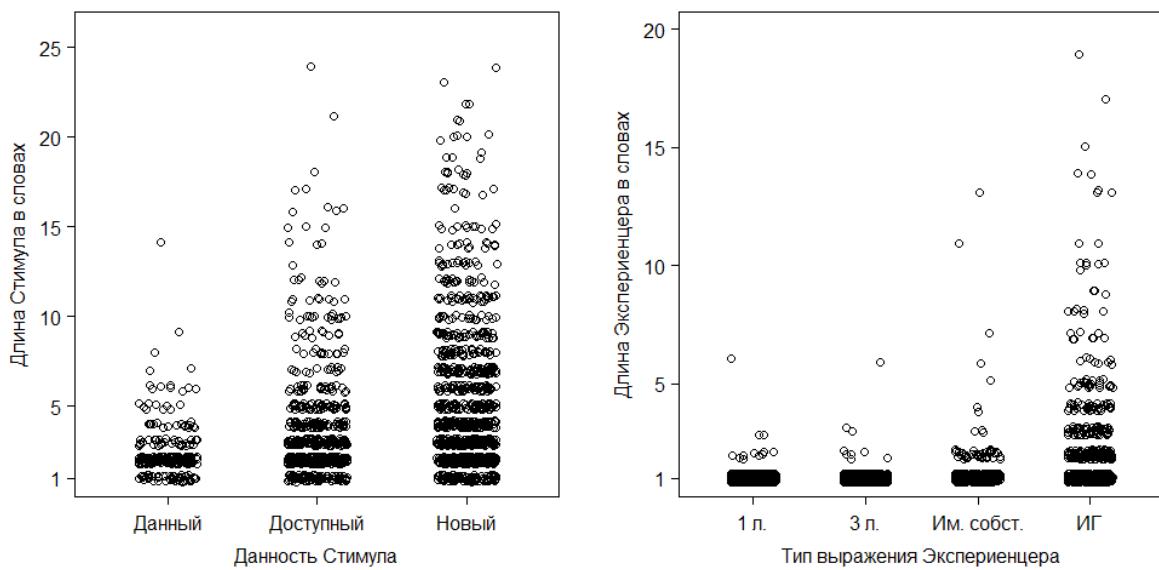

График 1 показывает, что, когда стимул является данным, он выражается в среднем с помощью более коротких групп, чем доступный стимул, доступный же — с помощью более коротких групп, чем новый стимул (критерий У Манна-Уитни, $p < 0.001$ в обеих парах). Как говорилось выше, в выборку вошли только употребления со стимулом, выраженным полной ИГ, так что График 1 позволяет судить о связи между данностью и длиной вне влияния типа выражения.

На Графике 2 группы употреблений, различающиеся типом выражения экспериенцера, противопоставлены еще более отчетливо. Как и можно было предполагать, в случае если экспериенцер выражен с помощью личных местоимений, длина группы в основном равна одному слову. Отдельные примеры с группами большей длины фиксируются, однако они очень немногочисленны. В несколько более мягком виде это же можно сказать и об употреблениях с экспериенцером, выраженным именем собственным. Попарное сравнение распределений длины группы для разных типов выражения экспериенцера показывает, что статистически значимые различия наблюдаются во всех парах типов выражения, кроме пары распределений для личных местоимений (критерий У Манна-Уитни, $p < 0.001$ во всех случаях наличия значимых различий).

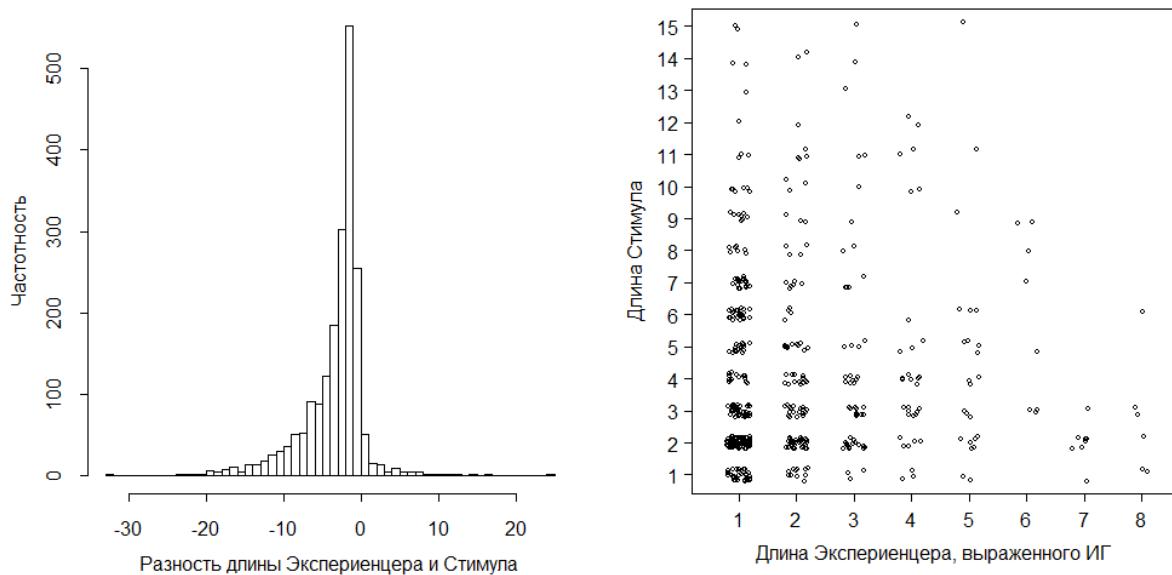
Сравнив Графики 1 и 2, можно увидеть, что стимул в среднем выражается с помощью более длинных групп, чем экспериенцер, даже если для последнего принимать во внимание только случаи выражения с помощью ИГ (критерий У Манна-Уитни, $p < 0.001$). Возможно, это различие связано с тем, что для описания одушевленных участников естественно использовать более короткие группы, чем для описания неодушевленных участников, особенно ситуаций. В выборку входят употребления только с неодушевленным стимулом, но не включались употребления с одушевленным стимулом и со стимулом, выраженным придаточными с союзом *что*. В силу этого ограничения сложно судить о том, насколько наблюдаемые различия между распределениями групп экспериенцера и стимула по длине отражают какую-либо общую закономерность.

При статистическом анализе выбора порядка слов длина групп экспериенцера и стимула рассматривались не как два отдельных, а как единый признак: в качестве независимой переменной в модель включалась разность между длиной группы экспериенцера и длиной группы стимула. Для приведенных выше примеров (70) и (71) это число равно, соответственно, 2 ($=4 - 2$) и -3 ($=2 - 5$). Содержательно использование разности длины групп согласуется с предположением о том, что взаимное расположение групп связано не столько с абсолютным размером каждой из них, сколько с соотношением их размеров — с тем, какая из них оказывается тяжелее, «перевешивает», ср. [Arnold et al. 2000: 35]. Помимо этого, разность длины двух групп в меньшей степени дублирует признаки данности стимула и типа выражения экспериенцера, чем длина соответствующих групп, хотя значимая связь между разностью длин и этими двумя категориальными признаками все равно сохраняется. Использование признаков, между которыми наблюдается сильная корреляция, затрудняет и статистический анализ, и содержательную интерпретацию данных.

График 3 показывает, как распределены по частотности получившиеся разности — результаты вычитания длины группы стимула от длины группы экспериенцера. График 4 позволяет оценить, какие комбинации длины группы экспериенцера и длины группы стимула наиболее частотны; используется

подмножество употреблений с эксперииенцерами, выраженными с помощью полных ИГ длиной не более 8, и групп стимулов длиной не более 15 слов. Как и на Графиках 1–2 выше, наиболее плотное скопление точек соответствует наиболее распространенной комбинации значений.

Графики 3 и 4. Отношение длины эксперииенцера, выраженного ИГ, и длины стимула; распределение разностей длин групп эксперииенцера и стимула

По Графику 3 видно, что чаще всего разность длин эксперииенцера и стимула равна -1, т. е. группа эксперииенцера на одно слово короче группы стимула. В целом выделяется интервал значений от -4 до 0, в переделы которого попадает более двух третей употреблений выборки. Таким образом, в большей части употреблений группа стимула немного длиннее или равна по длине группе эксперииенцера. В большой степени эти значения разности соответствуют случаям, когда эксперииенцер выражен личными местоимениями или именем собственным — в зависимости от величины группы стимула разность длины двух групп в таких употреблениях равна нулю или отрицательна. Однако, как показывает График 4, и при эксперииенцере, выраженном с помощью полной ИГ, группа эксперииенцера редко бывает длиннее группы стимула. Наиболее плотное скопление точек наблюдается для значений длины стимула от 1 до 7, эксперииенцера — от 1 до 3. Попутно можно отметить, что значимой корреляции между длиной группы стимула и длиной группы эксперииенцера не обнаружено,

ни для полной выборки, ни только для подмножества употреблений с экспериенцером, выраженным нарицательным существительным (можно было бы ожидать, что связь между ними отрицательная).

Теперь, рассмотрев отношение между длиной групп стимула и экспериенцера и другими признаками, а также особенности распределения разности длин этих групп, можно перейти к связи между этим признаком и порядком слов. Ожидание заключается в том, что при прочих равных из двух групп после глагола будет располагаться более длинная. Когда более длинной является группа стимула, разность получается отрицательной, и в этом случае скорее можно ожидать порядка OVS. Если же группа экспериенцера длиннее группы стимула, разность положительная, и в таком случае скорее ожидается порядок SVO. Примеры отрицательной и положительной разности с ожидаемым порядком слов представлены в (72)–(73).

(72) *Русских моряков раздражало и оскорбляло предпочтение, которое высшее*
петербургское морское начальство всегда отдавало англичанам и
английской выучке. [Е. В. Тарле. Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное море (1805–1807) (1954)]

(73) *Их постоянное присутствие совершенно не удивляло остальных героев*
этой истории. [Андрей Геласимов. Год обмана (2003)]

Оценить, насколько данные выборки подтверждают сформулированное ожидание, в первом приближении⁵² позволяют Графики 5–7. Гистограммы на Графиках 5 и 6 показывают распределение длин групп отдельно для примеров с порядком слов OVS и SVO. Наиболее показателен График 7, на котором эти две гистограммы накладываются друг на друга: более светлая гистограмма соответствует распределению для OVS, более темная — распределению для SVO.

⁵² На Графиках 5–7 отражено распределение для всех употреблений выборки, т. е. без учета связи между разностью длины групп, с одной стороны, и типом выражения экспериенцера и данностью стимула, с другой. Сила связи между порядком слов и каждым из признаков при учете всех остальных обсуждается в разделе 5.11.1.

Графики 5 и 6. Распределение разности длины групп эксперииенцера и стимула
отдельно для порядков слов OVS и SVO

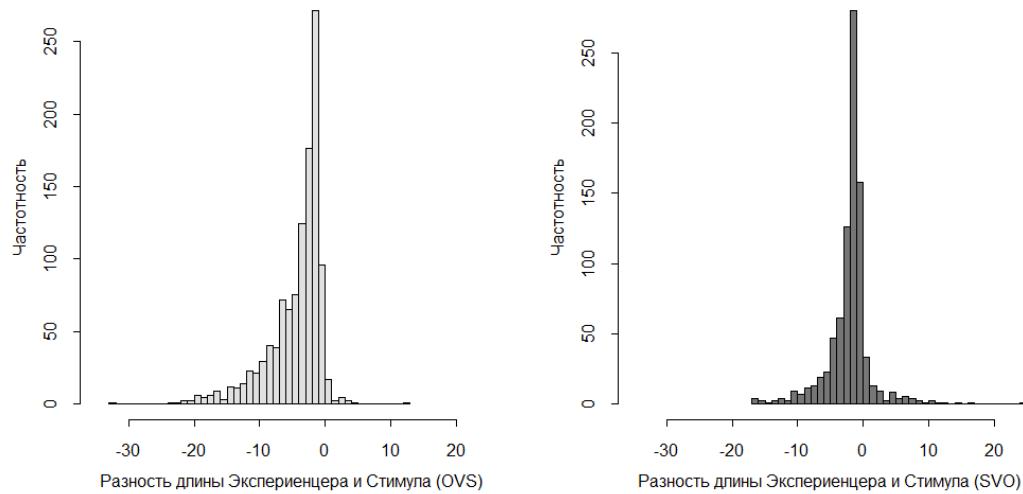
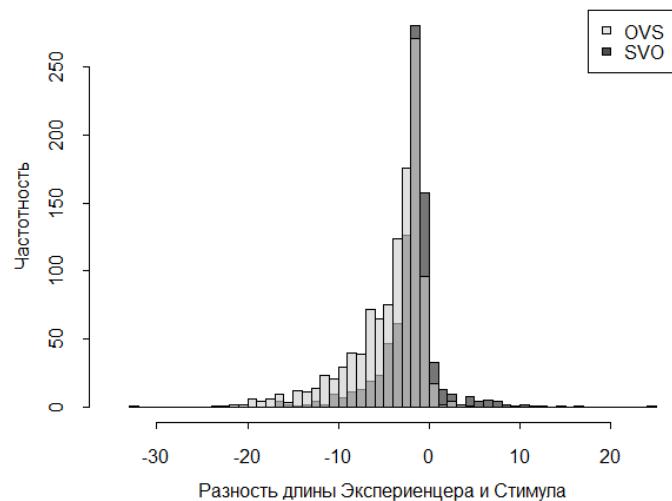

График 7. Распределение разности длины групп эксперииенцера и стимула
для порядков слов OVS и SVO: накладывающиеся гистограммы

Согласно Графику 7, при наиболее частотном значении разности длин групп, равном -1, на порядки слов OVS и SVO приходится примерно одинаковое количество употреблений (271 и 281, соответственно). Слева от этого значения выше столбцы более светлой гистограммы, соответствующие числу употреблений с OVS, справа употреблений в целом меньше, однако в них чаще наблюдается порядок SVO. Тем самым порядок SVO чаще наблюдается и в случае, когда размеры групп эксперииенцера и стимула одинаковы. Таким образом, на материале выборки в целом можно видеть ту связь, которая обнаруживается и

в рамках регрессионной модели (см. раздел 5.11.1): чем больше разность между размером группы экспериенцера и группы стимула, т. е. чем длиннее группа экспериенцера, тем более вероятен порядок SVO, при котором группа экспериенцера расположена после глагола.

5.4. Семантическая группа глагола

Следующим по важности оказался признак семантической группы глагола. Как говорилось в разделе 3, проверка наличия связи между порядком слов и семантическими свойствами глагола составляет одну из основных задач исследования, которому посвящена данная глава. Сопоставляются экспериенциальные глаголы эмоций, например *обрадовать, удивлять, страшить* (74), и группа глаголов физиологического воздействия на экспериенцера, например *будить, отрезвить, утомить* (75).

(74) *Отставных генералов и полковников уже не страшит «барский гнев» и их трудно заподозрить в лукавстве.* [Виктор Баранец. Генштаб без тайн. Книга 1 (1999)]

(75) *Длинная фраза утомила адмирала.* [Василий Галенко. Наводнение. Архивное дело, с которого никто не стряхивал пыль // «Вокруг света», 1989]

При глаголах физиологического воздействия экспериенцер в большей степени обладает пациентивными свойствами и в меньшей степени контролирует ситуацию, чем при глаголах эмоций. В иных терминах можно сказать, что при глаголах эмоций экспериенцер скорее будет проявлять субъектные свойства, чем при глаголах физиологического воздействия. Предполагается, что это семантическое различие может отражаться в порядке слов: при глаголах эмоций в большей степени ожидается расположение группы экспериенцера перед глаголом. Предварительные наблюдения о распределении порядка слов при глаголах этих двух групп, соответствующие этой гипотезе, были сделаны в разделе 4.2. Здесь эта связь обсуждается на материале итоговой выборки и с учетом тех признаков, которые рассматривались в предыдущих разделах.

При глаголах эмоций группа стимула в среднем длиннее, чем при глаголах физиологических ощущений, поэтому множества употреблений с ними различаются и распределением разностей длин двух групп. Чтобы сгладить влияние этих различий, будет рассматриваться подмножество употреблений с разностью размеров групп от -4 до 0. В Таблицах 12 и 13 представлено распределение порядка слов при глаголах двух классов, соответственно, для каждой из степеней данности стимула и для каждого из типов выражения эксперииенцера.

Таблица 12. Распределение порядка слов при глаголах двух групп для каждой из трех степеней данности стимула (при разности длин групп от -4 до 0)

Группа глагола	Данный			Доступный			Новый		
	SVO	OVS	Доля OVS	SVO	OVS	Доля OVS	SVO	OVS	Доля OVS
Эмоции	123	37	0.23	199	177	0.47	76	316	0.81
Физиол.	49	1	0.02	120	30	0.20	106	181	0.63

Таблица 13. Распределение порядка слов при глаголах двух групп для каждого из четырех типов выражения эксперииенцера (при разности длин групп от -4 до 0)

Группа глагола	Мест. 1 л.			Мест. 3 л.			Им. собст.			Им. нариц.		
	SVO	OVS	Доля OVS									
Эмоции	55	243	0.82	85	132	0.61	102	68	0.40	156	87	0.36
Физиол.	63	111	0.64	96	67	0.41	54	22	0.29	62	12	0.16

Таблицы 12 и 13 показывают, что глаголы эмоций последовательно противопоставлены глаголам физиологического воздействия: для всех степеней данности стимула и всех типов выражения эксперииенцера для глаголов эмоций доля употреблений с порядком слов OVS выше, чем для глаголов физиологического воздействия (наличие связи между семантической группой глагола и порядком слов обнаруживается и в рамках регрессионной модели, учитывающей более широкий круг признаков, см. раздел 5.11.1). Иными словами, в соответствии с выдвинутой гипотезой, при глаголах эмоций чаще

наблюдается порядок слов с группой экспериенциера в препозиции к глаголу, чем при физиологических глаголах. Возможная интерпретация этой связи в более общих семантических терминах обсуждается в разделе 7 данной главы.

5.5. Вид и время глагола

Неожиданным образом порядок слов также оказался связан с видом глагола и его временной формой. Несмотря на то что вид характеризует лексему в целом, а время — конкретную форму глагола, в силу жесткой связи между этими категориями в русском языке их удобнее рассматривать в рамках единого признака. Как говорилось в разделе 4.2, выборка была ограничена формами прошедшего и настоящего времени. Тем самым в выборке можно выделить употребления с формой настоящего времени НСВ (76), с формой прошедшего времени НСВ (77) и с формой прошедшего времени СВ (78). Таблица 14 отражает распределение порядка слов при каждом из трех значений этого признака.

- (76) Так, сидящего за освещенным столом человека утомляют темные углы помещения. [Свет и цвет (2002) // «Биржа плюс свой дом» (Н. Новгород), 2002.04.08]
- (77) Меня поражало ее инстинктивное умение распознавать конфликты подобного сорта. [П. И. Дубровин. Аннет (1950)]
- (78) Лизаветин ответ явно обрадовал Никиту. [Елизавета Козырева. Дамская охота (2001)]

Таблица 14. Порядок слов и видо-временные характеристики глагола

Вид и время глагола	SVO	OVS	Доля OVS
Настоящее время НСВ	126	352	0.74
Прошедшее время НСВ	180	267	0.60
Прошедшее время СВ	552	511	0.48

На основании Таблицы 14 можно заключить, что различия в распределении порядков слов существуют как между глаголами разных видов, так и между разными временными формами. Порядок слов OVS при форме настоящего времени встречается чаще, чем при форме прошедшего времени, и при глаголах

НСВ чаще, чем при глаголах СВ. Возможная природа этого различия обсуждается при подведении итогов исследования порядка слов в разделе 7.

5.6. Сочинение глаголов или глагольных групп

В этом и следующем разделах рассматриваются признаки, которые положительно характеризуют очень незначительную часть употреблений выборки, поэтому их можно считать периферийными. В рамках первого из этих признаков выделяются конструкции с сочиненными глаголами (79) и с сочиненными глагольными группами (или, при другом анализе, клаузами, см. [Тестелец 2001: 324; Казенин 2011]) (80). Они противопоставляются употреблениям, в которых нет ни одной из этих конструкций.

(79) *Нежность, мягко сдавившая горло, обрадовала и испугала его...* [Андрей Дмитриев. Повесть о потерянном (1991)]

(80) *Такое поведение удивляло Марию Георгиевну и вскоре стало ее сильно раздражать.* [Артем Тарасов. Миллионер (2004)]

В (79) у двух глаголов⁵³ общие подлежащее и прямое дополнение, и никакая именная группа не находится между глаголами. В (80) к обоим глаголам относится только подлежащее, прочие же участники у них разные. В качестве сочинения глагольных групп рассматривались и употребления, подобные (81), в которых при втором глаголе прямое дополнение можно считать опущенным в результате эллипсиса.

(81) *Неожиданная злость удивляет меня и успокаивает.* [Олег Гладов. Любовь стратегического назначения (2000–2003)]

В Таблице 15 распределение порядка слов при отсутствии сочиненных глаголов или глагольных групп сопоставляется с распределением в случае наличия одного или другого из этих условий.

⁵³ В случае когда употребление содержало два сочиненных глагола, входящих в выборку, как в (79), оно включалось только один раз, как употребление глагола, линейно следующего первым.

Таблица 15. Порядок слов и наличие сочиненных глаголов
или глагольных групп

Сочинение	SVO	OVS	Доля OVS
Отсутствует	745	1096	0.6
Глаголы	48	30	0.4
Глагольные группы	65	4	<0.1

Как показывает Таблица 15, при наличии сочиненных глаголов порядок OVS встречается существенно реже, чем в употреблениях без сочинения. При сочиненных глагольных группах доля употреблений с порядком OVS еще ниже.

Конструкции типа (80) рассматриваются как контекст, показывающий способность канонического подлежащего контролировать сочинительное сокращение совпадающего с ним номинативного подлежащего [Тестелец 2001: 324]. Для этого необходимо считать, что подобные сочиненные конструкции возникают в результате сочинения финитных клауз с последующим сочинительным сокращением подлежащего второй клаузы, ср. анализ примера (80) в (82). Как отмечается в [Сай 2014: 591], номинативное подлежащее, следующее за глаголом, демонстрирует ограничения на контроль сочинительного сокращения. Во многих случаях замена порядка слов с SVO на OVS в клаузах с сочинительным сокращением подлежащего (или, в терминах Таблицы 2.15, сочинением глагольных групп) действительно скорее нежелательна, ср. (82)–(83). Тем не менее попавшие в выборку реальные употребления такого типа с порядком слов OVS кажутся грамматически приемлемыми, ср. (84).

(82) [Такое поведение удивляло Марию Георгиевну] и [такое поведение вскоре стало ее сильно раздражать].

(83) ?Марию Георгиевну удивляло такое поведение и вскоре стало ее сильно раздражать.

(84) С вечера Кузьма уснул, но среди ночи его разбудила машина, осветившая комнату фарами, и светом вспугнула сон. [Валентин Распутин. Деньги для Марии (1967)]

Другой тип конструкций — с сочиненными глаголами, — как кажется, до сих пор не обсуждался в связи с выбором порядка слов.

Наблюдаемой связи между наличием сочинения и порядком слов SVO можно предложить предварительное объяснение в дискурсивных терминах. При планировании подобных контекстов подлежащее с самого начала мыслится как участник, который будет центральным для цепочки клауз, которую составляют сочиненные глаголы. Поэтому этот участник задает коммуникативную перспективу, появляясь в начале клаузы. Иными словами, можно усматривать в этой связи эффект тематичности подлежащего как участника, о котором будет идти речь в последующем контексте, см. об этом также в разделе 5.9.

5.7. Контрастивное выделение группы стимула

Второй из «малых» признаков противопоставляет употребления с контрастивным выделением группы стимула, занимающей позицию подлежащего, всем остальным употреблениям. В [Янко 2001: 47–67] выделяется два существенных семантических компонента контраста: 1) наличие подразумеваемого множества, на фоне которого рассматривается выделенный элемент; 2) наличие ожиданий, которые высказывание с контрастивным выделением опровергает или подчеркнуто подтверждает. Контрастивное выделение может достигаться интонационными средствами, см. [Там же]. Здесь, в силу принадлежности большинства примеров выборки к письменной речи, рассматриваются только эксплицитные маркеры контраста — лексические единицы и конструкции, служащие для контрастивного выделения подлежащего. К средствам этого типа, зафиксированным в употреблениях выборки, относятся обстоятельственные выражения степени (*больше (всего), особенно и под.*) (85), конструкции противопоставления (86), а также частицы *и* (87), *также, еще, только* и др.

(85) *Думаю, хватит экскурсов в историю, читателей прежде всего интересуют дела нынешние.* [Александр Ишлинский, Александр Плиско. Инженерное братство // «Техника — молодежи», 1987]

(86) *Короче, Поллеша интересует феномен, а не хроника политической жизни.*

[Нежданые встречи (2004) // «Театральная жизнь», 2004.06.28]

(87) *Но и этот трюк обрадовал лагерников.* [Александр Яковлев. Омут памяти.

Т.1 (2001)]

Как отмечает Т. Е. Янко, контрастивному выделению могут подвергаться и рематический, и тематический компоненты высказывания [Там же: 48]. В рамках имеющейся выборки контрастивное выделение также встречается не только при новом (85), но и при доступном (86) и данном стимуле (87). В Таблице 16 представлено распределение порядка слов в употреблениях, содержащих маркеры контрастивного выделения и нейтральных с этой точки зрения, для каждой из степеней данности стимула.

Таблица 16. Порядок слов при наличии маркеров контрастивного выделения и без них для трех степеней данности стимула

Маркеры контрастивного выделения	Данный			Доступный			Новый		
	SVO	OVS	Доля OVS	SVO	OVS	Доля OVS	SVO	OVS	Доля OVS
Присутствуют	3	3	0.5	13	38	0.8	8	178	0.96
Отсутствуют	219	36	0.14	379	241	0.4	236	634	0.73
Доля употреблений с контрастом	0.02			0.08			0.18		

Как показывает Таблицы 16, контрастивное выделение нового стимула происходит чаще, чем доступного, а доступного — чаще, чем данного. При этом в каждой из этих групп при наличии контрастивного выделения порядок OVS встречается чаще, чем в остальных употреблениях.

5.8. Упоминание экспериенциера в предыдущем предложении

Признаки, которые обсуждаются в этом и следующем разделах, напрямую соответствуют тем двум аспектам топикальности, которые противопоставлялись

в конце раздела 3.2: присутствию участника в предшествующем и в последующем контексте. В данном случае с точки зрения этих двух аспектов рассматривается участник, выступающий в роли экспериенцера в клаузе с экспериенциальным глаголом.

Как говорилось выше, данность экспериенцера в большой степени отражается в том, каким образом он выражен. Участник, выраженный местоимением 1 л., является данным в силу присутствия в коммуникативной ситуации. Участник, выраженный местоимением 3 л., также является данным в силу присутствия в ближайшем контексте. Референты имен собственных также обычно известны слушающему — они либо были введены в предшествующем контексте, либо относятся к общим знаниям участников коммуникации. Наконец, новые участники вводятся прежде всего с помощью групп, возглавляемых нарицательными существительными. Помимо типа выражения, с данностью участника связан размер соответствующей ему группы, см. ссылки в разделе 5.3.

Признак, рассматриваемый в этом разделе, с одной стороны, напрямую отражает данность, с другой, — выделяет лишь один существенный компонент данности: употребления, в которых участник с ролью экспериенцера упомянут в ближайшем к клаузе с экспериенциальным глаголом предложении слева, противопоставляются всем остальным употреблениям. Этот признак оценивается в рамках отрезка контекста, соответствующего не клаузе, а предложению, которое в данном случае определялось как фрагмент, содержащий одну главную клаузу, в частности с вложенными в нее придаточными. В соответствии с этим подходом, в (88) участник *я* считался упомянутым, поскольку он является участником главной клаузы с глаголом *мочь*. В примере (89) упоминание также присутствует, но на этот раз содержится в том же предложении, к которому принадлежит и клауза с глаголом *тревожить*. Искомый участник может быть выражен отдельной группой, согласовательным показателем, как в (88), или быть опущенным актантом, например при глаголах речи.

- (88) *Точно могу сказать, что знали о ней Д. П. Марецкий и Ефим Цетлин. Записка, которую я своими руками уничтожила, взволновала меня <...>.*
 [Анна Ларина (Бухарина). Незабываемое (1986–1990)]

- (89) *И только хорошо изучивший Хоттабыча Волька мог заметить, что какая-то затаенная дума все время тревожит старого джинна.* [Лазарь Лагин. Стариk Хоттабыч (1955)]

В Таблице 17 представлено распределение порядка слов в зависимости от того, упомянут ли экспериенцер в предшествующем предложении. Приведены данные для каждого из типов выражения экспериенцера, а также доля, которую составляют употребления с только что упомянутым экспериенцером в каждом из четырех подмножеств.

Таблица 17. Порядок слов при наличии и отсутствии (+ / –) упоминания экспериенцера в предыдущем предложении для четырех типов выражения экспериенцера

.	Мест. 1 л.			Мест. 3 л.			Собст. сущ.			Нарц. сущ.		
	SVO	OVS	Доля OVS	SVO	OVS	Доля OVS	SVO	OVS	Доля OVS	SVO	OVS	Доля OVS
+	74	260	0.78	161	282	0.64	64	54	0.46	80	74	0.48
–	60	233	0.80	40	20	0.33	123	79	0.39	256	128	0.33
Доля +	0.53			0.88			0.37			0.29		

Таблица 17 показывает, что в тех случаях, когда экспериенцер упомянут в предшествующем предложении, порядок слов OVS встречается чаще, чем при отсутствии такого упоминания. Эта связь прослеживается при трех из четырех типов выражения экспериенцера. При экспериенцере, выраженном местоимением 1 л., два типа контекстов не демонстрируют существенных различий, что не кажется удивительным, поскольку говорящий постоянно присутствует в ситуации, даже если не упоминается в каждой клаузе.

Помимо этого, как и ожидалось, между типами выражения экспериенцера наблюдаются заметные различия в том, в какой доле случаев этот участник

упомянут в предшествующем предложении. Для местоимений 3 л. эта доля выше всего — иными словами, при экспериенциальном глаголе прямое дополнение обычно выражается местоимением 3 л. тогда, когда соответствующий участник был упомянут в непосредственно предшествующем контексте. Ясно, что даже если этот участник не упоминается в рамках фрагмента, который учитывался при подсчетах в данном случае, он должен быть легко идентифицируем. Поэтому можно было бы предположить, что учитывать именно упоминание в предшествующем предложении для таких участников бессмысленно. Тем не менее даже при однозначной референции местоимения 3 л. его отсутствие в предшествующем предложении может быть связано с временной сменой темы и смещением данного референта из центра внимания, ср. (90), что, как можно судить по данным Таблицы 2.17, отражается и в порядке слов: доля порядка слов OVS равна 0.64 при присутствии и 0.33 — при отсутствии упоминания экспериенцера в предыдущем предложении.

(90) *В рассветных сумерках, в один и тот же час, старый, полузасохший клен под окном начинал петь. Клен будил его. Между редкими пожелтевшими листьями покачивались, распевали десятки птиц. [Даниил Гранин. Иду на грозу (1962)]*

При оставшихся трех типах выражения экспериенцера доля употреблений, в которых он упомянут в предыдущем предложении, снижается в порядке от местоимений 1 л. к группам, возглавляемым нарицательными существительными: 0.53, 0.37 и 0.29, см. нижнюю строку Таблицы 2.17. Таким образом, экспериенцер, выраженный местоимением 1 л. или именем собственным, часто не только известен благодаря внетекстовой информации, но и упомянут в непосредственно предшествующем контексте. Интересно, что экспериенцер, выраженный нарицательным существительным, присутствует в предыдущем предложении чуть менее чем в трети случаев. В таких случаях для одного и того же участника используются разные номинации, как в примере (89).

Таким образом, признак наличия упоминания экспериенцера в ближайшем предшествующем контексте, хотя и в некоторой мере избыточный при учете

типа выражения экспериенциера, позволяет более разносторонне отразить топикальность экспериенциера и уточнить представления о связи типа выражения и данности. В соответствии с ожиданиями, при наличии упоминания в предшествующем предложении группа экспериенциера располагается перед глаголом несколько чаще, чем при отсутствии.

5.9. «Живучесть» экспериенциера в последующем контексте

Параметр живучести (persistence) референта уже упоминался в разделе 3.2 как один из аспектов топикальности в трактовке Т. Гивона [Givón 1983: 14–15; 1994: 9–10]. Этот параметр соответствует тому, насколько важную роль, согласно намерению говорящего, данный участник будет играть в последующем контексте. В [Temme, Verhoeven 2016] частотность предглагольного расположения групп, соответствующих участникам с разными ролями, связывается, в частности, с тем, насколько этим участникам свойствен статус топика, о котором делается утверждение (“aboutness topic”), см. обсуждение выводов указанной работы в разделе 3.2. В настоящем исследовании также проверялась связь порядка слов с тем, упоминается ли участник, занимающий позицию прямого дополнения при экспериенциальном глаголе, в последующих клаузах. Это коммуникативное свойство и отражает параметр живучести.

В существующих исследованиях предлагаются немного разные способы подсчета живучести. В частности, в [Givón 1983: 15] живучесть измеряется как число следующих подряд клауз, содержащих упоминание данного референта. В [Givón 1994: 10] подсчитывается, сколько раз данный референт упомянут на протяжении десяти клауз, следующих за рассматриваемой. В настоящем исследовании живучесть участника, выполняющего роль экспериенциера в рассматриваемой клаузе, измерялась на более ограниченном отрезке последующего контекста — учитывалось, в скольких из трех последующих клауз содержится отсылка к этому участнику. Тем самым значение этого параметра в данном случае может быть равно целому числу от 0 до 3. В (91)–(92) живучесть экспериенциера равна, соответственно, 0 и 3.

(91) *Наконец, геофизиков и инженеров-водоснабженцев тревожит опасность всемирной жажды. Пожалуй, последняя угроза — наиболее реальная: уже сегодня мировые гидроресурсы (запасы пресной воды в реках и озерах) близки к полному истощению. А расход воды на душу населения продолжает неуклонно расти.* [А. Иванисова. Сколько лет воде // «Химия и жизнь», 1969]

(92) *Эта сумма поразила старика, он даже не помнил, держал ли в руках такие деньги. Но он справился с собой и простер тонкую ручку к плакату: — Не курить!* [Марина Бонч-Осмоловская. День из жизни старика на Бёркендейл, 42 // «Звезда», 2002]

Даже в пределах того небольшого отрезка, который используется в данном случае для оценки живучести, обнаруживается связь между порядком слов в клаузе с экспериенциальным глаголом и количеством упоминаний участника, который в ней выполняет роль экспериенцера, в последующем контексте. Распределение порядка слов в зависимости от значения этого признака представлено в Таблице 18.

Таблица 18. Живучесть экспериенцера в последующих трех клаузах
и порядок слов

Количество упоминаний	SVO	OVS	Доля OVS
0	211	377	0.64
1	209	345	0.62
2	243	258	0.51
3	195	150	0.43

Таблица 18 показывает, что чем больше раз упоминается участник в последующих клаузах, тем чаще в клаузе с глаголом, при котором этот участник выступает в качестве экспериенцера, наблюдается порядок SVO (и реже — OVS). Таким образом, на материале русских глаголов с аккузативным

экспериенцером наблюдается закономерность, противоположная гипотезе, высказанной в [Temme, Verhoeven 2016].

Интересно, что если связь порядка слов с референциальной дистанцией, т. е. близостью упоминания участника в предшествующем контексте, многократно подтверждалась на материале различных языков, то для живучести, т. е. упоминания в последующем контексте, подобная связь обычно не обсуждается⁵⁴, см. обзор в [Myhill 2001: 165–168]. Возможное обоснование связи порядка слов с живучестью при экспериенциальных глаголах с аккузативным экспериенцером предлагается в разделе 7.

5.10. Признаки, для которых значимой связи с порядком слов не обнаружено

Для ряда признаков значимой связи с порядком слов в рамках регрессионной модели не было обнаружено, хотя на основании общих сведений о порядке слов она могла бы ожидаться.

Прежде всего, к таким признакам относится живучесть стимула, которая измерялась так же, как живучесть экспериенцера, см. предыдущий раздел, — по количеству упоминаний участника, выполняющего роль стимула при экспериенциальном глаголе, в последующих трех клаузах. Распределение порядка слов при четырех значениях признака живучести стимула отражено в Таблице 19.

Таблица 19. Живучесть стимула в последующих трех клаузах и порядок слов

Количество упоминаний	SVO	OVS	Доля OVS
0	532	591	0.53
1	229	363	0.61
2	69	120	0.63
3	28	56	0.67

Согласно Таблице 19, как и в случае живучести экспериенцера, высокая живучесть стимула связана с его расположением после глагола: чем больше

⁵⁴ Чаще всего живучесть участников рассматривается как существенный фактор при обсуждении залоговых противопоставлений, см., например, [Thompson 1994; Cooreman 1987].

живучесть в последующем контексте, тем чаще в клаузе с экспериментальным глаголом наблюдается порядок слов OVS. Связь между живучестью стимула и распределением порядков слов, отраженная в Таблице 19, статистически значима (двусторонний тест Кохрана-Армитажа⁵⁵, $p < 0.001$). Однако при учете других признаков, рассматривавшихся в разделах 5.1–5.9, эта зависимость оказывается недостаточно сильной. Это обусловлено тем, что наблюдаемые в Таблице 19 различия между разными степенями живучести стимула в рамках модели, включающей все признаки, оказываются «поглощены» более сильно связанными с порядком слов признаками. Тем не менее, возможно, даже небольшое увеличение выборки или расширение отрезка клауз, в пределах которого измеряется количество упоминаний участника, позволили бы более уверенно говорить о связи этого признака с порядком слов.

Другим проверявшимся признаком была сфера функционирования текста, которая определялась соответствующим полем в метатекстовой разметке НКРЯ. Противопоставлялись художественные, публицистические тексты и прочие. Распределение порядков слов в первых двух группах текстов, к которым относится основная часть примеров выборки, представлено в Таблице 20.

Таблица 20. Сфера функционирования текстов и порядок слов

Сфера функционирования	SVO	OVS	Доля OVS
Художественные	481	470	0.49
Публицистические	326	578	0.64

Таблица 20 показывает, что в художественных текстах порядок слов OVS встречается реже, чем в публицистических текстах. В регрессионной модели различия между сферами функционирования не преодолевают порога статистической значимости, однако при анализе с помощью дерева условного

⁵⁵ Этот тест позволяет оценить независимость двух признаков, значения одного из которых упорядочены, как, например, временные периоды или категории употреблений по числу упоминаний. Тест выполнялся с помощью функции `CochranArmitageTest()` пакета `DescTools` [Signorell et al. 2018] для R [R Core Team 2018].

вывода в рамках отдельного подмножества выборки этот признак оказывается статистически значимым, см. раздел 5.11.2.

Наконец, даже слабой или предположительной связи не было обнаружено с двумя признаками: с тем, находится ли экспериенциальный глагол в главной или в зависимой клаузе, и с наличием отрицания при глаголе.

Таким образом, к признакам, для которых связь с порядком слов предположительно существует, однако нуждается в дальнейшей проверке, относятся живучесть стимула и сфера функционирования текста. Эта связь согласуется и с предполагаемой более общей дискурсивной и семантической основой распределения порядков слов, которая обсуждается в разделе 7.

5.11. SVO и OVS при глаголах с аккузативным экспериенцером: обобщение

5.11.1. Модель выбора между SVO и OVS: логистическая регрессия

Порядок слов в предложениях с аккузативным экспериенцером значимо связан со всеми теми признаками, которые обсуждались в разделах 5.1–5.9. Как говорилось в разделе 4.4, для исследования этой связи использовалась логистическая регрессия. Этот метод применяется в случаях, когда изучается выбор между несколькими значениями категориальной зависимой переменной, чаще всего — двумя. В данном случае зависимая переменная — порядок слов — также могла принимать два значения: SVO или OVS. Логистическая регрессия позволяет проверить связь зависимой переменной одновременно с несколькими независимыми переменными, или «предикторами», учитывая вклад каждого из них. Для этого исследователь (иногда — с помощью программы) строит модель, т. е. стремится подобрать оптимальную комбинацию независимых переменных — такую, которая как можно более точно описывает распределение зависимой переменной в выборке и при этом включает как можно меньшее число признаков. Полученная комбинация должна описывать выбор между значениями зависимой переменной не только в имеющейся выборке, но и за ее пределами, «в реальности», поэтому важно включить в модель такие независимые переменные, которые отражают общие представления о функционировании изучаемого явления, а не просто отражают особенности конкретной выборки. Тем самым

большую важность имеет этап разработки набора независимых переменных, связь с которыми будет проверяться с помощью модели. Все такие признаки в идеале должны опираться на предварительные представления исследователя об изучаемом явлении и его наблюдения над данными, а связь с ними поддаваться осмысленной интерпретации. Таким образом, применение этого статистического метода (как и большинства других) на всех этапах предполагает обращение к содержательной стороне исследуемого явления.

Логистическая регрессионная модель, описывающая связь порядка слов с признаками, перечисленными в разделах 5.1–5.9, была построена с помощью функции `glmer()` пакета `lme4` [Bates et al. 2015] для `R` [R Core Team 2018], с опорой на рекомендации, приведенные в [Gelman, Hill 2007: 69]. Помимо связи с отдельными независимыми переменными, проверялось наличие взаимодействия между признаками, демонстрирующими сильную связь с порядком слов. К таким признакам относятся: данность стимула, тип выражения эксперинцера, разность размера групп этих участников, семантическая группа глагола и его видо-временная характеристика. Из этих взаимодействий в модель было включено только взаимодействие между данностью стимула и типом выражения эксперинцера, см. раздел 5.2, поскольку добавление остальных взаимодействий не приводит к существенному улучшению модели (значимость различий между двумя моделями, одна из которых является вложенной, проверялась с помощью дисперсионного анализа (`anova`), см. [Gelman, Hill 2007: 489–490]).

В (93) приведена формула, включающая зависимую переменную — `WO`, т. е. порядок слов, — и независимые переменные, которые используются для предсказания того, какое из двух противопоставленных в рамках исследования значений принимает порядок слов. Как можно видеть, эта формула включает все те признаки, которые обсуждались в разделах 5.1–5.9.

(93) Formula: $WO \sim \text{StimulusGivenness} + \text{ExperiencerType} + \text{SizeDifference} + \text{VerbGroup} + \text{AspectTense} + \text{Conjunction} + \text{ContrastMarkers} + \text{ExperiencerContuniuity} + \text{StimulusGivenness:ExperiencerType} + (1 \mid \text{Verb})$

В Таблице 21 представлены коэффициенты модели. Для каждой числовой переменной, например для разности длины групп или живучести экспериенцера, приведено по одному коэффициенту. Для категориальных переменных, таких как данность стимула или тип выражения экспериенцера, одно из значений условно принимается за базовое, или ноль (например, для данности стимула в качестве нуля было задано значение «доступный»). Базовые значения категориальных переменных даны в скобках (в таблице, которую можно получить в программе R, базовые значения категориальных переменных не приводятся). Каждому из оставшихся значений категориальной переменной соответствует свой коэффициент. Знак коэффициента говорит о том, какой порядок слов встречается при данном значении признака чаще, чем при базовом: отрицательный коэффициент свидетельствует о связи с OVS, положительный — с SVO. Коэффициент отражает то, насколько изменяется натуральный логарифм соотношения долей двух порядков слов (доля SVO / доля OVS) при данном значении соответствующего признака по сравнению со значением, которое принято для данной переменной за базовое, см. примеры расчета формулы ниже. Коэффициент значимо отличается от базового значения, если по модулю он равен или более чем в два раза превосходит стандартную ошибку.

Таблица 21. Коэффициенты логистической регрессионной модели, их стандартная ошибка и статистическая значимость

	Коэфф.	Стандарт. ошибка	p-value
(Intercept)	-1.78	0.33	
(StimulusGivenness_accessible)			
StimulusGivenness_given	1.30	0.41	0.002
StimulusGivenness_new	-0.85	0.26	0.001
(ExperiencerType_1p)			
ExperiencerType_3p	0.74	0.27	0.006
ExperiencerType_proper	1.65	0.30	<<0.001
ExperiencerType_common	2.51	0.29	<<0.001
SizeDifference	0.09	0.02	<<0.001
(VerbGroup_emotions)			
VerbGroup_physiology	1.31	0.29	<<0.001
(AspectTense_imperf.pres)			
AspectTense_imperf.past	0.66	0.20	0.001
AspectTense_perf.past	0.97	0.30	0.001
(Conjunction_absent)			
Conjunction_verb	0.63	0.31	0.05
Conjunction_vp	2.78	0.58	<<0.001
(ContrastMarkers_no_contrast)			
ContrastMarkers_contrast	-1.41	0.27	<<0.001
(ExperiencerPreviousSentence_absent)			
ExperiencerPreviousSentence_present	-0.38	0.14	0.01
ExperiencerPersistence	0.25	0.06	<<0.001
(StimulusGivenness_accessible:ExperiencerType_1p)			
StimulusGivenness_given:ExperiencerType_3p	0.51	0.68	0.46
StimulusGivenness_new:ExperiencerType_3p	-0.16	0.35	0.64
StimulusGivenness_given:ExperiencerType_proper	-1.19	0.56	0.03
StimulusGivenness_new:ExperiencerType_proper	-0.35	0.41	0.39
StimulusGivenness_given:ExperiencerType_common	0.50	0.70	0.47
StimulusGivenness_new:ExperiencerType_common	-0.78	0.36	0.03

В первой строке Таблицы 21 представлен свободный член уравнения логистической регрессии (Intercept) — значение, которое принимает уравнение, когда все независимые переменные равны нулю (в данном случае он определялся с учетом различий между глаголами, см. ниже). Иными словами, коэффициент - 1.78 показывает, что 1) при доступном стимуле, 2) экспериенцере, выраженном местоимением 1 л., 3) при разности между группами, равной нулю, 4) при глаголах эмоций 5) НСВ в настоящем времени, 6) при отсутствии сочинения и 7) маркеров контрастивного выделения, 8) отсутствии участника, соответствующего экспериенцеру, в предыдущем предложении и 9) живучести экспериенцера, равной нулю, ожидается преобладание порядка слов OVS с соотношением доля SVO / доля OVS, равным $e^{-1.78} = 0.17$, что дает для порядка слов SVO — долю, равную 0.14, для OVS — долю в 0.86. Знак коэффициентов для оставшихся двух значений данности стимула показывает, что по сравнению с доступным при данном стимуле значимо больше доля SVO, при новом — OVS. Однако в силу того, что в формулу входит также взаимодействие между данностью стимула и типом выражения экспериенцера, эти коэффициенты невозможно напрямую преобразовать в соотношение порядков слов. Чтобы вычислить предсказываемое моделью соотношение порядков слов, скажем, при новом стимуле и экспериенцере, выраженном нарицательным существительным, при базовом значении остальных признаков, нужно использовать и те коэффициенты, которые описывают это взаимодействие. В формулу регрессионной модели для признака данности стимула следует подставить число 2, которое соответствует третьему уровню данности стимула, т. е. новому стимулу, а для признака типа выражения экспериенцера следует подставить число 3, которое соответствует четвертому уровню типа выражения экспериенцера, т. е. нарицательному существительному. Эти числа нужно умножить на коэффициенты, указанные в Таблице 21 напротив рассматриваемых в данном примере значений признаков: $-1.78 - 0.85*2 + 2.51*3 - 0.78*2*3 = -0.63$. Таким образом, ожидаемое с точки зрения модели соотношение порядков слов при этом сочетании признаков равно $e^{-0.63} = 0.53$, т. е. примерно 0.35 для SVO и 0.65 для OVS.

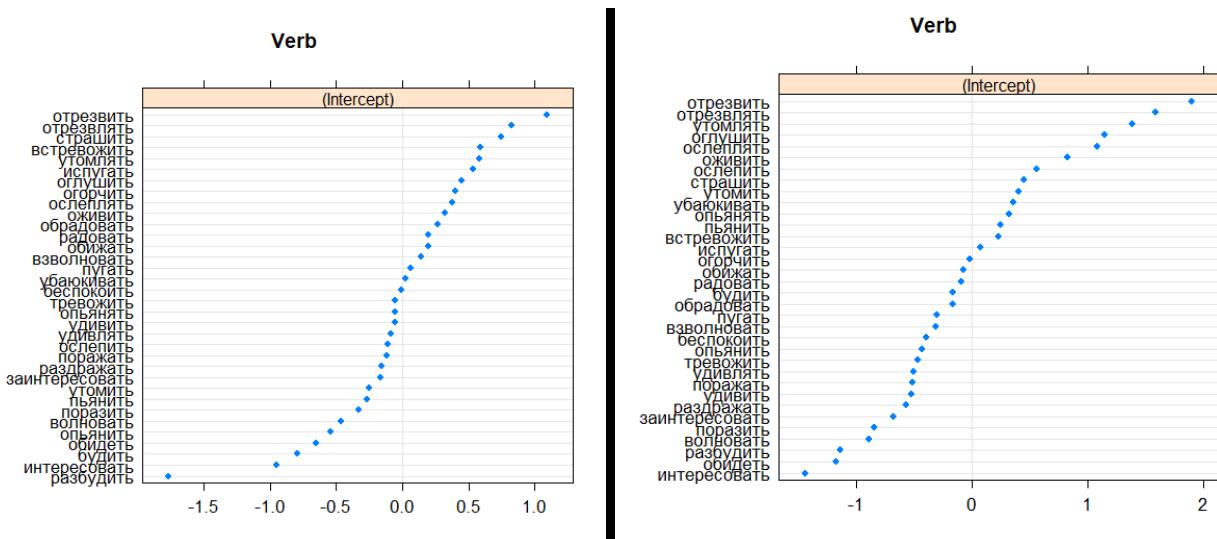
Коэффициент для числовых переменных: разности размеров групп и живучести экспериенцера — отражает изменение в соотношении порядков слов при изменении на единицу изменения. Как было показано выше, предсказываемое моделью соотношение порядков слов при разности групп, равной нулю, и при нулевом значении остальных признаков, можно получить на основании коэффициента для свободного члена ($e^{-1.78} = 0.17$). Если же разность длины групп равна -1, логарифм соотношения высчитывается следующим образом: $-1.78 + 0.09*(-1) = -0.78 - 0.09 = -1.87$, а само соотношение — $e^{-1.87} = 0.15$, что предполагает увеличение доли OVS примерно на 0.01 при разности -1 по сравнению с разностью, равной нулю.

Если подробнее рассмотреть значимость коэффициентов для признаков, участвующих во взаимодействии, можно заметить, что в нем отражаются те особенности распределения признаков данности стимула и типа выражения экспериенцера, для которых были замечены отклонения при обсуждении Таблицы 2.12 в разделе 5.2. При данном стимуле и экспериенцере, выраженным собственным существительным, доля порядка слов OVS выше, при новом стимуле и экспериенцере, выраженным нарицательным существительным, — ниже, чем ожидается с учетом каждого из этих признаков по отдельности.

Как упоминалось в разделе 4.4, модель строилась с учетом того, что в рамках выборки можно выделить подгруппы употреблений отдельных глаголов, т. е. параметр глагольной лексемы включался в модель как т. н. случайный фактор, см., например, [Johnson 2008: 237]. Модель, включающая случайный фактор, предполагает, что для каждого его значения подбирается свой набор коэффициентов. В данном случае каждому глаголу соответствует свой коэффициент для свободного члена, т. е. различия между глагольными лексемами отражаются в том, какое значение принимает уравнение при базовом значении всех независимых переменных. Значение коэффициента для свободного члена, приведенное в Таблице 21 в строке Intercept, соответствует усредненному значению коэффициентов для отдельных глаголов, см. [Gelman, Hill 2007: 259–261]. Коэффициенты для отдельных глаголов представлены на

Графике 6, однако они не демонстрируют никакой ясной закономерности. Более интересны коэффициенты свободного члена для модели, которая включает все независимые переменные итоговой модели, кроме семантической группы глагола. Они представлены на Графике 7.

Графики 6 и 7. Коэффициенты свободного члена для каждого глагола в итоговой модели и в модели, не включающей признак семантической группы глагола

каждого из употреблений можно сопоставить с тем, какой порядок слов зафиксирован в них в выборке, и высчитать долю случаев, в котором предсказание модели и реализация в выборке совпадают, см. [Johnson 2008: 253–255]. Эта доля позволяет оценить, насколько хорошо признаки, выступавшие в качестве независимых переменных, схватывают наблюдающуюся вариативность в зависимой переменной. При этом важна не сама по себе доля предсказаний, совпавших с наблюдающейся реализацией, а то, насколько она превышает долю, которая приходится на более частотную реализацию зависимой переменной. Если модель верно предсказывает выбор примерно в такой же доле употреблений, какую составляет более частотное значение зависимой переменной, такое предсказание не дает преимущества по сравнению с выбором просто более частотного варианта для всех случаев. Предложенная здесь модель выбора порядка слов при экспоненциальных глаголах верно предсказывает реализацию порядка слов для 1590 употреблений из 1988, или для 0.80. В целом в выборке более частотным является порядок слов OVS: доля употреблений с таким порядком слов равна 0.57. Различие между этими двумя долями показывает, что выбранные признаки позволяют описать существенную часть вариативности порядка слов, хотя немалая ее часть и остается неучтеною.

Наконец, было проверено, насколько хорошо построенная модель описывает распределение в различных подмножествах выборки. Для этого использовалась процедура, описанная в [Johnson 2008: 255–258], при которой выборка случайным образом разделяется на т. н. обучающее подмножество и тестовое подмножество, составляющие, соответственно, 85% и 15% выборки. Для того же набора переменных, который включался в полную модель, см. формулу в (93), на материале обучающего подмножества подбираются коэффициенты, а затем для употреблений, входящих в тестовое подмножество, на основании их характеристик предсказывается реализация порядка слов и высчитывается, в какой доле случаев предсказание совпадает с наблюдаемой реализацией. Весь этот цикл, начиная с разделения общей выборки на два подмножества, повторяется сто раз. В результате получается набор из ста

предсказаний и можно оценить, какую долю употреблений в тестовой выборке в среднем верно описывает модель, основанная на обучающей выборке. Для имеющихся данных среднее значение этой доли составляет 0.795, что очень близко к предсказанию, полученному для полной выборки, и для 73 из 100 случаев эта доля больше 0.78. Этот результат свидетельствует о том, что модель отражает общие закономерности распределения порядка слов в выборке, а не отдельные специфические употребления, и может использоваться для заключений о распределении порядка слов в подобных предложениях в целом.

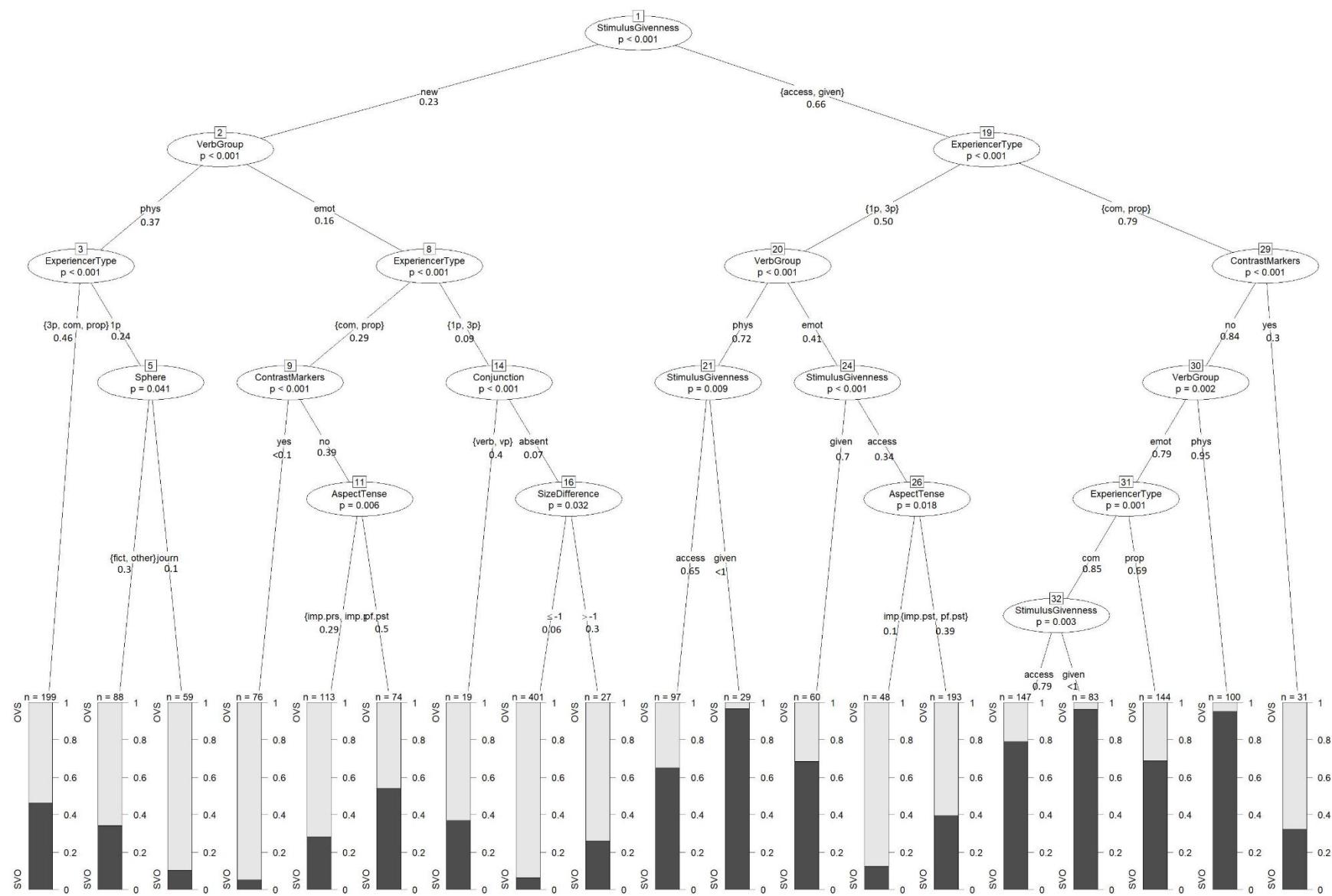
В следующем разделе отношения между признаками, с которыми связан порядок слов, исследуются с помощью методов, основанных на поиске наиболее эффективной классификации выборки, что также может рассматриваться как проверка выводов, сделанных с помощью регрессионного анализа.

5.11.2. Модель выбора между SVO и OVS: дерево условного вывода

Деревья условного вывода являются одной из разновидностей т. н. деревьев классификации и регрессии (CART — classification and regression trees), или деревьев решений. Все методы этого типа позволяют исследовать распределение зависимой переменной путем последовательного разделения данных на подмножества так, что на каждом этапе основанием для разделения служит независимая переменная, описывающая распределение зависимой переменной лучше других. В данном случае для анализа связи порядка слов с признаками, обсуждавшимися в разделах 5.1–5.9, использовались деревья условного вывода, построенные с помощью функций `ctree()` и `cforest()` пакета `party` [Hothorn et al. 2006b, 2006c] для R [R Core Team 2018]. При построении дерева условного вывода на каждом этапе в качестве основания для разделения выбирается тот признак, с которым в наибольшей степени связано распределение зависимой переменной (наличие связи между двумя категориальными переменными проверяется с помощью критерия χ^2 , между категориальной и числовой переменной — с помощью теста ANOVA и т. п.). Существенно, что на каждом этапе разделение бинарно, поэтому при анализе признака, принимающего более двух значений, как, например, тип выражения эксперииенцера, проверяются все

возможные противопоставления одного из его значений всем оставшимся. Дерево условного вывода, описывающее распределение порядка слов в выборке, представлено на Графике 8. В него включены те признаки, которые оказались значимо связаны с порядком слов в том или ином подмножестве выборки. В каждом из узлов дерева указан тот признак, на основании которого производится разделение, и номер узла, например, в узлах 3, 8, 19 и 31 данные разделены на основании типа выражения экспериенцера. На линиях, соединяющих узлы, указано, какие значения признака противопоставляются в результате разделения, в частности в узле 3 выделены подмножество употреблений с экспериенцером, выраженным местоимением 1 л., и подмножество, включающие все остальные употребления, а в узлах 8 и 19 употребления с экспериенцером, выраженным с помощью местоимений, противопоставляются употреблениям с экспериенцером, выраженным существительным, собственным или нарицательным. На линиях под значениями признаков указана доля, которую в соответствующем подмножестве составляют употребления с порядком слов SVO. В терминальных узлах приведено распределение порядка слов в группах, получившихся в результате разделения. Так, в подмножестве употреблений с данным или доступным стимулом, экспериенцером, выраженным с помощью существительного, при наличии маркеров контраста, см. крайний правый терминальный узел, содержится 31 употребление, и из них примерно в трети наблюдается порядок слов SVO.

График 8. Дерево условного вывода для выбора между SVO и OVS при глаголах с аккузативным экспериенцером

В основном на Графике 8 присутствуют те же признаки, что были включены в логистическую регрессионную модель: данность стимула, тип выражения экспериенцера, семантическая группа глагола, его видо-временная характеристика, наличие сочинения и маркеров контрастивного выделения, а также разность длины групп экспериенцера и стимула. В отличие от регрессионного анализа, дерево условного вывода не содержит признаков упоминания экспериенцера в предыдущем предложении и живучести экспериенцера и, наоборот, включает признак сферы функционирования (узел 5). Этот признак оказывается значимо связанным с порядком слов в рамках подмножества употреблений с новым стимулом и глаголами физиологического воздействия при экспериенцере, выраженном местоимением 1 л.: порядок слов SVO встречается чаще в употреблениях, относящихся к художественным текстам и текстам прочих жанров, чем среди употреблений в публицистических текстах, ср. второй и третий слева терминальные узлы⁵⁶.

Те категориальные признаки, которые оказались наиболее существенными в регрессионной модели, в дереве демонстрируют связь с порядком слов сразу в нескольких подмножествах употреблений. Данность стимула служит первым основанием для разделения: в узле 1 употребления с новым стимулом, который связан с порядком слов OVS, противопоставлены употреблениям с доступным и данным стимулом, среди которых выше доля SVO. Употребления с доступным и с данным стимулом разводятся в узлах 21, 24 и 32. В разных ветвях дерева в том или ином виде разграничиваются и все четыре типа выражения экспериенцера, см. уже упоминавшиеся узлы 3, 8, 19 и 31. Семантические группы глагола противопоставляются в узлах 2, 20 и 30: доля употреблений с порядком

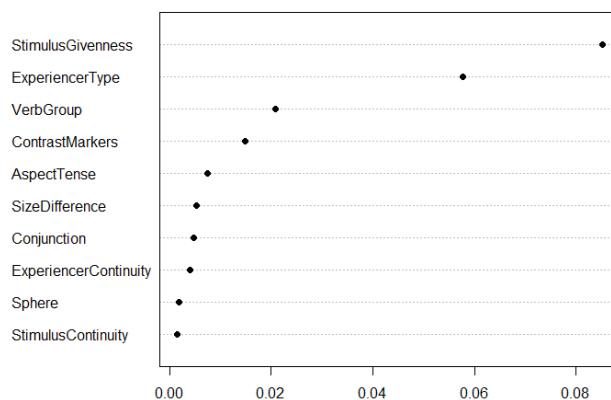
⁵⁶ Тексты прочих жанров не составляют однородного множества, поэтому бессмысленно ставить вопрос о том, какое соотношение порядков слов наблюдается среди употреблений, относящихся к текстам этого множества, которое невелико по сравнению с двумя оставшимися группами. К текстам прочих жанров относится 133 употребления, к художественным текстам 951, к публицистическим — 904. Предположительно, дерево условного вывода отражает те различия, которые наблюдаются между двумя последними типами текстов. Употребления из текстов прочих жанров не исключались из выборки, использовавшейся для построения дерева условного вывода, чтобы не терять часть данных при анализе других признаков.

слов SVO выше при глаголах эмоций, чем при глаголах физиологического воздействия. Оставшиеся признаки проявляются более локально. Среди них наиболее существенным оказывается наличие маркеров контрастивного выделения, связанных с порядком слов OVS; на основании этого признака производится разделение в узлах 9 и 29. Противопоставление употреблений по видо-временной характеристике глагола в узлах 11 и 26, в соответствии с выводом, сделанным на основании регрессионной модели, оказывается двухуровневым: в узле 11 одна из выделенных групп объединяет разные временные формы глаголов HСВ, при которых выше доля употреблений с порядком слов OVS, в другую входят глаголы СВ, в то время как в узле 26 граница проводится между формами настоящего времени HСВ и формами прошедшего времени глаголов обоих видов. Заметное отличие этого дерева условного вывода от регрессионной модели заключается в том, что в дереве меньшую роль играют числовые переменные: разность длины групп эксперииенцера и стимула (узел 16) и живучесть эксперииенцера, которая в дереве не появляется совсем. Возможно, этот эффект связан с тем, что в рамках регрессионной модели оценивается изменение в соотношении порядков слов при изменении на единицу измерения признака, т. е. признак рассматривается как градуальный, в то время как в дереве условного вывода при каждом разделении должно быть выбрано какое-то одно значение, противопоставляющее два подмножества употреблений, и за счет этого градуальная природа подобных признаков не может быть в полной мере учтена. Как и для регрессионной модели, для дерева условного вывода может быть проверено, какова доля употреблений, порядок слов в которых соответствует предсказанию. На основании представленного на Графике 8 дерева можно верно предсказать порядок слов в 1520 из 1988, или 0.77 употреблений⁵⁷, что немного ниже той доли, которая была получена для регрессионной модели, см. раздел 5.11.1.

⁵⁷ При оценке значимости признаков в дереве по умолчанию вводится поправка Бонферрони на множественные сравнения: учитывается, что при проведении большого числа тестов возрастает вероятность случайно получить крайние распределения, см., например, [McDonald 2014: 254–260]. Дерево условного вывода без поправки Бонферрони включает

Дерево условного вывода, представленное на Графике 8, выявляет отношения между разными признаками и показывает, в каких подмножествах употреблений какие противопоставления наиболее существенны. Существует также близкий метод, позволяющий сравнить важность разных признаков для предсказания зависимой переменной. Этот метод состоит в том, что строится лес деревьев условного вывода, т. е. множество таких деревьев. Для этого использовалась функция `cforest()` из того же пакета; в данном случае число построенных деревьев равнялось 1000. В целом этот метод заключается в том, что доля верно предсказываемых употреблений при исходном соотношении зависимой и той или иной независимой переменной сравнивается с долей верно предсказываемых употреблений в случае, если значения данной независимой переменной случайным образом переставляются, см. подробнее [Strobl et al. 2007]. График 9 показывает важность рассматривавшихся в этом разделе признаков для описания распределения порядка слов. Для каждого признака приведено среднее снижение точности предсказания, наблюдающееся при его перестановке. Однако при интерпретации таких графиков существенны не сами значения среднего снижения точности предсказания, а соотношение признаков по важности.

График 9. Важность признаков для предсказания распределения порядков слов согласно лесу деревьев условного вывода

большее число узлов и значимыми оказываются все десять проверявшихся признаков (т. е. все упомянутые в дереве на Графике 8, а также живучесть экспериенцера и живучесть стимула). Предсказание такого дерева также немного выше — 0.79. Здесь приводится только дерево, построенное с учетом поправки, так как дерево, получающееся при отсутствии поправки, оказывается слишком громоздким и сложным для восприятия.

Как и другие методы, лес деревьев условного вывода выделяет данность стимула и тип выражения экспериенцера в качестве признаков, наиболее важных для описания распределения порядка слов. Наоборот, наименее существенными оказались сфера функционирования и живучесть стимула, которые, в отличие от остальных признаков, не были включены в регрессионную модель. Признаки, занимающие промежуточное положение, упорядочиваются немного по-разному в рамках разных моделей, однако противопоставление семантических групп глагола, которому в этом исследовании уделяется особое внимание, при всех трех способах анализа выборки оказывается среди наиболее важных в иерархии признаков.

Для леса деревьев условного вывода, как и для отдельного дерева, может быть установлена доля употреблений, в которых на основании оценки важности признаков можно верно предсказать порядок слов. Тот лес деревьев условного вывода, с помощью которого была оценена важность признаков, отраженная на Графике 9, верно предсказывает порядок слов в 1617 из 1988, т. е. в 0.81 употреблений.

Таким образом, те три метода анализа признаков, с которыми связано распределение порядка слов, в целом незначительно различаются по доле вариативности в порядке слов, которую они позволяют описать. При этом каждый из них выявляет тот или иной аспект связи между порядком слов и рассматриваемыми признаками. Регрессионная модель позволяет оценить общую роль каждого из признаков во всем множестве употреблений и учесть различия, существующие между отдельными глагольными лексемами. Дерево условного вывода легко поддается визуализации, и благодаря этому наглядно представляет отношения между признаками в разных подмножествах выборки. С помощью леса деревьев условного вывода можно установить относительную важность признаков для описания порядка слов.

Интерпретации результатов проведенного анализа в разделе 7 предшествует еще один раздел, посвященный наблюдаемому у некоторых глаголов эмоций противопоставлению двух разных значений: более эмотивного и более

ментального — и mestu этого противопоставления среди других обсуждавшихся признаков.

6. Эмотивные и ментальные употребления глаголов эмоций

В разделе 5 среди других признаков, связанных с порядком слов, обсуждалась семантическая группа глагола: противопоставлялись глаголы эмоций и глаголы физиологического воздействия. Однако употребления некоторых глаголов эмоций в семантическом отношении неоднородны, и у них можно выделить два значения: более эмотивное и более ментальное. Противопоставление этих двух значений и рассматривается в данном разделе. Для глаголов *тревожить* и *взволновать* употребление в эмотивном значении представлено в (94) и (96), в ментальном — в (95) и (97).

(94) *Память о верном друге, о его печальной судьбе тревожила старого человека.* [Гавриил Троепольский. Белый Бим черное ухо (1971)]

(95) *Меня же тревожила потеря времени. Солнечное утро отнюдь не застраховывало нас от дождливого дня.* [Николай Шлиппенбах. ...И явил нам Довлатов Петра // «Звезда», 2003]

(96) *Материал пьесы взволновал ребят, и они захотели над ним поработать.* [Как родился «АктЭМ» (2003) // «Театральная жизнь», 2003.04.28]

(97) *Болезнь его взволновала композитора — виртуоз больше не подходил к инструменту, боялся, что у него «сломаются пальцы».* [Андрей Седых. Далекие, близкие. Воспоминания (1979)]

Из этих двух значений более отчетливыми признаками обладает ментальное. Существенное свойство ментальных употреблений состоит в наличии интеллектуальной оценки, чаще всего отрицательной, некоторого факта, который, по мнению экспериенцера, грозит какими-либо нежелательными последствиями в будущем. Такие употребления содержат семантический компонент ‘думать’ или ‘предполагать’. Так, в (95) экспериенцер предполагает, что с течением времени погода может измениться, поэтому отрицательно

оценивает обстоятельства, заставляющие терять время. В (97) композитор опасается, что пианист в силу болезни откажется от выступлений.

Эмотивное значение не предполагает наличия у экспериенцера опасений относительно будущего, и оценка стимула может быть и положительной (96), и отрицательной, и неоднозначной (94). В таких употреблениях на первом плане находится не оценка, а некоторое душевное состояние экспериенцера.

Помимо приведенных выше глаголов *тревожить* и *взволновать*, эмотивное и ментальное значения могут быть выделены у глаголов *беспокоить*, *волновать* и *встревожить*⁵⁸. Для проверки связи между порядком слов и противопоставлением этих двух значений использовались употребления перечисленных глаголов, составляющие подмножество общей выборки (всего 397 употреблений). В данном случае также была построена смешанная модель логистической регрессии с глагольной лексемой в качестве случайного фактора, см. раздел 5.11.1, в которую, помимо значения глагола, вошли и некоторые из признаков, обсуждавшихся в разделе 5. В получившейся модели значимая связь с порядком слов была установлена для шести признаков, из которых значение оказывается вторым по значимости после данности стимула. Было обнаружено, что при употреблении глаголов в ментальном значении порядок слов OVS наблюдается чаще, чем при употреблении в эмотивном значении. В Таблице 22 приводятся коэффициенты для каждого из ненулевых значений признаков, вошедших в модель. Взаимодействия между признаками в данном случае в нее не включались в силу небольшого размера выборки, на которой она основана.

⁵⁸ Выделить эмотивное и ментальное значения можно и у некоторых других глаголов эмоций, в частности *пугать* и *смузгать*, ср. (i)–(ii). Однако на практике разграничить эти два значения у других глаголов оказалось сложнее, поэтому они не использовались для исследования этого противопоставления.

- (i) *Рана его — вот так, дырой в мундире — вовсе не пугала сбежавшихся людей* <...>. [Олег Павлов. Казенная сказка (1993)]
- (ii) *Ее пугала рана в грудь или в живот, она боялась слабости, унижения, стыда перед смертью* <...>. [Юрий Бондарев. Горячий снег (1969)]

Таблица 22. Коэффициенты логистической регрессионной модели, включающей значение глагола в качестве независимой переменной, их стандартная ошибка и статистическая значимость

	Коэфф.	Стандарт. ошибка	p-value
(Intercept)	-0.53	0.46	
(StimulusGivenness_accessible)			
StimulusGivenness_given	1.19	0.40	0.003
StimulusGivenness_new	-1.31	0.30	<0.001
(Meaning_emotive)			
Meaning_mental	-1.76	0.35	<0.001
(ExperiencerType_1p)			
ExperiencerType_3p	1.21	0.44	0.01
ExperiencerType_proper	1.39	0.45	0.002
ExperiencerType_common	2.34	0.42	<0.001
(ContrastMarkers_no_contrast)			
ContrastMarkers_contrast	-1.16	0.47	0.01
(AspectTense_imperf.pres)			
AspectTense_imperf.past	0.68	0.34	0.05
AspectTense_perf.past	1.12	0.41	0.006
SizeDifference	0.06	0.03	0.08

Как можно было ожидать, согласно предсказанию модели, те из признаков, которые уже рассматривались в разделе 5, в рамках этого подмножества употреблений связаны с порядком слов так же, как и в выборке в целом. При стимуле, имеющем статус данного, порядок слов SVO наблюдается чаще, чем при доступном стимуле, что отражено в положительном значении коэффициента для данного стимула. При новом же стимуле чаще, чем при доступном, ожидается порядок слов OVS. Связь между порядком слов и типом выражения экспериенциера соответствует порядку, в котором значения этого признака представлены в Таблице 23, и иерархии референтов, обсуждавшейся

в разделе 5.2: ниже всего доля порядка слов SVO при экспериенцере, выраженным местоимением 1 л., и выше всего — при экспериенцере, выраженным нарицательным существительным. При наличии маркеров контраста ожидается более высокая доля порядка слов OVS. При прошедшем времени и СВ глагола, напротив, предсказывается сдвиг в пользу SVO по сравнению с базовым значением — настоящим временем НСВ. Наконец, разность длины групп находится в положительной связи с долей SVO, т. е. более длинная группа склонна располагаться после глагола.

Следует подробнее рассмотреть признак значения глагола, который находится в центре внимания данного раздела. Как показывает Таблица 22, ментальному значению соответствует отрицательный коэффициент, т. е., при учете прочих признаков, если глагол употреблен в ментальном значении, порядок слов OVS наблюдается чаще, чем при эмотивном значении глагола. В Таблице 23 представлено распределение порядка слов при двух значениях глаголов в рамках каждой из степеней данности стимула.

Таблица 23. Порядок слов при эмотивном и ментальном значениях глаголов эмоций для трех степеней данности стимула

Значение глагола	Данное			Доступное			Новое		
	SVO	OVS	Доля OVS	SVO	OVS	Доля OVS	SVO	OVS	Доля OVS
Эмотивное	22	2	0.1	40	16	0.3	16	24	0.6
Ментальное	33	13	0.3	43	55	0.6	15	118	0.9

Таблица 23 показывает, что для каждой из трех степеней данности стимула при эмотивном значении глаголов порядок слов OVS наблюдается реже, чем при ментальном.

Таким образом, в результате данного исследования установлена связь порядка слов с двумя противопоставлениями, касающимися семантического типа ситуаций. Порядок слов OVS, при учете прочих признаков, наблюдается чаще при глаголах эмоций, чем при глаголах физиологического воздействия, и

при ментальном значении отдельных глаголов эмоций чаще, чем при эмотивном значении тех же глаголов.

Следующий логический шаг состоит в том, чтобы проверить, каким образом соотносятся эти два признака: семантические группы и два разных значения, — выделив из общей выборки, с одной стороны, употребления с глаголами физиологического воздействия, и, с другой стороны, употребления глаголов эмоций, способных употребляться в двух разных значениях, и объединить рассматриваемые признаки в один, противопоставляющий три группы: физиологическое воздействие, эмотивное значение и ментальное значение. На основании выделенной подвыборки, как и в предыдущих случаях, была построена смешанная модель логистической регрессии с глагольной лексемой в качестве случайного фактора. Обобщение полученной модели представлено в Таблице 24.

Таблица 24. Коэффициенты логистической регрессионной модели, включающей признак семантики глагола с тремя значениями

	Коэффициент	Стандарт. оши бка	p-value
(Intercept)	-0.75	0.56	
(StimulusGivenness_accessible)			
StimulusGivenness_given	1.48	0.35	<0.001
StimulusGivenness_new	-1.19	0.21	<0.001
(ExperiencerType_1p)			
ExperiencerType_3p	0.50	0.23	0.03
ExperiencerType_proper	1.00	0.28	0.004
ExperiencerType_common	2.33	0.28	<0.001
(VerbSemantics_emotions)			
VerbSemantics_physiology	0.16	0.54	0.77
VerbSemantics_mental	-1.80	0.33	<0.001
SizeDifference	0.05	0.03	0.04

(AspectTense_imperf.pres)			
AspectTense_imperf.past	0.70	0.28	0.01
AspectTense_perf.past	0.82	0.48	0.09
(Conjunction_absent)			
Conjunction_verb	1.02	0.57	0.07
Conjunction_vp	2.93	0.79	<0.001
(ContrastMarkers_no_contrast)			
ContrastMarkers_contrast	-1.29	0.43	0.003
ExperiencerPersistence	0.36	0.09	<0.001

В контексте настоящего обсуждения наиболее важный признак в Таблице 24 — семантика глагола, все же прочие включенные в нее признаки ожидаемым образом связаны с порядком слов и уже рассматривались в предшествующих разделах. Для противопоставления глаголов по семантике в качестве базового уровня было выбрано эмотивное значение. Положительный коэффициент для значения физиологического воздействия показывает, что при этом значении несколько чаще, чем при эмотивном, ожидается порядок слов SVO. Однако ожидаемое различие между долей употреблений с OVS при значении физиологического воздействия по сравнению с эмотивным значением незначительно и очень далеко от порога статистической значимости. При ментальном значении, напротив, предсказываемая доля употреблений с OVS гораздо выше, чем при эмотивном значении, о чем свидетельствует отрицательный коэффициент и уровень значимости отличий от базового уровня. Таким образом, по склонности к расположению OVS выделенные экспериенциальные значения можно упорядочить таким образом: ментальное >> эмотивное ≈ физиологическое воздействие.

В следующем разделе подводятся эмпирические итоги обсуждения порядка слов в предложениях со стимулом в позиции подлежащего и экспериенцером в позиции прямого дополнения и предлагается семантическая и дискурсивная

интерпретация связи порядка слов с теми признаками, которые обсуждались в разделах 5–6.

7. Обобщение и обсуждение результатов: порядок слов и семантическая переходность

В разделах 5–6 признаки, с которыми связан порядок слов в предложениях с глаголами с аккузативным экспериенцером, рассматривались в соответствии с их важностью для предсказания порядка слов. Таблица 25 содержит и признаки, включенные в модели логистической регрессии, см. разделы 5.1–5.9, 5.11.1, 6, и те признаки, для которых связь с порядком слов предположительно существует, но в рамках имеющейся выборки не достигает порога статистической значимости, см. раздел 5.10, — эти признаки приведены в скобках. Признаки условно разделены на две группы на основании того, к какому из аспектов предложения они относятся. В одну группу выделены признаки, отражающие коммуникативные свойства участников, и примыкающие к ним противопоставления. Вторая группа включает два признака, относящихся к семантике глагола. Наконец, особняком стоит противопоставление художественных и публицистических текстов, см. разделы 5.10 и 5.11.2. В правой части Таблицы 25 для каждого признака указано, какое из его значений связано с порядком слов SVO, какое — с OVS.

Таблица 25. Признаки, с которыми связан порядок слов
в предложениях с аккузативным экспериенцером

Признаки	SVO		OVS	
Коммуникативные свойства и вес				
Данность стимула	данный	доступный	новый	
Контрастивное выделение группы стимула	отсутствует		присутствует	
Тип выражения экспериенцера	нариц. сущ.	собст. сущ.	мест. 3 л.	мест. 1 л.
Упоминание экспериенцера в предыдущем предложении	отсутствует		присутствует	
Живучесть экспериенцера в последующем контексте	больше		меньше	
(Живучесть стимула в последующем контексте)	меньше		больше	
Наличие сочинения глаголов или глагольных групп	присутствует		отсутствует	
Разность длины групп участников	длиннее группа экспериенцера		длиннее группа стимула	
Семантические свойства глагола				
Семантическая группа глагола	физиологическое воздействие		эмоции	
Значение глаголов эмоций	эмотивное		ментальное	
Вид и время глагола	прош. вр. СВ	прош. вр. НСВ	наст. вр. НСВ	
Сфера функционирования				
Тип текстов	художественные		публицистические	

Как показывает Таблица 25, удалось обнаружить связь порядка слов с целым рядом признаков, прямо или опосредованно отражающих коммуникативные свойства участников. Многие из этих признаков определяются присутствием референтов в предшествующем контексте или в ситуации: данность стимула, тип выражения экспериенцера, упоминание экспериенцера в предыдущем предложении и — косвенно — разность длины групп. Также была учтена важность референтов для последующего контекста (живучесть экспериенцера и стимула), а также особенности устройства самого предложения, содержащего экспериенциальный глагол (контрастивное выделение, наличие сочинения). Поскольку эти признаки охватывают самые разнообразные аспекты коммуникативных свойств участников и дискурсивные свойства контекста, можно надеяться на то, что за оставшимися значимыми признаками уже не стоят коммуникативные противопоставления.

Другая группа признаков связана с семантикой и грамматическими свойствами глагола. Один из наиболее важных результатов данного исследования состоит в обнаружении связи между порядком слов и семантикой глагола. Связь с семантической группой глагола согласуется с гипотезой, обсуждавшейся в разделах 4.1 и 5.4: при глаголах эмоций (*интересовать, удивить, страшить* и т. д.) порядок слов OVS встречается чаще, чем при глаголах физиологического воздействия, например *утомить, ослепить, убаюкивать*. Существенно, что эта связь оказывается значимой даже при учете перечисленных выше коммуникативных свойств участников.

Как говорилось в разделе 3.3, в данном исследовании был принят несколько иной взгляд на вопрос о наличии связи между порядком слов и семантической группой глагола, чем в существующих работах, касающихся этой проблемы. В них глаголы с экспериенцером в позиции объекта противопоставляются глаголам, при которых объект соответствует участникам с другой ролью, прежде всего — с ролью пациента, см. [Haspelmath 2001; Temme, Verhoeven 2016], а также раздел 3.2. В настоящей же работе сопоставлялись две группы глаголов с экспериенцером в позиции прямого дополнения, различающиеся тем, в какой

степени экспериенцер обладает пациентивными свойствами: в большей степени — при глаголах физиологического воздействия, в меньшей — при глаголах эмоций. То, что при таком подходе обнаружены значимые различия в распределении порядков слов при глаголах двух групп, свидетельствует о том, что в порядке слов отражается не различие между семантическими ролями (которые в любом случае скорее следует считать условными ярлыками, см. раздел 1.2 главы 1), а различие в степени близости участника в позиции прямого дополнения к пациенту. Как уже отмечалось в разделе 4.1, можно было бы предложить другую трактовку — считать участника в позиции прямого дополнения при глаголах физиологического воздействия пациентом. Однако если различию между глаголами эмоций и физиологическими глаголами действительно можно предложить такое объяснение, в меньшей степени ему поддается связь между порядком слов и типом значения глаголов эмоций, у которых можно выделить более эмотивные (98) и более ментальные употребления (99), см. раздел 6.

(98) *Она посмотрела на меня странно. Ее взгляд волновал меня.* [Геннадий Прашкевич, Александр Богдан. Человек «Ч» (2001)]

(99) *Он делал вид, что его волнуют еще встречающиеся у нас порой отдельные недостатки.* [Марк Захаров. Суперпрофессия (1988–2000)]

В соответствии с Таблицей 25 и выводом раздела 6, при ментальном значении глаголов эмоций, демонстрирующих такую полисемию, порядок слов OVS встречается чаще, чем при эмотивном, и это противопоставление сложно свести различиям между семантическими ролями в привычном смысле слова — участник в примерах типа (98) едва ли может рассматриваться как пациент⁵⁹.

Как можно заметить, те семантические противопоставления, которые оказываются существенными для порядка слов, согласуются с обсуждавшейся

⁵⁹ Конечно, и это различие можно описать в терминах противопоставления семантических ролей, если вводить все более дробные роли, однако такой подход привел бы к циркулярности оснований для выделения семантических ролей и утраты этим понятием объяснительной силы.

в главе 1 иерархией групп экспериенциальных глаголов, отражающей степень контроля экспериенцера, т. е. степень его сходства с агенсом, или, наоборот, силу воздействия, претерпеваемого экспериенцером, т. е. степень его близости к пациенту, в экспериенциальных ситуациях того или иного типа. В частности, экспериенцер при предикатах, обозначающих мышление, обычно считается в целом более агентивным, чем при предикатах, обозначающих эмоции или физиологические ощущения, в то время как последние два класса ситуаций упорядочиваются разными способами, см. [Tsunoda 1981, 1985; Bossong 1998: 261; Haspelmath 2001: 63; Malchukov 2005: 89–90]. Таким образом, различия в склонности к базовому порядку слов SVO или, наоборот, к порядку слов OVS с экспериенцером в предглагольной позиции, ассоциирующейся с подлежащим, можно связать с тем, насколько экспериенцер подвержен воздействию или, наоборот, обладает контролем в экспериенциальных ситуациях разных типов. Так, при анализе глаголов физиологического воздействия в разделе 4.1 отмечалось, что при них экспериенцер претерпевает более безусловное воздействие, чем при глаголах эмоций, это воздействие не опосредовано ментальной обработкой и обычно не может быть отменено ментальным усилием экспериенцера. Сходным образом, из эмотивных и ментальных употреблений последние в большей степени отражают интеллектуальную оценку ситуации экспериенцером, см. пример (99), описывают его отношение к некоторому стимулу, а не непосредственную реакцию на присутствующий в ситуации стимул, как в (98). Итак, предлагаемая здесь интерпретация связи семантических групп или типов употребления глаголов с порядком слов заключается в том, что с порядком слов SVO связаны такие семантические группы или типы употреблений экспериенциальных глаголов, при которых экспериенцер обладает более пациентивными свойствами, с порядком слов OVS — такие, при которых экспериенцер в большей степени контролирует ситуацию, в меньшей степени подвергается воздействию стимула.

В целом эта интерпретация предполагает, что порядок слов определяется не только коммуникативными свойствами участников, их одушевленностью, весом

и грамматической позицией, но и таким компонентом семантики, как направление и степень воздействия одного участника на другого. Общая идея связи между порядком слов и вектором воздействия одного участника на другого согласуется с результатами ряда психолингвистических и нейрокогнитивных исследований, см. [Kemmerer 2012; Cohn, Paczynski 2013], которые показывают, что как при языковом, так и при других типах экспериментального материала испытуемые воспринимают агensa, в противоположность пациенту, как исходную точку ситуации, начало каузальной цепи в терминах [Croft 2009; 2015]; этот эффект наблюдается независимо от одушевленности и порядка, в котором аганс и пациент предъявлялись испытуемым.

Различие семантических групп и типов употребления глаголов по степени воздействия, претерпеваемого экспериенцером, а также противопоставление глаголов по видо-временным характеристикам, с которым оказался связан порядок слов (см. Таблицу 25 и раздел 5.5), могут быть осмыслены в терминах понятия семантической переходности, введенного в статье [Hopper, Thompson 1980] и уже обсуждавшегося в разделе 1.2 главы 1. Согласно указанной работе, к признакам семантической переходности ситуации относятся, в частности, степень вовлеченности претерпевающего участника и ее аспектуальные свойства: большей семантической переходностью обладают ситуации, в которых претерпевающий участник в большей степени вовлечен в ситуацию, и перфективные, завершенные ситуации по сравнению с незавершенными (грамматически этот признак может отражаться как в противопоставлении ситуаций с достигнутым и недостигнутым пределом, так и в противопоставлении ситуаций в прошлом и ситуациями в настоящем [Там же: 271]). Таким образом, можно сказать, что порядок слов SVO при экспериенциальных глаголах связан с большей семантической переходностью воздействия стимула на экспериенцера: во-первых, с большей вовлеченностью экспериенцера, которая задается семантикой глагола; во-вторых, с завершенностью ситуации, которая задается формой прошедшего времени и совершенным видом глагола.

Основа для объединения разнообразных признаков ситуации в рамках единого понятия семантической переходности, согласно П. Хопперу и С. Томпсон, лежит в дискурсивной области: ситуации, которые характеризуются высокой степенью семантической переходности, и описывающие их клаузы, с дискурсивной точки зрения обычно составляют основную линию рассказа (foreground), в то время как клаузы, обозначающие ситуации с низкой степенью семантической переходности, скорее служат для сообщения фоновой информации (background): описания окружающей обстановки, введения новых участников, комментариев и т. п., см. [Там же: 280–294]. В это представление о дискурсивной основе семантической переходности вписываются и некоторые из тех признаков, для которых в данном исследовании была обнаружена связь с порядком слов.

Более семантически переходные клаузы: с физиологическими глаголами, с глаголами СВ или с глаголами НСВ в прошедшем времени скорее описывают ситуации, относящиеся к основной линии повествования, и порядок слов в них отражает направление каузальной связи между стимулом как исходной точкой воздействия и экспериенцером, который претерпевает это воздействие. Глаголы эмоций скорее, чем глаголы физиологического воздействия, и глаголы эмоций в ментальном значении скорее, чем в эмотивном, служат для введения фоновых комментариев, не встраивающихся в цепочку последовательных событий⁶⁰. Эти две дискурсивные функции иллюстрируют примеры (100)–(101).

(100) *Утром нас будит какая-то голова, проснувшаяся в палатку; я довольно нелюбезно огрызаюсь, но когда после ряда непонятных слов называется фамилия и имя посетителя, которые тоже сразу не поймешь, сон сразу проходит: это сам долгожданный проводник Сыромятников. [С. В. Обручев. В неизведанные края. Путешествия на Север 1917–1930 гг. (1954)]*

⁶⁰ Эта интерпретация согласуется со сделанным на независимых основаниях выводом о том, что глаголы эмоций с экспериенцером в позиции прямого дополнения (*радовать, удивить*) чаще, чем соотносительные возвратные глаголы с экспериенцером-подлежащим (*радоваться, удивиться*) используются для пояснений и комментариев, а не для передачи событий, встраивающихся в последовательную цепочку, см. [Овсянникова 2015].

(101) *Бой деловито трусил впереди, распушив заданный полумесицем хвост.*

Антона всегда удивляло богатство его сигнальной системы. У других собак он или висит палкой, или раз навсегда свернут бубликом. У Боя он был подвижен и бесконечно разнообразен. [Николай Дубов. Небо с овчинку (1966)]

В контексте противопоставления основной линии повествования и фоновой информации можно предложить объяснение и связи порядка слов с живучестью участников и типом текстов. С большей живучестью участников, как показало исследование, связан такой порядок слов, при котором они располагаются после глагола: с упоминанием экспериенциера в последующем контексте связан порядок слов SVO, упоминание стимула в некоторой степени связано с порядком слов OVS, см. Таблицу 25 и разделы 5.9–5.10. Эта связь может быть обусловлена тем, что порядок SVO, при прочих равных, описывает более существенное воздействие на экспериенциера, а более существенное воздействие может в большей степени приводить к какой-либо реакции экспериенциера на это воздействие, как в примере (100), ср. обсуждение связи семантической переходности глагола с последующим упоминанием того или иного участника в описываемой им ситуации [Руукёнен et al. 2010: 119]. В случае же, когда клауза с экспериенциальным глаголом представляет собой комментарий к каким-либо событиям, последующий контекст может содержать развитие этого комментария, и тогда в нем скорее речь идет об участнике, который при экспериенциальном глаголе выступает в качестве стимула, хотя даже в этом случае он может напрямую не упоминаться, ср. (101). О связи между дальнейшим упоминанием участника и дискурсивной функцией клаузы свидетельствует также то, что большая степень живучести экспериенциера наблюдается, во-первых, когда он выражен местоимением 3 л. или собственным существительным, и во-вторых, в контекстах с глаголами физиологического воздействия и глаголами СВ в форме прошедшего времени. Связь с живучестью экспериенциера устанавливалась для каждого из перечисленных признаков при контроле всех остальных. Эти признаки соответствуют функции продвижения

основной линии повествования в большей степени, чем функции сообщения фоновой информации. Живучесть стимула находится с видо-временными характеристиками глагола в обратной связи, хотя эта связь и слабее, чем для экспериенцера: стимул в предложениях с глаголами НСВ в форме настоящего времени обладает в среднем несколько большей живучестью, чем в других употреблениях. При этом важно подчеркнуть, что для каждого из обсуждаемых в этом разделе признаков при учете всех оставшихся можно говорить о наличии более или менее сильной связи с порядком слов, см. раздел 5.11.

Таким образом, тем признакам, с которыми связан порядок слов в предложениях с аккузативным экспериенцером, была предложена общая интерпретация в дискурсивных терминах. Эта интерпретация позволяет представить в качестве частей единой картины, с одной стороны, коммуникативные противопоставления, которые определяются известностью участников и их дискурсивной важностью, и, с другой стороны, противопоставления, связанные с семантикой ситуации, — значением глагола и его видо-временными характеристиками. И если функции видо-временных форм в организации дискурса подробно рассматривались в литературе, см., например, [Падучева 1996], то для семантических различий, обусловленных степенью воздействия одного участника на другого, связь с устройством дискурса, как кажется, обсуждалась в гораздо меньшей степени.

8. Выводы

В центре внимания этой главы находились синтаксические свойства глаголов с аккузативным экспериенцером, реализующиеся в высказывании, прежде всего — порядок слов. Группы экспериенцера в винительном и дательном падежах обладают склонностью располагаться в предглагольной позиции, что может рассматриваться как одно из проявлений сходства таких групп с подлежащим. Краткое сопоставление свойств дативных и аккузативных групп с ролью экспериенцера показало, что у дативного экспериенцера свойства, ассоциирующиеся со статусом подлежащего, представлены более широко, у аккузативного же они встречаются лишь маргинально, и такие употребления

обычно находятся на грани приемлемости. Оставшаяся часть главы была посвящена анализу порядка слов в предложениях с аккузативным экспериенцером, содержащих глаголы двух семантических групп: эмоций (*огорчить, интересовать, встревожить*) и физиологического воздействия (*утомлять, отрезвить, убаюкивать*). Была выдвинута гипотеза, согласно которой при глаголах эмоций аккузативный экспериенцер чаще будет оказываться в предглагольной позиции, чем при глаголах физиологических ощущений, что может объясняться более выраженным воздействием на экспериенцера в случае глаголов второй группы. Чтобы проверить эту гипотезу, был предпринят анализ тех свойств участников, глагола и более широкого контекста, с которыми связан порядок слов в предложениях с аккузативным экспериенцером. Такой анализ позволяет учесть прочие факторы, определяющие порядок слов, и исследовать связь порядка слов с семантической группой глагола в более «чистых» условиях.

В соответствии с ожиданиями, часть признаков, для которых была обнаружена связь с порядком слов, отражает данность участников: чем более доступен участник в силу упоминания в предшествующем контексте или присутствия в коммуникативной ситуации, тем выше частотность его расположения в предглагольной позиции. Некоторые признаки касаются лексических средств (например, контрастивное выделение связано с порядком слов OVS) или синтаксической структуры предложения (при наличии сочинения порядок слов SVO наблюдается чаще, чем при отсутствии). Наконец, наиболее важным результатом исследования следует считать выявление связи между порядком слов и рядом признаков, которые можно подвести под единое понятие семантической переходности ситуации: семантикой глагола и его видо-временной характеристикой. В частности, в соответствии с выдвинутой гипотезой, порядок слов SVO чаще наблюдается при глаголах физиологического воздействия, а не при глаголах эмоций, что, в свою очередь, можно связать с тем, что при глаголах первой группы экспериенцер претерпевает более заметное и непосредственное воздействие, чем при глаголах второй группы. Различия также были обнаружены

между употреблениями некоторых глаголов эмоций в эмотивном и ментальном значениях. Существование различий и между отдельными группами глаголов, и между разными значениями одних и тех же глагольных лексем позволяет также сделать вывод о том, что закономерности расположения участников, по крайней мере при экспериенциальных глаголах, определяются не четкими семантическими противопоставлениями, такими как противопоставление экспериенцера и пациента, а градуальными признаками, которые в некоторых случаях поддаются операционализации в терминах семантических групп глаголов или отдельных значений глагольной лексемы.

Глава 3. Безличные глаголы с аккузативным экспериенцером в диахронической перспективе

1. Введение

В этой главе рассматриваются такие экспериенциальные глаголы русского языка, при которых экспериенцер оформляется винительным падежом, а подлежащее отсутствует всегда или в значительной доле употреблений. К этому типу, в частности, относятся глаголы *знобить* и *осенить* (1)–(2)⁶¹.

- (1) *А может, меня просто **знобило** от волнения.* [Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)]
- (2) *Меня вдруг **осенило** — я вспомнил про чемодан.* [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Дело об убийстве, или Отель «У погибшего альпиниста» (1970)]

Цель исследования, представленного в данной главе, состоит в том, чтобы проследить диахронические изменения в употреблении глаголов этого типа, произошедшие в течение последних трех столетий. Эти изменения можно разделить на две группы, соответствующие двум разным диахроническим процессам. Первый из этих процессов — развитие экспериенциального значения у глаголов, которые исходно им не обладали. Этот процесс затрагивает семантику глаголов и их сочетаемость. Второй процесс заключается в появлении и/или распространении безличных употреблений у глаголов, которые использовались только или преимущественно как личные. При диахроническом взгляде особенно ясно обнаруживается градуальный характер противопоставления личных и безличных глаголов и

⁶¹ Во всех примерах, приведенных в главе, выделены глаголы, употребление которых они иллюстрируют, вне зависимости от того, какой аспект употребления релевантен для обсуждения.

постепенность перехода глаголов в класс безличных. Описание семантических и синтаксических изменений, которые эти глаголы претерпели в последние столетия, относится к центральным задачам данной главы. Также в главе рассматривается соотношение семантических и синтаксических изменений и ставится вопрос о существовании механизмов диахронических изменений, общих для всех или для большей части анализируемых глаголов. Будет показано, что развитие разных глаголов действительно подчиняется некоторым общим закономерностям. В то же время для каждого из глаголов можно выявить индивидуальные особенности развития. В частности, специализация экспериенциального значения и распространение безличных употреблений по-разному соотносятся в истории различных глаголов.

Круг глаголов, которые рассматриваются в этой главе, формировался в большой степени на основе работы [Guiraud-Weber 1984: 252–273], где подробно обсуждаются типы русских переходных глаголов, употребляющихся в качестве безличных. В центре внимания этой главы будут находиться следующие лексемы: *знобить, колотить, коробить, лихорадить, мутить, озарить, осенить, передернуть, продуть, пронять, разморить, распирать, трясти, укачать*. Многие из этих глаголов входят в видовые пары, и парные им глаголы СВ или НСВ также относятся к экспериенциальным, ср. *покоробить, осенять, пронимать*. Некоторые из этих глаголов также будут рассматриваться в дальнейшем, однако в основном в центре внимания будут глаголы приведенного выше списка. Во всех случаях для анализа выбирался только один член видовой пары — тот, который является более частотным и семантически более базовым способом описания соответствующей ситуации. В основном перечисленные глаголы описывают физиологические состояния, однако среди них есть и глаголы мышления (*озарить, осенить*), и глаголы, которые можно отнести к группе эмоций (*коробить, передернуть*).

Некоторые из рассматриваемых глаголов могут употребляться и за пределами экспериенциальных ситуаций для описания физического воздействия, ср. примеры употребления глаголов *мутить* и *продуть* в физическом значении в примерах (3) и (5) и в экспериенциальном в (4) и (6).

- (3) *И озеро тебе — чтобы пить и купаться, а не для того чтобы воду мутить.* [М. С. Аромштам. Мокнатый ребенок (2010)]
- (4) *От непрерывной качки его мутило, желудок отказывался принимать пищу, болела голова.* [Святослав Логинов. Драгоценное многих (медицинские хроники) // «Наука и жизнь», 2008]
- (5) — *Вот именно, — Николай Степанович достал папиросу, продул — и весь табак вылетел ему на колени.* [Андрей Лазарчук, Михаил Успенский. Посмотри в глаза чудовищ (1996)]
- (6) *Он даже дверь из приемной в коридор не разрешает открывать. Говорит, что его продует.* [Татьяна Устинова. Подруга особого назначения (2003)]

Тем не менее существенно, что в современном русском языке они обладают специализированным экспериенциальным значением, которое в большей или меньшей степени отдалено от физического. Так, экспериенциальное значение глагола *мутить*, представленное в примере (3), не содержит компонента ‘делать мутным’. Сходным образом, для глагола *продуть* в употреблениях типа (5) компонент перемещения потока воздуха оказывается вторичным, и на первый план выходит вызванное им физиологическое состояние. В последующих разделах семантическая связь между разными значениями рассматриваемых глаголов и особенности их экспериенциального значения обсуждаются более подробно.

Материалом послужили прежде всего тексты основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), которые охватывают период от начала XVIII в. до начала XXI в. Этому периоду

соответствуют и временные рамки исследования. Тем самым его можно отнести к исследованиям «малой диахронии», которые опираются на частотные характеристики употреблений, чтобы проследить постепенные сдвиги в значении и грамматических свойствах языковых единиц. Примеры исследований малой диахронии, посвященных изменениям в способах выражения участников того или иного типа, представлены, в частности, в работах [Letuchiy 2015; Сай 2014; Ovsjannikova, Say, in press].

Исследуемые глаголы различаются по частотности и по времени фиксации в текстах НКРЯ в целом и в экспериенциальном значении. Для большинства исследуемых глаголов в текстах НКРЯ, относящихся к XVIII в., совсем не обнаруживается употреблений или их находится слишком мало для того, чтобы можно было обоснованно сопоставлять этот период с последующими. Отсутствие того или иного глагола в текстах НКРЯ XVIII в. может быть связано как с тем, что в этот период данный глагол еще не использовался, так и с его низкой частотностью. Для того чтобы получить более полное представление об употреблении исследуемых глаголов в XVIII в., проверялись материалы Словаря русского языка XVIII века [СРЯ XVIII], а также Картотеки, на основе которой создается этот словарь⁶².

В Таблице 1 представлены сведения о фиксации исследуемых глаголов в НКРЯ и [СРЯ XVIII]. Эти сведения позволяют судить о «диахронической глубине» анализа каждого из глаголов. Таблица 1 отражает время создания текстов, к которым относится первая фиксация глагола и его первая фиксация в экспериенциальном значении в основном подкорпусе НКРЯ, а также то, отмечено ли экспериенциальное значение глагола в [СРЯ XVIII].

⁶² Я благодарю Г. А. Молькова за помощь в поиске материалов в Картотеке Словаря русского языка XVIII века. Ссылка на примеры из Словаря и Картотеки содержит имя автора, название и год создания текста, а также ссылку на соответствующий том словаря или на Картотеку. Примеры, взятые из этих источников, приводятся в современной орфографии. Для примеров из НКРЯ сохраняется представленный там способ записи.

Глаголы упорядочены по времени первого употребления в экспериенциальном значении в текстах НКРЯ.

Таблица 1. Фиксация глаголов в текстах НКРЯ и в [СРЯ XVIII]

Глагол	Первое употребление в НКРЯ	Первое экспериенциальное употребление в НКРЯ	Экспериенциальное значение в [СРЯ XVIII]
<i>знобить</i>	1745	1757	+
<i>пронять</i>	1762	1762	+
<i>трясти</i>	1761–1765	1761–1765	+
<i>озарить</i>	1758	1795	–
<i>укачать</i>	1817	1817	–
<i>колотить</i>	1770–1790	1829	–
<i>коробить</i>	1830	1830	+
<i>осенить</i>	1720	1833	+
<i>мутить</i>	1766–1768	1833	+
<i>передернуть</i>	1829	1846	–
<i>продуть</i>	1848	1861	–
<i>разморить</i>	1861	1861	–
<i>распирать</i>	1834	1863	–
<i>лихорадить</i>	1862–1889	1862–1889	–

Как показывает Таблица 1, по времени первой фиксации глаголы демонстрируют большой разброс. Для некоторых из них, например *знобить* или *колотить*, зафиксированы употребления начиная со второй половины XVIII в. Некоторые другие встречаются только со второй четверти XIX в., в частности *коробить* и *передернуть*. Как и можно было ожидать, первое употребление в экспериенциальном значении относится к более поздним текстам, чем просто первое употребление, или совпадает с ним по времени.

У большинства глаголов экспериенциальные употребления засвидетельствованы только в текстах XIX в. Между временем первого экспериенциального употребления в НКРЯ и его отражением в Словаре русского языка XVIII века не наблюдается полного соответствия. С одной стороны, те глаголы, для которых экспериенциальное значение отмечено в словаре, находятся скорее в верхней части Таблицы 1. С другой стороны, для глаголов *озарить*, *укачать* и *колотить*, у которых экспериенциальное употребление сравнительно рано фиксируется в НКРЯ, в [СРЯ XVIII] соответствующего значения не отмечается. Таким образом, данные НКРЯ и [СРЯ XVIII] не находятся в очевидном противоречии, но дополняют друг друга, так что обращение к обоим источникам представляется оправданным.

Как и в двух предшествующих главах, в этой главе корпусные данные используются для анализа частотности тех или иных типов употреблений. Однако в данном случае количественные характеристики играют меньшую роль и больше внимания уделяется семантике отдельных примеров и индивидуальным особенностям рассматриваемых глаголов. Для всех глаголов, если не указано иное, рассматриваются употребления только в формах индикатива, в которых исследуемые глаголы выступают в подавляющем большинстве зафиксированных употреблений. Это ограничение связано с тем, что при формах индикатива наблюдается более регулярное выражение участников ситуации и на них в меньшей степени может воздействовать синтаксическое устройство контекста (один частный пример возможного воздействия такого рода обсуждается в разделе 4.2).

Дальнейшее изложение в главе организовано следующим образом. Раздел 2 посвящен семантическому развитию глаголов и изменениям в сочетаемости. В разделе 3 рассматриваются изменения грамматических свойств глаголов и их соотношение с изменениями в семантике. В разделе 4 эмпирические результаты исследования обсуждаются в контексте сведений об исторических изменениях в употреблении безличных конструкций

различных типов в русском языке, а также на фоне типологических представлений о развитии безличных переходных глаголов. Раздел 5 содержит основные выводы исследования.

2. Развитие экспериенциальных значений: семантика и сочетаемость

2.1. От физических значений к экспериенциальным

Как отмечалось в ряде исследований, экспериенциальные ситуации часто описываются с помощью глаголов, которые в исходном значении обозначают более конкретные ситуации физического воздействия или перемещения, см. [Haspelmath 2001: 79]. В работах [Кустова 1998; Рахилина и др. 2010; Reznikova et al. 2012] обсуждается использование глаголов, исходно обозначающих физическое воздействие, для описания физиологических ощущений, локализованных в определенной части тела, ср. *глаза жжет, ботинок жмет ногу*. Группа глаголов эмоций также часто пополняется за счет лексем с более конкретным значением, см. о развитии эмотивных значений у русских глаголов *волноваться, стесняться, поражаться* в [Ovsjannikova, Say, in press], о подобных переходах в других языках — в [Klein, Kutscher 2002; Kitis 2009].

Для всех рассматриваемых безличных глаголов также может быть более или менее легко установлено физическое значение, на основе которого возникло экспериенциальное. У многих глаголов это значение продолжает существовать параллельно с экспериенциальным, см. (3)–(6). У других глаголов употребления в физическом значении исчезли или стали редкими, ср. (7)–(8).

- (7) *<Хлеб> не может терпеть ни горячей земли ни студеной ..; для того что горячая жжет, студеная знобит, а мокрая и знобит и гноит у него корни.* [И. М. Комов. О земледелии (1788); СРЯ XVIII, вып. 8: 218]
- (8) *Бояре и люди житые осенили его своими знаменами.* [Н. М. Карамзин. Марфа Посадница, или покорение Новагорода (1803)]

Первое значение глагола *знобить* в Словаре русского языка XVIII века: ‘подвергать воздействию холода; охлаждать, морозить’ [СРЯ XVIII, вып. 8: 218], ср. пример (7). Единичные примеры такого рода представлены и в текстах НКРЯ. Предположительно, именно этот утраченный в настоящее время тип употреблений послужил основой для развития экспериенциального значения глагола *знобить*. Глагол *осенить* и сейчас может употребляться за пределами экспериенциальной сферы — при описании жеста крестного знамения, однако это употребление, как кажется, не имеет актуальной семантической связи с экспериенциальным значением этого глагола, а те значения глагола *осенить*, на основании которых можно было бы восстановить эту связь, ср. (8), утрачены.

Несмотря на то что для всех исследуемых глаголов можно установить исходное физическое значение, проследить появление экспериенциального значения на его основе удается не всегда, в частности потому, что не все глаголы представлены в ранних текстах НКРЯ достаточным количеством примеров. В неэкспериенциальных употреблениях тех глаголов, которые представлены сравнительно большим числом примеров, в более ранних текстах часто наблюдается большое разнообразие свойств участников. В частности, многие из этих глаголов используются для описания агентивных ситуаций, как в примерах (8), а также (3) и (5) выше. Часто невозможно с полной уверенностью установить, в каком из типов неэкспериенциальных употреблений, зафиксированных в текстах НКРЯ XVIII–XIX вв., произошел переход от физической к экспериенциальной сфере. Тем не менее представляется существенным, что многие исследуемые глаголы были способны описывать ситуации физического мира с двумя неодушевленными участниками, ср. (7) выше, а также (9)–(11).

- (9) *Высокие ивы с обеих сторон осеняют речку <...>.* [Н. М. Карамзин.
Рыцарь нашего времени (1803)]

(10) *Всплески бросались на стену, вода кружилась, пенилась, мутила песок, но, ослабевая мало-помалу, через четверть часа утихла совершенно.*
[Н. А. Бестужев. Записки о Голландии 1815 года (1821)]

(11) *Озими налились, и сочное зерно быстро крепло, распирая эластическую ячейку усатого колоса.* [Н. С. Лесков. Некуда (1864)]

По-видимому, именно от подобных употреблений — с двумя неодушевленными участниками — чаще всего происходил переход из физической сферы в экспериенциальную. Описание воздействия одного неодушевленного участника на другого ближе к экспериенциальной сфере, чем агентивные употребления, поскольку стимул, который может часто рассматриваться как источник воздействия в экспериенциальной ситуации, также обычно является неодушевленным, см. об этом раздел X главы 1.

О сдвиге глагола в экспериенциальную сферу можно говорить тогда, когда появляются какие-либо контексты, где он описывает воздействие на одушевленного участника или на часть тела или «ментальную часть» (ум, *сердце, душа*) одушевленного участника, ср. (12)–(14). В таких употреблениях в более или менее явном виде уже можно усмотреть экспериенциальный компонент.

(12) *Нижнее жилье завалило снегом, твердым, как лед. Стужа проняла меня до костей.* [Ф. В. Булгарин. Димитрий Самозванец (1830)]

(13) *Убийственная мысль как молния озарила ум бедного горбача <...>.*
[М. Ю. Лермонтов. Вадим (1833–1834)]

(14) *Сквозной ветер от Невы хлещет ее крылом по лицу, мороз прохватывает до сердца, коробит ее — Мариула терпит.*
[И. И. Лажечников. Ледяной дом (1835)]

Как показывают эти примеры, в ранних экспериенциальных употреблениях исследуемых глаголов часто можно усмотреть следы

метафорического переноса из области физического взаимодействия в эксперииенциальную сферу. Так, в примере (12) у глагола *пронять* отчасти сохраняется компонент пространственного проникновения, заложенный в его исходной семантике; его подчеркивает тип воздействия (физиологическое ощущение холода), а также группа *до костей* с пространственным значением. В примере (13) присутствует сравнение *как молния*, подчеркивающее метафорический характер употребления глагола. Глагол *коробить* в (14) используется в значении ‘сгибать’, которое характерно для него и за пределами эксперииенциальной сферы.

Также можно заметить, что те эксперииенциальные ситуации, которые описываются в этих примерах, не всегда соответствуют тому значению, в котором эти глаголы используются в современном русском языке. Глагол *пронять* в современном русском языке обычно описывает эмоциональную реакцию, а не физиологические ощущения, как в (12). Глагол *мутить*, наоборот, сейчас употребляется для обозначения физиологического, а не эмоционального состояния, как в примере (15). Подробнее семантические сдвиги, происходившие в ходе развития этих глаголов, обсуждаются в последующих разделах.

(15) *Есть чувства, для которых беден язык человеческий. Они терзали, волновали душу мою, мутили разум!* [Н. А. Дурова. Игра судьбы, или Противозаконная любовь. Истинное происшествие, случившееся на родине автора (1841)]

Наконец, еще одна особенность эксперииенциальных употреблений на раннем этапе развития состоит в том, что часто отсутствуют ограничения на тип оценки, присущие семантике современных глаголов. Так, глагол *осенить* в примере (16) описывает отрицательно оцениваемую ситуацию, что не типично для его употребления в современном языке, ср. пример (2) выше. Глагол *передернуть*, напротив, сейчас используется для описания

ситуаций, предполагающих отрицательную оценку, а в примере (17) обозначает реакцию, связанную с положительной эмоцией.

(16) *Горестная дума осенила лицо военачальника в то время, как он читал письмо.* [И. И. Лажечников. Последний Новик (1833)]

(17) *Взяла я руку у него, смотрю на нее, а не целую, потому что, помню, передернуло меня всю от радости в это время.* [А. И. Левитов. Погибшее, но милое создание (1862)]

В целом, как будет показано далее, круг экспериенциальных ситуаций, которые исследуемые глаголы способны обозначать в текстах предшествующих периодов, обычно шире, чем сейчас. В частности, один и тот же глагол часто способен использоваться для обозначений ситуаций, относящихся к разным экспериенциальным сферам. При этом то значение, которое свойственно этим глаголам в современном языке, обычно фиксируется и на раннем этапе развития экспериенциального значения среди прочих типов употреблений.

Сходные наблюдения о ранних этапах развития экспериенциального значения высказываются в статье [Резникова 2014] в связи с употреблением глаголов *колбасить, таращить, плющить* и др. в современных текстах. Как показывает Т. И. Резникова, сначала интерпретация этих глаголов во многом задается контекстом, поскольку они могут описывать состояния, относящиеся к разным экспериенциальным сферам, и в их семантике не задана оценка ситуации, впоследствии же происходит закрепление оценки в семантике глагола.

В разделах 2.2–2.4 рассматривается ряд аспектов употребления исследуемых глаголов, в которых отражается развитие экспериенциального значения. В разделе 2.2 будет показано, как семантическое развитие глагола связано с типом участника, занимающего позицию прямого дополнения. В разделе 2.3 рассматриваются сдвиги экспериенциального значения и то,

каким образом оно проявляется в изменении круга существительных, выступающих в позиции подлежащего. Раздел 2.4 посвящен аспектуальным особенностям экспериенциальных ситуаций, описываемых исследуемыми глаголами, а также глаголами, которые составляют с ними видовую пару или отличаются приставкой. Раздел 2.5 содержит обобщение основных результатов этой части главы.

2.2. Механизмы семантического переноса: обозначения частей тела в позиции прямого дополнения

У многих из рассматриваемых глаголов в текстах предшествующих столетий чаще, чем в современных текстах, встречаются употребления, в которых в позиции прямого дополнения выступают обозначения частей тела, такие как *лицо*, *грудь*, см. (16), (18), или «ментальных частей» участников, такие как *сердце*, *душа*, см (13), (15), (19).

(18) *Утихшая ненадолго тоска появляется вновь и распирает грудь еще с большей силой.* [А. П. Чехов. *Тоска* (1885–1886)]

(19) *Проняла мужественная речь не одно зачертевшее сердце, не в одной косматой груди расшевелила любовь к родине.* [А. К. Толстой. *Князь Серебряный* (1861–1863)]

Употребления с обозначениями частей тела обладают особенно отчетливым параллелизмом с неэкспериенциальными употреблениями с двумя неодушевленными участниками, которые обсуждались выше, ср. (16) и (9), (18) и (11). Примеры, в которых в качестве объекта воздействия выступают части тела, хорошо показывают механизм переноса из физической сферы в экспериенциальную. С одной стороны, многие части тела обладают более осязаемой пространственной конфигурацией, чем личный участник в целом, и этим больше похожи на обычные физические объекты, ср. пример (18), в котором грудь участника представляется как вместилище эмоции.

С другой стороны, воздействие на часть тела неизбежно затрагивает ее обладателя — экспериенцера.

Кроме того, употребления с обозначениями частей тела часто описывают ситуации, которые определенно являются наблюдаемыми. Такие случаи показывают еще один аспект механизма перехода глаголов из физической сферы в экспериенциальную: на ранних этапах глаголы обозначают не столько внутренние состояния или реакции, сколько те внешние проявления, которые ими обусловлены. Так, в примере (16) глагол *осенить* обозначает не собственно изменение ментального состояния экспериенцера, а наблюдаемые внешние проявления этого изменения состояния на его лице.

Употребления с обозначениями ментальных частей участников, см. (13), (15), (19), еще ближе к экспериенциальным. Ментальные части не наблюдаются и более непосредственно, чем части тела, связаны с внутренним состоянием экспериенцера. Так, внешне наблюдаемое движение части тела может интерпретироваться как отражение внутреннего состояния экспериенцера, однако эта интерпретация может быть необоснованной, в то время как утверждение о состоянии ментальной части неизбежно относится к состоянию экспериенцера. Тем не менее далее употребления с этими двумя типами «частей» экспериенцера будут рассматриваться как единая группа.

Со временем частотность экспериенциальных употреблений с обозначениями частей тела и ментальных частей в позиции прямого дополнения снижается. В Таблице 2 представлены данные, отражающие изменения в частотности таких употреблений при тех глаголах, у которых они были распространены (к ним относятся 7 из 14 исследуемых глаголов). Эти употребления противопоставлены таким, в которых позицию прямого дополнения занимает личный участник — экспериенцер, как в примерах (14) и (17). Обозначения частей тела могут занимать позицию прямого дополнения как при личном, так и при безличном употреблении исследуемых глаголов. При проведении подсчетов, отраженных в Таблице 2, это

противопоставление не учитывалось: в распределения включались и личные, и безличные употребления приведенных глаголов (соотношение типа прямого дополнения и наличия подлежащего обсуждается в разделе 3.4). Единственное ограничение, которое вводилось при анализе этих употреблений, касалось формы глагола: рассматривались только формы индикатива. Для выявления диахронических изменений зафиксированные в НКРЯ употребления каждого из глаголов условно разделены на четыре периода. Граница первого периода выбрана так, чтобы большинство глаголов было в нем представлено достаточным для сопоставления с последующими периодами количеством примеров. Для каждого из выделенных периодов в Таблице 2 представлено число употреблений, в которых в позиции прямого дополнения находятся обозначения частей тела и ментальных частей, с одной стороны, и личных участников, с другой стороны, а также доля употреблений первого из этих двух типов.

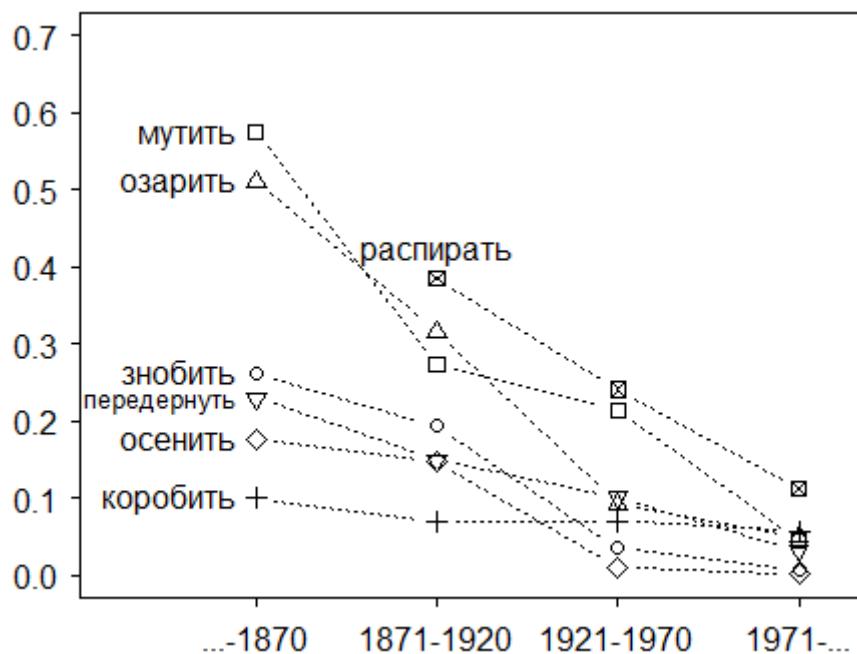
Таблица 2. Обозначения частей тела (ЧТ) и личных участников (ЛУ)
в позиции прямого дополнения⁶³

Глагол	...–1870			1871–1920			1921–1970			1971–...		
	ЧТ	ЛУ	Доля ЧТ	ЧТ	ЛУ	Доля ЧТ	ЧТ	ЛУ	Доля ЧТ	ЧТ	ЛУ	Доля ЧТ
<i>знобить</i>	6	17	0.3	11	46	0.2	5	135	0.04	1	125	0.01
<i>коробить</i>	4	36	0.1	8	108	0.07	8	107	0.07	11	180	0.06
<i>мутить</i>	27	20	0.6	24	64	0.3	32	118	0.21	8	171	0.04
<i>озарить</i>	25	24	0.5	17	37	0.3	5	49	0.1	5	94	0.05
<i>осенить</i>	6	28	0.2	22	127	0.15	3	284	0.01	1	551	<0.01
<i>передернуть</i>	14	47	0.2	15	86	0.15	12	107	0.1	6	185	0.03
<i>распирать</i>	–	–	–	5	8	0.4	20	63	0.2	23	182	0.11

⁶³ При представлении долей в этой и других таблицах число приводимых десятичных знаков определяется величиной числа, от которого вычисляется доля: если оно находится в интервале от 10 до 99, приводится один десятичный знак, если оно равно

Данные Таблицы 2 наглядно представлены на Графике 1, который отражает долю употреблений рассматриваемых глаголов с частями тела в позиции прямого дополнения в каждом из выделенных периодов.

График 1. Изменения доли употреблений с обозначениями частей тела в позиции прямого дополнения

Как показывают Таблица 2 и График 1, у семи рассматриваемых глаголов такие употребления распространены в разной степени, например в наиболее ранний из рассматриваемых периодов у глаголов *мутить* и *озарить* они составляют примерно половину от всех экспериенциальных употреблений, а у остальных глаголов они встречаются реже. При этом для всех глаголов наблюдается более или менее значительное снижение частотности употреблений, в которых в качестве прямого дополнения выступают обозначения частей тела (статистически значимое сокращение доли таких употреблений наблюдается при глаголах *знобить*, *мутить*, *озарить*,

или больше 100, приводятся два десятичных знака. Если это число меньше 10, на месте доли используется знак «*».

осенить, передернуть, распирать, тест Кохрана-Армитажа⁶⁴, $p < 0.001$ во всех случаях). Как показывают данные последнего из периодов, в настоящее время при всех этих глаголах в подавляющем большинстве экспериенциальных употреблений в позиции прямого дополнения находится личный участник.

2.3. Специализация экспериенциального значения: участник в позиции подлежащего

Как упоминалось в разделе 2.1, в текстах предшествующих столетий многие из исследуемых глаголов употребляются для описания иного круга экспериенциальных ситуаций, чем в современном русском языке, обычно — более широкого. Семантические сдвиги, в результате которых сформировалось их современное значение, в большинстве случаев прослеживаются в изменении состава участников, занимающих позицию подлежащего в личных употреблениях этих глаголов. Такие изменения находятся в центре внимания данного раздела. Отдельно обсуждаются глаголы, у которых существенные семантические сдвиги происходят уже в рамках безличных употреблений.

Помимо изменений в значении глаголов, с помощью анализа состава подлежащих могут быть выявлены условия возникновения безличных употреблений. Возникновение безличных переходных глаголов на основе личных глаголов, при которых утрачивается подлежащее, — типологически распространенное явление, см. [Creissels 2008; 2018: 97–99; Malchukov 2008; Malchukov, Ogawa 2011: 46–50]. В указанных исследованиях высказывается предположение, что утрата подлежащего происходит прежде всего в тех конструкциях, в которых оно является несущественным или высоко

⁶⁴ Тест Кохрана-Армитажа позволяет проверить гипотезу о наличии тренда, т. е. такой связи между двумя признаками, при которой значения одного из них, в данном случае — временного периода, рассматриваются как упорядоченные, см. также раздел 5.10 главы 2. Этот тест выполнялся с помощью функции `independence_test()` пакета `coin{ }` [Hothorn et al. 2006a] для R [R Core Team 2018].

предсказуемым, в частности соответствует неопределенному, неодушевленному и/или однозначно заданному в семантике глагола участнику, ср. [Malchukov 2008: 90]⁶⁵. В связи с этим можно ожидать, что при глаголах, для которых распространено безличное употребление в современном языке, в рамках личных употреблений будет наблюдаться снижение семантического или даже лексического разнообразия подлежащих. В конце данного раздела будет обсуждаться, насколько наблюдаемые изменения согласуются с этим предположением.

В отличие от противопоставления частей тела и лиц в позиции прямого дополнения, изменения круга участников в позиции подлежащего при разных глаголах сложно подвести под какую-либо общую классификацию. Поэтому в этом разделе поочереди будут рассматриваться те глаголы, при которых эти изменения наиболее показательны.

При анализе изменений в составе подлежащих при том или ином глаголе можно использовать классификации разной степени дробности. В частности, к менее дробным относится противопоставление подлежащих, предполагающих физиологическое воздействие, например *запах*, *холод*, *лихорадка*, таким, которые обозначают стимулы эмоций, например *слова*, *известие*, *встреча*. При таком противопоставлении круг лексем, попадающих в одну и ту же группу, может существенно различаться для разных периодов, и неочевидно, что именно противопоставление такого уровня было релевантным для семантических изменений. По этим причинам в данном случае будут рассматриваться очень дробные группы существительных, вплоть до конкретных лексем. При анализе такого уровня часто приходится опираться на очень небольшие количественные данные, а также

⁶⁵ Ср.: “in constructions involving a non-prominent (i.e. indefinite-nonspecific, inanimate, or cognate) subject, the subject tends to be syntactically demoted or suppressed” [Malchukov 2008: 90].

выбирать существительные, которые более или менее регулярно употребляются с рассматриваемыми глаголами на всем протяжении исследуемого временного отрезка.

Тех участников, которые встречаются в позиции подлежащего при исследуемых глаголах, иногда бывает сложно охарактеризовать в терминах семантических ролей. Внешние по отношению к экспериенцу участники, которые вызывают эмоциональное или физиологическое состояние, как в примерах (20)–(21), могут быть названы стимулами.

(20) *Не проняла их представшая перед ними красота.* [С. М. Голицын. Тайна старого Радуля (1972)]

(21) *Мелкий, недавно выпавший снег хрустел у нее под ногами и знобил ноги, одетые в легкие туфли <...>* [Н. Э. Гейнце. Аракчеев (1898)]

В некоторых случаях подлежащее обозначает то же самое состояние или реакцию, которая описывается глаголом (22). В [Verhoeven 2007: 52–54] этот компонент экспериенциальной ситуации — то чувство, ощущение, состояние, которое испытывается экспериенцером, — называется экспертулом (expertum). Экспертум — это не роль участника в ситуации, но способ обозначения самой ситуации по отношению к экспериенцу.

(22) *От потери крови мутила тошнота, и он плакал, как ребенок, грыз пресную в росе траву, чтобы не потерять сознание.* [М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга первая (1928–1940)]

Промежуточное положение между стимулами и экспертурами, обычно ближе к последним, занимают такие участники, которые соответствуют внутреннему ощущению или чувству, однако не тому, которое описывает сам глагол, а служащему причиной той реакции или состояния, которое описывается глаголом. Участники такого типа занимают позицию подлежащего при исследуемых глаголах очень часто, см. (23)–(24).

(23) *Любопытство проняло Фросю, но она все еще колебалась: <...>*

[С. М. Голицын. Тайна старого Радуля (1972)]

(24) «*А ведь могло бы и со мной так*», — подумал Саня, и его от макушки до пят *передернул* озноб. [Виктор Курочкин. На войне как на войне (1965)]

Поскольку стимулы, экспертумы и чувства, вызывающие реакции, могут выступать в одной и той же синтаксической позиции, в дальнейшем при анализе отдельных глаголов они не противопоставляются, а их описание в терминах семантических ролей сведено к минимуму.

Два из глаголов — *осенить* и *озарить* — в современном русском языке имеют очень близкие экспериенциальные значения: они описывают изменение ментального состояния экспериенцера — внезапный переход в состояние понимания какого-либо факта, происходящий независимо от воли и намерений экспериенцера. Б. Л. Иомдин [1999] относит эти глаголы к группе лексических единиц, обозначающих иррациональное понимание, называя их центральными представителями глагольных лексем этой группы. Оба эти экспериенциальных глагола в современном языке сохраняют способность употребляться с номинативным подлежащим, которое, в соответствии с указанным выше значением, обычно обозначает какой-либо ментальный объект и выражается такими существительными, как *мысль, идея, решение, разгадка* и т. п., ср. (25)–(26).

(25) *И в этот момент догадка осенила его...* [Максим Милованов.

Естественный отбор (2000)]

(26) — *Ты шутишь, но я четко помню, что доказательство это на мгновенье озарило меня.* [Фазиль Искандер. На даче // «Знамя», 1999]

Близость экспериенциальных значений этих глаголов особенно примечательна на фоне того, насколько различны их исходные значения. У глагола *осенить* экспериенциальное значение предположительно

развивалось на основе значения ‘нависнуть над чем-либо, покрыть сверху’, у глагола *озарить* — на основе значения ‘осветить, залить светом’. У обоих глаголов обнаруживаются употребления, в которых описываются экспериенциальные ситуации, но при этом сохраняются следы указанных физических значений, см. (27)–(28).

(27) — *I, сказавши это, плюнул Скудронжсого, и желчное расположение осенило сумрачным облаком его чело...* [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)]

(28) *Вкуси сладость её, мой любезный друг, и луч утешения кротко озарит мрак души твоей!* [Н. М. Карамзин. Филалет к Мелодору (1795)]

На живую связь этих употреблений с физическими значениями глаголов и на их отчасти метафорический характер указывает прежде всего сравнение эмоционального состояния с сумрачным облаком в (27) и уподобление утешения лучу, а состояния души — мраку в примере (28). Те экспериенциальные ситуации, которые описываются в этих примерах, также не соответствуют современному значению глаголов, поскольку они относятся к эмоциональной, а не к ментальной сфере. Можно ожидать, что усиление связи этих глаголов с ментальной сферой будет отражаться в изменении круга существительных, выступающих при них в позиции подлежащего.

В Таблице 3 сопоставляется частотность двух групп существительных, встречающихся в позиции подлежащего при глаголе *осенить*. Первую группу составляют существительные, обозначающие ментальные объекты. В отдельных строках приведены три наиболее частотных существительных этой группы: *мысль, идея, догадка*, см. пример (25) выше; остальные представлены в виде единого множества. Вторая группа имеет несколько менее определенные семантические очертания: в нее отнесены те подлежащие, которые близки к эмоциональной сфере, предполагают длительную

фазу пребывания в некотором состоянии (*грусть, спокойствие*), некоторые из них также подразумевают воздействие силы, внешней по отношению к сознанию экспериенцера (*вдохновение, благодать, вера*). В отдельных строках представлены наиболее частотные существительные этой группы: *вдохновение, благодать и грусть*; семантические особенности этих существительных подробнее обсуждаются ниже. Для остальных подлежащих этой группы дается суммарное число употреблений. Для каждой из этих двух групп подлежащих указано доля личных употреблений, которая на них приходится.

Таблица 3. Частотность подлежащих разных групп
в личных употреблениях глагола *осенить*

Подлежащее	...–1870	1871–1920	1921–1970	1971–...
<i>мысль</i>	13	75	73	58
<i>идея</i>	0	6	18	34
<i>догадка</i>	0	1	14	23
Другие ментальные объекты (<i>дума, воспоминание, истина, сравнение</i> и т. п.)	4	4	11	10
Суммарная доля	0.5	0.75	0.85	0.88
<i>вдохновение</i>	5	6	7	1
<i>благодать</i>	2	1	0	1
<i>грусть</i>	3	2	0	0
Другие длительные состояния и эмоции (<i>вера, спокойствие, чувство, радость</i> и т. п.)	6	10	5	2
Суммарная доля	0.5	0.17	0.09	0.03
Всего личных употреблений	34	115	136	142

Как показывает Таблица 3, в текстах наиболее раннего из рассматриваемых периодов подлежащие двух групп составляют примерно одинаковую долю. В дальнейшем существительные первой группы становятся еще более распространенными, в то время как общая частотность существительных второй группы существенно сокращается. Тем самым при глаголе *осенить* становятся менее употребительными существительные, описывающие эмоциональные состояния, предполагающие воздействие внешней силы, а также длительное пребывание в состоянии, ср. пример (27) с группой *желчное расположение* в позиции подлежащего. Существительные первой группы, которые со временем становятся все более частотными, соответствуют современному значению и аспектуальным свойствам глагола *осенить*: в настоящее время значение этого глагола включает компонент моментального изменения состояния сознания экспериенциера, но не наступающее после него состояние, см. об изменении аспектуальных профилей этого и некоторых других глаголов в разделе 2.4.

Для глагола *озарить* наиболее частотными в современных текстах оказываются те же три существительных, что и для глагола *осенить*: *мысль, идея, догадка*. Другие обозначения ментальных объектов (*воспоминание, вопрос, разгадка*) также используются в позиции подлежащего при этом глаголе. Этой группе прежде всего могут быть противопоставлены подлежащие, которые напрямую связаны с исходным значением глагола, — группы, в которых вершиной служат существительные *свет* или *луч*, обычно употребляемые с зависимым, соответствующим какому-либо чувству, как в примере (29). В ту же группу были отнесены собственно обозначения чувств, такие как *надежда* (30), *радость*, а также существительное *вдохновение*, примыкающее к этой группе. В Таблице 4 представлена частотность подлежащих этих двух групп при глаголе *озарить*.

(29) *Свет отчаянья вдруг озарил Тараканову голову, и он все понял.*
[М. А. Булгаков. Таракан (1925)]

(30) *Возможность обладать любимой женщины доселе не представлялась его воображению; надежда вдруг **озарила** его душу; он влюбился без памяти.* [А. С. Пушкин. Арап Петра Великого (1828)]

Таблица 4. Частотность подлежащих разных групп в личных употреблениях глагола *озарить*

Подлежащее	...–1870	1871–1920	1921–1970	1971–...
<i>мысль</i>	23	22	7	11
<i>идея</i>	1	0	1	11
<i>догадка</i>	1	1	11	6
Другие ментальные объекты (<i>истина, слово, сознание, понимание, решение</i> и т. п.)	3	5	7	7
Суммарная доля	0.6	0.6	0.7	0.8
Группы с существительными <i>луч, свет</i>	9	5	5	0
<i>надежда</i>	3	2	1	1
<i>вдохновение</i>	2	0	1	0
Эмоции (<i>радость, блаженство</i> и т. п.)	3	4	0	4
Суммарная доля	0.4	0.3	0.2	0.1
Всего личных употреблений	47	44	36	43

Изменение круга подлежащих при глаголе *озарить* повторяет картину, наблюдавшуюся для глагола *осенить*, хотя и в несколько менее выраженном виде. Обозначения ментальных объектов составляют значительную долю во всех периодах и со временем их частотность немного растет. Подлежащие, связанные с исходным значением глагола *озарить*, а также обозначения эмоций, становятся менее частотными.

Представленные данные позволяют сделать следующие обобщения о путях семантического изменения глаголов *осенить* и *озарить*. При обоих

глаголах тот тип подлежащих, который преобладает в современных текстах, регулярно фиксируется уже в наиболее раннем периоде, наряду с такими подлежащими, которые указывают на сохранение некоторых компонентов исходного значения глагола. Последние постепенно выходят из употребления, постепенно смещается семантический «центр тяжести», и значение глагола сдвигается в ментальную сферу.

При некоторых других глаголах не прослеживается столь явного увеличения доли конкретных лексических единиц в позиции подлежащего, однако изменение соотношения подлежащих разных семантических групп также свидетельствует о сдвигах в значении глаголов.

Глагол *мутить* в ранних употреблениях в экспериенциальном значении обычно описывает эмоциональное или ментальное беспокойство (31), и только иногда — ситуации, связанные с физиологическим воздействием посредством обоняния (32).

(31) *Мы так привыкли видеть в истории спокойствие, что эти конвульсии сибиряки **мутят** нашу душу.* [А. В. Дружинин. Дневник (1845)]

(32) *Всего более **мутил** меня запах проклятого растительного масла, употребляемого китайцами в пищу <...>.* [И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада» (1855)]

В Таблице 5 представлены изменения в частотности трех групп подлежащих при глаголе *мутить*. К первой отнесены существительное *запах* и другие семантически близкие к нему существительные (*духота, чад, зловоние* и др.), вторую составляют существительные, которые предполагают ментальное воздействие на экспериенциера (*слово, вопрос, мысль*), третью — обозначения различных чувств, указывающие на принадлежность ситуации к эмоциональной сфере (*зависть, злоба, любовь, месть*)⁶⁶.

⁶⁶ Эти три группы не покрывают без остатка все разнообразие существительных, которые встречаются в позиции подлежащего при глаголе *мутить*, поэтому число

Таблица 5. Частотность подлежащих разных групп
в личных употреблениях глагола *мутить*

	Запахи		Мысли и слова		Чувства		Всего личных употр.
	N	Доля	N	Доля	N	Доля	
...–1870	3	0.1	8	0.3	7	0.3	27
1871–1920	2	0.1	5	0.2	7	0.2	30
1921–1970	8	0.3	2	0.1	8	0.3	28
1971–...	5	0.5	1	0.1	1	0.1	10

Несмотря на то что общее число личных экспериенциальных употреблений глагола *мутить* невелико, данные Таблицы 5 указывают на сдвиг глагола *мутить* в физиологическую сферу: со временем более распространенными становятся стимулы, предполагающие воздействие посредством обоняния, в то время как частотность употреблений, описывающих ментальное или эмоциональное воздействие, снижается.

Направление семантического развития, которое претерпел глагол *мутить*, примечательно в свете представлений о типичных сдвигах значения в экспериенциальной сфере. Так, согласно Г. И. Кустовой [2004: 420], для экспериенциальной сферы типичны такие семантические сдвиги, при которых предикаты, обозначающие физиологические реакции и состояния, претерпевают «повышение» до сферы эмоций. В случае же глагола *мутить*, напротив, первичным следует считать употребление для описания эмоций, а не физиологических ощущений.

Более ожидаемый сдвиг из сферы физиологических ощущений в область эмоций, по-видимому, претерпел глагол *пронять*. В современном языке он прежде всего используется для описания ситуаций, в которых

личных употреблений в Таблице 5 несколько выше, чем сумма употреблений с существительными этих трех групп.

экспериенцер испытывает сильное эмоциональное впечатление под воздействием стимула, часто вопреки ожиданиям, ср. (33).

(33) — *Он назвал такое скопое число активных штыков, которое проняло даже видавшего виды Серпилина.* [Константин Симонов. Живые и мертвые (1955–1959)]

В самых ранних экспериенциальных употреблениях, зафиксированных в НКРЯ, этот глагол преимущественно употребляется для описания физиологических ощущений: наиболее частотным подлежащим при нем является существительное *дрожь* (34). Обычно это физиологическое ощущение вызвано чувством страха, однако существенно, что в центре внимания находятся именно его физиологические проявления, а не внутреннее состояние.

(34) *Дрожь проняла бедного казака, так что зуб на зуб не попадал.* [О. М. Сомов. Киевские ведьмы (1833)]

Физиологическое ощущение холода также в ряде случаев описывается этим глаголом, ср. пример (12) в разделе 2.1. Подлежащие, соответствующие причинам физиологических ощущений, могут быть противопоставлены подлежащим, предполагающим эмоциональное воздействие. К последним относятся собственно обозначения эмоций, чаще всего существительное *страх* или его синонимы, как в примере (35), а также подлежащие, называющие стимулы эмоциональной реакции, например речевые (36). Речевые стимулы часто встречаются при этом глаголе и сравнительно легко отграничиваются от прочих типов стимулов.

(35) *И от этого голоса, от выдираемых из глубока слов Тамару Ивановну проняла жуть <...>.* [Валентин Распутин. Дочь Ивана, мать Ивана (2003) // «Наш современник», 2003.11.15]

(36) *Но его проняло известие об ограблении комнаты.* [В. Ф. Панова. Володя (1959)]

В Таблице 6 приведены данные об употреблении подлежащих этих семантических групп (вызывающих эмоции и предполагающих физиологическое ощущение) при глаголе *пронять* в каждом из четырех выделенных периодов.

Таблица 6. Частотность подлежащих разных групп
в личных употреблениях глагола *пронять*

Подлежащее	...–1870	1871–1920	1921–1970	1971–...
Эмоциональная реакция				
<i>слова, речь, стих, известие и пр.</i>	2	4	3	9
<i>страх, трепет, жуть, оторопь</i>	2	0	1	4
Суммарная доля	0.1	0.2	0.2	0.3
Физиологическое ощущение	9	5	5	0
<i>дрожь, лихорадка, озноб</i>	21	1	2	2
<i>холод, стужа, мороз, ветер</i>	4	2	4	2
Суммарная доля	0.5	0.1	0.2	0.1
Всего личных употреблений	46	22	25	42

Как показывает Таблица 6, употребления с существительными, описывающими физиологические ощущения, составляют значительную долю употреблений в наиболее раннем из рассматриваемых периодов, однако со временем становятся менее частотными. Две группы существительных, предполагающих эмоциональное воздействие на экспериенцера, становятся несколько более распространенными. Тем не менее и в наиболее позднем периоде не удалось выделить такие группы подлежащих, которые покрывали бы большинство личных употреблений глагола *пронять*.

Итак, отчетливые изменения в составе подлежащих удалось обнаружить только при четырех обсуждавшихся выше глаголах: *осенить*, *озарить*, *мутить* и *пронять*. Выявленные изменения можно сопоставить с предлагавшимся в типологических исследованиях сценарием возникновения безличных употреблений. Этот сценарий уже был обрисован в начале

этого раздела. Согласно этому сценарию, возникновению безличных употреблений способствует ситуация, когда подлежащее является неопределенным, неодушевленным или однозначно заданным в значении глагола («когнатным», как в сочетаниях типа *озноб знобит*) [Malchukov 2008: 90]. Как можно видеть, те свойства, с которыми связано понижение синтаксического ранга подлежащего, очень разнородны: неопределенность отражает дискурсивные свойства участника, неодушевленность — его онтологические свойства, когнатность — статус участника в рамках данной ситуации. Все эти свойства связаны с областью безличных конструкций разного типа, см. [Malchukov, Ogawa 2011]. Из этих свойств для данного обсуждения могут быть релевантны последние два: все обсуждавшиеся в этом разделе подлежащие соответствуют неодушевленным участникам; в трех случаях (*осенить*, *озарить*, *мутить*) можно сказать, что начиная с некоторого периода подлежащее однозначно задается семантикой глагола. При глаголах *осенить* и *озарить* отчетливо выделяется три семантически близкие лексемы: *мысль*, *идея* и *догадка*. То, что эти существительные обозначают ментальные объекты, соответствует современному значению глаголов *осенить* и *озарить*. Также можно видеть, что со временем эти существительные составляют все большую долю среди подлежащих, зафиксированных при этих глаголах. При глаголе *мутить* постепенно растет доля подлежащих, обозначающих запахи и предполагающих физиологическое воздействие, и снижается доля подлежащих, соответствующих ментальным объектам и эмоциям. В то же время ситуация преобладания какого-либо одного типа подлежащих складывается только в последний из рассматриваемых периодов, когда безличные употребления уже широко распространены при всех трех глаголах, как будет показано в разделе 3.2 ниже. Таким образом, снижение разнообразия подлежащих при этих глаголах не предшествует распространению безличных употреблений, а сопровождает его.

В еще меньшей степени описанному выше сценарию соответствуют изменения в употреблении глагола *пронять*. Изменения в составе подлежащих при глаголе *пронять* указывают на его сдвиг в эмоциональную сферу, к которой относятся и его безличные употребления. Тем не менее набор подлежащих, встретившихся в наиболее поздних из зафиксированных употреблений глагола *пронять*, оказывается слишком пестрым и не соответствует какой-либо однородной семантической группе. Это может быть связано с тем, что эмоциональные реакции, в частности описываемые глаголом *пронять*, могут вызываться самыми разными стимулами и их тип в незначительной степени задается семантикой глагола. У глаголов физиологических ощущений и у ментальных глаголов в большей степени, чем у глаголов эмоций, круг участников, которые могут вызвать изменение состояния экспериенцера, предопределен семантикой глагола.

У остальных глаголов на материале имеющихся употреблений не удается обнаружить изменений в составе подлежащих, которые отражали бы сдвиги в значении, притом что значение глаголов безусловно претерпевало изменения. Так, глаголы *коробить*, *передернуть* и *распирать* на ранних этапах развития экспериенциального значения использовались для описания не только эмоциональных, но и физиологических реакций и состояний (37)–(39), а затем они полностью сдвигаются в эмоциональную сферу.

(37) *Мурин лежал на полу; его **коробило** в судорогах, лицо его было искажено в муках, и pena показывалась на искривленных губах его.*
[Ф. М. Достоевский. *Хозяйка* (1847)]

(38) *Судорожное движение **передернуло** лицо Толстого.* [Е. П. Карнович. *Придворное кружево* (1884)]

(39) *Но Федор не мог выговорить ни одного слова, так его **распирало** после обеда.* [А. П. Чехов. *Сапожник и нечистая сила* (1888)]

Тем не менее личные употребления этих глаголов либо слишком малочисленны для того, чтобы можно было проследить сдвиг от физиологических ситуаций к ситуациям эмоциональной сферы, либо были в меньшей степени затронуты этим сдвигом. Так, глаголы *коробить* и *распирать* описывают ситуации физиологической сферы в основном в безличных употреблениях.

В ряде случаев данные позволяют с уверенностью заключить, что семантические сдвиги происходят уже в рамках безличных употреблений глагола, в то время как среди личных употреблений значительных изменений в составе подлежащих не наблюдается. Таким образом происходит развитие экспериенциального значения глаголов *трясти* и *колотить*. В настоящее время эти экспериенциальные глаголы очень близки семантически, и диахронически они претерпевали примерно одни и те же изменения. В современном языке, особенно в безличном употреблении, эти глаголы часто используются для описания психофизиологического состояния напряжения, связанного с какой-либо эмоцией: страхом, гневом, волнением и т. п., ср. (40) (о физиологических проявлениях эмоциональных состояний, в частности связи между состояниями страха и холода см. [Апресян В., Апресян 1993]). Также эти глаголы способны описывать собственно физиологическое ощущение, связанное с воздействием холода или болезни (41)⁶⁷.

(40) *Меня всего трясло — я был уверен, что вот-вот увижу Каю.* [Виктор Пелевин. S.N.U.F.F (2011)]

⁶⁷ Еще один тип контекстов с глаголом *трясти*, которые можно отнести к экспериенциальным, составляют употребления, описывающие тряску в транспорте. Как показывает пример (i), диахронически физиологическое состояние и то воздействие, которое человек претерпевает в транспорте, не противопоставлялись. Тем не менее в рамках данного исследования и личные, и безличные употребления, описывающие воздействие транспорта, были исключены из рассмотрения.

(i) *Лихорадка и телега трясут меня без пощады.* [Н. А. Дурова. Кавалерист-девица (1835)]

(41) *Даже в школе, которая отапливалась, меня колотило от холода.*

[Родион Нахапетов. Влюбленный (1998)]

Как можно предположить, диахронически более ранними являются такие употребления, в которых эти глаголы описывают ситуации физиологической, а не эмоциональной сферы. Действительно, вплоть до второй половины XX в. у обоих глаголов преобладают употребления, в которых они описывают ощущение дрожи или озноба, связанное с физиологическим воздействием (42)–(43).

(42) *Когда Марину довезли до ее подъезда, ее тряслася сильная лихорадка и бред начинал путать ее мысли.* [Е. П. Ростопчина. Счастливая женщина (1851)]

(43) *Его колотил ужаснейший озноб, глаза покраснели, на лице появились ярко-багровые пятна.* [Р. Л. Антропов. Герцогиня и «конюх» (1903)]

Ситуации этого семантического типа описываются в большинстве личных употреблений глаголов *трясти* и *колотить*. Об этом можно судить и по набору существительных, которые занимают в этих употреблениях позицию подлежащего. В Таблице 7 отражено соотношение двух групп подлежащих: противопоставляются стимулы физиологических и эмоциональных состояний⁶⁸.

⁶⁸ Не все подлежащие удалось классифицировать с точки зрения противопоставления физиологических и эмоциональных состояний, поэтому в некоторых случаях сумма употреблений этих двух групп не совпадает с общим числом личных употреблений.

Таблица 7. Частотность подлежащих разных групп
в личных употреблениях глаголов *трясти* и *колотить*

	<i>трясти</i>			<i>колотить</i>		
	<i>волнение,</i> <i>злость,</i> <i>страх</i>	<i>лихорадка,</i> <i>озноб,</i> <i>дрожь,</i> <i>малярия</i>	Всего личных	<i>ярость,</i> <i>радость,</i> <i>страх</i>	<i>дрожь,</i> <i>озноб,</i> <i>лихорадка</i>	Всего личных
...–1870	0	16	16	0	9	9
1871–1920	1	33	34	1	9	11
1921–1970	4	36	44	3	14	18
1971–...	3	17	22	2	44	48

Как показывает Таблица 7, во всех периодах наиболее частотную группу подлежащих при обоих глаголах составляют существительные *дрожь, лихорадка, озноб* и подобные им. Обозначения эмоций становятся несколько более распространенными со временем, однако в целом их доля остается очень незначительной. Таким образом, в рамках личных употреблений явного сдвига от физиологической к эмоциональной сфере не наблюдается.

Тем не менее этот сдвиг можно проследить на материале безличных употреблений, которые также могут быть разделены на относящиеся к физиологической (44) или к эмоциональной сфере (45). О том, какой из этих типов ситуаций описывается глаголом, можно судить по стимулу, выраженному с помощью объектной группы, как в примере (45), или по более широкому контексту (44).

(44) *Зазнобило еще перед рассветом, и сейчас в сыром воздухе ущелья колотило так, что капитан стискивал зубы.* [Борис Васильев. Были и небыли. Книга 2 (1988)]

(45) *Когда он слушал вечерами, как поет и хохочет Катя Ставрова, его трясло от злости.* [В. К. Кетлинская. Мужество (1934–1938)]

Таблица 8 показывает, как менялось соотношение безличных употреблений этих двух семантических типов при глаголах *трясти* и *колотить*.

Таблица 8. Описание эмоциональных (Э) и физиологических (Ф) состояний при безличном употреблении глаголов *трясти* и *колотить*

	<i>трясти</i>				<i>колотить</i>			
	Ф	Э	Всего безличных	Доля Э	Ф	Э	Всего безличных	Доля Э
...–1870	5	6	11	0.5	–	–	0	–
1871–1920	17	16	33	0.5	1	1	2	
1921–1970	37	77	104	0.68	5	3	8	0.4
1971–...	71	219	290	0.76	21	51	72	0.7

Данные Таблицы 8 свидетельствуют о том, что среди безличных употреблений обоих глаголов со временем растет доля таких, в которых описывается состояние, вызванное эмоциональным, а не физиологическим воздействием на экспериенцера.

Распределение личных и безличных употреблений на семантические типы находится в противоречии с тем сценарием возникновения безличных употреблений, который обсуждался выше. Действительно, на основании состава подлежащих при глаголах *трясти* и *колотить*, отраженного в Таблице 7, можно было бы ожидать, что в безличных употреблениях эти глаголы будут связаны с физиологическими состояниями, вызванными холодом или болезнью. Однако, как показывает Таблица 8, безличные употребления не наследуют того распределения на семантические типы, которое наблюдается среди личных употреблений. Напротив, начиная с самого раннего периода среди безличных употреблений наблюдается перевес в пользу употреблений для описания ситуаций эмоциональной

сферы, в то время как синтаксически более ранние личные употребления вплоть до последнего периода преимущественно относятся к физиологической сфере, см. данные Таблицы 7.

Сдвиг из физиологической сферы в эмоциональную происходит постепенно, и связь между этими двумя сферами до сих пор просматривается в употреблениях этих глаголов. Так, примеры (46)–(47) высвечивают связь между этими двумя экспериенциальными сферами.

(46) *Его уже сильно тряслось — от мокрой одежды, вечерней прохлады, нервного возбуждения — от всего вместе.* [Василь Быков. Болото (2001)]

(47) *Шейнюка, белого от волнения, тряслось, как в ознобе.* [Сати Спивакова. Не всё (2002)]

В ряде случаев примеры содержат эксплицитное указание на внешние физиологические проявления эмоционального состояния, ср. (48)–(49).

(48) *Я лежу в своей комнатке, забившись в угол дивана, спрятавшись под подушку, и меня трясет мелкой дрожью от ужаса темноты и пустоты <...>* [Михаил Шишкин. Письмовник (2009) // «Знамя», 2010]

(49) *После кино я опять ждала: вот сейчас Димка расскажет про Маргариту, вот сейчас Димка расскажет про Маргариту... Меня так колотило, что Железная Кнопка заметила и спросила, чего я так дрожжу.* [Владимир Железников. Чучело (1981)]

В большинстве употреблений по контексту невозможно судить о наличии или отсутствии физиологических проявлений эмоционального состояния, ср. пример (45) выше. В редких случаях контекст указывает на то, что эмоциональное состояние имеет исключительно внутренний, ненаблюдаемый характер (50).

(50) *Но на самом деле внутри ее **трясло** от неуверенности. А выглядела горделивой она из-за привычки вести себя правильно.* [Петр Акимов. Плата за страх (2000)]

Также можно заметить, что подлежащие, связанные с эмоциональной сферой, которые все же встретились в личных употреблениях этих глаголов, обозначают не внешние стимулы, а испытываемую эмоцию, например страх или злость, см. данные Таблицы 7. Стимулы, выраженные с помощью косвенных групп в безличных употреблениях, также чаще всего соответствуют какой-либо эмоции, а не внешнему объекту или ситуации, ср. (45), (48), (50). Таким образом, можно заключить, что в рамках эмоциональной сферы глаголы *трясти* и *колотить* описывают не эмоциональное состояние, вызванное внешним стимулом, а эмоциональное и физиологическое напряжение, сопровождающее какую-либо эмоцию.

Итак, в центре внимания в этом разделе находилось развитие экспериментального значения глаголов: переход от ранних экспериментальных употреблений, сохраняющих связь с исходным физическим значением, к тому кругу ситуаций, который описывают исследуемые глаголы в современном употреблении. Для четырех глаголов: *осенить*, *озарить*, *мутить* и *пронять* — сдвиги в значении прослеживаются в изменении состава подлежащих. Возможно, это связано с тем, что у этих глаголов зафиксировано наибольшее число личных употреблений в текстах наиболее раннего из выделенных периодов. У глаголов *трясти* и *колотить* заметные изменения происходят уже в рамках безличных употреблений.

Другой вопрос, который ставился в этом разделе, касается условий распространения безличных употреблений. Проверялась гипотеза, согласно которой безличному употреблению способствует снижение разнообразия и рост предсказуемости подлежащего в личных употреблениях. С этой гипотезой согласуются закономерности употребления лишь части исследуемых глаголов, а именно глаголов *осенить*, *озарить* и *мутить*. При этих глаголах

действительно наблюдается рост частотности подлежащих определенной семантической группы: обозначений ментальных объектов в случае первых двух глаголов, обозначений запахов — в случае глагола *мутить*. В то же время развитие глаголов *пронять*, *трясти* и *колотить* не соответствует этому сценарию. При глаголе *пронять* семантический сдвиг не сопровождается снижением разнообразия подлежащих. У глаголов *трясти* и *колотить* личные употребления преимущественно описывают один семантический тип ситуаций (физиологические ощущения), а среди безличных употреблений изначально преобладает другой (эмоциональное состояние). Тем самым данные указывают на то, что сокращение разнообразия подлежащих действительно происходит при некоторых глаголах, у которых наблюдается распространение безличных употреблений, однако безличные употребления могут возникать и в тех случаях, когда сокращения разнообразия подлежащих не происходит.

2.4. Развитие семантики глагола и изменение его аспектуального профиля

Переход глагола из физической сферы в экспериенциальную, а также развитие экспериенциального значения может сопровождаться изменениями не только в свойствах участников обозначаемой глаголом ситуации, но и в его аспектуальных характеристиках. В исследовании [Рахилина и др. 2010: 486–503] обсуждаются пути преобразования аспектуальных свойств предикатов, служащих источниками для обозначения болезненных ощущений, например *колет в боку* или *заложен нос*. Поскольку предикаты боли описывают состояния, статальное значение чаще всего возникает либо на основе процессуального, как в случае *колет в боку* или *режет глаза*, либо на основе результативного компонента, как в примере *заложен нос*. С переходом глагола в экспериенциальную сферу могут изменяться и его отношение с парным по виду глаголом, и способность к тем или иным

аспектуальным деривациям, ср. [Там же] обсуждение глагола *заколоть*, описывающего начало соответствующего болевого ощущения.

Сдвиг от процессуального к статальному значению претерпевают, в частности, глаголы *трясти* и *мутить*: в исходном значении они обозначают процессы, а при переходе в эксперienциальную сферу начинают описывать состояния. Формы страдательного причастия образуются у исследуемых глаголов очень ограниченно, и уже поэтому результативные конструкции (типа *заложен нос*) для них не могут быть употребительны. Результативный компонент выходит на первый план в семантике форм прошедшего времени у некоторых глаголов СВ, например *продуть* и *укачать*: эти глаголы описывают прежде всего пребывание эксперienщера в состоянии, а не переход в него. Такие изменения в аспектуальной семантике затрагивают отдельные глаголы.

В данном же разделе речь пойдет об аспектуальном соотношении между несколькими родственными глаголами и о таких семантических сдвигах, которые изменяют это соотношение. Будут рассматриваться пары глаголов *осенить* и *осенять*, *озарить* и *озарять*, *продуть* и *продувать*, *укачать* и *качать*, а также *разморить* и *морить*. Во всех этих случаях семантически базовым и более частотным (в эксперienциальном значении) является глагол СВ, однако в развитии эксперienциального значения существенную роль играют родственный ему глагол НСВ. В центре внимания будут находиться процессы перестройки отношений между названными глаголами СВ и НСВ, сопутствующие семантическим изменениям.

В данном случае показательными снова оказываются глаголы *осенить* и *озарить* в их соотношении с глаголами НСВ *осенять* и *озарять*. В первой из этих пар глагол *осенять* обозначает прежде всего длительное состояние, связанное с пространственным положением одного неодушевленного объекта над другим, как в примере (51), в то время как глагол СВ *осенить* описывает наступление этого состояния (52).

(51) *По его велению возвысился мгновенно курган высокий над телом Дулебовым — там, где кедры и сосны осеняют его подножие.*
[В. Т. Нарежный. Славенские вечера (1809)]

(52) *В семь часов запылали куринские казармы в Кефарах, и клубы черного дыма, как перья великанского шишака, осенили противолежащую гору.* [А. А. Бестужев-Марлинский. Письма из Дагестана (1831)]

Наиболее ранние экспериенциальные употребления этих глаголов демонстрируют аспектуальное соотношение, унаследованное от исходного пространственного значения: глагол *осенять* описывает длительное состояние, глагол *осенить* — вхождение в состояние, ср. (53)–(54), см. также обсуждение подлежащих, обозначающих длительные состояния, таких как *благодать* или *грусть*, при глаголе *осенить* в разделе 2.3.

(53) *Величие и доброта, смешанные с глубокою грустью, осеняли окладистое красивое лицо боярина.* [Н. В. Кукольник. Авдотья Петровна Лихончиха (1840)]

(54) *Потом мало-помалу начал погружаться в самого себя, и спокойствие осенило его страждущую душу.* [А. В. Никитенко. Дневник (1833)]

Как можно судить по современному значению этих глаголов, в ходе дальнейшего развития глагол *осенить* стал обозначать только моментальную ситуацию изменения состояния, и его значение не включает последующее состояние, в то время как глагол *осенять* потерял способность описывать длительное состояние. В частности, начиная со второй половины XIX в. глагол *осенять* встречается только в примерах, описывающих многократные ситуации (55), а также в форме настоящего исторического (56), но не в контекстах, предполагающих длительное состояние (53).

(55) <...> но офицер, напротив, был убежден, что этим только и может быть предотвращен бунт, и к тому же его осеняла идея за идеей. [Н. С. Лесков. На ножах (1870)]

(56) И вдруг осеняет воспоминание: серо-дымчатая мгла тумана, и в ней утонул город. [А. С. Серафимович. В номере (1910)]

Признаками постепенного сдвига аспектуального фокуса на изменение состояния можно считать и наречия типа *вдруг* или *внезапно*, ср. (56), которые часто появляются в контекстах с этими глаголами также начиная со второй половины XIX в. При этом параллельно фиксируются и употребления с обстоятельствами длительности, такими как группа *на несколько минут* в примере (57), которые свидетельствуют о сохранении связи с исходной аспектуальной семантикой.

(57) Тогда вдохновение на несколько минут осенило скорбящую путницу, и холодной, дрожащей рукой она набросала на клочке бумаги следующие строки <...>. [Кондратий Биркин (П. П. Каратаев). Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий. Книга первая (1870)]

Наконец, можно заметить, что из трех существительных, чаще всего выступающих в позиции подлежащего при глаголе *осенить*: *мысль*, *идея* и *догадка*, — последние два не зафиксированы в употреблениях этого глагола до 1870 г., см. Таблицу 3 в разделе 2.3. Как кажется, существительные *идея* и особенно *догадка* в большей степени, чем существительное *мысль*, подчеркивают моментальность перехода эксперсионера в новое ментальное состояние, ср. (58).

(58) Смутная и страшная догадка осеняет меня. — Да читайте же, наконец! [Л. А. Чарская. Мой принц (1915)]

Соотношение частотности глаголов *осенить* и *осенять* в экспериенциальном значении и во всех остальных типах употреблений представлено в Таблице 9.

Таблица 9. Соотношение глаголов *осенить* и *осенять*
в экспериенциальных и в прочих употреблениях

	Экспериенциальные употребления			Прочие употребления		
	<i>осенить</i>	<i>осенять</i>	Доля СВ	<i>осенить</i>	<i>осенять</i>	Доля СВ
...–1870	36	8	0.8	79	65	0.5
1871–1920	149	23	0.9	131	79	0.6
1921–1970	287	41	0.9	74	80	0.5
1971–...	552	65	0.9	107	126	0.5

Как показывает Таблица 9, среди употреблений в экспериенциальном значении во всех периодах наблюдается существенное преобладание глагола СВ, в то время как в употреблениях вне экспериенциальной сферы глаголы *осенить* и *осенять* употребляются примерно с равной частотностью. Очень похожее распределение наблюдается и для глаголов *озарить* и *озарять*, как можно судить по данным, представленным в Таблице 10.

Таблица 10. Соотношение глаголов *озарить* и *озарять*
в экспериенциальных и в прочих употреблениях

	Экспериенциальные употребления			Прочие употребления		
	<i>озарить</i>	<i>озарять</i>	Доля СВ	<i>озарить</i>	<i>озарять</i>	Доля СВ
...–1870	49	12	0.8	123	115	0.5
1871–1920	54	14	0.8	155	183	0.5
1921–1970	55	16	0.8	177	236	0.4
1971–...	99	21	0.8	155	157	0.5

Изменения в аспектуальном соотношении между этими глаголами при развитии экспериенциального значения также очень сходны с описанными выше для пары *осенить* и *осенять*. В исходном физическом значении глагол *озарять* используется преимущественно для обозначения длительного состояния (59). В рамках экспериенциальных употреблений возможность такой аспектуальной интерпретации постепенно утрачивается, хотя это происходит гораздо позже, чем у глагола *осенять*. У глагола *озарять* и в текстах XX в. встречаются употребления, в которых глагол однозначно описывает длительное состояние, ср. (60).

(59) *Ночь чудная: ясная, тихая, звездная. Луна спокойно и ровно озаряет землю.* [П. К. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. №2 (1924)]

(60) *Я жил эту ночь в радости, не испытанной мною, душу озаряло желание прожить всю жизнь в этом полубезумном восторге делания.* [Максим Горький. Мои университеты (1923)]

По мере развития экспериенциального значения на первый план выходит моментальное изменение состояния, обозначаемое глаголом *озарить* (61), глагол *озарять* же все чаще используется либо для много-кратных ситуаций (62), либо в значении настоящего исторического (63).

(61) *При этом вопросе странная идея внезапно озарила голову Яшеньки.* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Яшенька (1857–1865)]

(62) *И каждый день меня на этот счет озаряют гениальнейшие идеи.* [В. В. Вересаев. Исанка (1928)]

(63) *Внезапная идея озаряет мальчика, он выхватывает чашку из ее рук, быстро пьет и больше уже ни о чем не думает: его захлестывает неистовая радость.* [Борис Хазанов. Я воскресение и жизнь (1976)]

В целом для глаголов *озарить* и *озарять* и в современном языке может актуализироваться связь экспериенциального значения с исходным, как показывают примеры типа (64), в то время как глаголы *осенить* и *осенять* практически не используются в пространственном значении ‘нависать, покрывать’, представленном в примерах (51)–(52), так что их экспериенциальное значение оказывается в большей степени оторвано от исходного.

(64) *И тут я дверцу закрыл, забыв о мухе и желании что-нибудь съесть, потому что меня как вспышкой молнии **озарило** <...>.* [Сергей Носов. Фигурные скобки (2015)]

Таким образом, в парах *осенить* — *осенять* и *озарить* — *озарять* в рамках экспериенциальных ситуаций складывается иное частотное соотношение глаголов двух видов, чем в употреблениях в исходном физическом значении, и меняется аспектуальная характеристика глагола НСВ. В исходном физическом значении глаголы обоих видов в равной степени употребительны, в то время как при описании экспериенциальных ситуаций глагол СВ оказывается гораздо более частотным, чем глагол НСВ, — между ними наблюдаются отношения «неравночастотной видовой соотносительности», см. об этом понятии в [Бондарко 2011: 406–412].

Аспектуальные сдвиги играли существенную роль и в возникновении экспериенциальных употреблений у глаголов *продуть*, *укачать* и *разморить*, хотя и в несколько ином ключе, чем в случае рассмотренных выше пар. Особенность этих глаголов заключается в том, что уже в наиболее ранних употреблениях они используются в экспериенциальном значении, близком к современному, см. (65)–(67), и возникновение этого экспериенциального значения проследить не удается.

(65) *В 9 ч. поех[ал] домой и спать — устал я, да и **продуло** на пароходе.*
[Д. И. Менделеев. Дневник (1861)]

(66) <...> к тому же развело на реке порядочное волнение (она шире двух верст), ковчег наш качается без милосердии [sic! — M. O.] и даже некоторых пассажирок жестоко укачало. [Ф. П. Врангель. Путевые записки (1830)]

(67) *Спасибо, что выручили, — прощался Лука, понукая лошадь, которую очень разморил полуденный зной.* [А. И. Левитов. Газета в селе (1865)]

Более полную картину развития этих глаголов можно составить, обратившись к глаголам НСВ *продувать, качать и морить*: именно у этих глаголов обнаруживаются употребления, на основании которых можно восстановить путь перехода от физического значения к экспериенциальному.

В текстах первой половины XIX в. глагол *продувать* преимущественно используется для описания ситуаций, в которых в качестве действующей силы выступает ветер. Иногда эти ситуации состоят в чисто физическом взаимодействии между двумя неодушевленными участниками (68), однако чаще в них в более или менее явном виде присутствует и экспериенциальный компонент, ср. (69)–(70).

(68) <...> *в галерном порте в сарайах стоят галеры, из них другим уже более 40 лет, но члены их еще крепки в тех местах, где ветр их продувает.* [К. П. Торсон. [Предложения об организации службы в экипажах, морских учебных заведениях и на кораблях] (1826)]

(69) <...> *на дворе было погодно, попархивал мелкой снежинкой, и холодный ветер продувал насеквозд мой плащ, который некогда был подбит ватою, но протерся так на биваках, что во многих местах был ожур. Часа полтора я зябнул молча; наконец вышел из терпения и закричал своему проводнику: — Да скоро ли мы доедем до ночлега, разбойник!* [М. Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году (1830)]

(70) *А между тем, пока торгуешься, холодный ветер **продувает** насквозь, сырость падает на грудь, и часто должно возвратиться домой с куском материи с прорехами и с простудой.* [Ф. В. Булгарин. Письма провинциялки из столицы (1830)]

Пример (69) описывает непосредственное физическое проникновение ветра сквозь одежду, однако в нем присутствует и экспериенциальная составляющая: важно не само по себе взаимодействие между неодушевленными участниками, а то, какие ощущения оно вызывает у обладателя плаща, на что указывает и последующий контекст. Пример (70) еще на один шаг ближе к экспериенциальным употреблениям. С одной стороны, такие употребления очень близки к ситуациям физического мира, поскольку описывают непосредственное воздействие ветра на участника (в частности, ситуация в (70) предполагает, что ветер дует). С другой стороны, в них присутствует экспериенциальный компонент и элемент переноса: глагол *продувать* обозначает ощущения одушевленного участника, а не реальную ситуацию сквозного движения воздуха. Именно такие употребления преобладают среди примеров с глаголом *продувать* в текстах НКРЯ первой половины XIX в., когда у этого глагола, предположительно, происходило возникновение экспериенциального значения.

Как и пример (70) с глаголом *продувать*, ранние употребления глагола *продуть* с одушевленным объектом часто содержат упоминание простуды и других подобных последствий воздействия ветра, ср. (71)–(72).

(71) *Костюмчик-то был легонький; на островах мальчионку и **продуло**, так что даже простуду схватил.* [В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Ч. 6 (1867)]

(72) *Вероятно, какой-нибудь сквозной ветер в вагоне насквозь **продул** меня, ибо после этой поездки я вернулся нездоровым и с тех пор всё немножко недомогаю.* [П. И. Чайковский. Письма Н. Ф. фон-Мекк (1883)]

С одной стороны, такие примеры свидетельствуют о том, что сам глагол *продуть* в соответствующий период еще не включает компонент ‘простудиться’ — иначе он не выражался бы отдельно в рамках того же контекста. С другой стороны, частое соположение этих двух ситуаций, по всей видимости, и привело к тому, что этот компонент стал частью семантики глагола *продуть*.

Итак, с точки зрения развития экспериенциального значения глаголы *продувать* и *продуть* оказываются почти в дополнительном распределении: изначально переход из физической в экспериенциальную сферу происходит в рамках употреблений глагола *продувать*, однако дальнейшая специализация значения и распространение безличных употреблений затрагивает прежде всего глагол *продуть*. Этот сценарий развития можно связать с тем, что ситуации физического мира, которые описывает глагол *продувать* с неодушевленным подлежащим, обычно не предполагают естественного предела, поэтому у глагола *продуть* такие употребления почти не зафиксированы. Предел, при котором происходит изменение состояния одного из участников, становится существенным при сдвиге глагола *продувать* в экспериенциальную сферу, и именно для обозначения этого предела начинает употребляться глагол *продуть*. При этом изначально этот глагол, по-видимому, обозначает недифференцированные физиологические ощущения, связанные с длительным воздействием ветра, и только впоследствии приобретает современное значение ‘простудиться в результате воздействия потока воздуха’.

Для глагола *укачать* в НКРЯ также не обнаруживается употреблений, которые предшествовали бы развитию экспериенциального значения. Кроме того, уже в наиболее ранних экспериенциальных употреблениях он используется только как безличный, см. пример (66). Предпосылки для появления этого экспериенциального глагола, предположительно, возникли

в рамках употреблений глагола *качать*, а именно в таких контекстах, где этот глагол описывает качку корабля, как в примерах (73)–(74)⁶⁹.

(73) *<...> но великая зыбь от NW качала шлюп весьма сильно.*

[Ф. Ф. Беллинсгаузен. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света... (1831)]

(74) *Шлюпку качало чрезвычайно, и губернатор занемог в высочайшей степени морскою болезнью.* [Ф. П. Литке. Дневник, веденный во время кругосветного плавания на шлюпке «Камчатка» (Кронштадт) (1817)]

Как можно видеть по примеру (74), безличное употребление этого глагола наблюдается уже в этом контексте с неодушевленным участником⁷⁰. Кроме того, этот пример, а также пример (75) с глаголом *покачивать* показывают, что описание морской качки часто сопровождается упоминанием ее воздействия на людей, находящихся на судне, хотя соответствующее состояние описывается не глаголом *укачать*, а иными средствами.

(75) *<...> крѣпкій вѣтръ подулъ съ моря и развелъ такое волненіе, отъ котораго фрегатъ нашъ порядочно покачивало и многихъ, какъ говорятъ мореплаватели, убивало погодою, то есть приключало имъ морскую болѣзнь, состоящую въ тошнотѣ.* [А. С. Шишков. Записки (1780–1814)]

⁶⁹ Тем самым развитие глагола *укачать* предположительно происходило независимо от контекстов, описывающих агентивные ситуации каузации сна. Перенос из этой сферы в экспериенциальную также происходит (i), однако такие употребления всегда описывают приятное для экспериенцера состояние и развиваются параллельно ситуациям, связанным с состоянием тошноты.

(i) *А Борис был как ребенок, которого испугали во сне, в чудесном золотом сне, сладко его укачавшем и ублажившем райскими грезами и восхитительными видениями...* [Е. П. Ростопчина. Счастливая женщина (1851)]

⁷⁰ Предположительно, в данном случае безличные употребления возникают в употреблениях глагола *качать* в физическом значении и затем наследуются глаголом *укачать*. Подробнее соотношение экспериенциального употребления и безличности у разных глаголов обсуждается в разделе 3.4.

Наиболее ранние употребления глагола *укачать*, относящиеся к первой половине XIX в., тоже описывают ситуации, связанные с мореплаванием, как в примере (76), см. также (66). Примечательно, что пример (76) — первая фиксация глагола *укачать* в НКРЯ — описывает те же самые события, что и пример (74) выше.

(76) *К несчастью, к вечеру ветер скрепчал, всех испанцев укачало, особенно губернатора — он несколько раз хотел ехать на берег, но большое волнение устрашило его. [Ф. Ф. Матюшкин. Журнал кругосветного плавания на шлюпке «Камчатка» под командою капитана Головнина (1817)]*

Как и для глагола *продуть*, для глагола *укачать* обнаруживаются отдельные ранние употребления, в которых он описывает ощущения, связанные с воздействием качки, но не предполагает наличия тошноты, как в примере (77).

(77) *<...> а как в то время был изрядной ветер с морской стороны, то нас так укачало, что редкий мог перенести эту качку, чтобы с ним не случилось революции в желудке. [А. К. Карпов. Записки (1831)]*

Таким образом, возникновение экспериенциальных глаголов *продуть* и *укачать* происходит по одному и тому же сценарию. Существует определенный тип ситуаций физического мира, в которых неодушевленная сила взаимодействует с другим неодушевленным участником. Эти ситуации описываются непредельными глаголами НСВ *продувать* и *качать* и обычно не предполагают изменения состояния, поэтому глаголы СВ *продуть* и *укачать* используются для них редко. Более востребованными эти глаголы становятся тогда, когда возникает необходимость обозначить изменение в состоянии одушевленного участника, который претерпевает воздействие в подобной ситуации. В силу такого сценария развития у глаголов *продуть* и

укачать не обнаруживается употреблений, к которым можно было бы возвести экспериенциальное значение.

По-видимому, сходным образом диахронически соотносятся глаголы *разморить* и *морить*. Основное отличие этого случая от описанных выше заключается в том, что глагол *морить* не использовался для описания взаимодействия между неодушевленными участниками — в позиции прямого дополнения при нем всегда выступает обозначение человека или животного. В текстах разного времени глагол *морить* преимущественно используется для описания агентивных ситуаций в значении ‘губить, мучить’, как в примере (78).

(78) *Обыкновенно морил он их медленною смертью в цепях, предоставляя срок жизни их богу: тут еще нет греха.* [И. И. Лажечников. Басурман (1838)]

В отдельных примерах он фиксируется с неодушевленным подлежащим, и чаще всего такие примеры описывают ситуации, близкие к обозначаемым глаголом *разморить*, ср. (79)–(80).

(79) *Я не спал трое суток — сон так и морит, так и клонит меня.*
[А. А. Бестужев-Марлинский. Вадимов (1834)]

(80) *Но нас морили жар и тяжесть, и он, наскучив молчанием, сморщился и затянул: «Не бил барабан перед смутным полком».* [И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада» (1855)]

Такие примеры с глаголом *морить* фиксируются в текстах НКРЯ раньше, чем глагол *разморить*, у которого первые употребления относятся к 1860-м гг., см. (81), а также (67) выше. Как можно видеть по указанным примерам, уже в наиболее ранних употреблениях глагола *разморить* контекст предполагает то значение, в котором глагол *разморить* используется и сейчас.

(81) <...> пока жар и духота не разморили ее, и она, сплюнув раза два и нараспев с зевотой произнеся громко: «Господи Иисусе Христе, Спас милославый!» — не уснула тем крепким сном, во время которого Матреши воротилась из леса. [Ю. В. Жадовская. Отсталая (1861)]

На основании данных НКРЯ можно обрисовать предположительный путь возникновения глагола *разморить*. Глагол *морить* в основном используется для обозначения агентивных ситуаций с пациентом в позиции прямого дополнения. То изменение состояния, которое является пределом этих агентивных ситуаций, обозначается глаголами *уморить* или *заморить*. Глагол *разморить* возникает в связи с необходимостью обозначить изменение состояния, которое происходит в другом подтипе ситуаций, описываемых глаголом *морить*, — в таких ситуациях, когда воздействие относится к экспериенциальной, а не физической сфере и не приводит к пациентивному изменению состояния участника (истощению, смерти и т. п.)⁷¹. Этот механизм сближает глагол *разморить* с глаголами *продуть* и особенно *укачать*: сдвиг от физической сферы в экспериенциальную происходит у глагола НСВ, однако существенным в рамках экспериенциальных ситуаций оказывается не воздействие, а то изменение состояния, к которому оно ведет, и для обозначения изменения состояния используется уже существующий глагол СВ или образуется новый.

⁷¹ Существует также семантически близкий к глаголу *разморить* глагол *сморить*. В отличие от глагола *разморить*, этот глагол употребляется и для описания агентивных ситуаций (i), но его первые экспериенциальные употребления в НКРЯ также относятся ко второй половине XIX в. (ii). Этот глагол здесь не рассматривается, поскольку безличные употребления распространены у него в меньшей степени, чем у глагола *разморить*.

- (i) *По этому по самому крупному скоту у насъ невозможно быть: зимнимъ дѣломъ и самъ голодомъ насидашься и жалованну корову сморишь; а лѣтомъ гдѣ ее пасти?* [П. И. Мельников-Печерский. Дѣдушка Поликарпъ. Рассказъ // «Русский вестник», 1857]
- (ii) *Я сел было писать, но английский обед сморит сном хоть кого; да мы еще набегались вдоволь.* [И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада» (1855)]

Различной оказывается судьба глаголов НСВ, которые служат основой для возникновения экспериенциального значения. Глагол *продувать*, так же как глаголы *осенять* и *озарять*, используется и в экспериенциальной сфере: все три глагола перестают обозначать процесс или состояние и сохраняют значение многократного действия и функции настоящего исторического. В работе [Булыгина, Шмелев 1997: 169–174] значения многократного действия и настоящего исторического называются «тривиальными значениями имперфективных членов видовых пар», поскольку ими обладает глагол НСВ в любой видовой паре. Способность обозначать состояние или процесс зависит от семантического класса глагола, а также его индивидуальных особенностей, и эти значения называются нетривиальными. Таким образом, в ходе развития экспериенциального значения глаголы НСВ *продувать*, *осенять* и *озарять* утрачивают нетривиальные значения НСВ, свойственные употреблению в физическом значении, и сохраняют только тривиальные. В оставшихся двух случаях между глаголами наблюдается иное соотношение и в морфологическом, и в аспектуальном плане. Глаголы *укачать* и *разморить* являются приставочными дериватами от непроизводных глаголов *качать* и *морить*, которые не используются в соответствующем экспериенциальном значении и, как кажется, не сохраняют с ним актуальной связи. Видовыми коррелятами глаголов *укачать* и *разморить* служат вторичные имперфективы *укачивать* и *разманивать*, которые используется как в тривиальных значениях (82)–(83), так и для описания физиологического процесса, предшествующего изменению состояния (84)–(85).

(82) *Душа моя рвется разлиться на всю природу, а в карете так тесно, будто в тюрьме; я отвык от классического колебанья, меня укачивает в ней, как новичка на корабле.* [А. А. Бестужев-Марлинский. Вадимов (1834)]

(83) *Иногда и ее размаривало от усталости. Тогда она не запевала песни, как делали другие: пение отвлекало ее от работы.* [В. Ф. Панова. Кружилиха. Роман (1947)]

(84) *Мальчишек укачивало. У меньшего желтенькое лицо позеленело, и он спрятался за пушку.* [И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада» (1855)]

(85) — *Разбирайся, разбирайся, а я пойду вздремну. Что-то размаривает меня.* [Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 2 (1964)]

Итак, обсуждение, представленное в данном разделе, показывает, что в ряде случаев описание развития экспериенциального значения оказывается неполным, если рассматривать употребления глагола изолированно, без учета его аспектуальных отношений с семантически близкими родственными глаголами. Часть истории развития экспериенциальных глаголов СВ *осенить* и *озарить* составляют изменения семантического и частотного соотношения с глаголами НСВ *осенять* и *озарять*, а также сдвиг в значении самих этих глаголов — с описания перехода в новое состояние к описанию моментальной ситуации. Обращение к глаголам *продувать*, *качать* и *морить* позволяет восстановить путь развития экспериенциальных глаголов *продуть*, *укачать* и *разморить*: изначально контексты с экспериенциальной составляющей возникают у названных глаголов НСВ, глаголы СВ начинают использоваться позже для обозначения изменения состояния экспериенциера и постепенно «отрываются» от мотивировавших их глаголов, образуя вторичные имперфективы. В целом анализ, представленный в этом разделе, показывает, что развитие экспериенциального значения у глагола не всегда бывает прямолинейным и ограниченным употреблением одной лексемы. Помимо этого, представленные данные указывают на то, что в некоторых случаях с точки зрения диахронических

процессов глаголы, соотносящиеся по виду, удобнее рассматривать не изолированно, а как единую лексему⁷².

2.5. Развитие экспериенциальных значений: обобщение

Отправной точкой для анализа, представленного в разделах 2.1–2.4, послужило наблюдение о том, что у многих экспериенциальных глаголов, которые в современном языке употребляются преимущественно или исключительно как безличные, возникновение и обособление экспериенциального значения от физического произошло сравнительно недавно и может быть в основном прослежено на материале текстов XVIII–XIX вв., представленных в НКРЯ. Основная задача указанных разделов состояла в том, чтобы выделить ключевые аспекты этого семантического развития и выявить сопутствующие изменения в сочетаемости и употреблении глаголов. Эти изменения демонстрировались на материале нескольких разных подгрупп глаголов, однако в них можно выделить несколько этапов, каждый из которых засвидетельствован у значительной части исследуемых глаголов.

Первое из рассматривавшихся семантических изменений состоит в **переносе из физической сферы в экспериенциальную**. Предположительно, у многих глаголов источником этого переноса в физической сфере служат употребления с двумя неодушевленными участниками, а сдвиг в экспериенциальную сферу происходит при появлении контекстов, в которых в позиции объекта выступает часть тела или ментальная часть одушевленного участника. Подобный механизм сдвига из физической в экспериенциальную сферу через обозначения частей тела засвидетельствован у глаголов *знобить, коробить, мутить, озарить, осенить, передернуть и распирать*.

⁷² Ср. в книге [Русакова 2013: 415–417] обсуждение разнородности отношений в тех парах, которые считаются видовыми, а также возможности представления членов некоторых видовых пар в качестве форм одной лексемы с точки зрения ментального лексикона.

Ранние экспериенциальные употребления многих глаголов содержат следы переноса из физической сферы и отличаются разнообразием описываемых экспериенциальных ситуаций и типов оценки, заложенных в них. Со временем происходит **специализация экспериенциального значения** — глагол закрепляется за каким-либо компактным типом экспериенциальных ситуаций — и его обособление от исходного физического значения. Эти семантические сдвиги обычно отражаются в изменении состава подлежащих в личных употреблениях исследуемых глаголов. Показательными в этом плане оказались глаголы *мутить, озарить, осенить и пронять*.

Наконец, рассматривалось также **изменение аспектуальных свойств** глаголов и их соотношения с родственными глаголами другого вида. Эти сдвиги относятся скорее к первому из названных выше этапов — переходу от физического значения к экспериенциальному. Несмотря на то что при развитии экспериенциального значения часто происходят изменения аспектуальных свойств глаголов, по-видимому, нельзя сказать, что эти изменения укладываются в какую-либо единую закономерность. В данном случае рассматривались отношения в парах *осенить и осенять, озарить и озарять, продуть и продувать*, а также *качать и укачать*. Во всех этих случаях в рамках экспериенциальных употреблений базовым способом описания ситуации становится глагол СВ, однако нельзя сказать, что именно такой сдвиг является типичным для глаголов исследуемой группы и в целом для экспериенциальных глаголов.

Относительно первых двух семантических изменений: перехода из физической сферы в экспериенциальную и специализации экспериенциального значения — может быть поставлен вопрос о том, насколько применимы полученные обобщения к более широкому кругу глаголов за пределами рассматриваемой группы. Как показывает исследование [Ovsjannikova, Say, in press], для ряда русских рефлексивных глаголов

эмоций, в частности *волноваться, смущаться, восхищаться*, на основании текстов НКРЯ также можно восстановить процесс перехода от физического значения к экспериенциальному и дальнейшую специализацию экспериенциального значения. В ходе развития экспериенциального значения при многих из этих глаголов употребляются обозначения частей тела или ментальных объектов, а также происходят изменения в составе участников, вызывающих воздействие. Таким образом, выявленные механизмы семантических сдвигов оказываются распространенными по крайней мере среди русских экспериенциальных глаголов этих двух синтаксических групп⁷³.

3. Безличные употребления: соотношение синтаксиса и семантики

3.1. Противопоставление личных и безличных употреблений

Разделы этой части главы посвящены синтаксическим аспектам употребления исследуемых глаголов. Грамматическим свойством, общим для всех экспериенциальных глаголов, рассматриваемых в данной главе, является их склонность к безличному употреблению. В этом разделе кратко рассматриваются проблемы противопоставления личных и безличных употреблений, прежде всего такие, которые могут быть существенными для разграничения этих двух типов при анализе материала.

В русском языке безличные переходные глаголы представляют собой необычный класс с точки зрения соответствия между участниками ситуации и синтаксическими позициями: при них отсутствует подлежащее в номинативе, а единственный обязательный участник ситуаций, описываемых этими глаголами, занимает позицию прямого дополнения, ср. глаголы *знобить, лихорадить, тошнить*.

⁷³ Следует отметить, что в статье [Ovsjannikova, Say, in press] не рассматриваются переходные корреляты рефлексивных глаголов эмоций, например *волновать, смущать, восхищать*, которые с морфологической точки зрения являются исходными и по синтаксическому устройству очень похожи на глаголы, рассматриваемые в данной главе.

Синтаксические свойства безличных конструкции этого и других типов обсуждаются в ряде формальных работ по синтаксису, см. [Mel'čuk 1979; Fortuin 2011; Циммерлинг 2013; Lavine 2014; Циммерлинг, Трубицина 2015]⁷⁴. В этих работах прежде всего ведется поиск такого анализа безличных переходных конструкций, который позволил бы описывать их наряду с более регулярными способами синтаксического кодирования участников. В частности, обсуждается необходимость постулирования нулевого подлежащего в различных типах безличных конструкций, а также возможность независимого описания признаков наличия номинативного подлежащего и переходности с помощью особого представления структуры глагольной группы. Выбор того или иного формального анализа безличных конструкций не имел бы последствий для обработки материала и интерпретации результатов данного исследования, поэтому здесь эти подходы не будут освещаться подробнее. Проблема нулевого подлежащего в безличных конструкциях будет вновь упоминаться при обсуждении их синтаксической эволюции в разделе 3.5.

При обработке данных разграничение личных и безличных употреблений в основном не вызывало трудностей. В большинстве употреблений, которые были отнесены к личным, при глаголе присутствует однозначно идентифицируемое подлежащее, выраженное существительным, как в примерах (86)–(87).

(86) *Его распирало желание рассказать случай с мальчиком, который засунул в ухо бумажный шарик <...>.* [Виктор Кин. По ту сторону (1928)]

⁷⁴ В основном в указанных работах обсуждаются т. н. «стихийные» конструкции (i), см. также раздел 3.3 ниже, а не экспериенциальные глаголы, рассматриваемые в данном исследовании. Тем не менее предлагаемые в них способы описания, как кажется, могут быть с некоторыми оговорками распространены и на второй из этих двух типов безличных переходных конструкций, см. [Циммерлинг 2013].

(i) *Газеты унесло ветром.* [Маша Трауб. Не вся la vie (2008)]

(87) *Лентяя вдруг ни с того ни с сего осенила мысль, что нос моего попугая очень похож на нос нашего деревенского лавочника Ивана Демьяныча <...>.* [А. П. Чехов. Драма на охоте (1884)]

Употребления, которые допустимо было бы трактовать или как личные с эллипсисом подлежащего, или как безличные, были крайне немногочисленны, и в основном при учете контекста и времени создания одна из этих трактовок кажется более естественной. Так, пример (88) рассматривался как личное употребление, пример (89) — как безличное.

(88) — *Не могу, — отвечает, — не дрожать, потому что это внутреннее, изнутри колотит.* [Н. С. Лесков. Воительница (1866)]

(89) *Воздух сперт, душен, — прямо мутит, когда войдешь.*
[В. М. Дорошевич. Сахалин (Каторга) (1903)]

Трудность иного рода составляют употребления, в которых стимулу при глаголе соответствует придаточное или инфинитив, как в примерах (90)–(91).

(90) *Его вдруг осенило, что он здесь нигде еще не видел такого количества книг, разве что в библиотеке.* [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Обитаемый остров (1967–1969)]

(91) — *Ну, говори. Вижу, что сказать распирает... — Нет, ничего.*
[Владимир Корнилов. Демобилизация (1969–1971)]

В этом случае речь идет не о разрешении синтаксической многозначности, а о выборе одного из возможных способов грамматического анализа. Как показывает сравнение примеров (90)–(91) с примерами (86)–(87), семантически придаточные с союзом *что* и инфинитивы при этих глаголах аналогичны номинативным подлежащим, однако, как и в других случаях, эти сентенциальные зависимые не демонстрируют морфосинтаксических свойств подлежащего, т. е. не могут маркироваться номинативом и не

согласуются с финитным глаголом. Поэтому вопрос о том, могут ли такие зависимые рассматриваться как подлежащие, является дискуссионным, см., в частности, недавние работы [Летучий 2012; 2018; Циммерлинг 2012]⁷⁵. Несмотря на промежуточный статус таких групп, в данном случае было принято решение относить такие употребления к личным. Это решение затрагивает три глагола исследуемой группы: *осенить* и *озарить*, при которых возможны придаточные с союзом *что*, и *распирать*, при котором встречаются инфинитивы. При всех этих глаголах употребления с указанными типами зависимых единичны.

В еще меньшей степени на статус подлежащего могут претендовать придаточные с союзом *когда*, которые также в некоторых случаях семантически соответствуют стимулу, см. примеры (92)–(93), хотя с точки зрения оформления выглядят как обстоятельственные придаточные.

(92) *Вот почему я и сказал, что меня **коробит**, когда я слышу проведение параллелей между ними и Достоевским.* [Д. В. Григорович. Литературные воспоминания (1893)]

(93) *Красина **передернуло**, когда он вспомнил лицо Морозова в тот момент.* [Василий Аксенов. Любовь к электричеству (1969)]

Если принимать во внимание только контексты с безличными глаголами, подобные приведенным в (92)–(93), обстоятельственный статус придаточных с союзом *когда* кажется безусловным, а обсуждение возможности анализа таких употреблений как личных — необоснованным. Тем не менее любопытно, что употребления, в которых обстоятельственные по форме придаточные как будто служат для выражения стимула, нередко фиксируются и при некоторых глаголах эмоций, которые никогда не

⁷⁵ Как показывает исследование А. Б. Летучего [2018], придаточные с *то, что*, которые по формальным признакам ближе к существительным (в частности, оформлены именительным падежом) также не в полной мере являются каноническими подлежащими.

рассматриваются как безличные, например при глаголе *удивить* или *радовать*, см. примеры (94)–(95).

(94) *И его досадно удивило, когда они спросили отдельные номера.*

[Ю. М. Нагибин. Трое и одна и еще один (1972–1979)]

(95) *Меня всегда радует, когда он со мною говорит не об одних обыкновенных предметах — о кофе да сахаре...* [Эдвард Радзинский. Старая актриса на роль жены Достоевского (1981)]

Из исследуемой группы такие употребления засвидетельствованы у глаголов *коробить*, *передернуть*, *трясти*, реже — *колотить*, *мутить* и *пронять*, т. е. прежде всего у глаголов, которые описывают ситуации эмоциональной сферы. Несмотря на это схождение в сочетаемости с переходными личными глаголами эмоций, такие употребления в рамках данного исследования считались безличными. В разделе 4 обсуждается возможность рассматривать такие употребления личных глаголов эмоций как некоторый сдвиг в сторону безличности.

В целом важно, что ни в одном из перечисленных спорных случаев выбор противоположного анализа не оказал бы существенного влияния на общие выводы исследования.

3.2. Изменения в соотношении личных и безличных употреблений в диахронии

Этот раздел посвящен изменениям в частотности личных и безличных употреблений исследуемых глаголов в текстах НКРЯ разных периодов. Соотношение личных и безличных употреблений каждого из глаголов в экспериенциальном значении в текстах четырех выделенных периодов отражено в Таблице 11. Глаголы упорядочены по доле безличных употреблений в текстах последнего из периодов.

Таблица 11. Личные (Л) и безличные (Б) употребления глаголов
в экспериенциальном значении

Глагол	...–1870			1871–1920			1921–1970			1971–...		
	Л	Б	Доля Б	Л	Б	Доля Б	Л	Б	Доля Б	Л	Б	Доля Б
<i>лихорадить</i>	—	—	—	9	20	0.7	2	66	1	0	68	1
<i>укачать</i>	0	9	*	2	26	0.93	4	34	0.89	1	46	0.98
<i>передернуть</i>	12	49	0.8	11	90	0.89	15	104	0.88	7	184	0.96
<i>продуть</i>	0	6	*	2	18	0.9	5	18	0.8	2	38	0.95
<i>знобить</i>	9	15	0.6	11	46	0.8	9	131	0.92	5	121	0.95
<i>мутить</i>	27	19	0.4	31	58	0.7	28	122	0.81	10	170	0.94
<i>трясти</i>	16	11	0.4	34	33	0.5	43	117	0.73	23	291	0.93
<i>разморить</i>	2	0	*	2	13	0.9	10	39	0.8	11	49	0.8
<i>осенить</i>	34	0	0	116	32	0.23	135	159	0.52	142	402	0.73
<i>колотить</i>	10	0	0	12	3	0.2	18	11	0.4	48	75	0.61
<i>пронять</i>	48	8	0.1	24	17	0.4	29	26	0.5	51	62	0.55
<i>озарить</i>	47	2	<0.1	44	10	<0.2	36	18	0.3	43	56	0.5
<i>распирать</i>	—	—	—	5	8	0.6	53	30	0.4	115	90	0.44
<i>коробить</i>	18	22	0.6	70	46	0.40	85	30	0.26	139	51	0.27

Прежде всего, Таблица 11 показывает, что у большинства исследуемых глаголов доля безличных употреблений со временем более или менее непрерывно растет. Статистически значимое увеличение доли безличных употреблений обнаружено у глаголов *лихорадить*, *передернуть*, *знобить*, *мутить*, *трясти*, *осенить*, *колотить*, *пронять*, *озарить* (тест Кохрана-Армитажа, $p < 0.001$ для всех перечисленных глаголов). При этом в текстах наиболее позднего периода только у одного из глаголов — *лихорадить* — не зафиксировано ни одного личного употребления, в то время как для прочих глаголов, в частности *продуть*, *знобить* и *мутить*, встретились отдельные личные употребления, см. (96)–(97).

(96) *Свежий утренний ветер с моря слегка знобил, рассстроенная Галина Федоровна кивала мне на прощание с палубы отдавшего швартовы судна.* [О. В. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца (1988)]

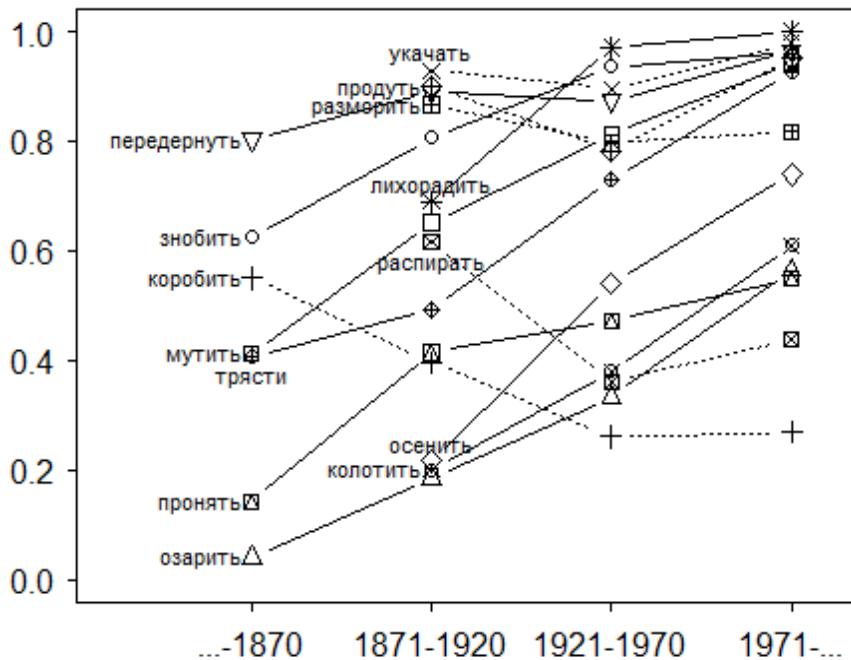
(97) *Её мутил и мучил этот разговор, но она понимала — от него не уйдёшь.* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978)]

В целом и в последнем, и в наиболее раннем из рассматриваемых периодов исследуемые глаголы различаются степенью склонности к безличному употреблению. При этом можно заметить, что глаголы, у которых доля безличных употреблений в текстах последнего периода составляет более 0,9, и в текстах самого раннего из периодов более склонны к безличному употреблению. Более наглядно это обобщение демонстрирует График 2, который основан на данных, представленных в Таблице 11.

На Графике 2 сплошные линии показывают динамику изменений доли безличных употреблений у тех глаголов, у которых она значимо возрастает со временем. Для глаголов, которые не демонстрируют значимых изменений, используются пунктирные линии. Как можно видеть, сплошные линии располагаются более или менее параллельно друг другу. Это значит, что

распространение безличных употреблений происходит у разных глаголов примерно с одной и той же скоростью.

График 2. Изменения доли безличных употреблений

Значимых однонаправленных изменений доли безличных употреблений не наблюдается у четырех из 14 приведенных в Таблице 11 глаголов: *укачать, продуть, разморить, распирать*. Возможно, таких изменений не наблюдается в силу того, что все эти глаголы имеют сравнительно низкую частотность, особенно в наиболее ранние периоды. В то же время можно заметить, что три из этих глаголов: *укачать, продуть* и *разморить* — отличаются и особым путем возникновения. Как было показано в разделе 2.4, они не постепенно сдвигались от физического значения к экспериенциальному, а были вовлечены в экспериенциальную сферу для обозначения изменения состояния экспериенцера в результате процессов, описывавшихся глаголами *качать, продувать* и *морить*. Уже в наиболее ранних экспериенциальных употреблениях глаголы *продуть, укачать* и *разморить* используются в основном как безличные. Безличные употребления возникают уже при глаголах НСВ *продувать, качать* и *морить*, ср. (98)–(100), и

глаголы *продуть, укачать и разморить* наследуют именно этот, синтаксически более новый употребления, см. сходные наблюдения о параллелизме семантических и синтаксических изменений при глаголах *трясти* и *колотить* в разделе 2.3.

(98) *Хотя я и промок до костей, но меня уже не так продувало ветром.*

[А. А. Фет. Мои воспоминания / Часть I (1862–1889)]

(99) *<...> но теперь большой зыбью корабль качало так сильно, что их [паруса — M. O.] тотчас изорвало.* [В. М. Головнин. Описание примечательных кораблекрушений, претерпенных русскими мореплавателями (1822)]

(100) — *Поди холодною водою умойся, а то тебя морит.* [Н. С. Лесков.

Некуда (1864)]

Развитие глагола *коробить* составляет единственное выраженное отклонение от тенденции к росту частотности безличных употреблений, поскольку у него наблюдается значимый рост доли личных употреблений (тест Кохрана-Армитажа, $p < 0.001$). Как уже упоминалось в разделе 2.3, в ранних экспериментальных употреблениях, в частности безличных, этот глагол описывал или физиологическое (101), или эмоциональное воздействие на экспериментера, однако впоследствии он сохраняет только второй из этих типов употреблений (102).

(101) *С детства нападала на него черная немочь: по часу и по два бьется,*

бывало, бедный, лежа на земле без памяти, корчит его и коробит,

руки-ноги сводит судорогами. [П. И. Мельников-Печерский. На горах.

Книга вторая (1875–1881)]

(102) *Зачем он говорил мне вещи, от которых меня коробило, и тоном, от*

которого все во мне сжималось? [Н. Н. Берберова. Курсив мой (1960–

1966)]

Личные и безличные употребления этого глагола представляются семантически очень сходными, ср. (103)–(104), и условий выбора между этими двумя типами конструкций выявить не удается.

(103) *<...> хотя, с другой стороны, ее **коробило** от Колькиных некультурных привычек.* [Ольга Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки (1995–1999)]

(104) *Люблю его и я, хотя одна привычка меня в нем **коробила**.* [Владимир Шаров. Воскрешение Лазаря (1997–2002)]

Можно предположить, что на синтаксические особенности этого глагола оказывают аналогическое влияние многочисленные глаголы эмоций типа *смузять, удивлять, раздражать* и др., которые в норме употребляются не безлично, а со стимулом в позиции подлежащего. В ряде случаев глагол *коробить* выступает в сочиненных конструкциях с такими глаголами, см. примеры (105)–(106).

(105) *Меня это смущало, **коробило**, но я терпел, полагая, что так надо и издательство лучше знает, как мне себя вести.* [Владимир Войнович. Замысел (1999)]

(106) *Это нас, русских, тоже если не удивляло, то немножко **коробило**, иногда даже и беспокоило.* [П. Д. Боборыкин. Воспоминания (1906–1913)]

Доводом против этого предположения может быть то, что эмоциональные ситуации с разнообразными стимулами описывают и некоторые другие из исследуемых глаголов, прежде всего *пронять*, см. раздел 2.3, однако отчетливый рост доли личных употреблений наблюдается только у глагола *коробить*. Таким образом, на данный момент приходится считать этот глагол не совсем ясным исключением из общей закономерности.

У большинства глаголов, которые приведены в Таблице 11, безличным употреблениям, в которых подлежащее при глаголе не выражено (107),

противопоставлены такие личные употребления, в которых позицию подлежащего занимает стимул или обозначение испытываемого состояния (экспертум), как в примере (108).

(107) *Не должны мы государство наше советское обманывать. Мишу передернуло от такого лицемерия.* [Анатолий Рыбаков. Бронзовая птица (1955–1956)]

(108) *Валерия Михайловича передернул и тон отца Петра, таким тоном могла бы говорить любая цыганка, но разве любой цыганке он дал бы медальон?* [И. Л. Солоневич. Две силы (1953)]

Иное соотношение личных и безличных употреблений наблюдается при одном из исследуемых глаголов — *лихорадить*. Наиболее ранние употребления этого глагола в НКРЯ относятся ко второй половине XIX в., уже в этот период глагол *лихорадить* используется как безличный (109), и наряду с безличными встречаются такие употребления, в которых позицию подлежащего занимает экспериенцер (110). В последние два периода, т. е. после 1920 г., встречаются единичные употребления этого глагола в личной конструкции со стимулом в позиции подлежащего (111). Оба последних типа употреблений включались в число личных употреблений, приведенное для глагола *лихорадить* в Таблице 11⁷⁶.

(109) *Должно быть, его лихорадило и знобило в теплой комнате от рыданий <...>.* [А. А. Фет. Мои воспоминания / Часть II (1862–1889)]

⁷⁶ В текстах XX в. глагол *лихорадить* часто используется в переносном значении для описания нестабильности общественного или экономического положения (i). Такие употребления исключались из рассмотрения: учитывались только такие контексты, в которых описывается физиологическое состояние человека.

(i) *Шли чрезвычайные дни весны и лета семнадцатого года, ставшего рубежным. Огромную страну все грознее лихорадило.* [О. В. Волков. Погружение во тьму (1977–1979)]

(110) *О состоянии моего здоровья могу сказать, что оно рассстроено, подробнее — я сильно кашляю, лихораджу, страдаю бессонницей, аппетит плох.* [Максим Горький. Письма (1889–1906)]

(111) *Голос его прерывался; видимо, лютая тревога последних дней лихорадила его, и оттого все бывалое достоинство его истощилось.* [Л. М. Леонов. Скутаревский (1930–1932)]

Применительно к глаголу *лихорадить* можно более уверенно говорить об аналогическом притяжении к семантически близкому кругу лексем, регулярно использующих безличную конструкцию. В частности, в период, к которому относится фиксация глагола *лихорадить* в текстах НКРЯ, эксперииенциальные глаголы *знобить* и *продуть*, обозначающие смежные физиологические состояния, используются преимущественно как безличные. Интересно, что, согласно имеющимся данным, сначала при глаголе *лихорадить* появляется вариативность в синтаксической позиции экспериенцера, но сохраняется одноместность, а затем, также по образцу семантически близких глаголов, «достраиваются» употребления с подлежащим-стимулом.

В целом представленные данные свидетельствуют о том, что за последние два столетия в русском языке произошло существенное распространение конструкций с безличными переходными глаголами. Во-первых, как показывает Таблица 11, у большинства исследуемых глаголов выросла доля безличных употреблений, что можно рассматривать как свидетельство увеличения текстовой частотности таких конструкций. Во-вторых, при многих из перечисленных эксперииенциальных глаголов доля личных употреблений стала очень незначительной, поэтому можно сказать, что за исследуемый период такие глаголы почти полностью перешли в класс безличных и тем самым этот класс за последние два столетия значительно расширился. В разделе 4.2 эти диахронические изменения будут

обсуждаться подробнее, в частности в контексте сведений о развитии различных безличных конструкций русского языка.

3.3. Выражение стимула с помощью объектной группы

В безличных употреблениях исследуемых глаголов с помощью того или иного косвенного средства иногда выражается участник, с воздействием которого связывается состояние или реакция, описываемые глаголом. Приписывание семантической роли этому участнику может вызывать сложности, которые уже обсуждались в разделе 2.3 в связи с анализом участников, которые занимают позицию подлежащего в личных употреблениях исследуемых глаголов. В данном разделе этот участник в основном будет условно называться стимулом. В примере (112) такой участник выражен группой с предлогом *от*, в (113) он оформлен творительным падежом.

(112) *От электрического света, громкой музыки, запаха пудры и от того, что встречные дамы смотрели на него, его мутило.* [А. П. Чехов. Три года (1895)]

(113) *Седые брови нависли у него на глаза, а глаза у него такие, что, кто в них ни взглянет, того колючим холодом так и проймет.* [Л. А. Чарская. Царевна Льдинка (1912)]

Группы этих двух типов чаще других встречаются при исследуемых глаголах и обычно семантически или даже лексически аналогичны тем участникам, которые выступают в позиции подлежащего в личных употреблениях соответствующих глаголов, ср. (112)–(113) с примерами (114)–(115).

(114) <...> **мутили** голову спертым воздухом, всяческие непривычные запахи, да скрип и шевеленье за стеной, где в хлеву помещалась корова. [Север Гансовский. Винсент Ван Гог // «Химия и жизнь», 1970]

(115) *И теперь помню, что меня в жаркую пору такой холод пронял со страху, что зуб на зуб не попадал <...>.* [О. М. Сомов. Кикимора (1829)]

Другие типы групп, соответствующих подобным участникам, используются реже, регулярно фиксируются при меньшем числе глаголов и / или обладают меньшим сходством с участниками, выступающими в позиции подлежащего. В частности, при отдельных глаголах такие участники могут выражаться группой с предлогом *при* (116), иногда такую функцию можно усмотреть и у других групп с временной семантикой, например с предлогом *после* (117), при глаголе *трясти* в этой функции часто выступают группы с предлогом *в* (118).

(116) *При воспоминании о вынужденном купании в реке всех передернуло.*

[Вячеслав Рыбаков. Вода и кораблики (1992)]

(117) *После обильной еды и не менее обильного чая меня приятно разморило <...>.* [В. Ю. Визе. Из путевых заметок по р. Умбе // Изв. Архангельского общества изучения Русского Севера, 1912]

(118) *Когда свинкой болел, когда его в жару тряслο и мы его кутали?..*

[Андрей Дмитриев. Поворот реки (1995)]

Во всех этих случаях роль стимула или причины совмещена с временным или иным обстоятельственным значением. Только предлог *от* и творительный падеж можно считать специализированными способами выражения стимула или причины экспериенциального состояния. Кроме того, только группы с предлогом *от* и группы в творительном падеже достаточно частотны для того, чтобы можно было проследить некоторые диахронические изменения в их употреблении. Поэтому именно эти два типа косвенных групп будут рассматриваться в этом разделе.

Группа с предлогом *от* (119)–(120), см. также (112) выше, с той или иной регулярностью встречается при большей части исследуемых глаголов.

(119) *Правда, учителей **коробит** от такого унижения, через которое проходят ежедневно все дети.* [С. Л. Рябцева. Дети восьмидесятых (1989)]

(120) *Тогда я решил подразнить моего друга, которого прямо **распирало** от желания все нам рассказать.* [Кир Булычев. Девочка с Земли (1971)]

В рамках системы значений предлога *от* такие примеры следовало бы отнести к зоне выражения причины. При этом существенно, что в существующих описаниях причинного значения этого предлога часто так или иначе отмечается его связь с экспериенциальной сферой, ср. [Мельчук, Иорданская 1995: 175–181; Золотова 2006: 82–83]. Как можно заметить по этим описаниям, важное место в системе употреблений предлога *от* занимают, во-первых, контексты, в которых им оформляется внешняя причина состояния, как в примерах (112) и (119), а во-вторых, случаи, когда при нем выражается обозначение эмоции, которая вызывает определенную поведенческую реакцию или внутреннее состояние, как в примере (120).

Частотность употребления групп с предлогом *от* при исследуемых глаголах представлена в Таблице 12⁷⁷. В ней для четырех выделяемых периодов приведены данные о доле, которую составляют употребления с предлогом *от* среди всех безличных употреблений глагола.

⁷⁷ Группы с предлогом *от* также фиксируются в единичных употреблениях глаголов *лихорадить* и *укачать*, однако эти употребления слишком малочисленны для того, чтобы быть показательными в отношении диахронических изменений.

Таблица 12. Группы с предлогом *от*
в безличных (Б) употреблениях глаголов

Глагол	...–1870		1871–1920		1921–1970		1971–...	
	<i>от</i>		Б		<i>от</i>		Б	
	N	Доля	N	Доля	N	Доля	N	Доля
<i>коробить</i>	6	0.3	22	17	0.4	45	13	0.4
<i>мутить</i>	3	<0.2	19	18	0.3	58	45	0.37
<i>трясти</i>	2	<0.2	11	5	<0.2	33	31	0.26
<i>передернуть</i>	6	0.1	49	9	0.1	90	18	0.19
<i>знобить</i>	1	<0.1	15	2	<0.1	46	12	0.09
<i>распирать</i>	–	–	0	4	0.5	8	16	0.5
<i>разморить</i>	–	–	0	6	0.5	13	5	0.1
<i>колотить</i>	–	–	0	0	*	3	0	0

На основании данных Таблицы 12 можно заключить, что в целом частотность употребления групп с предлогом *от* при рассматриваемых глаголах со временем увеличивается. Статистически значимые изменения обнаруживаются у глаголов *мутить* и *передернуть*, для глагола *знобить* они приближаются к порогу статистической значимости (тест Кохрана-Армитажа, $p \approx 0.03$, $p < 0.001$, $p \approx 0.09$, соответственно). Непрерывное увеличение частотности групп с предлогом *от* наблюдается и при глаголах *коробить* и *распирать*, однако для них различия между периодами не оказались значимыми, возможно, в силу малочисленности их безличных употреблений. На фоне всех этих глаголов показательными также можно считать различия в распределении употреблений глагола *колотить* в двух последних периодах (односторонний вариант точного теста Фишера, $p \approx 0.05$). Глагол *трясти* не демонстрирует непрерывного роста доли употреблений с предлогом *от*, однако в первых двух периодах она несколько ниже, чем в более поздних. Общей закономерности изменений не

соответствует только глагол *разморить*, для которого не прослеживается какого-либо одностороннего пути развития.

Безличные употребления, содержащие группу с предлогом *от*, по числу и семантическим свойствам участников сходны с личными употреблениями соответствующих глаголов. Поэтому можно было бы предположить, что увеличение частотности групп с предлогом *от* в безличных употреблениях имеет «компенсаторный эффект» и связано со снижением частотности личных употреблений: вместо конструкций, в которых стимул выражен в позиции подлежащего, все больше используются конструкции, в которых он выражен с помощью косвенного средства. Несмотря на то что в целом эти два изменения происходят параллельно, индивидуальные сценарии изменения глаголов свидетельствуют против этого предположения. В частности, при глаголе *коробить*, в отличие от остальных глаголов, происходит значимое снижение частотности безличных употреблений, см. раздел 3.2, однако частотность его употребления с предлогом *от* непрерывно, хотя и не очень значительно, возрастает. Между частотностью безличных употреблений и употреблений с предлогом *от* также не наблюдается связи. Так, у глаголов *передернуть* и *знобить* в наиболее ранний из периодов доля безличных употреблений выше, чем у большинства глаголов, см. Таблицу 11 в разделе 3.2, в то время как доля употреблений со стимулом, оформленным предлогом *от*, у этих глаголов сравнительно невелика.

На то, что увеличение частотности группы с предлогом *от* не связано напрямую с распространением безличных употреблений, указывают и изменения, наблюдающиеся при глаголе *тошнить*, который в текстах НКРЯ употребляется только как безличный (121).

(121) *Я был очень болен и насилиу дотащился сегодня в правление; от жестокой качки в возке меня тошили <...>.* [В. И. Даль. Жизнь человека, или Прогулка по Невскому проспекту (1843)]

Таблица 13 показывает, в какой доле употреблений глагола *тошнить* в каждый из периодов при нем присутствует группа с предлогом *от*, обозначающая стимул, как в примере (121).

Таблица 13. Группы с предлогом *от* при глаголе *тошнить*

	Число употреблений с предлогом <i>от</i>	Всего употреблений	Доля употреблений с предлогом <i>от</i>
...–1870	19	25	0.8
1871–1920	58	67	0.9
1921–1970	133	145	0.92
1971–...	317	335	0.95

Как видно из Таблицы 13, у глагола *тошнить*, как и у большинства глаголов, обсуждавшихся выше, со временем увеличивается доля употреблений, содержащих группу с предлогом *от* (различия между периодами статистически значимы, тест Кохрана-Армитажа, $p < 0.001$). Интересно, что во все рассматриваемые периоды группы с предлогом *от* присутствуют в клаузах с глаголом *тошнить* в подавляющем большинстве случаев, — гораздо чаще, чем при глаголах, приведенных в Таблице 12.

Таким образом, можно предположить, что группы с предлогом *от* становятся более частотными по крайней мере в целом в рамках безличных переходных конструкций, и этот процесс не связан напрямую с распространением у глаголов безличных употреблений. Его не удается объяснить и изменениями в семантике глаголов, например сдвигом от описания физиологических состояний к описанию эмоций, чаще требующему указание на стимул. Как было показано в разделе 2.4, не все глаголы претерпевают именно такое изменение значения: в частности, глагол *мутить*, при котором наблюдается значимый рост частотности групп с предлогом *от*, утрачивает способность обозначать эмоциональные состояния и в более поздние периоды описывает прежде всего физиологические ощущения.

Еще реже, чем группы с предлогом *от*, при исследуемых глаголах встречаются соответствующие стимулу группы, оформленные творительным падежом. При этом круг глаголов, которые достаточно часто фиксируются с группами в творительном падеже, лишь частично пересекается с рассмотренными выше глаголами, при которых употребляются группы с предлогом *от*. В частности, только творительным падежом, но не предлогом *от*, может оформляться стимул при глаголах *пронять* (113) и *продуть* (122).

(122) *В вагоне меня укачало, продуло сквозняками, и теперь я сижу на кровати, держусь за голову и жду тис'a.* [А. П. Чехов. Скучная история (1889)]

Таблица 14 показывает количество употреблений с группой в творительном падеже в каждом из периодов для тех глаголов, при которых они в наибольшей степени представлены. Как и в Таблице 12, указывается доля, которую такие употребления составляют среди всех безличных употреблений исследуемых глаголов.

Таблица 14. Группы в творительном падеже
в безличных (Б) употреблениях глаголов

Глагол	...–1870		1871–1920		1921–1970		1971–...	
	Твор.		Б		Твор.		Б	
	N	Доля	N	Доля	N	Доля	N	Доля
<i>пронять</i>	2	0.3	8	2	0.1	17	1	<0.1
<i>продуть</i>	1	0.2	5	7	0.4	18	6	0.3
<i>передернуть</i>	2	<0.1	49	6	<0.1	90	2	0.03
<i>трясти</i>	1	0.01	11	0	0	33	1	0.01
<i>озарить</i>	5	*	6	3	*	8	0	0
<i>осенить</i>	–	–	0	3	0.1	33	1	0.01
<i>разморить</i>	–	–	0	2	0.2	13	1	<0.1

На основании данных Таблицы 14 удается проследить определенную общую закономерность: со временем при приведенных глаголах группы в творительном падеже становятся менее частотными. Несмотря на немногочисленность употреблений с творительным падежом при исследуемых глаголах, можно заметить, что в ранние периоды такие группы хотя бы раз встречаются почти при всех глаголах, даже при сравнительно небольшом числе безличных употреблений. В более поздние же периоды безличных употреблений в целом фиксируется больше, однако число употреблений с группами в творительном падеже не увеличивается пропорционально, т. е. их частотность уменьшается. Статистически значимое сокращение доли употреблений с такими группами наблюдается при глаголах *продуть*, *разморить*, *озарить* и *осенить* (тест Кохрана-Армитажа, $p < 0.03$, $p \approx 0.01$, $p < 0.001$, соответственно), это изменение приближается к порогу статистической значимости при глаголах *пронять* и *передернуть* ($p \approx 0.05$, $p \approx 0.08$, соответственно). При глаголе *трясти* значимых изменений не обнаруживается.

Употребления с безличными переходными глаголами и группой в творительном падеже очень близки к т. н. «стихийной» безличной конструкции (86)–(87), см. о таких конструкциях, в частности, [Guiraud-Weber 1984: 274–302; Mustajoki, Копотев 2005; Schlund 2013]. Как отмечает М. Гиро-Вебер со ссылкой на дальнейший источник, такие конструкции распространяются в русском языке начиная с XVI–XVII вв. [Guiraud-Weber 1984: 285]. Как показывают примеры (123)–(124), они широко представлены и в текстах XVIII в.

(123) *После того на другой день поднялся превеликий ветр, которым корабль Силы-царевича с пути сшибло и занесло в незнамую сторону и прибило к неизвестному крутому берегу. [Сказка о Силе-царевиче и о Ивашке-белой рубашке (1786)]*

(124) *Прежде отъезда моего по случаю бывшей здесь жестокой погоды, которою дом в Москве и одну деревню в близости сожгло и неколико человек убило, случился о причине оного разговор <...>.* [В. Н. Татищев. Письмо И. Д. Шумахеру (1731)]

В этой конструкции подвергающийся воздействию объект занимает позицию прямого дополнения, а оказывающая воздействие сила, или стихия, обычно выражается в виде группы в творительном падеже. Таким образом, в стихийной конструкции наблюдается такое же соотнесение претерпевающего и воздействующего участников с синтаксическими позициями, как в безличных употреблениях приведенных выше экспериментальных глаголов с группой в творительном падеже. Эти два типа конструкций сближает также тяготение к глаголам СВ, которое отмечается для стихийной конструкции в [Guiraud-Weber 1984: 279–280; Mustajoki, Копотев 2005: 12]. Как показывают данные Таблиц 12 и 14, группы в творительном падеже также встречаются в основном при глаголах СВ, группы же с предлогом *от* фиксируются скорее при глаголах НСВ. Наконец, как и стихийной конструкции, безличному употреблению экспериментальных глаголов с группой в творительном падеже могут быть поставлены в соответствие существовавшие параллельно личные употребления с воздействующим участником в позиции подлежащего (ср. *передернуло судорогой* vs. *передернула судорога*), см., впрочем, об ограничениях на преобразование стихийных безличных конструкций в личные в [Guiraud-Weber 1984: 276–278].

В то же время ситуации, которые описываются рассматриваемыми безличными экспериментальными глаголами, находятся за пределами той семантической зоны, с которой обычно соотносится стихийная конструкция. Стихийная конструкция служит прежде всего для описания ситуаций, относящихся к физической сфере: воздействия неодушевленного

участника с ролью стихии или инструмента на какого-либо неодушевленного (123) или одушевленного участника (124). Если ситуация предполагает воздействие на одушевленного участника, то последний выступает скорее в роли пациента, чем в роли экспериенцера, и претерпеваемое им воздействие обычно имеет наблюдаемый эффект. Хотя значение исследуемых безличных глаголов относится в первую очередь к экспериенциальной сфере, выше отмечалось, что в их ранних экспериенциальных употреблениях часто просматривается связь с исходным физическим значением. Можно предположить, что в силу этой связи и по аналогии со стихийной конструкцией в безличных употреблениях экспериенциальных переходных глаголов для оформления стимула также использовался творительный падеж, ср. примеры (125)–(126), однако при дальнейшем развитии значения этих глаголов связь с физической сферой терялась, и группы в творительном падеже стали менее частотными⁷⁸.

(125) — *Его действительно передернуло мелкой дрожью, но тотчас же он заговорил радостно: — Ну, наше дело в шляпе...* [В. Г. Короленко. Братья Мендель (1915)]

(126) *Я вдруг поднял голову. Меня как светом озарило. — Твое имя Илья?* [И. С. Тургенев. Стук... стук... стук! (1870)]

При этом нет оснований считать, что стихийная конструкция послужила основой для развития экспериенциальных употреблений при

⁷⁸ Следует упомянуть, что при глаголе *тошнить* также происходит значимое снижение доли употреблений с группой в творительном падеже (тест Кохрана-Армитажа, $p \approx 0.03$). Тем не менее в данном случае этот глагол не рассматривается наряду с другими безличными, поскольку группа в творительном падеже при нем имеет несколько иную интерпретацию, чем при других безличных глаголах, ср. (i).

(i) *А друг-поэт становился в позу, с минуту сопел, и затем его начинало тошнить стихами.* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Сказки / Орел-меценат (1869–1886)]

Если допустить, что сокращение употреблений с подобными группами при глаголе *тошнить* составляет часть того процесса, который затрагивает другие безличные глаголы, то от объяснения в терминах связи со стихийной конструкцией, по-видимому, следует отказаться.

каком-либо из приведенных в Таблице 14 глаголов: ни у одного из этих глаголов в физическом значении не фиксируется ранних употреблений в стихийной конструкции, и при большинстве из них экспериенциальные употребления содержат группу в творительном падеже менее чем в половине случаев.

Таким образом, для двух наиболее частотных типов косвенных групп, служащих для выражения стимула при безличных переходных глаголах, наблюдаются противоположные изменения. Группы с предлогом *от* со временем становятся более частотными, группы в творительном падеже употребляются все реже. В обоих случаях данные указывают на то, что изменения в частотности выражения стимула с помощью косвенных средств происходит независимо от распространения безличных употреблений. Увеличение частотности групп с предлогом *от* происходит параллельно с общим распространением безличных употреблений, однако эти два изменения оказываются не связанны, если принять во внимание развитие отдельных глаголов. Снижение частотности групп в творительном падеже очевидным образом также свидетельствует против гипотезы о «замещении» номинативного подлежащего косвенными группами.

3.4. Семантическое развитие и распространение безличных употреблений

В предшествующих разделах уже появлялись отдельные наблюдения о том, каким образом сдвиги в значении глаголов диахронически соотносятся с появлением и распространением безличных употреблений. В этом разделе соотношение семантических и синтаксических изменений обсуждается более подробно и систематически, анализируется связь между признаками, характеризующими эти две стороны развития исследуемых глаголов, и обобщаются разрозненные наблюдения, которые делались выше.

Одним из количественных признаков, рассматривавшихся в связи с переходом глаголов из физической в экспериенциальную сферу, была

частотность употреблений, в которых позицию прямого объекта занимает обозначение части тела или «ментальной» части (127)–(128).

(127) *Трудно стало дышать — чад проникал в легкие и мутил сознание.*

[А. С. Новиков-Прибой. Цусима (1932–1935)]

(128) *Грудь распирало от радости за каждое слово, за каждый совет.*

[Д. А. Фурманов. Из дневников (1926)]

В разделе 2.2 было показано, что у тех глаголов, при которых регулярно фиксируется прямое дополнение такого типа, частотность подобных употреблений со временем падает. При анализе этого признака личные и безличные употребления рассматривались вместе. Теперь можно рассмотреть, как семантический тип прямого дополнения соотносится с синтаксическим противопоставлением личных и безличных употреблений. Об отношении между этими двумя признаками можно судить на основании данных Таблицы 15, в которой личные и безличные употребления глаголов в каждом из периодов разделены на две группы по типу участника в позиции прямого дополнения. Доля безличных употреблений выделена в тех случаях, когда между распределениями употреблений с двумя типами прямого дополнения в данном периоде наблюдаются статистически значимые различия (двусторонний тест Фишера, $p < 0.05$).

Таблица 15. Части тела (ЧТ) и личные участники (ЛУ)
в позиции прямого объекта в личных (Л) и безличных (Б) употреблениях

Глагол	Прямой объект	...–1870			1871–1920			1921–1970			1971–...		
		Л	Б	Доля Б	Л	Б	Доля Б	Л	Б	Доля Б	Л	Б	Доля Б
<i>передернуть</i>	ЧТ	7	7	0.5	9	6	0.4	9	3	0.3	4	2	*
	ЛУ	5	42	0.9	2	84	<1	6	101	0.94	3	181	0.98
<i>знобить</i>	ЧТ	5	1	*	9	2	0.2	4	1	*	1	0	*
	ЛУ	3	14	0.8	2	44	<1	5	130	0.96	4	121	0.97
<i>мутить</i>	ЧТ	20	2	0.1	18	1	0.1	17	10	0.4	6	2	*
	ЛУ	7	13	0.7	12	52	0.8	11	107	0.91	4	167	0.98
<i>осенить</i>	ЧТ	6	0	*	22	0	0	3	0	*	0	1	*
	ЛУ	28	0	0	93	34	0.27	133	151	0.53	142	409	0.74
<i>озарить</i>	ЧТ	25	0	0	16	1	0.1	5	0	*	5	0	*
	ЛУ	22	2	0.1	28	9	0.2	31	18	0.4	38	56	0.6
<i>распирать</i>	ЧТ	–	–	–	2	3	*	12	8	0.4	14	9	0.4
	ЛУ	–	–	–	3	5	*	41	22	0.3	101	81	0.45
<i>коробить</i>	ЧТ	4	0	*	4	4	*	5	3	*	7	4	0.4
	ЛУ	14	22	0.6	65	43	0.4	80	27	0.25	132	48	0.27

Таблица 15 показывает, что между типом прямого объекта и синтаксическим типом конструкции существует очень сильная, хотя и не совсем прямолинейная связь. Для ее интерпретации требуется обращение к обобщениям раздела 3.2. Как можно видеть, при первых пяти глаголах Таблицы 15: *передернуть*, *знобить*, *мутить*, *осенить* и *озарить* — во всех периодах безличные употребления чаще встречаются, когда позицию прямого дополнения занимает личный участник, а не часть тела. Это те глаголы, которые демонстрируют значимое увеличение доли безличных употреблений с течением времени, см. данные Таблицы 11 в разделе 3.2. При глаголе *распирать* во всех периодах безличные употребления составляют примерно одинаковую долю при обоих типах прямого дополнения. Значимого изменения доли безличных употреблений при этом глаголе также не наблюдается. Наконец, при глаголе *коробить* в большинстве периодов доля безличных употреблений выше в том подмножестве, где позицию прямого дополнения занимает обозначение части тела. Именно при этом глаголе со временем происходит значимое снижение доли безличных употреблений.

Если считать, что тип прямого дополнения отражает изменения в семантике глагола, можно заключить, что употребления, имеющие более «архаичные» черты в семантическом отношении, чаще относятся к уходящему синтаксическому типу, а тип употреблений, более отдалившись от исходного физического значения в семантическом отношении, чаще соответствует распространяющемуся синтаксическому типу употреблений. У большинства глаголов происходит распространение безличных употреблений, однако та же закономерность наблюдается и при глаголе *коробить*, у которого со временем растет частотность личных употреблений. Иными словами, важным оказывается то, какая из синтаксических конструкций распространяется, а какая — отступает, и личные и безличные употребления могут соотноситься в этом отношении по-разному. Также интересно, что эта закономерность прослеживается на протяжении всего рассматриваемого отрезка — даже в текстах последних периодов,

когда у многих глаголов уже потеряна связь с исходным значением, ср. распределения для глаголов *мутить* или *передернуть*.

Подобное отношение между семантическими и синтаксическими изменениями глаголов уже описывалось в данной главе при обсуждении семантического развития глаголов. Первым примером этой закономерности было развитие глаголов *трясти* и *колотить*, которое рассматривалось в разделе 2.3. В личных эксприенциальных употреблениях эти глаголы в основном описывают физиологическое состояние эксприенцера, вызванное холодом или болезнью (129), и лишь в единичных случаях подлежащее соответствует стимулу эмоционального состояния (130). Среди безличных же употреблений с самого раннего периода наблюдается преобладание ситуаций эмоциональной сферы (131), и со временем они составляют все более значительную долю, см. данные Таблиц 7 и 8 в разделе 2.3.

(129) *Не отвечал еще на прежнее, потому что был не в силах: меня трясла лихорадка.* [А. О. Корнилович. Письмо М. О. Корниловичу (1833)]

(130) *Ее тряслася раскаянье; она сказала сломанным голосом: <...>.*
[Л. М. Леонов. Скутаревский (1930–1932)]

(131) *Его тряслася от злости, и глаза сделались красными.* [Ф. М. Решетников.
Где лучше? (1868)]

Тем самым инновативные в синтаксическом отношении безличные употребления демонстрируют более выраженный семантический сдвиг в сторону более поздних в семантическом отношении употреблений эмоциональной сферы, чем синтаксически исходные личные употребления.

Как упоминалось в разделе 3.2, эта закономерность действует и в истории развития глаголов *продуть*, *укачать* и *разморить*, однако в этих случаях она осложнена тем, что наблюдается не в рамках развития одной лексемы, а двух родственных лексем, различающихся аспектуальными характеристиками. Диахронические отношения между этими глаголами СВ и родственными им глаголами НСВ *продувать*, *качать* и *морить* обсуждались в разделе 2.4. Было

показано, что условия для сдвига от физической сферы в экспериенциальную появляются в контекстах с названными глаголами НСВ, а у глаголов СВ следов этого сдвига не прослеживается: они резко вовлекаются в экспериенциальную сферу для обозначения изменения состояния экспериенциера и затем становятся основным способом описания соответствующего экспериенциального значения. Безличные употребления фиксируются уже у глаголов НСВ *продувать, качать* и *морить*, см. примеры в разделе 3.2, однако при глаголах СВ *продуть, качать* и *разморить* они оказываются гораздо более распространенными. В Таблице 16 приведено соотношение личных и безличных употреблений глаголов двух пар: *продувать и продуть, морить и разморить* — в текстах НКРЯ, созданных до 1920 г. Из личных употреблений учитывались только такие, в которых описывается экспериенциальное воздействие неодушевленного участника на одушевленного (132)–(133). Глагол *качать* не употребляется с личным участником в позиции прямого дополнения, поэтому он в данном случае не рассматривается.

(132) *Сильный ветер продувал нас насквозь. Дождь и снег — эти мокрые братья — страшно били в наши физиономии.* [А. П. Чехов. Тысяча одна страсть, или Страшная ночь (1880)]

(133) *Но глаза слипались все больше и больше, буквы прыгали в них, и сон морил <...>.* [Г. В. Аммосов. Дневник (1900)]

Таблица 16. Личные и безличные экспериенциальные употребления глаголов *продувать и продуть, морить и разморить*

Глагол	Личные употребления	Безличные употребления	Доля безличных употреблений
<i>продувать</i>	16	7	0.3
<i>продуть</i>	2	23	0.9
<i>морить</i>	11	5	0.3
<i>разморить</i>	4	13	0.8

Как показывает Таблица 16, в обеих парах наблюдается одно и то же различие между глаголами: при глаголах НСВ *продувать* и *морить* безличные употребления составляют существенно меньшую долю, чем при глаголах СВ *продуть* и *разморить* (в обоих случаях различие статистически значимо, критерий χ^2 , $p < 0.001$, $p \approx 0.02$, соответственно). Таким образом, и в этих парах глаголов продвижение по пути семантического развития сопровождается сдвигом к более позднему диахронически безличному употреблению.

Итак, все эти случаи показывают, что между семантическими и синтаксическими изменениями исследуемых глаголов существует связь. Противопоставленные синтаксические конструкции: личная и безличная — не равномерно представлены среди разных семантических типов употребления, а распределены в соответствии со следующей закономерностью: распространяющаяся синтаксическая конструкция составляет большую долю среди употреблений распространяющегося семантического типа. При большинстве исследуемых глаголов эта закономерность проявляется в том, что безличная конструкция чаще используется в употреблениях, которые в целом можно считать более абстрактными: описывающих воздействие на личного участника, а не на часть тела; эмоциональное, а не физическое состояние; ситуации физического воздействия, а не экспериенциальные ситуации. Однако не во всех случаях наблюдается такое соотношение: у глагола *коробить* распространяются употребления эмоциональной сферы и личные конструкции, у глагола *мутить* распространяются употребления в физиологическом значении и безличные употребления.

Еще один аспект соотношения семантических и синтаксических изменений, который уже затрагивался в предшествующих разделах, связан с тем, на каком этапе семантического развития исследуемых глаголов возникают безличные употребления. В разделе 2.1 высказывалось предположение, что у большинства глаголов основой для развития экспериенциального значения служат такие употребления, в которых глагол описывает физическое взаимодействие между двумя неодушевленными участниками, как в примерах (134)–(135).

(134) *Приятный блеск тонкого огня озарил весь сад, в котором уже никто не смотрел на тысячи разбросанных плошек.* [И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни <...> / Часть 4 / 1799–1806 (1788–1822)]

(135) <...> *сильные вихри устремились на запад, на восток, на север и на юг, рвали волны в части и мутили воздух* <...> [М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки (1766–1768)]

Теперь можно рассмотреть, развитие каких из исследуемых глаголов согласуется с этим предположением и как соотносятся противопоставления физического и экспериенциального значений, с одной стороны, и личных и безличных употреблений, с другой.

В качестве канонического в предшествующих разделах принимался определенный сценарий развития, который уже обсуждался в разделе 2.3. В соответствии с этим сценарием, в физическом значении глагол используется только в личной конструкции и описывает взаимодействие между неодушевленными участниками, как в примерах (134)–(135), затем в рамках личных употреблений происходит сдвиг в экспериенциальную сферу, значение глагола сужается до некоторого компактного круга экспериенциальных ситуаций, и распространяются безличные употребления, в которых глагол может выступать только в этом значении. Этому сценарию действительно соответствуют изменения части исследуемых глаголов: глаголов *осенить*, *озарить* и *мутить*, обсуждавшихся в разделе 2.3, а также, с некоторыми оговорками, глагола *знобить* (136)–(137).

У глагола *знобить* в НКРЯ встречаются единичные употребления с двумя неодушевленными участниками (136), которые, по-видимому, послужили основой для переноса в экспериенциальную сферу.

(136) *Термометр показывает, что вода от распущенной в ней соли холонет, а селитра и нашатырь сильнее знобит воду, нежели простая соль <...>.*
[М. В. Ломоносов. Волфянская экспериментальная физика, с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная (1745)]

Подлежащие, зафиксированные в личных употреблениях этого глагола (137), сравнительно разнообразны лексически, однако семантически однородны: помимо существительных *холод* и *прохлада*, фиксируются обозначения источников холода, таких как *мороз*, *снег*, *зима*, *ветер*.

(137) *Я уже сижу не в Раю, но против Рая; я вижу, как то там зеленеющий сад тихим и прохладным продувается ветром, да только тая прохлада мои знобит кости, мое студит сердце.* [архиепископ Платон (Левшин). Нравоучение третие (1757)]

Тем самым значение этого глагола не претерпевает существенных семантических сдвигов при переходе от физической сферы в эксперименциальную и при дальнейшем развитии. Поэтому он не рассматривался в разделе 2.3, посвященном специализации эксперименциального значения. Тем не менее у этого глагола, как и у глаголов *осенить*, *озарить* и *мутить*, безличные употребления появляются, по-видимому, уже после перехода в эксперименциальную сферу в условиях высокой заданности семантического класса подлежащего.

Во вторую группу с точки зрения типа соотношение семантических и синтаксических изменений можно выделить глаголы *коробить*, *распирать*, *продуть* и *укачать*. Последние два глагола в данном случае будут рассматриваться совместно с глаголами НСВ *продувать* и *качать*, так как в каждой из этих пар глагол НСВ и глагол СВ составляют два этапа единого развития, см. подробнее раздел 2.4. Глаголы этой группы в физическом значении были способны описывать ситуации с двумя неодушевленными участниками, однако, в отличие от глаголов предыдущей группы, уже в физическом значении

у них фиксируются как личные, так и безличные употребления⁷⁹ (138)–(139), см. примеры безличных употреблений глаголов *продувать* и *качать* в физическом значении в разделе 3.2.

(138) *От жару столовые доски коробят.* [Словарь Академии Российской (1789–1794); СРЯ XVIII, вып. 10: 178]

(139) *И чтобы дны у бочек были внутрь погнуты, дабы водою бочек нероспирало.* [Регламент адмиралтейства и верфи (1722); Картотека СРЯ XVIII]

В экспериенциальном употреблении у всех глаголов этой группы также фиксируются как личные, так и безличные употребления. По-видимому, следует считать, что эти глаголы при сдвиге в экспериенциальную сферу унаследовали ту вариативность способа синтаксического выражения ситуации, которая была свойственна употреблениям в физическом значении. Интересно, что в дальнейшем ни у одного глагола этой группы не происходило существенного увеличения частотности безличных употреблений, а у глагола *коробить* наблюдается даже распространение личных употреблений. Возможно, это связано именно с тем, что возникновение безличных употреблений у этих глаголов происходило за рамками экспериенциального значения.

Еще одна группа включает глаголы *передернуть*, *колотить*, *пронять* и *морить* — *разморить* (об отношении между глаголами *морить* и *разморить* см. в разделе 2.4). Их ключевое отличие от глаголов предыдущих двух групп заключается в том, что в физическом значении они имеют преимущественно агентивные употребления, как в примерах (140)–(141), и не использовались для описания ситуаций с двумя неодушевленными участниками.

(140) *Огурец запахнул свой дырявый балахон, передернул плечами, губами, бородкой...* [И. С. Тургенев. Бригадир (1847–1852)]

⁷⁹ Нельзя полностью исключать, что и глаголы первой группы уже в физическом значении были способны употребляться в безличной стихийной конструкции (так, не кажутся невозможными примеры типа *воду мутило ветром*). Однако то, что такие употребления не засвидетельствованы в НКРЯ и [СРЯ XVIII], позволяет предположить, что если они и были возможны, то были не частотны.

(141) *Итак, подъехав, велел драгунам слезть с коней и, заворотя кафтан, сечь его плетьми. Драгуны начали; цыган молчал. Но как проняли его гораздо, он говорил сперва: «Пане капрале, чутъ ли я не жив».* [«О цыгане» (1780–1783)]

У этих глаголов переход в экспериенциальную сферу, по-видимому, происходит непосредственно от агентивных употреблений: вместо одушевленного участника с ролью агента в экспериенциальных употреблениях в позиции подлежащего выступают неодушевленные участники с ролью стимула (142)–(143).

(142) *Только чутъ заметное судорожное движение **передернуло** его спокойные брови.* [В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Ч. 4 (1864)]

(143) *Сильный озноб **пронял** насквозь мои кости.* [В. Т. Нарежный. Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова (1814)]

Безличные употребления у глаголов этой группы появляются уже после сдвига в экспериенциальную сферу, и у всех глаголов, кроме *разморить*, со временем становятся все более частотными.

Итак, на основании этого обсуждения соотношения семантического развития и синтаксических изменений можно сделать следующее обобщение. Большинство исследуемых глаголов в физическом значении использовалось для описания ситуаций воздействия одного неодушевленного участника на другого, и именно это употребление предположительно служило основой для возникновения экспериенциального значения. В то же время переход непосредственно от агентивных к экспериенциальным употреблениям также наблюдается у ряда глаголов. Возникновение безличных употреблений может по-разному соотноситься с переходом в экспериенциальную сферу. У большей части глаголов безличные употребления появляются только в рамках экспериенциальных употреблений, однако у нескольких глаголов безличные употребления встречаются уже в физическом значении, при описании ситуаций с двумя неодушевленными участниками. Видимо, существует связь между ростом частотности безличных употреблений и этапом их появления. Начнем

с того, что увеличение частотности не происходит в тех случаях, когда в ходе экспериенциального развития происходит аспектуальный сдвиг, т. е. в случае глаголов *продуть*, *укачать* и *разморить*, или когда безличные употребления возникают еще в рамках употреблений в физическом значении — при глаголах *коробить* и *распирать*. Иными словами, значимый рост доли безличных употреблений наблюдается только в рамках непрерывного лексико-семантического развития, как у глаголов *осенить*, *озарить*, *мутить*, *знобить*, *передернуть*, *пронять*, *колотить*. На данном этапе этот вывод имеет статус эмпирического обобщения изменений, происходящих в рамках конкретного множества глаголов, и вопрос о том, насколько это обобщение отражает общие закономерности развития экспериенциальных переходных глаголов, требует проверки на более обширном материале.

3.5. Синтаксическая эволюция безличных переходных глаголов

В предшествующих разделах этой главы неоднократно рассматривался вопрос о связи между изменениями в семантике и сочетаемости глагола и появлением у него безличных употреблений, см. прежде всего разделы 2.3 и 3.4. На основании типологических исследований была сформулирована гипотеза, согласно которой безличные употребления появляются в условиях высокой предсказуемости, выводимости подлежащего из значения глагола. Как показывают диахронические данные, с таким сценарием согласуется развитие лишь части исследуемых глаголов, и даже эти случаи требуют некоторых оговорок. В этом разделе будет продолжено обсуждение сценариев возникновения безличных употреблений, однако на этот раз в центре внимания будет находиться синтаксическая сторона перехода от личных употреблений к безличным.

Согласно уже упоминавшимся выше типологическим работам [Creissels 2008; 2018: 97–99; Malchukov, Ogawa 2011: 46–50], первый этап сдвига от личных употреблений к безличным заключается в том, что при глаголе происходит эллипсис подлежащего, соответствующего неопределенному неодушевленному участнику. Обсуждая примеры с русским глаголом *трясти*, приведенные в (144)–(146), авторы указанных работ предлагают считать, что

сначала появляются употребления типа (145) с интерпретацией ‘Нечто трясет меня’, т. е. в них присутствует подразумеваемое подлежащее⁸⁰. Предполагается, что в дальнейшем это подразумеваемое подлежащее в таких употреблениях утрачивается и становятся возможными употребления типа (146), в которых такое подлежащее не может подразумеваться, поскольку оно выражено с помощью косвенной группы с предлогом *от*.

(144) *Меня трясет* лихорадка.

(145) *Меня трясет*.

(146) *Меня трясет от* лихорадки.

Сходным образом в статье [Malchukov, Ogawa 2011: 45–46] описывается гипотетический сценарий развития стихийной конструкции, двум различным стадиям которого соответствуют примеры (147)–(148), взятые из указанной работы.

(147) *Дорогу занесло Ø_A снегом*_{Instr.}

(148) *Дорогу занесло снегом*_A.

Этот анализ предполагает, что на первой стадии, представленной в (147), конструкция содержит подразумеваемое подлежащее, а группа в творительном падеже интерпретируется как инструментальное дополнение (ср. пример (147) и *Ветер занес дорогу снегом*). Впоследствии подразумеваемое подлежащее утрачивается, а группа в творительном падеже приобретает интерпретацию той силы, которая воздействует на участника в позиции прямого дополнения.

Итак, ключевым моментом предлагаемого сценария является синтаксический сдвиг, заключающийся в утрате подразумеваемого подлежащего. Напрямую судить о том, происходит ли такой сдвиг при переходе от личных к безличным употреблениям, невозможно, поскольку он не наблюдаем. Даже при синхронном анализе безличных конструкций вопрос о необходимости

⁸⁰ Согласно обзору, представленному в статье [Шелякин 2009], такой путь развития безличных конструкций предлагался и в ряде классических работ по русской грамматике, см. также [Галкина-Федорук 2012: 147–148].

постулировать подразумеваемое подлежащее, соответствующее неопределенной силе, или стихии, может решаться по-разному в зависимости от теоретических убеждений исследователя. Еще большую трудность представляют данные предшествующих столетий, которые могут не соответствовать языковой интуиции современных носителей. Тем не менее состоятельность изложенного сценария может быть проверена путем обращения к тем аспектам употребления глаголов, которые могут служить косвенными свидетельствами в пользу или против анализа, предполагающего утрату подразумеваемого подлежащего.

Как говорилось выше, одним из индикаторов того, что при глаголе отсутствует подразумеваемое подлежащее, предлагается считать возможность его употребления с косвенной группой с предлогом *от*, как в примере (146) выше. Этот способ выражения участника с ролью стимула или причины ситуации при исследуемых глаголах обсуждался в разделе 3.3. Было показано, что при тех глаголах, которые достаточно часто используются с такой группой, в основном происходит значимый рост частотности таких употреблений. В то же время при анализе развития отдельных глаголов не обнаруживается связи между частотностью безличных употреблений и их распространением и частотностью употреблений с группами с предлогом *от*. Иными словами, данные не подтверждают предположения о том, что группа с предлогом *от* замещает номинативное подлежащее. Кроме того, ни у одного из глаголов в явном виде не наблюдается такой стадии, когда безличные употребления уже были бы распространены, но не встречалось бы употреблений с группой с предлогом *от*, ср. примеры (149)–(150), относящиеся к одним из первых безличных употреблений соответствующих глаголов в НКРЯ.

(149) *<...> от одной мысли про шабаш мутило у меня на душе.* [О. М. Сомов. Киевские ведьмы (1833)]

(150) *Да хоть бы польза какая была, а то от водки-то только коробит его да жжет...* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Невинные рассказы / Запутанное дело (1848–1863)]

В разделе 3.3 как возможный аналог подлежащего, по крайней мере в семантическом отношении, также рассматривались группы в творительном падеже (151)–(152). Было показано, что в диахроническом отношении их частотность также не связана с распространением безличных употреблений, поскольку со временем такие группы используются все реже.

(151) *Его, казалось, продуло всего этим холодным, пронизывающим ветром.*

[М. В. Барро. Эмиль Золя. Его жизнь и литературная деятельность (1895)]

(152) *Меня так и проняло страхом.* [Н. В. Гоголь. Ревизор (1836)]

Анализ стихийной конструкции в примерах (147)–(148) предполагает, что на определенном этапе развития группа в творительном падеже интерпретируется как инструментальное дополнение при подразумеваемом подлежащем, соответствующем неопределенной силе. Для употреблений экспериенциальных глаголов, подобных приведенным в примерах (151)–(152), такой анализ представляется неоправданным. Во-первых, такие группы в творительном падеже и семантически, и лексически совпадают с группами, которые в тот же период используются при этих глаголах в позиции подлежащего. Считать, что в ходе диахронического развития это подлежащее смещается в позицию инструментального дополнения, но на его месте находится другое подразумеваемое подлежащее, кажется избыточным. Во-вторых, в разделе 3.3 упоминалось сходство таких употреблений со стихийной конструкцией, которая в XVIII в. уже широко распространена. Естественно предположить, что безличные употребления экспериенциальных глаголов типа (151)–(152) и стихийная безличная конструкция имеют одинаковое синтаксическое устройство, а не существуют изолированно. Тогда скорее следует считать, что подразумеваемое подлежащее в обоих случаях отсутствует, ср. пример (153), который предполагает синтаксический параллелизм стихийной конструкции и клаузы с экспериенциальным глаголом, а также критический разбор анализа, предполагающего в таких конструкциях нулевое подлежащее, в статье [Дымарский 2015: 52–55].

(153) *И она вышла из своей берлоги, но чуть показалась только за дверку, как вдруг ее **охватило** холодным порывом ветра и снова всю **проняло** до самых костей.* [В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Ч. 5 (1867)]

Как кажется, в изложенном выше сценарии, по крайней мере применительно к явлениям русского языка, недостаточно внимания уделено связи между разными семантически близкими безличными глаголами, а также между безличными переходными эксперииенциальными глаголами и стихийной конструкцией.

Прежде всего, можно вспомнить, что у части рассматриваемых глаголов уже в физическом значении фиксируются безличные употребления, которые можно рассматривать как примеры стихийной конструкции, ср. (154)–(155).

(154) — *Потом, что земля очень сыра и что от этого полы начало уже коробить.* [А. Ф. Писемский. Люди сороковых годов (1869)]

(155) *Как прошла она, так весь наш тракт как ветром **продуло** — нет голытьбы ни единой души!* [Г. И. Успенский. На минутку (1888)]

Поскольку эксперииенциальное значение этих глаголов развивалось на основе физического, безличные употребления, хотя и с некоторыми сдвигами, унаследованы при переходе глаголов из одной семантической зоны в другую, см. подробнее в разделе 3.4. Развитие этих глаголов, как и употребления с группами в творительном падеже, сближают безличные употребления эксперииенциальных переходных глаголов и стихийную конструкцию, относящуюся к физической сфере. Эти наблюдения показывают, что нет непроходимой границы между безличными глаголами, у которых безличность является словарным свойством, и безличной стихийной конструкцией, в которой может употребляться широкий круг переходных глаголов.

О том, что безличность как словарная характеристика лексемы в дискретном виде описывает то свойство, которое соответствует большей или меньшей доле безличных употреблений, свидетельствует и анализ соотношения личных и безличных употреблений, представленный в разделе 3.2. В данном

исследовании в центре внимания были такие глаголы, которые в большой степени проявляют склонность к безличному употреблению (ср., впрочем, глаголы *коробить* и *распирать*), однако в целом очень многие глаголы более или менее легко и часто используются как безличные для описания экспериенциальных состояний, ср. примеры (156)–(157), относящиеся к разным временными периодам; высокая продуктивность безличных предложений, описывающих физиологические ощущения, отмечается в [Галкина-Федорук 2012: 142–144]. Проблема противопоставления грамматики и словаря на материале безличных конструкций русского языка обсуждается в статье [Циммерлинг 2018].

(156) *Видали ль вы умилиительную картину, когда юноша сидит среди старух, припоминающих за всю свою многострадальную жизнь, как их **стреляло, кололо, тошило, тянуло, ломало** и коробило, и когда юноша того только и смотрит, как бы вырваться из кружка старух?* [Н. Г. Помяловский. Молотов (1861)]

(157) *И теперь, здесь, отрезанный от мира, Хорек вдруг испытал безумный стыд, боль, страх за содеянное, здесь и теперь, сейчас только и проняло его, и **донимало, и мучило, терзало** неотступно и неотвратимо.* [Петр Алешковский. Жизнеописание Хорька (1990–1993)]

Отталкиваясь от этих наблюдений, можно предложить другой анализ сдвига исследуемых экспериенциальных глаголов от личных употреблений к безличным. Этот анализ заключается в том, что безличные употребления рассматриваются как реализации некоторого синтаксического шаблона или особой конструкции, которая обладает набором фиксированных формальных признаков и, взаимодействуя со значением употребленного в ней глагола, получает определенную интерпретацию⁸¹. Такое представление о механизмах синтаксического выражения участников ситуаций созвучно, в частности, т. н. конструкционным

⁸¹ Сходный анализ «безличных употреблений личных глаголов» предлагается А. М. Пешковским: «часто само безличное значение глагола зависит от строения того предложения, в котором он является сказуемым. Это бывает во всех тех случаях, когда личный глагол употреблен в смысле безличного, а таких случаев в языке гораздо больше, чем случаев с собственно безличными глаголами» [2001: 352–353], ср. примеры (156)–(157).

подходам к синтаксису, см. [Goldberg 1995; Рахилина 2010]. Тот сдвиг, который наблюдается у исследуемых глаголов, при таком подходе следует рассматривать как процесс распространения безличной переходной конструкции от ситуаций физической сферы в экспериенциальную сферу. Со временем эта конструкция распространяется на все большее число глаголов. Рост класса безличных глаголов способствует тому, что они становятся все более мощным источником аналогического влияния, что также способствует распространению безличной конструкции на новые глаголы⁸². Примером такого аналогического влияния может служить глагол *лихорадить*, который изначально использовался как глагол с подлежащим-экспериенцером (158), как было показано в разделе 3.2.

(158) *Меня пригласили к больному ребенку; он лихорадил, никаких определенных жалоб и симптомов не было, приходилось подождать выяснения болезни.*
[В. В. Вересаев. Записки врача (1895–1900)]

Сдвиг от структуры с эллипсисом подлежащего к безличной конструкции, в которой такое подлежащее не подразумевается, представляется более вероятным механизмом возникновения безличной конструкции как грамматической возможности в рамках синтаксической системы языка в целом, а не в истории развития отдельных глаголов в условии существования такой возможности. Анализ, предполагающий распространение безличной конструкции как синтаксического шаблона, уже существующего в языке, отражает то, что наблюдаемые сдвиги не происходят изолированно в употреблении отдельных глаголов, но укладываются в общую тенденцию увеличения частотности и лексического охвата безличных употреблений. С этим анализом согласуется и то, что безличные употребления фиксируются у глаголов на разных этапах семантического развития и в разной степени могут быть объяснены предсказуемостью подлежащего, однако со временем они складываются

⁸² Как было показано в книге [Barðdal 2008], посвященной продуктивности способов оформления участников в исландском языке, вероятность аналогического распространения способа кодирования тем выше, чем более многочисленной, с одной стороны, и семантически компактной, с другой стороны, является группа глаголов, демонстрирующая данный способ кодирования.

в сравнительно однородный в синтаксическом и семантическом отношении класс. Конструкционный анализ безличных употреблений не противоречит тому, чтобы говорить о безличности как о свойстве отдельных глаголов и о безличных переходных глаголах как об определенном синтаксическом классе: к этому классу можно отнести те глаголы, которые всегда или в существенной доле случаев употребляются в безличной конструкции.

Прежде чем подвести итоги этого исследования, рассмотрим изменения в употреблении глаголов, которые обсуждались в этой главе, на фоне сведений о функционировании других безличных конструкций в русском языке последних столетий.

4. Обсуждение

4.1. Семантическое развитие исследуемых глаголов и переходы в эксперииенциальной сфере

Одна из двух основных задач данного исследования заключалась в том, чтобы выявить сдвиги в семантическом развитии исследуемых глаголов, произошедшие в течение последних трех столетий. Обнаружилось, что на материале текстов XVIII–XIX в. для всех исследуемых глаголов можно установить физическое значение, послужившее основой для перехода в эксперииенциальную сферу. При этом у некоторых глаголов, например *знобить* и *пронять*, эксперииенциальные употребления преобладают над физическими уже в наиболее ранних из засвидетельствованных употреблений, у некоторых других, например *осенить* и *распирать*, развитие эксперииенциального значения происходит в рамках временного отрезка, охватываемого исследованием.

Почти у всех глаголов и после перехода в эксперииенциальную сферу значение продолжает претерпевать изменения, сдвигаясь от одного типа эксперииенциальных ситуаций к другому. Эти изменения можно сопоставить с обобщением направления семантических сдвигов в эксперииенциальной сфере, обсуждаемых в работе [Кустова 2004: 420]. Согласно этому обобщению, для эксперииенциальной сферы типичны такие семантические сдвиги, в ходе которых

происходит продвижение «вверх по иерархии внутренних систем человека: от более “низких” к более “высоким”» [Там же]. Этой иерархии, в частности, соответствует сдвиг от физиологических ощущений к описанию эмоций и от эмоций — к описанию оценки факта, демонстрируемый в указанной работе на примере предикативов *больно, страшно* и др. Как можно судить на основании предшествующих разделов, сдвиги в значении исследуемых глаголов также в основном согласуются с этой иерархией. Наиболее широко представлен сдвиг от физиологических к эмоциональным ситуациям. Такой сдвиг в более или менее полной форме наблюдается у глаголов *колотить, коробить, пронять, передернуть, распирать и трясти*. Глаголы *осенить и озарить* на ранних этапах используются для ситуаций как эмоциональной, так и ментальной сферы, но затем закрепляются как ментальные глаголы, что также соответствует указанной иерархии. Единственное явное исключение из нее составляет глагол *мутить*: в его ранних экспериенциальных употреблениях описываются эмоциональные состояния или физиологические ощущения, и часто эти сферы совмещаются, впоследствии же сохраняется только употребление в физиологическом значении. Наконец, остальные глаголы в результате перехода из физической сферы в экспериенциальную приобретают способность описывать физиологические ощущения и до сих пор употребляются в этом значении. Развитие такого типа наблюдается у глаголов *знобить, продуть, разморить*. Можно заметить, что эта иерархия отражает и степень конкретности и наблюдаемости ситуаций: наиболее объективными и наблюдаемыми являются физиологические ощущения, в несколько меньшей степени — эмоции, ментальные процессы в наименьшей степени поддаются наблюдению.

Иерархия внутренних систем человека, которая обсуждается Г. И. Кустовой в связи с закономерностями семантических сдвигов в экспериенциальной сфере, с точки зрения порядка расположения семантических зон очень близка к иерархии глагольных классов, которая находилась в центре внимания в главе 1. Применительно к экспериенциальным глаголам, иерархия глагольных классов призвана описать и предсказать склонность к отклонениям от синтаксического

кодирования экспериенцера как агента, а стимула — как пациента, объясняя эти отклонения степенью проявления семантических свойств агента и пациента у этих двух участников. Предполагается, что агентивность экспериенцера и, соответственно, вероятность его кодирования в позиции подлежащего переходного глагола выше всего при глаголах восприятия, несколько ниже при глаголах мышления, еще ниже при глаголах эмоций и ниже всего — при глаголах физиологических ощущений. В контексте этой иерархии могут быть интерпретированы и результаты исследования безличных переходных глаголов, изложенные в этой главе. Синтаксически безличные переходные глаголы предполагают кодирование единственного обязательного участника ситуации в позиции прямого дополнения. Такое кодирование можно считать свидетельством выраженных пациентивных свойств экспериенцера и крайне низкой степени агентивности. Глаголы, при которых распространено такое кодирование, с точки зрения семантических классов распределены следующим образом. Глаголы *знобить*, *лихорадить*, *мутить* и *разморить* обозначают физиологические ощущения. Глаголы *трясти* и *колотить* используются для описания физиологических ощущений и эмоциональных состояний. Глаголы *коробить*, *передернуть*, *пронять* и *распирать* относятся к эмоциональной сфере. Глаголы *осенить* и *озарить* принадлежат к группе ментальных глаголов. Таким образом, основная часть безличных переходных глаголов сосредоточена в семантических зонах физиологических ощущений и эмоций. При этом у глагола *коробить*, описывающего эмоциональные состояния, безличные употребления со временем становятся менее частотными. Распространение личных употреблений сближает глагол *коробить* с многочисленными переходными глаголами эмоций с подлежащим-стимулом. Глаголы мышления *осенить* и *озарить* подчеркивают неконтролируемость и неожиданность получения информации экспериенцером, т. е. его неагентивные свойства. Тем самым распределение глаголов на группы и их семантические свойства согласуются с иерархией глагольных классов: среди глаголов, синтаксическое устройство которых указывает на низкую агентивность экспериенцера, обнаруживаются

прежде всего глаголы физиологических ощущений и эмоций и в меньшей мере — глаголы мышления, а глаголы восприятия среди них отсутствуют.

Может возникнуть вопрос о том, почему безличные переходные глаголы почти не обсуждались при анализе синтаксических свойств групп экспериенциальных глаголов в главе 1. Это связано с тем, что большинство из них до сих пор употребляются в физическом значении, которое и считается для них первым. В рамках семантической разметки НКРЯ экспериенциальное значение отмечено как первое только для глаголов физиологических ощущений *знобить, тошнить* и *першить*, а также их приставочных дериватов. В свете диахронических данных такой анализ соответствует тому, что для большинства исследуемых глаголов развитие экспериенциального значения произошло в относительно неглубоком прошлом. Тем самым и становление и расширение класса безличных переходных экспериенциальных глаголов в русском языке оказывается сравнительно недавним процессом. Подробнее диахронический контекст, в котором происходило изменение синтаксических свойств исследуемых глаголов, обсуждается в разделе 4.2.

4.2. Безличные переходные глаголы и безличные конструкции русского языка в диахронической перспективе

Как было показано во второй части данной главы, у большинства исследуемых глаголов за последние несколько столетий произошел существенный рост частотности безличных употреблений. В частности, в текстах XVIII–XIX вв. личные употребления регулярно фиксируются у экспериенциальных глаголов *знобить* и *мутить*, которые затем почти полностью утратили способность использоваться как личные. В основном за рамками исследования до сих пор оставался вопрос о том, существуют ли такие экспериенциальные глаголы, которые последовательно употреблялись как безличные переходные уже в начале рассматриваемого временного периода и, соответственно, появились раньше, чем глаголы исследуемого множества.

Существует по крайней мере два глагола, которые следует рассмотреть в связи с этим вопросом: глагол *тошнить* (159), уже упоминавшийся

в разделе 3.3, а также глаголы *вырвать* и *рвать* (160)–(161), обозначающие близкую ситуацию физиологической сферы.

(159) *Я был очень болен и насилиу дотащилсѧ сего дня в правление; от жестокой качки в возке меня тошилио <...>* [В. И. Даль. Жизнь человека, или Прогулка по Невскому проспекту (1843)]

(160) *Вырвало Великого Князя всем почти севодниним обедом.* [С. А. Порошин. Семена Порошина записки, служащие к истории Его Императорского Высочества Благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича [Извлечения] (1764–1765)]

(161) *Нѣкоторые изъ Агличанъ почувствовали слабость и тошноту, другихъ стало рвать и нести съ рѣзомъ въ животъ; а что всего страннѣе, у лошадей вздымались гривы!* [М. И. Веревкин. Исторія о странствіяхъ вообще по всѣмъ краямъ земнаго круга. Ч. 1. [перевод Прево и Лагарпа] (1782)]

В текстах НКРЯ эти глаголы используются только как безличные, и таких употреблений, которые позволили бы проследить путь их возникновения, не обнаруживается. Тем не менее в отдельных примерах можно увидеть признаки того, что и эти глаголы за последние три столетия претерпели некоторые изменения.

Глагол *тошнить* встречается в текстах НКРЯ начиная с 1820-х гг., однако ряд его употреблений фиксируется в Картотеке Словаря русского языка XVIII века. Наиболее ранние употребления этого глагола обладают двумя особенностями. Первая касается его семантики: помимо физиологических ощущений, глагол *тошнить* часто используется для описания эмоциональных состояний, как в примерах (162)–(163)⁸³.

⁸³ В Словаре русского языка XI–XVII вв. можно найти безличный глагол *стоинитися*, с дефиницией, также предполагающей описание эмоционального состояния: ‘станет тяжело, тоскливо’ и примером конца XVII в. [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 28: 104].

(162) *Тургенев, между прочим, сказал важную истину, которая отчасти известна, может быть, и Александре Осиповне, — что, живя за границею, тошнит по России, а не успеешь приехать в Россию, как уже тошнит от России.* [Н. В. Гоголь. Письма (1836–1841)]

(163) *При таких обширных и мудрых мерах государственного хозяйства отдыхает наблюдатель, которому тошнит от их дел с нами, от наших с ними... резьба из вишневой косточки [sic! — M. O.].* [А. С. Грибоедов. Письма (1820)]

Вторая относится к синтаксическим свойствам: у этого глагола, а также у родственного ему глагола *стошнить*, встречаются отдельные употребления, в которых экспериенцер оформляется дательным падежом⁸⁴, ср. (163)–(165).

(164) *Не упоминайте о бычачьих кишиках; мне от того тошнит, что, как вы сказали, бык был три дни болен.* [А. Т. Болотов. Хозяин и хозяйка (1789); Картотека СРЯ XVIII]

(165) *Ленивица отведала, да тотчас и выплюнула, индо ей стошило <...>* [В. Ф. Одоевский. Сказки дедушки Иринея (1841)]

Еще более, чем глагол *тошнить*, к эмоциональной сфере тяготеет предикатив *тошно* (166)–(167), который фиксируется в НКРЯ раньше, чем глагол *тошнить*.

(166) — *Aх, как мне жаль тебя, Лиза; сегодняшнее расставанье мне тошнее прежнего.* [Неизвестный. Колин и Лиза (1772)]

(167) *Что хорошего, душа моя сестрица? Мне очень тошно; я уж от тебя и не помню, когда писем не видал. Мне теперь досуг, я бы их читать стал.* [А. В. Суворов. Письма (1787–1800)]

⁸⁴ В Картотеке [СРЯ XVIII] также встретился один пример личного употребления глагола *тошнить*:

(i) *Ежели лекарство сие произведет в больном тошноту, то надлежит прибавлять в него простой воды до тех пор, пока оно не будет ни мало тошнить <...>* [У. Бьюкен. Полный и всеобщий домашний лечебник (1791); Картотека СРЯ XVIII]

Предикатив *тошно* вплоть до второй половины XX в. превосходит глагол *тошнить* по частотности, что также косвенно указывает на то, что из этих двух средств предикатив является диахронически исходным. В Таблице 17 приведено число употреблений каждой из этих лексем в текстах НКРЯ, относящихся к разным периодам, а также доля употреблений глагола *тошнить* от суммарной частотности этих двух лексем.

Таблица 17. Соотношение частотности
предикатива *тошно* и глагола *тошнить* в текстах НКРЯ

	Предикатив <i>тошно</i>	Глагол <i>тошнить</i>	Доля употреблений с глаголом <i>тошнить</i>
...–1870	279	59	0.17
1871–1920	427	157	0.27
1921–1970	429	319	0.43
1971–...	578	792	0.58

Как показывает Таблица 17, в наиболее раннем периоде предикатив *тошно* употребляется почти в пять раз чаще, чем глагол *тошнить*, однако со временем их соотношение изменяется в пользу глагола.

Таким образом, глагол *тошнить* в наиболее ранних употреблениях демонстрирует некоторую вариативность синтаксического оформления экспериенцера, хотя и очень ограниченную. Его семантическое, диахроническое и частотное соотношение с предикативом *тошно* позволяют предположить, что этот глагол в наиболее ранних из зафиксированных употреблений представляет собой сравнительно недавнее образование.

Глаголы *рвать* и *вырвать*, в отличие от глагола *тошнить*, употребляются и в экспериенциальном, и в физическом значении, и их употребления в физическом значении естественно рассматривать как основу для развития экспериенциального. Тем не менее имеющиеся данные не позволяют восстановить подробности этого развития. Примеры употребления этих глаголов

в экспериенциальном значении встречаются уже в текстах начала XVIII в. (168) из Картотеки [СРЯ XVIII].

(168) *18-го сентября тил воды 21 достокан и вспотел; и на низ было четыре раза, а рвать понуждало, только не рвало...* [Б. И. Куракин. Лечение в Карлсбаде (1705); Картотека СРЯ XVIII]

В Словаре русского языка XI–XVII вв. приводятся употребления конца XVII в. (169), которые отнесены к тому же экспериенциальному значению, но несколько отличаются от более поздних по сочетаемости [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 22: 123].

(169) *Лежали на полу бахъ, блевали, рвало гортань кровью.* [Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках (1689–1691); Там же]

Как показывают эти примеры, во всех обнаруженных в источниках экспериенциальных употреблениях глагол *рвать* используется только как безличный. Тем не менее, пример (169), возможно, отражает связь с физическим значением глагола, хотя восстановить механизм переноса по одному этому употреблению затруднительно. След перехода глагола *вырвать* из физической сферы в экспериенциальную можно усмотреть в примере (170), в котором при этом глаголе присутствует группа предлога *из*: эта группа отражает пространственный и физический компонент описываемой физиологической реакции, ср. ситуацию со сходным пространственным сценарием в примере (171).

(170) *Привязывают его <больного> за ноги в жарко натопленной бане к потолку, и держат до тех пор, пока не вырвem из него, как говорят, черенки, с которою рвотою и змея выходит.* [Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства... (1771–1805); СРЯ XVIII, вып. 5: 19]

(171) *У медной 24-фунтовой пушки... запал весьма вырвало.* [Материалы для истории русского флота. [Документы и письма. (1702–1783)]; Там же]

Таким образом, глаголы *рвать* и *вырвать*, как и глагол *тошнить*, начали использоваться в безличных переходных конструкциях для описания экспериенциальных ситуаций несколько раньше, чем другие исследованные глаголы, однако их появление не должно было значительно предшествовать началу временного отрезка, охватываемого данным исследованием.

Других экспериенциальных глаголов за рамками исследованного множества, которые последовательно использовались бы как безличные в текстах последних трех столетий, не обнаруживается. В то же время можно было бы дополнить список обсуждавшихся выше глаголов еще несколькими единицами, которые демонстрируют сходное синтаксическое развитие. В частности, несколько глаголов, например *корчить* и *слабить* (172)–(173), не были включены в рассматриваемую группу в силу низкой частотности.

(172) *Но Каракача не слушал, бесился, топал ногами, хватал себя за голову, отчего перевязки на ней сползли и показалась кровь; судороги начали его корчить.* [И. И. Лажечников. Басурман (1838)]

(173) *Они составляют из нее и питье, весьма похожее на наш квас, которое, однако же, сильно **слабит**.* [В. М. Головнин. Путешествие вокруг света... (1822)]

Наряду с экспериенциальными глаголами для описания экспериенциальных ситуаций могут использоваться неоднословные сочетания с переходным глаголом, при котором экспериенцер также занимает позицию прямого дополнения, такими как *клонить ко сну / в сон* (174).

(174) *При первых звуках этой плачевной пьесы меня немедленно **клонит ко сну**.* [А. Н. Апухтин. Дневник Павлика Дольского (1891)]

Это сочетание также претерпевает сдвиг от личных употреблений к безличным. При этом в личных употреблениях позицию подлежащего может занимать либо существительные *сон* и близкие ему (175), либо существительное, обозначающее ту ситуацию, которая вызывает это состояние: *усталость, тишина, дорога* (176). В последнем случае существительное *сон* выражается при

предлогах *к* или *в*, как и в употребительной в настоящее время безличной конструкции, ср. (174) и (176).

(175) *Меня клонил тяжелый сон, и мне было страшно холодно.* [А. И. Герцен. Былое и думы. Часть четвертая. Москва, Петербург и Новгород (1857)]

(176) *Сытный обед после дороги невольно клонил его ко сну.* [Н. Э. Гейнце. Аракчеев (1898)]

Таблица 18 отражает частотность каждого из этих трех типов конструкций среди употреблений глагола *клонить*, в которых он описывает экспериенциальные ситуации, связанные со сном. Во-первых, противопоставляются личные и безличные употребления, во-вторых, личные употребления разделены на две группы по типу подлежащего.

Таблица 18. Личные и безличные употребления глагола *клонить*, описывающие экспериенциальные ситуации, связанные со сном

	Личные			Безличные	Доля безличных употреблений
	С подлежащими <i>сон, дрема</i>	Прочие	Всего		
...–1870	26	6	32	14	0.3
1871–1920	16	5	21	62	0.7
1921–1970	3	10	13	114	0.9
1971–...	1	0	1	93	<1

Прежде всего, Таблица 18 показывает, что в рамках экспериенциальных конструкций с глаголом *клонить* происходит значительное увеличение доли безличных употреблений. Помимо этого, изменяется преобладающий тип личных употреблений: в наиболее раннем этапе в позиции подлежащего употребляется преимущественно существительное *сон* и подобные ему, но со временем более частотными становятся употребления, в которых это существительное входит в группу предлога. Таким образом, условно можно выделить три этапа синтаксического развития сочетаний с глаголом *клонить*, которым соответствуют следующие примеры конструкций: 1) *сон клонит меня*;

2) *усталость клонит меня в сон*; 3) *меня клонить в сон*. Тем не менее в целом это развитие вписывается в общую тенденцию распространения безличных употреблений, которая наблюдается при большинстве исследованных глаголов.

В свете обсуждения семантических классов, к которым относятся безличные переходные глаголы, примечательно то, что все перечисленные безличные переходные глаголы и конструкции описывают физиологические состояния и реакции, в соответствии с намеченным в разделе 4.1 обобщением. Это обобщение согласуется и с наблюдением Е. М. Галкиной-Федорук об особенно высокой продуктивности безличных переходных предложений, описывающих физиологических ощущения, и более ограниченном использовании этой модели для описания эмоциональных состояний [Галкина-Федорук 2012: 142–146].

Существует еще одна группа безличных переходных глаголов, которую можно считать смежной с экспериенциальной сферой или находящейся на ее периферии. К этой группе, в частности, принадлежат глаголы *подмывать* и *угораздить* (177)–(178).

(177) *Рудина не раз **подмывало** броситься на него и поколотить его цветущее и румяное лицо.* [И. С. Тургенев. Рудин (1856)]

(178) *Иоиль вытащил первый — толстомордненького язенка, зато меня **угораздило** изловить первую рыбку — какого-то сопливого ериша, который, однако, нас развеселил.* [В. В. Каменский. Землянка (1910)]

Позицию прямого дополнения при этих глаголах занимает участник, которого условно можно назвать экспериенцером. Оба глагола имеют значение, близкое к модальному, и чаще всего употребляются с зависимым инфинитивом. В первом приближении, эти глаголы предполагают, что экспериенцер не вполне несет ответственность за желание осуществить или осуществление той ситуации, которая описывается инфинитивом или восстанавливается на основании контекста, ср. описание этих глаголов как вторичных модальных глаголов со значением невольности осуществления действия в книге [Стексова 2002: 109–112]. Оба эти глагола, как и многие другие из исследованных выше, в предшествующие

столетия часто использовались как личные, однако со временем они стали употребляться почти исключительно в безличной конструкции. Количественное соотношение личных и безличных употреблений этих глаголов в текстах разных периодов отражает Таблица 19.

Таблица 19. Личные (Л) и безличные (Б) употребления
глаголов *подмывать* и *угораздить*

	<i>подмывать</i>			<i>угораздить</i>		
	Л	Б	Доля Б	Л	Б	Доля Б
...–1870	16	37	0.7	12	30	0.7
1871–1920	27	66	0.7	5	81	0.9
1921–1970	17	80	0.8	11	88	0.9
1971–...	10	202	0.95	2	263	0.99

Несмотря на близость семантики и синтаксических свойств этих глаголов в настоящее время, а также сходство динамики их диахронического развития, возникновение их модальных употреблений происходило различным путем.

В личных употреблениях глагола *угораздить* в позиции подлежащего используются различные обозначения нечистой силы, например *черт*, *лукавый*, *нелегкая*, ср. (179). Со временем частотность таких употреблений сокращается.

(179) — *Один лукавый мог ее так угораздить*, — говорил последний.
[И. И. Лажечников. Последний Новик (1833)]

Глагол *подмывать* используется в безличной конструкции не только в модальном значении, но и в физическом значении — в стихийных конструкциях, которые описывают ситуации с двумя неодушевленными участниками, как в примере (180).

(180) <...> *плотина дрожала на зыбком своем основании, как будто бы ее подмывало водою*. [О. М. Сомов. Сказки о кладах (1829)]

На то, что именно такие употребления послужили основой для развития модального значения, указывает то, что в [СРЯ XVIII] модальное значение этого

глагола представлено лишь в сочетании *как подмывает*, которое представлено в примере (181).

(181) *Не знаю все ли дома здорово, меня как подмывает спешить домой.*
[Словарь Академии Российской (1789–1794); СРЯ XVIII, вып. 20: 237–238]

В ранних употреблениях этого глагола с личными участниками в позиции прямого дополнения также ясно присутствует компонент перемещения в пространстве, и в качестве зависимого выступает не инфинитив, а предложная группа с целевым значением, ср. (182)–(183).

(182) *Да что это тебя так подмывает, куда ты спешишь?* [М. Н. Загоскин.
Аскольдова могила (1833)]

(183) *Григорий Александрович, я уж, кажется, говорил, страстно любил охоту:
бывало, так его в лес и подмывает за кабанами или козами, — а тут хоть
бы вышел за крепостной вал.* [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени
(1839–1841)]

В большей части личных употреблений этого глагола в позиции подлежащего выступают местоимения разных классов, ср. (182), или обозначения внутренних состояний, обусловливающих описываемое желание, как в примере (184). Тем не менее изредка встречаются употребления с подлежащими, обозначающими нечистую силу (185). Такие подлежащие как будто не могут быть обусловлены исходным значением глагола *подмывать* и, возможно, появляются под влиянием других глаголов с близкой семантикой, например *угоразить* или *дернуть*.

(184) *Давешнее неприятное чувство так и подмывало его чем-нибудь язвнуть
Чапаева, так сказать, отомстить ему.* [Д. А. Фурманов. Чапаев (1923)]

(185) *Я было уже засыпать стал, а тебя тут бес подмывает добрых людей
будить.* [А. И. Левитов. Насупротив!.. (1862)]

Как показывают эти данные, механизмы возникновения модального значения у этих глаголов разные, однако после сдвига в модальную сферу они постепенно сближаются и в семантическом, и в синтаксическом плане.

В целом же анализ различных глаголов за пределами группы, исследованной в основной части главы, подтверждает вывод об общей тенденции к вовлечению широкого круга глаголов с экспериенциальными и модальными значениями в безличную переходную конструкцию и рост частотности таких употреблений у отдельных глаголов в ходе нескольких последних столетий.

Этот вывод соответствует и сведениям о безличных конструкциях, приводимым в работах по исторической грамматике русского языка. Как отмечается в книге [Борковский, Кузнецов 1965: 414], «[г]лаголов, обозначающих ощущения живых существ и при этом употребляющихся исключительно в безличных предложениях, в древнейших русских памятниках неходим». В частности, глагол *знобить*, согласно указанной работе, в древнерусских памятниках засвидетельствован только в личном употреблении [Там же]. В то же время в древнерусских памятниках встречаются многочисленные употребления стихийной безличной конструкции с переходным глаголом и участником-причиной в творительном падеже [Борковский, Кузнецов 1965: 416].

Сведений о том, к какому времени относятся первые фиксации каких-либо экспериенциальных глаголов в безличных переходных конструкциях, не обнаруживается. Тем не менее, в соответствии с выводами данной главы, XIX в. предлагается считать периодом, когда переход глаголов из личных в безличные стал более интенсивным, ср.:

«В языке XIX в. отмечается дальнейший рост употребительности и активизация безличных предложений, строящихся с собственно безличными глаголами. Этот процесс был связан с пополнением круга специально организующих эти предложения глагольных слов; многие личные глаголы в это время окончательно переходят в разряд безличных. Это было продолжение начавшегося ранее процесса становления категории собственно безличных глаголов на основе личных» [Шведова 1964: 268–269].

Это обобщение очень точно соответствует тем выводам, которые были сделаны в этой главе в результате исследования экспериенциальных переходных глаголов. Однако глаголы этого типа в цитированной работе почти не обсуждаются, и в целом не проводится различий между глаголами разных семантических групп и синтаксических типов. Отмеченные в приведенной цитате изменения касаются и глаголов метеорологической сферы, таких как *вечереть, смеркаться, стемнеть*, и возвратных экспериенциальных глаголов, например *мечтаться, вериться, взгрустнуться*, и глаголов с посессивной семантикой, таких как *(не)доставать* и *(не)хватать*, и некоторых других, см. [Там же: 268–275 и далее]. Тем самым изменения, которые наблюдаются у экспериенциальных переходных глаголов, оказываются частью очень широкого процесса распространения безличных употреблений у глаголов, принадлежащих к разным семантическим классам и синтаксическим типам. В статье [Guiraud-Weber 2011] обсуждается несколько безличных конструкций, которые стали употребительны уже в XX в., и также вносят вклад в процесс распространения безличности в русском языке⁸⁵.

С типологической точки зрения существование и распространение безличных переходных глаголов в русском языке может рассматриваться как отклонение от свойственной ему номинативно-аккузативной системы кодирования ядерных участников. Если обычно единственный участник непереходной конструкции в русском языке кодируется так же, как агент переходной конструкции, т. е. именительным падежом, то при безличных переходных глаголах единственный участник кодируется так же, как пациент. В функционально-типологических исследованиях безличные переходные глаголы часто обсуждаются на фоне представлений о языках с расщепленным кодированием участников в одноместных непереходных клаузах (“split-S systems”), или языках активно-

⁸⁵ В ряде работ А. Вежбицкой, например в книге [Wierzbicka 1992: 430–433], говорится об особенно широком использовании безличных конструкций в русском языке по сравнению с другими языками Европы. Эта особенность связывается с важностью представления о неподвластных человеку стихиях и силах, которые определяют течение событий. Сведения о росте частотности безличных конструкций разных типов указывают на то, что такой взгляд на действительность мог стать распространенным лишь в последние несколько столетий.

стативного строя, см. о них, в частности, в [Donohue, Wichmann (eds.) 2008]. В таких языках участник в одноместных клаузах, например с глаголами ‘спать’, ‘идти’, ‘упасть’, ‘мерзнуть’, иногда кодируется так же, как агенс в переходной конструкции, иногда — как пациент (способы кодирования могут быть заданы лексически или определяться видо-временными характеристиками глагола, семантическими свойствами участников и т. п.). Значительное расширение класса безличных переходных глаголов потенциально может вести к возникновению расщепленной системы кодирования участников в одноместных клаузах, см. [Creissels 2008; 2018: 97–99; Malchukov 2008; Malchukov, Ogawa 2011: 46–50]. Однако языки, в которых на некотором этапе существует класс безличных переходных глаголов, далеко не всегда становятся языками активно-стативного строя. Такому развитию противодействует тенденция к превращению переходных безличных глаголов с экспериенцером в позиции прямого дополнения в личные глаголы с подлежащим-экспериенцером, см. [Malchukov 2008: 92–95]. В главе 2 подробно обсуждались аспекты синтаксического поведения, которые сближают группы экспериенцера в дательном и винительном падежах с номинативным подлежащим, и позволяют относить их к т. н. неканоническим подлежащим. К этим свойствам относятся, в частности, способность к связыванию рефлексивного местоимения, склонность к начальному расположению в клаузе, способность к контролю нулевого подлежащего в деепричастных оборотах. Приобретение этих поведенческих свойств составляет начальный этап развития, которое в дальнейшем может вести к изменению кодирования, см. об этапах приобретения свойств подлежащего в диахронии [Cole et al. 1980], а также [Haspelmath 2010] о том, что изменения в синтаксическом поведении предшествуют изменению кодирования («*behaviour-before-coding principle*»).

Развития свойств подлежащего и приобретения номинативного кодирования можно даже в большей степени ожидать для объектного экспериенцера при безличном глаголе, чем при глаголе с подлежащим-стимулом. При безличном глаголе экспериенцер является единственным обязательным участником ситуации: он может легче приобретать поведенческие свойства подлежащего, поскольку

никакой другой участник на них не претендует. Переход безличных глаголов с аккузативным экспериенцером в класс личных глаголов с экспериенцером в позиции подлежащего засвидетельствован в истории многих индоевропейских языков, см. [Viti 2017] о древних индоевропейских языках, [Fedriani 2013; 2014] о латинском языке, недавние исследования [Möhlig-Falke 2012; Miura 2015] об английском, [Barðdal 2004] об исландском и немецком, а также статью [Piccini 2015] об эволюции безличных переходных конструкций в литовском языке.

В русском языке не зафиксировано случаев приобретения номинативного кодирования аккузативным экспериенцером или систематической вариативности между этими двумя способами оформления. Тем не менее отдельные употребления, указывающие на возможность такого изменения в будущем, встречаются и у некоторых обсуждавшихся выше русских глаголов. В статье [Seržant 2013: 295–297] обсуждается окказиональное и находящееся за рамками нормы номинативное кодирование экспериенцера при глаголе *вырвать*, ср. (186).

(186) *Да и поглядите на животных: что-то не то съел, либо волосы в желудке комком — взял и вырвал.* [<http://forum.materinstvo.ru/index.php?showtopic=65103&start=10>; Там же: 295]

Личные употребления с экспериенцером в позиции подлежащего фиксируются и у глаголов *тошнить* и *стошнить*, в частности в текстах НКРЯ (187). Отдельные примеры личного употребления глагола *стошнить* в художественных текстах можно найти в работах [Галкина-Федорук 2012: 132; Шведова 1964: 271], ср. (188).

(187) *Три дня глотал он разбавленный теплой водой отвратительнейшего вкуса спирт. Половой водил его тошнить.* [Вс. В. Иванов. Блаженный Ананий (1927)]

(188) *Белопольский наконец поднялся, но упал на руки и стошнил.* [А. Н. Толстой. Под водой (1916); Галкина-Федорук 2012: 132]

Личные употребления глаголов *тошнить* и *стошнить*, встретившиеся в текстах НКРЯ, распределены с точки зрения грамматической формы глагола

не так, как нормативные безличные: форма инфинитива чаще используется как форма личного глагола с подлежащим-экспериенцером (187), чем индикативные формы (188). В Таблице 20 приведено число употреблений, в которых эти глаголы используются как личные с подлежащим-экспериенцером и безличные переходные, отдельно для формы инфинитива и для форм индикатива в текстах НКРЯ, созданных после 1920 г.

Таблица 20. Употребления глаголов *тошнить* и *стошнить* с подлежащим-экспериенцером в формах индикатива и в форме инфинитива

Глагол	Форма	Личные употребления	Безличные употребления	Доля личных употреблений
<i>тошнить</i>	Инфинитив	7	133	0.05
	Индикатив	3	956	<0.01
<i>стошнить</i>	Инфинитив	4	17	0.2
	Индикатив	1	194	0.01

Как показывает Таблица 20, глаголы *тошнить* и *стошнить* редко используются как личные глаголы с подлежащим-экспериенцером, однако такие употребления гораздо чаще встречаются у формы инфинитива, чем у индикативных форм этих глаголов (различия между инфинитивом и индикативными формами в обоих случаях статистически значимы, точный тест Фишера, $p < 0.001$).

Такое различие между инфинитивом и формами индикатива можно объяснить разными причинами. Во-первых, использование инфинитивной формы как формы личного глагола часто происходит в условиях аспектуальной, модальной или актантной модификации ситуации, которая предполагает ее выражение в качестве зависимого инфинитива, как в примерах (187), (189)–(190).

(189) *Директор тотчас отправился в туалет **тошнить**, а после долго тер начинающую лысеть голову.* [Дмитрий Липскеров. Последний сон разума (1999)]

(190) *В этом участвуют 4 взрослых человека, с трудом успеваем запихнуть в рот (сиропчик) и не дать **стошнить** (угрозами).* [Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье (форум) (2005)]

Многие контексты такого рода требуют кореферентности между субъектным или объектным участником главного глагола и личным участником при глаголах *тошнить* или *стошнить*, и встраивание этих глаголов в синтаксическую структуру происходит за счет изменения их синтаксического типа. Во-вторых, контексты с инфинитивом часто предполагают, что экспериенцер в некоторой мере отвечает за участие в ситуации, описываемой глаголом, и может ее контролировать. Иными словами, личное употребление может быть связано с несколько большей по сравнению с дефолтным протеканием ситуации агентивностью экспериенцера, ср. сходное объяснение личного употребления глагола *вырвать* в примере (186) в [Seržant 2013: 295].

Примечательно, что личные употребления с подлежащим-экспериенцером фиксируются у тех двух глаголов, которые, по-видимому, раньше других перешли в класс экспериенциальных безличных переходных глаголов. Если те глаголы, которые рассматривались в основной части этой главы, позволяют рассмотреть пути возникновения безличных переходных глаголов, то глаголы *вырвать*, *тошнить* и *стошнить* показывают, каким образом безличные переходные глаголы могут исчезать под действием тенденции к повышению синтаксического статуса экспериенцера в условиях преобладания номинативного кодирования подлежащих одноместных глаголов.

Таким образом, формирование класса безличных переходных экспериенциальных глаголов в русском языке предположительно началось несколько столетий назад в результате расширения употребления безличной переходной конструкции из физической в экспериенциальную сферу. В рамках исследуемого временного отрезка, охватывающего период с XVIII в. по настоящее время, наблюдается распространение этой конструкции на новые лексемы и рост частотности безличных употреблений у отдельных лексем. Тем не менее такой способ кодирования экспериенциальных ситуаций, при котором единственный личный

участник занимает объектную позицию, является диахронически неустойчивым, и у нескольких русских глаголов, которые продолжают в основном употребляться как безличные, обнаруживаются отдельные проявления тенденции к повышению экспериенцера в ранг канонического номинативного подлежащего.

5. Выводы

В этой главе были изложены результаты диахронического исследования русских безличных переходных глаголов, при которых позицию прямого дополнения занимает экспериенцер. В центре внимания находились 14 экспериенциальных глаголов, которые регулярно употребляются как безличные: *зноить, колотить, коробить, лихорадить, мутить, озарить, осенить, передернуть, продуть, пронять, разморить, распирать, трясти, укачать*. Рассматривались семантические и синтаксические изменения, которые произошли в употреблении этих глаголов в течение последних трех столетий.

В семантическом отношении для всех перечисленных глаголов в рамках рассматриваемого временного отрезка удается восстановить путь развития экспериенциального значения на основе физического или по крайней мере обнаружить следы этого развития. У большинства глаголов переход в экспериенциальную сферу происходил в контекстах, описывающих взаимодействие между двумя неодушевленными участниками, например у глаголов *зноить, коробить, мутить, осенить, распирать*. У некоторых глаголов экспериенциальные употребления, по-видимому, развивались непосредственно на основе агентивных, в частности у глаголов *колотить, передернуть, пронять*. В ряде случаев на ранних этапах развития экспериенциального значения распространены употребления с обозначениями частей тела или «ментальных органов» в позиции прямого дополнения. Такие употребления высвечивают метафорический характер ранних экспериенциальных употреблений и актуальность связи между физическим и экспериенциальным значениями. Для описания семантического развития некоторых глаголов необходимо принять во внимание их отношения с родственными им глаголами с иными аспектуальными свойствами. Так, глаголы в парах *продувать и продуть, качать и укачать, морить и разморить*

можно представить в виде разных этапов единого семантического развития. Сдвиги в значении существенным образом сказываются и на отношениях между видовыми коррелятами *осенить и осенять, озарить и озарять*.

Многие глаголы претерпевают семантические изменения и после перехода в экспериенциальную сферу. Ранние экспериенциальные употребления часто не привязаны к какой-либо одной зоне в рамках экспериенциальной сферы, однако со временем происходит сужение и специализация экспериенциального значения. Так, глаголы *коробить* и *пронять* сначала использовались для описания и физиологических, и эмоциональных состояний, но со временем закрепились за эмоциональной зоной, у глаголов *осенить* и *озарить* на ранних этапах встречаются употребления и эмоциональной, и ментальной сферы, но впоследствии сохраняются только употребления в ментальном значении. В целом большинство глаголов на том или ином этапе развития описывают ситуации физиологической сферы, и многие глаголы относятся к этой семантической группе и в настоящее время, в частности *знобить, мутить* и *разморить*. Те семантические сдвиги, которые происходят в ходе развития экспериенциального значения, в основном соответствуют иерархии внутренних систем человека: из физиологической сферы глаголы сдвигаются в эмоциональную, из эмоциональной — в ментальную.

Основное синтаксическое изменение, которое наблюдается у большинства исследованных глаголов, состоит в увеличении частотности безличных употреблений по сравнению с личными. В текстах XIX в. личные употребления в экспериенциальном значении более или менее регулярно встречаются у всех глаголов исследуемого множества, включая глаголы *знобить, мутить* и *продуть*, которые в настоящее время считаются собственно безличными. Появление безличных употреблений по-разному относится с возникновением экспериенциального значения. Многие глаголы начинают употребляться как безличные уже после развития экспериенциального значения, но некоторые глаголы, например *коробить* и *продуть*, используются в безличной конструкции уже в физическом значении, и эта синтаксическая модель наследуется и при переходе в экспериенциальную сферу. Безличные употребления возникают у этих глаголов разными

путями, однако в результате все они постепенно вовлекаются в класс безличных переходных экспериенциальных глаголов. Ярким проявлением аналогических процессов, действующих при распространении безличных употреблений, является развитие глагола *лихорадить*, у которого, в отличие от остальных глаголов, в личных употреблениях позицию подлежащего занимал экспериенцер (ср. *больной лихорадил*), а не стимул. В текстах второй половины XX в. у большинства глаголов более половины экспериенциальных употреблений относится к безличным. Тем не менее даже у названных выше собственно безличных глаголов *знобить*, *продуть* и *мутить* фиксируются единичные личные употребления. Тем самым обращение к частотным характеристикам употребления этих глаголов, а также диахронический взгляд на их синтаксическое развитие ясно показывают условность и континуальность границы между безличными и личными глаголами. В то же время число таких экспериенциальных глаголов, которые преимущественно употребляются как безличные переходные, достаточно велико для того, чтобы говорить о них как об отдельном семантико-синтаксическом классе русских глаголов. Те механизмы, которые привели к формированию этого класса в течение нескольких последних столетий, и обсуждались в этой главе.

Заключение

Данное исследование вносит вклад в обсуждение теоретической проблемы связи между семантикой глагола и его грамматическими, прежде всего синтаксическими, свойствами. В свете этой проблемы в диссертации рассматривались глаголы русского языка с аккузативным экспериенцером. Семантически глаголы этого класса в основном описывают эмоции и физиологические ощущения. Синтаксически их можно разделить прежде всего на личные и безличные.

Кодирование экспериенцера в позиции прямого дополнения указывает на то, что синтаксически он уподобляется пациенту переходной конструкции, и может рассматриваться как признак большей пациентивности аккузативного экспериенцера по сравнению с дативным. В то же время аккузативный экспериенцер, как и дативный, часто является единственным одушевленным или просто единственным участником описываемой глаголом ситуации, что может рассматриваться как нетипичное соотношение свойств подлежащего и прямого дополнения и приводить к нестандартному синтаксическому поведению. Эти представления согласуются и с анализом, принятym во многих работах по русской грамматике: дативный экспериенцер традиционно описывается как субъект состояния или восприятия, у аккузативного экспериенцера обычно усматривается сочетание субъектных и объектных свойств. Соотношение субъектных и объектных свойств или, в иных терминах, агентивных и пациентивных свойств экспериенцера в винительном падеже и их грамматические проявления и являются одной из центральных тем настоящего исследования.

Важнейшую роль в исследовании играет анализ и интерпретация количественных данных. Именно на сведения о частотности того или иного типа глаголов или конструкций опирается большинство обобщений, сделанных в результате исследования. При этом одним из принципов исследования было разделение эмпирических результатов и их интерпретации в семантических или диахронических терминах. Таким образом, в каждой из частей выделяется уровень

эмпирических обобщений, который сравнительно независим от тех теоретических выводов, которые на него опираются.

В диссертации изучается три аспекта связи между семантическими и синтаксическими свойствами глаголов: различия в том, как экспериенциальные глаголы разных семантических групп распределены на грамматические классы; различия в синтаксическом поведении глаголов разных семантических групп, проявляющиеся в порядке слов содержащих их предложений; изменения в неглубокой диахронии, касающиеся употребления глаголов в личных и безличных конструкциях и приводящие к значительному расширению семантико-синтаксического класса безличных глаголов в русском языке.

Сопоставление семантических групп экспериенциальных глаголов с точки зрения того, как входящие в них лексемы распределены на грамматические классы, находится в центре внимания главы 1. Теоретический фон для этого сопоставления задают представления о семантической переходности ситуаций, обозначаемых глаголами, и ее отражении в грамматических свойствах глагола. В целом использование переходной конструкции предполагает, что участники экспериенциальной ситуации синтаксически уподобляются агенсу и пациенту, а различные отклонения от переходного кодирования можно интерпретировать как проявление отличий ситуации от прототипа семантической переходности. В свете этих представлений рассматриваются прежде всего глаголы восприятия, мышления и эмоций. Грамматические свойства глаголов физиологических ощущений обсуждаются отдельно, поскольку по ряду причин они оказываются несопоставимы с глаголами оставшихся трех семантических групп, в частности глаголы физиологических ощущений гораздо чаще являются синтаксически одноместными, что затрудняет их сопоставление с преимущественно двухместными глаголами других групп. Опираясь на предлагавшиеся в типологической литературе иерархии глагольных классов, можно ожидать, что группы экспериенциальных глаголов выстраиваются следующим образом в порядке снижения степени агентивности экспериенцера: глаголы восприятия, глаголы мышления, глаголы эмоций, глаголы физиологических ощущений. Эта часть исследования

показала, что глаголы эмоций систематически противопоставлены глаголам восприятия и мышления. Для глаголов эмоций в большей степени, чем для других двух групп, характерны грамматические свойства, связанные с пониженной агентивностью экспериенцера. В частности, группа глаголов эмоций отличается от глаголов восприятия и мышления меньшей долей глаголов с подлежащим-экспериенцером, среди них — большей долей возвратных глаголов, среди невозвратных глаголов с подлежащим-экспериенцером — большей долей непереходных глаголов, среди переходных глаголов с подлежащим-экспериенцером — меньшей долей глаголов, образующих пассив, и меньшей частотностью пассивных глаголов. Наконец, именно в группе глаголов эмоций гораздо больше таких глаголов, при которых экспериенцер оформляется аккузативом, чем в двух других группах. Этим определяются и различия в преимущественном направлении деривационных связей в этих трех группах: для группы глаголов эмоций типично такое направление деривации, при котором морфологически исходным является невозвратный глагол с подлежащим-стимулом, например *обрадовать*, *сердить*, *удивить*, а производным — возвратный глагол с подлежащим-экспериенцером, соответственно *обрадоваться*, *сердиться*, *удивиться*. В двух других группах исходным в деривационных отношениях, связанных с кодированием участников, служит глагол с подлежащим-экспериенцером, производным — глагол с подлежащим-стимулом или безличный глагол, ср. пары *наблюдать* — *наблюдаться*, *слушать* — *слушаться*, *думать* — *думаться*. Глаголы физиологических ощущений не занимают какого-либо последовательного места в иерархии семантических групп. С одной стороны, в этой группе выше, чем в других, оказывается доля глаголов с подлежащим-экспериенцером, однако это в значительной степени может объясняться упомянутой выше склонностью этих глаголов к синтаксической одноместности. С другой стороны, только среди глаголов физиологических ощущений есть безличные глаголы с аккузативным экспериенцером: *тошнить* и *знобить*, — при которых единственный обязательный участник ситуации кодируется как пациент. Как показывает глава 3,

с помощью безличных глаголов с аккузативным экспериенцером могут описываться не только физиологические ощущения, однако у всех остальных глаголов экспериенциальное значение не считается первым. По итогам этой главы глаголы эмоций выделяются как наиболее склонные к аккузативному кодированию экспериенцера, а вопрос о свойствах глаголов физиологических ощущений остается в большой степени открытым.

Сравнению глаголов эмоций и глаголов физиологических ощущений, теперь уже с точки зрения синтаксического поведения в высказывании, посвящена глава 2. Центральный вопрос этой главы состоит в том, связан ли порядок слов в предложениях с экспериенциальными глаголами со степенью пациентивности экспериенцера. Отправной точкой служит предположение о том, что, при условии равенства прочих признаков, в предложениях с переходными глаголами эмоций, такими как *интересовать*, *смутить*, *встревожить*, аккузативный экспериенцер чаще занимает предглагольную позицию, а подлежащее следует за глаголом, чем при глаголах физиологических ощущений, обладающих такими же синтаксическими свойствами, например *разбудить*, *утомить*, *опьянить*. Статистический анализ корпусных данных подтверждает это предположение: порядок слов OVS наблюдается в предложениях с глаголами эмоций чаще, чем в предложениях с глаголами физиологических ощущений. Более того, обнаруживается связь порядка слов с еще одним, более частным, семантическим противопоставлением — противопоставлением двух разных значений некоторых глаголов эмоций: «эмотивного» и «ментального». При эмотивном значении глагол описывает непосредственную реакцию экспериенцера на стимул (1), в то время как при ментальном он предполагает определенную интеллектуальную оценку стимула (2).

- (1) *Но видения сна тревожат меня <...>* [Михаил Анчаров. Как Птица Гаруда (1989)]
- (2) *Меня тревожит твое молчание.* [В. А. Каверин. Перед зеркалом (1965–1970)]

Когда глагол употреблен в эмотивном значении, вероятность порядка слов SVO оказывается выше, чем при употреблении в ментальном значении. В целом оба семантических противопоставления соответствуют обсуждавшейся в главе 1 иерархии глагольных классов: ментальное значение предполагает предглагольное расположение группы экспериенцера в большей степени, чем эмотивное, при глаголах эмоций такой порядок также более вероятен, чем при глаголах физиологических ощущений. Иными словами порядок слов статистически отражает направление вектора воздействия в экспериенциальных ситуациях: чем более выраженными пациентивными свойствами обладает экспериенцер, тем чаще он следует за глаголом.

Важно, что связь порядка слов с семантической группой глагола, а также со значением глагола наблюдается и тогда, когда другие факторы, с которыми связан порядок слов, уже учтены. Эти факторы также подробно обсуждаются в главе 2. К ним относятся, в частности, коммуникативный статус, или данность, подлежащего, тип выражения экспериенцера и соотношение длины групп подлежащего и прямого дополнения, видо-временная характеристика глагола и некоторые другие параметры узкого и широкого контекста.

По итогам обсуждения порядка слов в предложениях с аккузативным экспериенцером предлагается единая интерпретация связи порядка слов с различными факторами, в том числе с семантическими противопоставлениями, определяемыми значением глагола. Эта интерпретация опирается на идею дискурсивной основы семантической переходности и ее грамматических проявлений. Предполагается, что порядок слов в предложениях с аккузативным экспериенцером отражает противопоставление ситуаций, принадлежащих к основной линии повествования и соответствующих фоновой информации и комментариям. Так, физиологические реакции экспериенцера скорее встраиваются в цепочку последовательных ситуаций нарратива, чем эмоциональные реакции, для которых более естественно сопровождать события основной линии повествования. Для глаголов с ментальным значением еще более ожидаемо использование в рамках комментария. Таким образом, в этой главе

устанавливается связь между семантикой экспериенциальных глаголов и синтаксической реализацией участников описываемых ими ситуаций в текстах, а также предлагается объяснение этой связи в терминах структуры дискурса.

Объектом анализа в главе 3 были безличные глаголы с аккузативным экспериенцером, такие как *мутить*, *передернуть*, *коробить*, *осенить*. В главе 1 в поле внимания попали лишь два таких глагола: *знобить* и *тошнить*. Это связано с тем, что у других таких глаголов экспериенциальное значение существует с более или менее распространенным и близким к экспериенциальному физическим значением. В главе 3 рассматривались диахронические изменения, которые претерпевало значение и синтаксические свойства этих глаголов в течение последних трех столетий. Для многих из глаголов этого класса на материале текстов XVIII–XIX вв. удается восстановить путь перехода от физического значения к экспериенциальному, для других — обнаружить следы этого перехода, случившегося в более ранний период. Анализ изменений в соотношении личных и безличных употреблений этих глаголов является одной из основных задач главы. В синтаксическом плане у большинства таких глаголов, включая многие из принадлежащих к классу собственно безличных (*знобить*, *мутить*), в текстах предшествующих столетий были более распространены личные употребления. У большинства рассматриваемых глаголов доля безличных употреблений со временем растет, и многие из них к концу XX в. почти перестают употребляться как личные. В процесс распространения безличных употреблений вовлечено большинство глаголов, которые синхронно считаются безличными, а в начале изучаемого временного отрезка класс собственно безличных глаголов с аккузативным экспериенцером включает единичные лексемы. Эти наблюдения позволяют говорить о сравнительно недавнем формировании и расширении семантико-синтаксического класса безличных глаголов с аккузативным экспериенцером. Исследованные глаголы распадаются на несколько групп с точки зрения сценария перехода из физической сферы в экспериенциальную и соотношения возникновения экспериенциального значения и безличных употреблений. Можно заключить,

во-первых, что у большинства глаголов экспериенциальное значение возникло на основе контекстов, описывающих взаимодействие между двумя неодушевленными участниками, и, во-вторых, что у большинства глаголов безличные употребления возникают и распространяются уже в рамках употреблений в экспериенциальном значении. Помимо этого, для большей части исследованных глаголов на том или ином этапе семантического развития характерно употребление для описания ситуаций физиологического воздействия. Глаголы, которые раньше всего попали в класс безличных глаголов с аккузативным экспериенцером и составляют его ядро в настоящее время, также преимущественно описывают физиологические ощущения (ср. глаголы *рвать*, *тошнить*, *знобить*, *мутить*, *лихорадить*). Таким образом, синтаксический тип глаголов со стимулом в позиции подлежащего и экспериенцером в позиции прямого дополнения можно назвать специфическим для группы глаголов эмоций, а тип безличных глаголов с аккузативным экспериенцером типичен прежде всего для глаголов физиологических ощущений.

Основным семантическим признаком экспериенциальных глаголов, на котором был основан анализ в рамках данного исследования, была его принадлежность к определенной семантической группе: восприятия, мышления, эмоций или физиологических ощущений. Разделение экспериенциальных глаголов на эти четыре группы лежало в основе анализа, представленного в главе 1. В главе 2 ставился вопрос о том, связан ли статистически порядок слов с противопоставлением глаголов эмоций и глаголов физиологического воздействия. Это противопоставление можно рассматривать как способ провести границу между ситуациями, различающимися степенью выраженности агентивных или, наоборот, пациентивных свойств экспериенцера. На то, что эта граница носит во многом произвольный характер, указывают различия в порядке слов, связанных с более частным семантическим противопоставлением — противопоставления эмотивного и ментального значения отдельных глаголов. Подобные границы могут использоваться в той мере, в какой они поддаются операционализации: одни семантические противопоставления оказываются более

осязаемыми, чем другие. Однако сама многоуровневость семантических противопоставлений указывает на их условный характер. В еще большей степени условность семантических противопоставлений, используемых при синхронном описании, становится явной в свете постепенности семантических сдвигов в диахронии, иллюстрацией которой могут служить данные главы 3. Помимо самой проблемы проведения семантических границ, главы 2 и 3 затрагивают еще по крайней мере два теоретических вопроса. Обобщения главы 2 заставляют задуматься о независимости семантической мотивации от механизмов устройства дискурса. Глава 3 ставит вопрос о необходимости учета исторической мотивации грамматических свойств при исследовании связи между семантикой и синтаксисом.

Итак, в ходе данного исследования происходил постепенный сдвиг от опоры на семантическую классификацию глаголов к выводу об условности семантических противопоставлений. Это исследование русских глаголов с аккузативным экспериенцером свидетельствует, с одной стороны, о последовательной связи между семантикой и грамматическим устройством и функционированием языковых единиц, в частности глаголов, и, с другой стороны, о невозможности исчерпывающего отражения семантических свойств в противопоставлениях, используемых для лингвистического анализа. Тот путь к разрешению этого противоречия, который предлагается и реализуется в данном исследовании, заключается, во-первых, в опоре на как можно более осязаемые семантические противопоставления и, во-вторых, в использовании методов количественного анализа, который позволяет выявить нежесткие связи и закономерности, имеющие вероятностный характер, в условиях неизбежной приблизительности аппарата семантического анализа.

Литература

1. Апресян 1967 — Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967. 256 с.
2. Апресян 1974 — Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1973. 366 с.
3. Апресян 1995а — Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 472 с.
4. Апресян 1995б — Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
5. Апресян 1998 — Апресян Ю. Д. Каузативы или конверсивы? // Типология. Грамматика. Семантика. К 60-летию В. С. Храковского / ред. Н. А. Козинцева, А. К. Оглоблин. СПб.: Наука, 1998. С. 273–281.
6. Апресян 2004 — Апресян Ю. Д. Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 5–22.
7. Апресян 2005 — Апресян Ю. Д. О Московской семантической школе // Вопросы языкоznания. 2005. № 1. С. 3–30.
8. Апресян В. 2011а — Апресян В. Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты // Вопросы языкоznания. 2011. № 1. С. 19–51.
9. Апресян В. 2011б — Апресян В. Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты // Вопросы языкоznания. 2011. № 2. С. 63–88.
10. Апресян В. 2013 — Апресян В. Ю. Семантика эмоциональных каузативов: статус каузативного компонента // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы международной конференции «Диалог-2013». 2013. Вып. 12 (19). С. 43–57.

11. Апресян В., Апресян 1993 — Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкоznания. 1993. № 3. С. 27–35.
12. Бабенко 1989 — Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 184 с.
13. Бабенко 1999 — Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. 698 с.
14. Белошапкова 1977 — Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высшая школа, 1977. 248 с.
15. Бондарко 1992 — Бондарко А. В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1992. С. 29–71.
16. Бондарко 2011 — Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянских культур, 2011. 488 с.
17. Бонч-Осмоловская 2003 — Бонч-Осмоловская А. А. Конструкции с дативным субъектом в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003.
18. Булыгина 1982 — Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / отв. ред. О. Н. Селиверстова. М.: Наука, 1982. С. 7–85.
19. Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.
20. Виноградов, Истрина 1960 — Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. Часть первая / ред. В. В. Виноградов, Е. С. Истрина. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 704 с.

21. Галкина-Федорук 2012 — Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 336 с.
22. Гиро-Вебер 2005 — Гиро-Вебер М. К определению понятия «субъект» в синтаксисе русского языка // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / ред. А. В. Бондарко. СПб., 2005. С. 333–346.
23. Дымарский 2015 — Дымарский М. Я. Способы воплощения предикативного отношения // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XI. Ч. 1. Категории имени и глагола в системе функциональной грамматики / ред. М. Д. Воейкова, Е. Г. Сосновцева, Д. Н. Сатюкова [и др.]. СПб.: Наука, 2015. С. 45–68.
24. Зализняк Анна А. 1992 — Зализняк Анна А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München: Otto Sagner, 1992. 201 с.
25. Золотова 1973 — Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 352 с.
26. Золотова 1982 — Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: «Наука», 1982. 368 с.
27. Золотова 2006 — Золотова Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: УРСС, 2006. 440 с.
28. Иомдин 1999 — Иомдин Б. Л. Семантика глаголов иррационального понимания // Вопросы языкоznания. 1999. № 4. С. 71–90.
29. Иорданская 1970 — Иорданская Л. Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1970. Вып. 13. С. 3–26.
30. Иорданская, Мельчук 1995 — Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. К семантике русских причинных предлогов (ИЗ-ЗА любви ~ ОТ любви ~ ИЗ любви ~ *С любви~ ПО любви) // Московский лингвистический журнал. 1995. № 2. С. 162–211.

31. Казенин 2011 — Казенин К. И. Проблема «размеров» конъюнктов в русском языке: данные некоторых типов сочинительных конструкций // Вопросы языкоznания. 2011. № 4. С. 46–60.
32. Кибрик 2004 — Кибрик А. Е. Когнитивное разнообразие предикатно-аргументных структур и языковые стратегии их унификации // Международный симпозиум «Типология аргументной структуры и синтаксических отношений». Казань, 2004. С. 16–19.
33. Кибрик 2005 — Кибрик А. Е. К проблеме ядерных актантов и их «неканонического кодирования»: свидетельства арчинского языка // Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2005. С. 332–368.
34. Кинэн 1982 — Кинэн Э. Л. К универсальному определению подлежащего // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике / сост., общ. ред. и вступит. ст. А. Е. Кибрика. М.: «Прогресс», 1982. С. 236–276.
35. Князев 2007 — Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. 704 с.
36. Ковтунова 1976 — Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: «Просвещение», 1976. 240 с.
37. Борковский, Кузнецов 1965 — Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М.: Наука, 1965. 554 с.
38. Кустова 1996 — Кустова Г. И. О коммуникативной структуре значения глаголов с событийным каузатором // Московский лингвистический журнал. 1996. Т. 2. С. 240–261.
39. Кустова 1998 — Кустова Г. И. Производные значения с экспериментальной составляющей // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36. С. 19–40.
40. Кустова 2004 — Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.

41. Кустова 2005 — Кустова Г. И. О семантическом потенциале слов энергетической и экспериенциальной сферы // Вопросы языкоznания. 2005. № 3. С. 53–79.
42. Кустова 2012 — Кустова Г. И. Дательный падеж // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2012.
43. Кустова и др. 2005 — Кустова Г. И., Ляшевская О. Н., Падучева Е. В., Рахилина Е. В. Семантическая разметка лексики в Национальном корпусе русского языка: принципы, проблемы, перспективы // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М.: Индрик, 2005. С. 155–174.
44. Летучий 2012 — Летучий А. Б. О некоторых свойствах сентенциальных актантов в русском языке // Вопросы языкоznания. 2012. № 5. С. 57–87.
45. Летучий 2014а — Летучий А. Б. Между пассивом и декаузативом: русские модальные пассивы // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. X. Ч. 3. СПб.: Наука, 2014. С. 364–394.
46. Летучий 2014б — Летучий А. Б. Обобщения, ориентированные на исходную точку деривации vs. на продукт деривации, в описании синтаксических процессов // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. X. Ч. 2. Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / ред. С. С. Сай, М. А. Овсянникова, С. А. Оскольская. СПб.: Наука, 2014. С. 292–328.
47. Летучий 2016а — Летучий А. Б. Возвратность // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Глагол. Часть I / Отв. ред. В. А. Плунгян. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 268–337.
48. Летучий 2016б — Летучий А. Б. Переходность // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Глагол. Часть I. / Отв. ред. В. А. Плунгян. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 213–267.

49. Летучий 2018 — Летучий А. Б. Есть ли в русском языке сентенциальные подлежащие? // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2018. № 4. С. 25–48.
50. Лютикова 2017 — Лютикова Е. А. Формальные модели падежа: теории и приложения. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. 383 с.
51. Матханова 2005 — Матханова И. П. Поле состояния в современном русском языке: прототип и его окружение // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / Отв. ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубик. СПб.: Наука, 2005. С. 103–113.
52. Овсянникова 2015 — М. А. Овсянникова. Возвратные и переходные глаголы эмоций русского языка: свойства актантов и дискурсивные функции // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XI. Ч. 1. Категории имени и глагола в системе функциональной грамматики / Ред. М. Д. Воейкова, Е. Г. Сосновцева. СПб.: Наука, 2015. С. 439–468.
53. Овсянникова, в печати — Овсянникова М. А. Временные отношения в конструкциях с возвратными глаголами мышления с подлежащим-стимулом // Проблемы функциональной грамматики. В печати.
54. Падучева 1983 — Падучева Е. В. Возвратное местоимение с косвенным антецедентом и семантика рефлексивности // Семиотика и информатика. 1983. Вып. 21. С. 3–33.
55. Падучева 1996 — Падучева Е. В. Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996. 464 с.
56. Падучева 2000 — Падучева Е. В. Наблюдатель как Экспериент за кадром // Слово в тексте и в словаре. Сборник статей к семидесятилетию Ю. Д. Апресяна / ред. Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 185–201.
57. Падучева 2001 — Падучева Е. В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 52–79.

58. Падучева 2004а — Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 609 с.
59. Падучева 2004б — Падучева Е. В. Роли участников и диатезы глаголов эмоции // Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию проф. В. С. Храковского / ред. А. П. Володин. М.: Знак, 2004. С. 379–389.
60. Падучева 2016 — Падучева Е. В. Коммуникативная структура и линейно-акцентные преобразования предложения (на материале русского языка) // Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов / отв. ред. А. В. Циммерлинг, Е. А. Лютикова. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. С. 25–75.
61. Перцов 2003 — Перцов Н. В. Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии // Вопросы языкознания. 2003. №4. С. 43–71.
62. Пешковский 2001 — Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
63. Рахилина и др. 2010 — Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Бонч-Осмоловская А. А. Типология преобразования конструкций: предикаты боли // Лингвистика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010. С. 456–540.
64. Рахилина 2010 — Лингвистика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010.
65. Резникова 2014 — Резникова Т. И. *Слог у автора неплох, реально доставляет*: о нестандартных семантических переходах в глагольной лексике (по данным интернета) // Современный русский язык в интернете / ред. Я. Э. Ахапкина, Е. В. Рахилина. М.: Языки славянской культуры. С. 169–180.
66. Русакова 2013 — Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2013. 768 с.
67. Сай 2004 — Сай С. С. Окказиональная транзитивация в русской речи // Русская филология 15. Тарту: Tartu Ülikooli, 2004. С. 277–284.

68. Сай 2010 — Сай С. С. Два подхода к семантике русских рефлексивных глаголов // Проблемы грамматики и типологии. Сб. статей памяти В. П. Недялкова (1928–2009) / Ред. В. Ф. Выдрин, С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заика [и др.]. М.: Знак, 2010. С. 303–318.
69. Сай 2014 — Сай С. С. Лексические механизмы грамматического дрейфа: конструкции с дативным субъектом в русском языке XVIII–XXI веков // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. Х. Ч. 3. Studia typologica octogenario Victorii Khrakovskij Samuelis filio dedicate / ред. С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заика. СПб.: Наука, 2014. С. 568–610.
70. Сиротинина 2003 — Сиротинина О. Б. Порядок слов в русском языке. Издание 2-е, стереотипное. б.м.: УРСС, 2003. 172 с.
71. СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–2015.
72. СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Л.–СПб.: Наука, 1984–2015.
73. Слюсарь 2009 — Н. А. Слюсарь. На стыке теорий. Грамматика и информационная структура в русском и других языках. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 416 с.
74. Стексова 2002 — Стексова Т. И. Семантика невольности в русском языке: значение, выражение, функции. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2002. 200 с.
75. Тестелец 2001 — Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. 798 с.
76. Урысон 1998 — Урысон Е. В. Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. №2. С. 3–21.
77. Урысон 2003 — Урысон Е. В. Проблемы исследования русской языковой картины мира. Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с.

78. Холодилова 2013 — Холодилова М. А. Позиционные свойства местоимений в русском языке: магистерская диссертация. СПб: СПбГУ, 2013.
79. Храковский 1991 — Храковский В. С. Пассивные конструкции // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / ред. А. В. Бондарко. СПб. Наука. С. 141–180.
80. Храковский 2016 — Храковский В. С. Глаголы памяти: семантика, прагматика, синтаксис // Русский язык в научном освещении. 2016. № 2. С. 9–31.
81. Цейтлин 1976 — Цейтлин С. Н. Синтаксические модели со значением психических состояний и их синонимика // Синтаксис и стилистика / отв. ред. Г. А. Золотова. М.: Наука, 1976. С. 161–181.
82. Циммерлинг 2009 — Циммерлинг А. В. Два типа дативных предложений в русском языке // «Слово — чистое веселье...»: Сб. ст. в честь А. Б. Пеньковского / отв. ред. А. М. Молдован. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 471–489.
83. Циммерлинг 2012 — Циммерлинг А. В. Неканонические подлежащие в русском языке // От значения к форме, от формы к значению. Сб. статей к 80-летию члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко / отв. ред. М. Д. Воейкова. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 568–590.
84. Циммерлинг 2013 — Циммерлинг А. В. Transitive impersonals in Slavic and Germanic: Zero subjects and Thematic Relations // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам конференции «Диалог 2013». 2013. Вып. 12 (19). С 723–737.
85. Циммерлинг 2018 — Циммерлинг А. В. Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 7–33.
86. Циммерлинг, Трубицина 2015 — Циммерлинг А. В., Трубицина М. В. Дативные и сентенциальные подлежащие в русском языке: от внутренних состояний к общим суждениям // Rhema /Рема. 2015. № 4. С. 71–104.

87. Шведова 1964 — Шведова Н. Ю. Изменения в системе простого предложения // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX в. / ред. В. В. Виноградов, Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1964.
88. Шведова 1970 — Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: «Наука», 1970.
89. Шведова 1980 — Русская грамматика. Т. II. Синтаксис / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
90. Шведова 2005 — Шведова Н. Ю. Русский язык. Избранные работы. М.: Языки славянской культуры, 2005.
91. Шелякин 1987 — Шелякин М. А. *Способы действия* в поле лимитативности // *Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис* / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. С. 63–85.
92. Шелякин 2009 — Шелякин М. А. О происхождении и употреблении безличной формы русского глагола // Вопросы языкоznания. 2009. № 1. С. 35–49.
93. Янко 2001 — Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001. 384 с.
94. Янко-Триницкая 1962 — Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 248 с.
95. Arnold et al. 2000 — Arnold J. E., Wasow T., Losongco A., Ginstrom R. Heaviness vs. Newness: The effects of structural complexity and discourse status on constituent ordering // Language. 2000. Vol. 76. № 1. P. 28–55.
96. Baayen et al. 2013 — Baayen R. H., Endresen A., Janda L. A., Makarova A., Nesson T. Making choices in Russian: pros and cons of statistical methods for rival forms // Russian Linguistics. 2013. Vol. 37. P. 253–291.

97. Babby 1993 — Babby L. H. Hybrid causative constructions: benefactive causative and adversity passive // *Causatives and Transitivity* / ed. by B. Comrie, M. Polinsky. Amsterdam: Benjamins, 1993. P. 343–368.
98. Barðdal 2004 — Barðdal J. The semantics of the impersonal construction in Icelandic, German and Faroese: beyond thematic roles // *Focus on Germanic Typology* / ed. by W. Abraham. Berlin: Akademie Verlag, 2004. P. 105–137.
99. Barðdal 2008 — J. Barðdal. Productivity: Evidence from Case and Argument Structure in Icelandic. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2008. 209 p.
100. Bhaskararao, Subbarao 2004 — Non-nominative subjects. Vols. I-II. / ed. by P. Bhaskararao, K. V. Subbarao. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2004. 325 p.; 319 p.
101. Bates et al. 2015 — Bates D., Maechler M., Bolker B., Walker S. Fitting linear mixed-effects models using lme4 // *Journal of Statistical Software*. 2015. Vol. 67(1). P. 1–48.
102. Beedham 1982 — Beedham Ch. The Passive Aspect in English, German and Russian. Tübingen: Gunter Narr, 1982. 159 p.
103. Bickel 2004 — Bickel B. The syntax of experiencers in the Himalayas // Non-nominative subjects / ed. by P. Bhashkararao, K. V. Subbarao. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2004. Vol. 1. P. 77–111.
104. Bickel et al. 2014 — Bickel B., Zakharko T., Bierkandt L., Witzlack-Makarevich A. Semantic role clustering: an empirical assessment of semantic role types in non-default case assignment // *Studies in Language*. 2014. Vol 38 (3). P. 485–511.
105. Bossong 1998 — Bossong G. Le marquage de l’expérient dans les langues d’Europe // *Actance et valence dans les langues de l’Europe* / éd. par J. Feuillet. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 259–294.
106. Bresnan et al. 2007 — Bresnan J., Cueni A., Nikitina T., Baayen R. H. Predicting the dative alternation // *Cognitive Foundations of Interpretation* / ed. by G. Bouma, I. Krämer, J. Zwarts. Chicago: The University of Chicago Press, 2007. P. 69–94.

107. Butt 2006 — Butt M. *Theories of case*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 258 p.
108. Chafe 1994 — Chafe W. L. *Discourse, Consciousness, and Time*. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 392 p.
109. Cohn, Paczynski 2013 — Cohn N., Paczynski M. Prediction, events, and the advantage of Agents: The processing of semantic roles in visual narrative // *Cognitive Psychology*. 2013. Vol. 67 (3). P. 73–97.
110. Cole et al. 1980 — Cole P., Wayne H., Hermon G., Sridhar S. N. The acquisition of subjecthood // *Language*. 1980. Vol. 56 (4). P. 719–743.
111. Comrie 1989 — Comrie B. *Language Universals and Linguistic Typology*. Chicago: The University of Chicago Press, 1989.
112. Comrie 2004 — Comrie B. Oblique-case subjects in Tsez // *Non-nominative subjects*. Vol. 1. / ed. by P. Bhashkararao, K. V. Subbarao. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 113–127.
113. Cook, Bildhauer 2013 — Cook Ph., Bildhauer F. Identifying “aboutness topics”: two annotation experiments // *Dialogue and Discourse*. 2013. Vol. 4 (2). P. 118–141.
114. Cooreman 1987 — Cooreman A. M. *Transitivity and Discourse Continuity in Chamorro Narratives*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1987. P. 245.
115. Corbett 2010 — Corbett G. Implicational hierarchies // *The Oxford Handbook of Linguistic Typology* / ed. by J. J. Song. Oxford: Oxford University Press. P. 190–205.
116. Creissels 2008 — Creissels D. Impersonal and related constructions: a typological approach. Ms., Université Lumière (Lyon2), 2008.
117. Creissels 2018 — Creissels D. The Obligatory Coding Principle in diachronic perspective // *Typological Hierarchies in Synchrony and Diachrony* / ed. by S. Cristofaro, F. Zuñiga. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2018. P. 59–110.
118. Croft 2015 — Croft W. Force dynamics and directed change in event lexicalization and argument realization // *Cognitive Science Perspectives on Verb*

- Representation and Processing / ed. by R. G. de Almeida, Ch. Manouilidou. New York: Springer, 2015. P. 103–129.
119. Croft 1991 — Croft W. Syntactic Categories and Grammatical Relations. The Cognitive Organization of Information. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 328 p.
120. Croft 2009 — Croft W. Aspectual and causal structure in event representations // Routes to Language Development. In Honor of Melissa Bowerman / ed. by V. Gathercole. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 2009. P. 139–166.
121. Dixon 2010 — Dixon R. M. W. Basic Linguistic Theory. Vol. 1. Methodology. Oxford: Oxford University Press, 2010.
122. Donohue, Wichmann 2008 — The Typology of Semantic Alignment / ed. by M. Donohue, S. Wichmann. Oxford: Oxford University Press, 2008. 488 p.
123. Dowty 1991 — Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection // Language. 1990. Vol. 67. P. 547–619.
124. Dryer 2013 — Dryer M. S. Determining dominant word order // The World Atlas of Language Structures Online / ed. by M. S. Dryer, M. Haspelmath. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013.
125. Du Bois 1987 — Du Bois J. A. The discourse basis of ergativity // Language. 1987. Vol. 64. P. 805–855.
126. Fedriani 2013 — Fedriani Ch. The *me pudet* construction in the history of Latin // The Diachronic Typology of Non-Canonical Subjects / ed. by I. A. Seržant, L. Kulikov. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. P. 203–229.
127. Fedriani 2014 — Fedriani Ch. Experiential Constructions in Latin. Leiden/Boston: Brill, 2014. 310 p.
128. Fischer 2004 — Fischer S. The diachronic relationship between quirky subjects and stylistic fronting // Non-Nominative Subjects / ed. by P. Bhashkararao, K. V. Subbarao. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2004. Vol. 1. P. 193–212.
129. Fortuin 2011 — Fortuin E. L. J. Explaining the distribution of infinitives of impersonals in Russian // Language Sciences. 2011. Vol. 33 (5). P. 768–785.

130. Frascarelli, Hinterhölzl 2007 — Frascarelli M., Hinterhölzl R. Types of topics in German and Italian // *On Information Structure, Meaning, and Form* / ed. by K. Schwabe, S. Winkler. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2007. P. 87–116.
131. Gelman, Su 2018 — Gelman A., Su Y.-S. arm: Data Analysis Using Regression and Multilevel/Hierarchical Models. R package version 1.10-1. 2015. <https://CRAN.R-project.org/package=arm>.
132. Gelman, Hill 2007 — Gelman A., Hill J. *Data Analysis Using Regression and Multilevel/Hierarchical Models*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 651 p.
133. Givón 1983 — Givón T. Topic continuity in discourse: An introduction // *Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-Language Study* / ed. by T. Givón. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1983. P. 1–41.
134. Givón 1994 — Givón T. The pragmatics of de-transitive voice: functional and typological aspects of inversion // *Voice and Inversion* / ed. by T. Givón. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1994. P. 47–63.
135. Givón 2001 — Givón T. *Syntax: An Introduction*. Vol. 1. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2001. 500 p.
136. Goldberg 1995 — Goldberg A. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago: University of Chicago Press, 1995. 271 p.
137. Guiraud-Weber 1984 — Guiraud-Weber M. *Les propositions sans nominatif en russe moderne*. Paris: Institut d'études slaves, 1984. 399 p.
138. Guiraud-Weber 2002 — Guiraud-Weber M. Субъектные черты и проблема подлежащего в русском языке // *Revue des études slaves*. 2002. T. 74. F. 2–3. P. 279–289.
139. Guiraud-Weber 2011 — Guiraud-Weber M. L'évolution récente de phrases impersonnelles en russe // M. Guiraud-Weber. *Essais de syntaxe russe et contrastive*. Aix-en-Provence: Université de Provence, 2011. P. 139–151.

140. Haspelmath 1993 — Haspelmath M. More on the typology of inchoative/causative verb alternations // *Causatives and Transitivity* / ed. by B. Comrie, M. Polinsky. Amsterdam: John Benjamins, 1993. P. 87–120.
141. Haspelmath 2001 — Haspelmath M. Non-canonical marking of core arguments in European languages // *Non-canonical Marking of Subjects and Objects* / ed. by A. Yu. Aikhenvald, R. M. W. Dixon, M. Onishi. Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 53–83.
142. Haspelmath 2010 — Haspelmath M. The Behaviour-before-Coding Principle in syntactic change // *Essais de typologie et de linguistique générale. Mélanges offerts à Denis Creissels* / éd. F. Floricic. Lyon: ENS, 2010. P. 541–554.
143. Haspelmath 2015 — Haspelmath M. Transitivity prominence // *Valency classes in the world's languages. A comparative handbook.* Vol. 1 / ed. by A. L. Malchukov, B. Comrie. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015. P. 131–147.
144. Haspelmath, Caruana 2000 — Haspelmath M., Caruana S. Subject diffuseness in Maltese: on some subject properties of experiential verbs // *Folia Linguistica*. 2000. Vol. XXXIV/3–4. P. 245–265.
145. Haude, Witzlack-Makarevich 2016 — Haude K., Witzlack-Makarevich A. Referential hierarchies and alignment: an overview // *Linguistics*. 2016. Vol. 54 (3). P. 433–441.
146. Hawkins 1994 — Hawkins J. A. *A Performance Theory of Order and Constituency*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 516 p.
147. Hopper, Thompson 1980 — Hopper P. J., Thompson S. A. Transitivity in grammar and discourse. *Language*. 1980. Vol. 56. No. 2. P. 251–299.
148. Hothorn et al. 2006a — Hothorn T., Hornik K., Zeileis A. Unbiased recursive partitioning: a conditional inference framework // *Journal of Computational and Graphical Statistics*. 2006. Vol. 15 (3). P. 651–674.
149. Hothorn et al. 2006b — Hothorn T., Buehlmann P., Dudoit S., Molinaro A., Van Der Laan M. Survival ensembles // *Biostatistics*. 2006. Vol. 7 (3). P. 355–373.

150. Hothorn et al. 2006c — Hothorn T., Hornik K., van de Wiel M. A., Zeileis A. A lego system for conditional inference // *The American Statistician*. 2006. Vol. 60(3). P. 257–263.
151. Jacennik, Dryer 1992 — Jacennik B., Dryer M. Verb-subject order in Polish // *Pragmatics of Word Order Flexibility* / ed. by D. L. Payne. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 1992. P. 209–241.
152. Janda, Divjak 2015 — Janda L. A., Divjak D. The role of non-canonical subjects in the overall grammar of a language: a case study of Russian // *Subjects in Constructions — Canonical and Non-canonical* / ed. by M.-L. Helasvuo, T. Huumo. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2015. P. 293–317.
153. Johnson 2008 — K. Johnson. *Quantitative methods in linguistics*. Malden, MA: Blackwell, 2008. 277 p.
154. Keenan 1976 — Keenan E. Towards a universal definition of ‘Subject’ // *Subject and Topic* / ed. by Ch. N. Li (ed.). New York: Academic Press, 1976. P. 303–333.
155. Kemmer 1993 — Kemmer S. *The Middle Voice*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1993. 300 p.
156. Kemmer 1994 — Kemmer S. Middle voice, transitivity, and the elaboration of events // *Voice: Form and Function* / ed. by B. A. Fox, P. J. Hopper. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1994. P. 179–230.
157. Kemmerer 2012 — Kemmerer D. The cross-linguistic prevalence of SOV and SVO word orders reflects the sequential and hierarchical representation of action in Broca’s area // *Language and Linguistics Compass*. 2012. Vol. 6 (1). P. 50–66.
158. Kitis 2009 — Kitis E. From motion to emotion to interpersonal function: the case of fear predicates // *Language and social cognition. Expression of the social mind* / ed. by H. Pishwa. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2009. P. 433–454.
159. Kizach 2012 — Kizach J. Evidence for weight effects in Russian // *Russian Linguistics*. 2012. Vol. 36 (3). P. 251–270.
160. Klein, Kutscher 2002 — Klein K., Kutscher S. Psych-verbs and lexical economy // *Theorie des Lexikons (Arbeiten des Sonderforschungsbereichs 282)*. 2002. Bd. 122. P. 1–41.

161. Kulikov, Seržant 2013 — The Diachronic Typology of Non-Canonical Subjects / ed. by L. Kulikov, I. A. Seržant. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2013. 364 p.
162. Kustova et al. 2009 — Kustova G. I., Lashevskaja O. N., Paducheva E. V., Rakhilina E. V. Verb taxonomy: from theoretical lexical semantics to practice of corpus tagging // Cognitive Corpus Linguistics Studies / ed. by B. Lewandowska-Tomaszczyk, K. Dziwirek K. Frankfurt: Peter Lang, 2009. P. 41–56.
163. Lambrecht 1994 — Lambrecht K. P. Information Structure and Sentence Form. Topic, Focus and the Mental Representations of Discourse Referents. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 408 p.
164. Lamers, de Hoop 2014 — Lamers M., de Hoop H. Animate object fronting in Dutch // Competing Motivations in Grammar and Usage / ed. by B. MacWhinney, A. L. Malchukov, E. A. Moravcsik. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 42–53.
165. Landau 2010 — Landau I. The Locative Syntax of Experiencers. Cambridge, MA: MIT Press, 2010. 165 p.
166. Lavine 2014 — Lavine J. Anti-Burzio predicates: from Russian and Ukrainian to Icelandic // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. 2014. № 2. С. 91–106.
167. Lazard 2002 — Lazard G. Transitivity revisited as an example of a more strict approach in typological research // Folia Linguistica. 2002. Vol. 36 (3–4). P. 141–190.
168. Lesnoff, Lancelot 2013 — Lesnoff M., Lancelot R. 2013. aods3: analysis of over dispersed data using S3 methods. aods3 package version 0.4-1.
169. Letuchiy 2015 — Letuchiy A. Historical development of labile verbs in modern Russian // Linguistics. 2015. Vol. 53 (3). P. 611–647.
170. Levin, Rappaport Hovav 2005 — Levin B., Rappaport Hovav M. Argument Realization. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 286 p.
171. Luraghi 1993 — Luraghi S. Prototypicality and agenthood in Indo-European // Historical Linguistics / ed. by H. Andersen. Amsterdam: Benjamins, 1993. P. 254–268.

172. Luraghi 2014 — Luraghi S. Plotting diachronic semantic maps. The role of metaphors // *Perspectives on Semantic Roles* / ed. by S. Luraghi, H. Narrog. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2014. P. 99–150.
173. Luraghi, in prep. — Luraghi S. *The Grammar of Experience. Experiential verbs in Homeric Greek*. In preparation.
174. Malchukov 2005 — Malchukov A. L. Case pattern splits, verb types and construction competition // *Competition and Variation in Natural Languages. The Case for Case* / ed. by M. Amberber, H. de Hoop. London/New York: Elsevier, 2005. P. 73–117.
175. Malchukov 2008 — Malchukov A. L. Split intransitives, experiencer objects, and ‘transimpersonal’ constructions: (re-)establishing the connection // *The Typology of Semantic Alignment* / ed. by M. Donohue, S. Wichmann. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 76–100.
176. Malchukov, Ogawa 2011 — Malchukov A., Ogawa A. Towards a typology of impersonal constructions: a semantic map approach // *Impersonal Constructions. A Cross-Linguistic Perspective* / ed. by A. Malchukov, A. Siewierska. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 19–56.
177. McDonald 2014 — McDonald J. H. *Handbook of Biological Statistics*. Baltimore, Maryland: Sparky House Publishing, 2014. 299 p.
178. Mel’čuk 1979 — Mel’čuk I. A. Syntactic, or lexical, zero in natural language // *Proceedings of the Fifth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 1979. P. 224–260.
179. Miura 2015 — Miura A. *Middle English Verbs of Emotion and Impersonal Constructions. Verb Meaning and Syntax in Diachrony*. Oxford: Oxford University Press, 2015. 312 p.
180. Möhlig-Falke 2012 — Möhlig-Falke R. *The Early English Impersonal Construction. An Analysis of Verbal and Constructional Meaning*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 565 p.

181. Moore, Perlmutter 2000 — J. Moore, D. M. Perlmutter. What does it take to be a dative subject? // *Natural Language & Linguistic Theory*. 2000. Vol. 18, No. 2. P. 373–416.
182. Mustajoki, Копотев 2005 — Mustajoki A., Копотев М. В. *Лодку унесло ветром: условия и контексты употребления русской «стихийной» конструкции* // *Russian Linguistics*. 2005. Vol. 29 (1). P. 1–38.
183. Myhill 2001 — Myhill J. Typology and discourse analysis // *The Handbook of Discourse Analysis* / ed. by D. Schiffrin, D. Tannen, H. E. Hamilton. Malden, MA: Blackwell, 2001. P. 161–174.
184. Næss 2007 — Næss Å. *Prototypical Transitivity*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2007. 254 p.
185. Nichols 1993 — Nichols J. Transitive and causative in the Slavic lexicon. Evidence from Russian // *Causatives and Transitivity* / ed. by B. Comrie, M. Polinsky. Amsterdam: John Benjamins, 1993. P. 69–86.
186. Nichols et al. 2004 — Johanna N, Peterson D. A., Barnes J. *Transitivizing and detransitivizing languages* // *Linguistic Typology*. 2004. Vol. 8 (2). P. 149–211.
187. Onishi 2001 — Onishi M. Non-canonically marked subjects and objects. Parameters and properties // *Non-canonical marking of subjects and objects* / ed. by A. Yu. Aikhenvald, R. M. W. Dixon, M. Onishi. Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 1–51.
188. Ovsjannikova, Say, in press — Ovsjannikova M., Say S. The instrumental case in the diachrony of Russian reflexive verbs of emotion: from cause to content // *Scando-Slavica*, in press.
189. Pesetsky 1995 — Pesetsky D. *Zero Syntax. Experiencers and Cascades*. Cambridge, Mass: MIT Press, 1995. 351 p.
190. Piccini 2015 — Piccini S. Trans impersonal constructions in Lithuanian: towards the emergence of split intransitivity // *Baltistica*. 2015. Vol. L (1). P. 19–55.
191. Plank 1979 — Plank F. Ergativity, syntactic typology and universal grammar. Some past and present viewpoints // *Ergativity. Towards a theory of grammatical relations* / ed. by F. Plank. London: Academic Press, 1979. P. 3–36.

192. Pyykönен et al. 2010. — Pyykönен P., Matthews D., Järvikivi J. Three-year-olds are sensitive to semantic prominence during online language comprehension: a visual world study of pronoun resolution // *Language and Cognitive Processes*. 2010. Vol. 25 (1). P. 115–129.
193. R Core Team 2018 — R Core Team. R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria, 2018. <http://www.R-project.org/>.
194. Reinhart 2002 — Reinhart T. The Theta System: an overview // *Theoretical Linguistics*. 2002. Vol. 28 (3). P. 229–290.
195. Reznikova et al. 2012 — Reznikova T., Rakhilina E., Bonch-Osmolovskaya A. Towards a typology of pain predicates // *Linguistics*. 2012. Vol. 50 (3). P. 421–465.
196. Schlund 2013 — Schlund K. Russian adversity impersonals and split ergativity // *Current Studies in Slavic Linguistics* / ed. by I. Kor-Chahine. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2013. P. 247–263.
197. Schoorlemmer 1994 — Schoorlemmer M. Dative subjects in Russian // *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics. The Ann Arbor Meeting* / ed. by J. Toman. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1994. P. 129–172.
198. Seoane 2012 — Seoane E. Givenness and word order: a study of long passives from Early Modern English to Present-Day English // *Information Structure and Semantic Change in the History of English* / ed. by A. Meurman-Solin, M. J. López-Couso, B. Los. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 139–163.
199. Seržant 2013 — Seržant I. A. Rise of canonical subjecthood // *The Diachronic Typology of Non-canonical Subjects* / ed. by I. A. Seržant, L. Kulikov. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2013. P. 283–310.
200. Seržant 2015 — Seržant I. A. Dative experiencer constructions as a Circum-Baltic isogloss // *Contemporary Approaches to Baltic Linguistics* / ed. by P. Arkadiev, A. Holvoet, B. Wiemer. Berlin, New York: Mouton De Gruyter, 2015. P. 325–348.
201. Shibatani 1985 — Shibatani M. Passive and related constructions. A prototype analysis // *Language*. 1985. Vol. 61. P. 821–848.

202. Shibatani 1998 — Shibatani M. Voice Parameters // *Typology of Verbal Categories*. Papers Presented to Vladimir Nedjalkov on the Occasion of his 70th Birthday / ed. by L. Kulikov, H. Vater. Tübingen: Niemeyer, 1998. P. 117–138.
203. Siewerska 1993 — Siewerska A. Syntactic weight vs. pragmatic factors and word order variation in Polish // *Journal of Linguistics*. 1993. Vol. 29. P. 233–265.
204. Signorell et al. 2018 — Signorell A. et mult. al. DescTools: tools for descriptive statistics. R package version 0.99.24. 2018.
205. Silverstein 1976 — Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity // *Grammatical categories in Australian languages* / ed. by R. M. W. Dixon. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press, 1976. P. 112–171.
206. Sokolova et al. 2012 — Sokolova S., Lyashevskaya O., Janda L. A. The locative alternation and the Russian ‘empty’ prefixes. A case study of the verb *gruzit* ‘load’ // *Frequency Effects in Language Representation*. Vol. 1 / ed. by D. Divjak, S. Th. Gries. Berlin: Mouton De Gruyter, 2012. P. 2–51.
207. Strobl et al. 2007 — Strobl C., Boulesteix A. -L., Zeileis A., Hothorn T. Bias in random forest variable importance measures. Illustrations, sources and a solution // *BMC Bioinformatics*. 2007. Vol. 8. P. 1–25.
208. Temme, Verhoeven 2016 — Temme A., Verhoeven E. Verb class, case, and order. A crosslinguistic experiment on non-nominative experiencers // *Linguistics*. 2016. Vol. 54 (4). P. 769–813.
209. Thompson 1994 — Thompson C. Passive and inverse constructions // *Voice and Inversion* / ed. by T. Givón (ed.). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1994. P. 47–63.
210. Tsunoda 1981 — Tsunoda T. Split case-marking patterns in verb-types and tense/aspect/mood // *Linguistics*. 1981. Vol. 19. P. 389–438.
211. Tsunoda 1985 — Tsunoda T. Remarks on transitivity // *Journal of Linguistics*. 1985. Vol. 21. No. 2. P. 385–396.
212. Verhoeven 2007 — Verhoeven E. *Experiential Constructions in Yucatec Maya. A Typologically Based Analysis of a Functional Domain in a Mayan Language*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2007. 382 p.

213. Verhoeven 2014 — Verhoeven E. Thematic prominence and animacy asymmetries. Evidence from a cross-linguistic production study // *Lingua*. 2014. Vol. 143. P. 129–161.
214. Verhoeven 2015 — Verhoeven E. Thematic asymmetries do matter! A corpus study of German word order // *Journal of Germanic Linguistics*. 2015. Vol. 27 (1). P. 45–104.
215. Viti 2017 — Viti C. Semantic and cognitive factors of argument marking in ancient Indo-European languages // *Diachronica*. 2017. Vol. 34 (3). P. 368–419.
216. Wasow, Arnold 2003 — Wasow T., Arnold J. Post-verbal constituent ordering in English // *Determinants of Grammatical Variation in English* / ed. by G. Rohdenburg, B. Mondorf. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. P. 119–154.
217. Wierzbicka 1992 — Wierzbicka A. *Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. New York, Oxford: Oxford University Press, 1992. 496 p.
218. Yu 2007 — Yu C. H. Resampling. A conceptual and procedural introduction // *Best practices in quantitative methods* / ed. by J. Osborne. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2007. P. 283–298.
219. Zielenbach 2018 — Zielenbach M. Are “Nominative Experiencers” really a feature of Standard Average European? — Haspelmath’s claim revised. Course paper, University of Cologne, 2018.
220. Zimmerling 2009 — Zimmerling A. Dative subjects and semi-expletive pronouns in Russian // *Studies in Formal Slavic Phonology, Morphology, Syntax, Semantics and Discourse Structure* / ed. by G. Zybatow, U. Junghanns, D. Lenertova, P. Biskup. Frankfurt: Peter Lang, 2009. P. 253–265.

Приложение. Списки и грамматические свойства глаголов восприятия, мышления и эмоций

Приложение 1 содержит списки экспериенциальных глаголов восприятия, мышления, эмоций и физиологической сферы, использовавшиеся при анализе количественного состава соответствующих семантических групп экспериенциальных глаголов русского языка в главе 1.

Глаголы приведены в алфавитном порядке. Для каждого глагола указано, какой участник занимает позицию подлежащего. Для этого признака используются следующие обозначения: EXP — экспериенцер, STIM — стимул, CAUS — каузатор, NO — подлежащее отсутствует. Во втором и третьем столбцах отражены признаки переходности и возвратности, каждый из которых может иметь два значения: tr и intr — переходный и неперходный, refl и non-refl — возвратный и невозвратный. Для возвратных глаголов указан деривационный тип. Для подтипов субъектных возвратных глаголов используются обозначения: циркумфиксальные (circum), реципрокальные (recipr), глаголы с изменением статуса второго участника (obj.impers, т. е. объектный имперсонал). Для всех объектных рефлексивов, т. е. и для пассивных, и для декаузативных глаголов, используется обозначение pass. Не обратимым возвратным глаголам соответствует помета underived. Для глаголов, при которых экспериенцер не занимает позицию подлежащего, указано то, каким образом он оформляется: дативом (dat), аккузативом (acc) или иным способом (other; этому способу соответствует оформление с помощью творительного падежа при пассиве и невозможность выражения при декаузативах). Также указан вид глагола. Для каждого глагола приведена частотность в текстах основного подкорпуса НКРЯ, созданных строго позже 1950 г. Частотность в ipm (items per million), или относительная частотность, полностью выводима из числа вхождений (т. н. «сырая частотность», raw frequency), однако она приведена для возможности сопоставления с другими источниками. Наконец, указано, включен ли глагол в список на основании семантической разметки НКРЯ (rnc) или добавлен в ходе последующего анализа (added).

Глаголы восприятия

Глагол	Подлежащее	Переходность	Возвратность	Тип возвратного глагола	Форма объектного экспр.	Вид	Число вхождений	Частотность (ipm)	Источник
вглядеться	EXP	intr	refl	circum		PERF	768	6,38	rnc
вглядываться	EXP	intr	refl	circum		IMP	2257	18,75	added
взглядывать	EXP	intr	non-refl			IMP	471	3,91	rnc
взглянуть	EXP	intr	non-refl			PERF	9146	75,97	rnc
взирать	EXP	intr	non-refl			IMP	849	7,05	rnc
видать	EXP	tr	non-refl			IMP	4929	40,94	rnc
видеть	EXP	tr	non-refl			IMP	117339	974,72	rnc
видеться1	EXP	intr	refl	recipr		IMP	2199	18,27	rnc
видеться2	STIM	intr	refl	pass	dat	IMP	1593	13,23	rnc
виднеться	STIM	intr	refl	underived	other	IMP	1960	16,28	added
видывать	EXP	tr	non-refl			IMP	306	2,54	rnc
внемлить	EXP	intr	non-refl			IMP	47	0,39	rnc
внимать	EXP	intr	non-refl			IMP	785	6,52	rnc
внять	EXP	intr	non-refl			PERF	368	3,06	rnc
воззрить	EXP	intr	non-refl			PERF	1	0,01	added
воззриться	EXP	intr	refl	obj.impers		PERF	144	1,20	rnc
впериваться	EXP	intr	refl	obj.impers		IMP	10	0,08	added
впериться	EXP	intr	refl	obj.impers		PERF	111	0,92	rnc
вслушаться	EXP	intr	refl	circum		PERF	236	1,96	rnc
вслушиваться	EXP	intr	refl	circum		IMP	1023	8,50	rnc
всматриваться	EXP	intr	refl	circum		IMP	1315	10,92	rnc
всмотреться	EXP	intr	refl	circum		PERF	418	3,47	rnc
выглядывать	EXP	intr	non-refl			IMP	1347	11,19	rnc
выглянуть	EXP	intr	non-refl			PERF	1616	13,42	rnc
вынюхать	EXP	tr	non-refl			PERF	42	0,35	rnc
вынюхивать	EXP	tr	non-refl			IMP	124	1,03	rnc
выследить	EXP	tr	non-refl			PERF	320	2,66	added

выслеживать	EXP	tr	non-refl			IMP	237	1,97	rnc
выслеживаться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	1	0,01	added
выслушать	EXP	tr	non-refl			PERF	3305	27,45	rnc
выслушивать	EXP	tr	non-refl			IMP	1220	10,13	rnc
выслушиваться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	18	0,15	added
высматривать	EXP	tr	non-refl			IMP	598	4,97	rnc
высматриваться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	3	0,02	added
высмотреть	EXP	tr	non-refl			PERF	207	1,72	rnc
вытаращивать	EXP	intr	non-refl			IMP	16	0,13	rnc
вытаращиваться	EXP	intr	refl	obj.impers		IMP	3	0,02	added
вытаращить	EXP	intr	non-refl			PERF	489	4,06	rnc
вытаращиться	EXP	intr	refl	obj.impers		PERF	88	0,73	rnc
глазеть	EXP	intr	non-refl			IMP	536	4,45	rnc
глядеть	EXP	intr	non-refl			IMP	24137	200,50	rnc
глядеться1	EXP	intr	refl	obj.impers		IMP	98	0,81	rnc
глядеться2	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	84	0,70	rnc
глянуть	EXP	intr	non-refl			PERF	4274	35,50	rnc
глянуться	STIM	intr	refl	pass	dat	PERF	73	0,61	added
демонстрировать	CAUS	tr	non-refl			IMP	3906	32,45	rnc
демонстрироваться	STIM	intr	refl	pass	(dat_val)	IMP	581	4,83	added
доглядеть	EXP	tr	non-refl			PERF	54	0,45	rnc
доглядеться	EXP	intr	refl	circum		PERF	7	0,06	added
донюхивать	EXP	tr	non-refl			IMP	1	0,01	rnc
дослушать	EXP	tr	non-refl			PERF	364	3,02	rnc
дослушаться	EXP	intr	refl	circum		PERF	4	0,03	added
дослушивать	EXP	tr	non-refl			IMP	30	0,25	added
досматривать	EXP	tr	non-refl			IMP	135	1,12	rnc
досматриваться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	8	0,07	added
досмотреть	EXP	tr	non-refl			PERF	231	1,92	rnc
досмотреться	EXP	intr	refl	circum		PERF	7	0,06	added
завидеть	EXP	tr	non-refl			PERF	594	4,93	rnc
завидеться	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	5	0,04	added

заглядеться	EXP	intr	refl	circum		PERF	167	1,39	rnc
заглядывать	EXP	intr	non-refl			IMP	3439	28,57	added
заглядываться	EXP	intr	refl	circum		IMP	143	1,19	added
заглянуть	EXP	intr	non-refl			PERF	6184	51,37	rnc
зазеваться	EXP	intr	refl	circum		PERF	274	2,28	added
зазевываться	EXP	intr	refl	circum		IMP	2	0,02	rnc
залюбоваться	EXP	intr	refl	prefix		PERF	229	1,90	rnc
залюбовываться	EXP	intr	refl	prefix		IMP	1	0,01	added
заметить	EXP	tr	non-refl			PERF	31335	260,30	rnc
заметиться	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	3	0,02	added
замечать	EXP	tr	non-refl			IMP	9562	79,43	added
замечаться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	234	1,94	added
занюхать	EXP	tr	non-refl			PERF	81	0,67	added
занюхаться	EXP	intr	refl	obj.impers		PERF	2	0,02	added
занюхивать	EXP	tr	non-refl			IMP	12	0,10	rnc
заприметить	EXP	tr	non-refl			PERF	150	1,25	rnc
заприметиться	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	1	0,01	added
зариться	EXP	intr	refl	underived		IMP	84	0,70	rnc
заслушать	EXP	tr	non-refl			PERF	294	2,44	rnc
заслушаться	EXP	intr	refl	circum		PERF	104	0,86	rnc
заслушивать	EXP	tr	non-refl			IMP	61	0,51	added
заслушиваться1	EXP	intr	refl	circum		IMP	42	0,35	added
заслушиваться2	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	24	0,20	added
заслышенить	EXP	tr	non-refl			PERF	302	2,51	rnc
заслышениться	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	6	0,05	added
засматривать	EXP	tr	non-refl			IMP	20	0,17	rnc
засматриваться	EXP	intr	refl	circum		IMP	68	0,56	rnc
засмотреть	EXP	tr	non-refl			PERF	13	0,11	added
засмотреться	EXP	intr	refl	circum		PERF	149	1,24	rnc
зреть	EXP	tr	non-refl			IMP	7555	62,76	rnc
зреться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	3	0,02	added
казаться	STIM	intr	refl	underived	dat	IMP	72115	599,05	rnc

лицезреть	EXP	tr	non-refl			IMP	201	1,67	rnc
любоваться	EXP	intr	refl	underived		IMP	2497	20,74	rnc
мерещиться	STIM	intr	refl	underived	dat	IMP	783	6,50	added
наблюдать	EXP	tr	non-refl			IMP	12117	100,65	rnc
наблюдаться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	4914	40,82	added
наблюсти	EXP	tr	non-refl			PERF	37	0,31	added
наглядеть	EXP	tr	non-refl			PERF	4	0,03	added
наглядеться	EXP	intr	refl	circum		PERF	221	1,84	rnc
надзирать	EXP	intr	non-refl			IMP	166	1,38	added
налюбоваться	EXP	intr	refl	prefix		PERF	104	0,86	rnc
нанюхать	EXP	tr	non-refl			PERF	8	0,07	rnc
нанюхаться	EXP	intr	refl	circum		PERF	58	0,48	added
наслушаться	EXP	intr	refl	circum		PERF	339	2,82	rnc
наслушивать	EXP	tr	non-refl			IMP	1	0,01	added
наслушиваться	EXP	intr	refl	circum		IMP	2	0,02	added
наслышать	EXP	tr	non-refl			PERF	2	0,02	added
наслышаться	EXP	intr	refl	circum		PERF	61	0,51	rnc
насмотреть	EXP	tr	non-refl			PERF	5	0,04	added
насмотреться	EXP	intr	refl	circum		PERF	573	4,76	rnc
недоглядеть	EXP	intr	non-refl			PERF	95	0,79	added
недоглядывать	EXP	intr	non-refl			IMP	1	0,01	added
недосмотреть	EXP	tr	non-refl			PERF	73	0,61	added
недочувствовать	EXP	tr	non-refl			PERF	4	0,03	rnc
нюхать	EXP	tr	non-refl			IMP	837	6,95	rnc
нюхаться	EXP	intr	refl	recipr		IMP	2	0,02	added
нюхнуть	EXP	tr	non-refl			PERF	65	0,54	added
облюбоваться	EXP	intr	refl	circum		PERF	1	0,01	added
обнюхать	EXP	tr	non-refl			PERF	177	1,47	rnc
обнюхаться	EXP	intr	refl	circum		PERF	14	0,12	added
обнюхивать	EXP	tr	non-refl			IMP	195	1,62	rnc
обнюхиваться1	EXP	intr	refl	recipr		IMP	17	0,14	added
обнюхиваться2	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	2	0,02	added

обозревать	EXP	tr	non-refl			IMP	220	1,83	rnc
обозреваться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	7	0,06	added
обозреть	EXP	tr	non-refl			PERF	134	1,11	added
обонять	EXP	tr	non-refl			IMP	71	0,59	rnc
обоняться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	1	0,01	added
обсматривать	EXP	tr	non-refl			IMP	4	0,03	added
обсматриваться	EXP	intr	refl	obj.impers		IMP	1	0,01	added
обсмотреть	EXP	tr	non-refl			PERF	14	0,12	rnc
обсмотреться	EXP	intr	refl	circum		PERF	5	0,04	rnc
оглядеть	EXP	tr	non-refl			PERF	2164	17,98	rnc
оглядеться	EXP	intr	refl	obj.impers		PERF	1877	15,59	rnc
оглядывать	EXP	tr	non-refl			IMP	1292	10,73	added
оглядываться	EXP	intr	refl	obj.impers		IMP	3773	31,34	rnc
оглянуться	EXP	intr	refl	obj.impers		PERF	4950	41,12	rnc
озирать	EXP	tr	non-refl			IMP	170	1,41	rnc
озираться	EXP	intr	refl	obj.impers		IMP	1232	10,23	rnc
озреть	EXP	tr	non-refl			PERF	2	0,02	added
ослепить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	672	5,58	added
ослепиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	2	0,02	added
ослеплять	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	272	2,26	rnc
ослепляться	EXP	intr	refl	pass		IMP	7	0,06	added
ослыпаться	EXP	intr	refl	circum		PERF	149	1,24	added
осматривать	EXP	tr	non-refl			IMP	1651	13,71	rnc
осматриваться1	EXP	intr	refl	obj.impers		IMP	277	2,30	rnc
осматриваться2	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	31	0,26	rnc
осмотреть	EXP	tr	non-refl			PERF	2734	22,71	added
осмотреться	EXP	intr	refl	obj.impers		PERF	832	6,91	added
осяжить	EXP	tr	non-refl			PERF	4	0,03	rnc
осязать	EXP	tr	non-refl			IMP	488	4,05	rnc
осязаться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	2	0,02	added
отследить	EXP	tr	non-refl			PERF	182	1,51	added
отслеживать	EXP	tr	non-refl			IMP	578	4,80	rnc

отслеживаться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	39	0,32	added
ощутить	EXP	tr	non-refl			PERF	4042	33,58	rnc
ощутиться	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	21	0,17	added
ощущать	EXP	tr	non-refl			IMP	6358	52,82	added
ощущаться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	1554	12,91	added
переглядеть	EXP	tr	non-refl			PERF	6	0,05	added
переглядывать	EXP	tr	non-refl			IMP	2	0,02	added
переглядываться	EXP	intr	refl	recipr		IMP	457	3,80	added
переглянуться	EXP	intr	refl	recipr		PERF	1182	9,82	rnc
пересматривать	EXP	tr	non-refl			IMP	468	3,89	rnc
пересматриваться1	EXP	intr	refl	recipr		IMP	2	0,02	rnc
пересматриваться2	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	145	1,20	rnc
пересмотреть	EXP	tr	non-refl			PERF	1273	10,57	rnc
поглазеть	EXP	intr	non-refl			PERF	188	1,56	rnc
поглядеть	EXP	intr	non-refl			PERF	4538	37,70	rnc
поглядеться	EXP	intr	refl	obj.impers		PERF	20	0,17	rnc
поглядывать	EXP	intr	non-refl			IMP	3300	27,41	rnc
поглянуть	EXP	intr	non-refl			PERF	2	0,02	rnc
подглядеть	EXP	tr	non-refl			PERF	102	0,85	rnc
подглядывать	EXP	tr	non-refl			IMP	391	3,25	added
подметить	EXP	tr	non-refl			PERF	638	5,30	rnc
подмечать	EXP	tr	non-refl			IMP	204	1,69	added
подмечаться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	2	0,02	added
подслушать	EXP	tr	non-refl			PERF	537	4,46	rnc
подслушивать	EXP	tr	non-refl			IMP	587	4,88	rnc
подслушиваться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	6	0,05	added
подсматривать	EXP	tr	non-refl			IMP	191	1,59	rnc
подсмотреть	EXP	tr	non-refl			PERF	283	2,35	rnc
позевывать	EXP	intr	non-refl			IMP	149	1,24	rnc
показать	CAUS	tr	non-refl			PERF	34046	282,82	rnc
показаться	STIM	intr	refl	underived	dat	PERF	17605	146,24	added
показывать	CAUS	tr	non-refl			IMP	18521	153,85	added

показываться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	1050	8,72	added
полюбоваться	EXP	intr	refl	prefix		PERF	870	7,23	rnc
померещиться	STIM	intr	refl	underived	dat	PERF	357	2,97	added
она наблюдать	EXP	tr	non-refl			PERF	343	2,85	rnc
понюхать	EXP	tr	non-refl			PERF	746	6,20	rnc
послеживать	EXP	intr	non-refl			IMP	28	0,23	rnc
послушать	EXP	tr	non-refl			PERF	5793	48,12	rnc
послышишься	STIM	intr	refl	underived	dat	PERF	3070	25,50	rnc
посматривать	EXP	tr	non-refl			IMP	946	7,86	rnc
посмотреть	EXP	tr	non-refl			PERF	36348	301,94	rnc
посмотреться	EXP	intr	refl	obj.impers		PERF	74	0,61	rnc
посозерцать	EXP	tr	non-refl			PERF	3	0,02	added
почувствовать	EXP	tr	non-refl			PERF	14469	120,19	rnc
почувствоваться	STIM	intr	refl	pass	dat	PERF	86	0,71	rnc
почудиться	STIM	intr	refl	underived	dat	PERF	742	6,16	added
почуять	EXP	tr	non-refl			PERF	942	7,83	rnc
почуяться	STIM	intr	refl	pass	dat	PERF	9	0,07	rnc
привидеться	STIM	intr	refl	underived	dat	PERF	318	2,64	rnc
приглядеть	EXP	tr	non-refl			PERF	111	0,92	rnc
приглядеться	EXP	intr	refl	circum		PERF	765	6,35	rnc
приглядывать	EXP	intr	non-refl			PERF	187	1,55	added
приглядываться	EXP	intr	refl	circum		PERF	589	4,89	added
приглянуть	EXP	intr	non-refl			PERF	1	0,01	added
приглянуться	STIM	intr	refl	underived	dat	PERF	445	3,70	rnc
примерещиться	STIM	intr	refl	underived	dat	PERF	50	0,42	added
приметить	EXP	tr	non-refl			PERF	734	6,10	rnc
приметиться	STIM	intr	refl	pass	dat	PERF	4	0,03	added
примечать	EXP	tr	non-refl			IMP	190	1,58	rnc
примечаться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	1	0,01	added
принюхаться	EXP	intr	refl	circum		PERF	159	1,32	added
принюхиваться	EXP	intr	refl	circum		IMP	295	2,45	rnc
прислушаться	EXP	intr	refl	circum		PERF	1699	14,11	rnc

прислушиваться	EXP	intr	refl	circum		IMP	3454	28,69	rnc
присматривать	EXP	tr	non-refl			IMP	465	3,86	rnc
присматриваться	EXP	intr	refl	circum		IMP	819	6,80	rnc
присмотреть	EXP	tr	non-refl			PERF	443	3,68	added
присмотреться	EXP	intr	refl	circum		PERF	943	7,83	added
проглядеть	EXP	tr	non-refl			PERF	253	2,10	rnc
проглядывать1	EXP	tr	non-refl			IMP	65	0,54	added
проглядывать2	STIM	intr	non-refl		other	IMP	397	3,30	added
проглядываться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	98	0,81	added
продемонстрировать	CAUS	tr	non-refl			PERF	2817	23,40	added
продемонстрироваться	STIM	intr	refl	pass	dat	PERF	2	0,02	added
прозревать	EXP	intr	non-refl			IMP	212	1,76	rnc
прозреть	EXP	intr	non-refl			PERF	415	3,45	rnc
промаргивать	EXP	tr	non-refl			IMP	2	0,02	rnc
проморгать	EXP	tr	non-refl			PERF	131	1,09	rnc
пронюхать	EXP	tr	non-refl			PERF	177	1,47	added
прослеживать	EXP	tr	non-refl			IMP	158	1,31	rnc
прослеживаться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	577	4,79	added
прослушать	EXP	tr	non-refl			PERF	645	5,36	rnc
прослушаться	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	2	0,02	added
прослушивать	EXP	tr	non-refl			IMP	215	1,79	rnc
прослушиваться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	146	1,21	added
прослышиать	EXP	intr	non-refl			PERF	200	1,66	added
просматривать	EXP	tr	non-refl			IMP	986	8,19	rnc
просматриваться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	882	7,33	rnc
просмотреть	EXP	tr	non-refl			PERF	1040	8,64	rnc
пялиться	EXP	intr	refl	obj.impers		IMP	423	3,51	rnc
разглядеть	EXP	tr	non-refl			PERF	3601	29,91	rnc
разглядеться	EXP	intr	refl	circum		PERF	3	0,02	added
разглядывать	EXP	tr	non-refl			IMP	3995	33,19	added
разглядываться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	5	0,04	added
различить	EXP	tr	non-refl			PERF	1254	10,42	rnc

различиться	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	4	0,03	added
разнюхать	EXP	tr	non-refl			PERF	62	0,52	rnc
разнюхивать	EXP	tr	non-refl			IMP	10	0,08	added
расслышать	EXP	tr	non-refl			PERF	1148	9,54	rnc
расслышаться	STIM	intr	refl	pass	dat	PERF	5	0,04	added
расслышивать	EXP	tr	non-refl			IMP	2	0,02	added
расслышиваться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	1	0,01	added
рассматривать	EXP	tr	non-refl			IMP	11595	96,32	rnc
рассматриваться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	4369	36,29	added
рассмотреть	EXP	tr	non-refl			PERF	7169	59,55	rnc
рассмотреться1	EXP	intr	refl	obj.impers		PERF	1	0,01	added
рассмотреться2	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	1	0,01	added
свидеться	EXP	intr	refl	recipr		PERF	162	1,35	rnc
следить	EXP	intr	non-refl			IMP	9508	78,98	rnc
слепить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	1186	9,85	rnc
слушать	EXP	tr	non-refl			IMP	28011	232,68	rnc
слыхать	EXP	tr	non-refl			IMP	2032	16,88	rnc
слыхивать	EXP	intr	non-refl			IMP	236	1,96	rnc
слышать	EXP	tr	non-refl			IMP	31445	261,21	rnc
слышаться	STIM	intr	refl	pass	dat	IMP	2671	22,19	rnc
смотреть	EXP	intr	non-refl			IMP	80828	671,43	rnc
смотреться1	EXP	intr	refl	obj.impers		IMP	289	2,40	rnc
смотреться2	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	1516	12,59	rnc
снюхиваться	EXP	intr	refl	recipr		IMP	5	0,04	rnc
созерцать	EXP	tr	non-refl			IMP	603	5,01	rnc
созерцаться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	5	0,04	added
таращить	EXP	intr	non-refl			IMP	317	2,63	rnc
таращиться	EXP	intr	refl	obj.impers		IMP	309	2,57	added
увидать	EXP	tr	non-refl			PERF	1062	8,82	rnc
увидаться	EXP	intr	refl	recipr		PERF	14	0,12	rnc
увидеть	EXP	tr	non-refl			PERF	55438	460,52	rnc
увидеться1	EXP	intr	refl	recipr		PERF	1218	10,12	rnc

увидеться2	STIM	intr	refl	pass	dat	PERF	92	0,76	rnc
углядеть	EXP	tr	non-refl			PERF	430	3,57	rnc
углядывать	EXP	tr	non-refl			IMP	5	0,04	added
углядываться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	1	0,01	added
узреть	EXP	tr	non-refl			PERF	401	3,33	rnc
узреться	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	1	0,01	added
улавливать	EXP	tr	non-refl			IMP	975	8,10	added
улавливаться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	121	1,01	added
уловить	EXP	tr	non-refl			PERF	2329	19,35	rnc
уследить	EXP	intr	non-refl			PERF	288	2,39	rnc
услеживать	EXP	tr	non-refl			IMP	3	0,02	added
услыхать	EXP	tr	non-refl			PERF	789	6,55	rnc
услышать	EXP	tr	non-refl			PERF	19009	157,91	rnc
услышаться	STIM	intr	refl	pass	dat	PERF	22	0,18	rnc
усматривать	EXP	tr	non-refl			IMP	419	3,48	rnc
усматриваться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	98	0,81	added
усмотреть	EXP	tr	non-refl			PERF	580	4,82	rnc
усмотреться	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	2	0,02	added
учуять	EXP	tr	non-refl			PERF	362	3,01	rnc
учуяться	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	1	0,01	added
чувствовать	EXP	tr	non-refl			IMP	29059	241,39	rnc
чувствоваться	STIM	intr	refl	pass	dat	IMP	2761	22,94	rnc
чудиться	STIM	intr	refl	underived	dat	IMP	915	7,60	added
чуять	EXP	tr	non-refl			IMP	1601	13,30	rnc
чуяться	STIM	intr	refl	pass	dat	IMP	41	0,34	added

Глаголы мышления

Глагол	Подлежащее	Переходность	Возвратность	Тип возвратного глагола	Форма объектного экспер.	Вид	Число вхождений	Частотность (ipm)	Источник
абстрагировать	EXP	tr	non-refl			PERF/IMP	39	0,32	rnc
абстрагироваться	EXP	intr	refl	obj.impers		PERF/IMP	113	0,94	rnc
аргументировать	EXP	tr	non-refl			PERF/IMP	371	3,08	rnc
аргументироваться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	16	0,13	added
ввериться	EXP	intr	refl	obj.impers		PERF	13	0,11	rnc
вверяться	EXP	intr	refl	obj.impers		IMP	14	0,12	added
вдуматься	EXP	intr	refl	circum		PERF	644	5,35	rnc
вдумываться	EXP	intr	refl	circum		IMP	187	1,55	rnc
ведать	EXP	tr	non-refl			IMP	3977	33,04	rnc
верить	EXP	intr	non-refl			IMP	23191	192,65	rnc
вериться	NO	intr	refl	pass	dat	IMP	1188	9,87	rnc
веровать	EXP	intr	non-refl			IMP	3290	27,33	rnc
взумдатъ	EXP	inf	non-refl			PERF	1102	9,15	rnc
взумдаться	NO	intr	refl	pass	dat	PERF	380	3,16	rnc
взумдывать	EXP	inf	non-refl			IMP	1	0,01	added
взумдываться	NO	intr	refl	pass	dat	IMP	3	0,02	added
вникать	EXP	intr	non-refl			IMP	958	7,96	rnc
вникнуть	EXP	intr	non-refl			PERF	543	4,51	rnc
возмечтать	EXP	intr	non-refl			PERF	53	0,44	rnc
возмечтаться	NO	intr	refl	pass	dat	PERF	3	0,02	added
возомнить	EXP	tr	non-refl			PERF	248	2,06	rnc
возомниться	NO	intr	refl	pass	dat	PERF	1	0,01	added
вообразить	EXP	tr	non-refl			IMP	2069	17,19	rnc
вообразиться	STIM	intr	refl	pass	dat	IMP	31	0,26	rnc
вообразить	EXP	tr	non-refl			PERF	1681	13,96	rnc
вообразиться	STIM	intr	refl	pass	dat	PERF	21	0,17	added
вспоминать	EXP	tr	non-refl			IMP	16482	136,91	added

вспоминаться	STIM	intr	refl	pass	dat	IMP	1687	14,01	added
вспомнить	EXP	tr	non-refl			PERF	25777	214,13	rnc
вспомниться	STIM	intr	refl	pass	dat	PERF	1741	14,46	rnc
вспомянуть	EXP	tr	non-refl			PERF	43	0,36	rnc
вспомянуться	STIM	intr	refl	pass	dat	PERF	2	0,02	added
втешиться	STIM	intr	refl	underived	dat	PERF	27	0,22	added
выведать	EXP	tr	non-refl			PERF	231	1,92	rnc
выведывать	EXP	tr	non-refl			IMP	54	0,45	rnc
выдумать	EXP	tr	non-refl			PERF	1958	16,26	rnc
выдуматься	STIM	intr	refl	pass	dat	PERF	4	0,03	added
выдумывать	EXP	tr	non-refl			IMP	903	7,50	rnc
выдумываться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	23	0,19	added
выздавать	EXP	tr	non-refl			IMP	14	0,12	added
выздаватьсь	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	1	0,01	added
вызнать	EXP	tr	non-refl			PERF	94	0,78	rnc
вызубривать	EXP	tr	non-refl			IMP	8	0,07	added
вызубрить	EXP	tr	non-refl			PERF	76	0,63	rnc
вымысливать	EXP	tr	non-refl			IMP	1	0,01	rnc
вымышлять	EXP	tr	non-refl			IMP	7	0,06	rnc
выпытать	EXP	tr	non-refl			PERF	65	0,54	rnc
высчитать	EXP	tr	non-refl			PERF	162	1,35	added
высчитывать	EXP	tr	non-refl			IMP	186	1,55	rnc
высчитываться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	17	0,14	added
вычислить	EXP	tr	non-refl			PERF	1324	11,00	rnc
выяснить	EXP	tr	non-refl			PERF	5450	45,27	rnc
выясниться	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	6820	56,65	rnc
грезить	EXP	intr	non-refl			IMP	307	2,55	rnc
грезиться	STIM	intr	refl	pass	dat	IMP	148	1,23	rnc
довериться	EXP	intr	refl	obj.impers		PERF	624	5,18	added
доверяться	EXP	intr	refl	obj.impers		IMP	153	1,27	added
догадаться	EXP	intr	refl	circum		PERF	6783	56,35	rnc
догадываться	EXP	intr	refl	circum		IMP	4071	33,82	added

додумать	EXP	tr	non-refl			PERF	259	2,15	rnc
додуматься	EXP	intr	refl	circum		PERF	753	6,26	rnc
додумывать	EXP	tr	non-refl			IMP	145	1,20	rnc
додумываться1	EXP	intr	refl	circum		IMP	18	0,15	added
додумываться2	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	5	0,04	added
дознаться	EXP	intr	refl	circum		PERF	138	1,15	rnc
докумекаться	EXP	intr	refl	circum		PERF	2	0,02	added
домысливать	EXP	tr	non-refl			IMP	45	0,37	rnc
домысливаться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	4	0,03	added
домыслить	EXP	tr	non-refl			PERF	59	0,49	added
допытаться	EXP	intr	refl	circum		PERF	20	0,17	rnc
допытываться	EXP	intr	refl	circum		IMP	553	4,59	added
досчитать	EXP	tr	non-refl			PERF	73	0,61	rnc
досчитаться	EXP	intr	refl	circum		PERF	48	0,40	added
досчитывать	EXP	tr	non-refl			IMP	7	0,06	added
досчитываться1	EXP	intr	refl	circum		IMP	9	0,07	rnc
досчитываться2	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	7	0,06	rnc
думать	EXP	intr	non-refl			IMP	89148	740,54	rnc
думаться	NO	intr	refl	pass	dat	IMP	2250	18,69	rnc
забывать	EXP	tr	non-refl			IMP	7804	64,83	rnc
забываться1	EXP	intr	refl	obj.impers		IMP	251	2,09	added
забываться2	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	585	4,86	added
забыть	EXP	tr	non-refl			PERF	27817	231,07	rnc
забыться1	EXP	intr	refl	obj.impers		PERF	602	5,00	added
забыться2	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	706	5,86	added
заверить	CAUS	tr	non-refl			PERF	1926	16,00	added
заверять	CAUS	tr	non-refl			IMP	417	3,46	rnc
задумать	EXP	tr	non-refl			PERF	3062	25,44	rnc
задуматься	EXP	intr	refl	circum		PERF	6120	50,84	rnc
задумывать	EXP	tr	non-refl			IMP	141	1,17	rnc
задумываться1	EXP	intr	refl	circum		IMP	3367	27,97	rnc
задумываться2	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	104	0,86	rnc

замечтать	EXP	intr	non-refl			PERF	10	0,08	added
замечтаться	EXP	intr	refl	circum		PERF	39	0,32	rnc
замыслить	EXP	tr	non-refl			PERF	215	1,79	rnc
замыслиться	STIM	intr	refl	pass	dat	PERF	2	0,02	added
замышлять	EXP	tr	non-refl			IMP	243	2,02	rnc
замышляться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	53	0,44	added
запамятовать	EXP	tr	non-refl			PERF	232	1,93	rnc
запамятоваться	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	2	0,02	added
запланировать	EXP	tr	non-refl			PERF	1555	12,92	rnc
заподозривать	EXP	tr	non-refl			IMP	2	0,02	rnc
заподозрить	EXP	tr	non-refl			PERF	1180	9,80	rnc
заподозриться	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	1	0,01	added
запоминать	EXP	tr	non-refl			IMP	1209	10,04	rnc
запоминаться	STIM	intr	refl	pass	dat	IMP	732	6,08	added
запомнить	EXP	tr	non-refl			PERF	5877	48,82	rnc
запомниться	STIM	intr	refl	pass	dat	PERF	2594	21,55	rnc
запроектировать	EXP	tr	non-refl			PERF	96	0,80	rnc
засомневаться	EXP	intr	refl	prefix		PERF	381	3,16	rnc
знать	EXP	tr	non-refl			IMP	199912	1660,65	rnc
зубрить	EXP	tr	non-refl			IMP	205	1,70	rnc
зубриться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	1	0,01	added
изведать	EXP	tr	non-refl			PERF	177	1,47	added
изведывать	EXP	tr	non-refl			IMP	4	0,03	rnc
измечтаться	EXP	intr	refl			PERF	1	0,01	added
измыслить	EXP	tr	non-refl			PERF	66	0,55	rnc
измышлять	EXP	tr	non-refl			IMP	44	0,37	added
измышляться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	1	0,01	added
изобрести	EXP	tr	non-refl			PERF	2179	18,10	rnc
изобретать	EXP	tr	non-refl			IMP	744	6,18	added
изобретаться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	37	0,31	added
исследовать	EXP	tr	non-refl			PERF/IMP	4891	40,63	rnc
исследоваться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	441	3,66	added

кумекать	EXP	intr	non-refl			IMP	77	0,64	rnc
мечтать	EXP	intr	non-refl			IMP	8673	72,05	rnc
мечтаться	STIM	intr	refl	pass	dat	IMP	204	1,69	added
мнить	EXP	tr	non-refl			IMP	213	1,77	added
мниться	STIM	intr	refl	pass	dat	IMP	192	1,59	added
мыслить	EXP	intr	non-refl			IMP	4487	37,27	rnc
надеяться	EXP	intr	refl	underived		IMP	16107	133,80	rnc
надумать	EXP	tr	non-refl			PERF	1049	8,71	rnc
надуматься1	EXP	intr	refl	circum		PERF	6	0,05	added
надуматься2	NO	intr	refl	pass	dat	PERF	2	0,02	added
надумывать	EXP	tr	non-refl			IMP	9	0,07	rnc
намереваться	EXP	inf	refl	underived		IMP	1441	11,97	rnc
намечтать	EXP	tr	non-refl			PERF	18	0,15	added
намечтаться1	EXP	intr	refl	circum		PERF	2	0,02	added
намечтаться2	STIM	intr	refl	pass	dat	PERF	1	0,01	added
напоминать	CAUS	tr	non-refl			IMP	13330	110,73	rnc
напоминаться	STIM	intr	refl	pass	dat_valency	IMP	14	0,12	added
напомнить	CAUS	tr	non-refl			PERF	7703	63,99	rnc
напомниться	STIM	intr	refl	pass	dat_valency	PERF	1	0,01	added
напридуматъ	EXP	tr	non-refl			PERF	29	0,24	added
напридумывать	EXP	tr	non-refl			PERF	87	0,72	rnc
недодуматъ	EXP	tr	non-refl			PERF	42	0,35	rnc
недодумывать	EXP	tr	non-refl			IMP	2	0,02	rnc
недосчитатъ	EXP	tr	non-refl			PERF	5	0,04	rnc
недосчитаться	EXP	intr	refl	obj.impers		PERF	97	0,81	added
недосчитывать	EXP	tr	non-refl			IMP	1	0,01	added
недосчитываться	EXP	intr	refl	obj.impers		IMP	28	0,23	added
недоумеватъ	EXP	intr	non-refl			IMP	1299	10,79	rnc
обдуматъ	EXP	tr	non-refl			PERF	960	7,97	rnc
обдуматься	EXP	intr	refl	circum		PERF	1	0,01	added
обдумывать	EXP	tr	non-refl			IMP	1012	8,41	rnc
обдумываться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	26	0,22	added

обмечтаться	EXP	intr	refl	circum		PERF	1	0,01	added
обмозговать	EXP	tr	non-refl			PERF	65	0,54	rnc
одуматься	EXP	intr	refl	circum		PERF	308	2,56	rnc
озадачивать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	128	1,06	added
озадачиваться	EXP	intr	refl	pass		IMP	12	0,10	added
озадачить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	792	6,58	added
озадачиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	80	0,66	added
опамяговать1	EXP	intr	non-refl			PERF	2	0,02	added
опамяговать2	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	1	0,01	added
опамягаться	EXP	intr	refl	circum		PERF	30	0,25	rnc
опасаться	EXP	intr	refl	underived		IMP	3819	31,72	rnc
опознавать	EXP	tr	non-refl			IMP	180	1,50	added
опознаваться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	32	0,27	added
опознать	EXP	tr	non-refl			PERF	780	6,48	rnc
опознаться	EXP	intr	refl	obj.impers		PERF	2	0,02	added
определить	EXP	tr	non-refl			PERF	32278	268,13	rnc
определиться1	EXP	intr	refl	obj.impers		PERF	1163	9,66	added
определиться2	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	452	3,75	added
определять	EXP	tr	non-refl			IMP	11323	94,06	added
определяться1	EXP	intr	refl	obj.impers		IMP	370	3,07	added
определяться2	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	7037	58,46	added
осмысливать	EXP	tr	non-refl			IMP	198	1,64	rnc
осмысливаться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	49	0,41	added
осмыслить	EXP	tr	non-refl			PERF	1420	11,80	rnc
осмыслиться	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	10	0,08	added
осмыслять	EXP	tr	non-refl			IMP	102	0,85	rnc
осмысляться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	35	0,29	added
осознавать	EXP	tr	non-refl			IMP	2228	18,51	rnc
осознаваться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	240	1,99	added
осознать	EXP	tr	non-refl			PERF	4503	37,41	rnc
осознаться	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	12	0,10	added
отгадать	EXP	tr	non-refl			PERF	230	1,91	rnc

отгадывать	EXP	tr	non-refl			IMP	80	0,66	added
отгадываться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	1	0,01	added
отдумать	EXP	intr	non-refl			PERF	10	0,08	rnc
отмечтать	EXP	tr	non-refl			PERF	3	0,02	added
отмечтаться	EXP	intr	refl	obj.impers		PERF	2	0,02	added
отождествить	EXP	tr	non-refl			PERF	170	1,41	rnc
отождествиться1	EXP	intr	refl	obj.impers		PERF	15	0,12	added
отождествиться2	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	3	0,02	added
отождествлять	EXP	tr	non-refl			IMP	408	3,39	added
отождествляться1	EXP	intr	refl	obj.impers		IMP	12	0,10	added
отождествляться2	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	154	1,28	added
оценивать	EXP	tr	non-refl			IMP	4091	33,98	added
оцениваться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	1660	13,79	added
оценить	EXP	tr	non-refl			PERF	7716	64,10	added
оцениться	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	2	0,02	rnc
памятовать	EXP	tr	non-refl			IMP	296	2,46	rnc
передумать	EXP	intr	non-refl			PERF	1239	10,29	rnc
передуматься	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	1	0,01	added
передумывать	EXP	intr	non-refl			IMP	34	0,28	rnc
передумываться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	2	0,02	added
перезабывать	EXP	tr	non-refl			PERF	1	0,01	added
перезабыть	EXP	tr	non-refl			PERF	28	0,23	rnc
переосмысливать	EXP	tr	non-refl			IMP	52	0,43	added
переосмысливаться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	29	0,24	added
переосмыслить	EXP	tr	non-refl			PERF	155	1,29	rnc
переосмыслиться	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	2	0,02	added
переосмыслять	EXP	tr	non-refl			IMP	11	0,09	added
планировать	EXP	tr	non-refl			IMP	4090	33,98	added
планироваться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	2844	23,62	added
поведывать	EXP	tr	non-refl			IMP	9	0,07	rnc
поверить	EXP	intr	non-refl			PERF	12020	99,85	rnc
повериться	NO	intr	refl	pass	dat	PERF	28	0,23	rnc

повидать	EXP	tr	non-refl			PERF	1101	9,15	rnc
подзабывать	EXP	tr	non-refl			IMP	5	0,04	rnc
подзабываться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	2	0,02	added
подзабыть	EXP	tr	non-refl			PERF	228	1,89	rnc
подзабыться	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	14	0,12	added
подозревать	EXP	tr	non-refl			IMP	5821	48,35	rnc
подозреваться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	159	1,32	added
подразумевать	EXP	tr	non-refl			IMP	1562	12,98	rnc
подразумеваться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	780	6,48	added
подумать	EXP	intr	non-refl			PERF	36896	306,49	rnc
подуматься	NO	intr	refl	pass	dat	PERF	788	6,55	rnc
подумывать	EXP	intr	non-refl			IMP	561	4,66	rnc
позабывать	EXP	tr	non-refl			PERF/IMP	24	0,20	rnc
позабыть	EXP	tr	non-refl			PERF	1753	14,56	rnc
позабыться	STIM	intr	refl	pass	dat	PERF	52	0,43	rnc
познавать	EXP	tr	non-refl			IMP	801	6,65	rnc
познаваться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	162	1,35	added
познать	EXP	tr	non-refl			PERF	1774	14,74	rnc
познаться	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	1	0,01	added
покумекать	EXP	intr	non-refl			PERF	39	0,32	rnc
полагать	EXP	tr	non-refl			IMP	9422	78,27	rnc
положиться	EXP	intr	refl	obj.impers		PERF	521	4,33	rnc
помнить	EXP	tr	non-refl			IMP	42020	349,06	rnc
помниться	STIM	intr	refl	pass	dat	IMP	1928	16,02	rnc
помыслить	EXP	intr	non-refl			PERF	220	1,83	rnc
помыслиться	STIM	intr	refl	pass	dat	PERF	2	0,02	added
помышлять	EXP	intr	non-refl			IMP	519	4,31	rnc
понадеяться	EXP	intr	refl	prefix		PERF	188	1,56	rnc
понимать	EXP	tr	non-refl			IMP	64414	535,08	rnc
пониматься	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	1143	9,49	added
понять	EXP	tr	non-refl			PERF	69537	577,64	rnc
поняться	STIM	intr	refl	pass	dat	PERF	4	0,03	added

попомнить	EXP	tr	non-refl			PERF	97	0,81	rnc
поразведать	EXP	tr	non-refl			PERF	6	0,05	rnc
поразуметь	EXP	intr	non-refl			PERF	7	0,06	rnc
поразуметься	EXP	intr	refl	obj.impers		PERF	1	0,01	added
поразмыслить	EXP	intr	non-refl			PERF	489	4,06	rnc
поразмыслиться	NO	intr	refl	pass	dat	PERF	1	0,01	added
поразмышлять	EXP	intr	non-refl			IMP	180	1,50	rnc
поразуметь	EXP	tr	non-refl			PERF	5	0,04	rnc
порассуждать	EXP	intr	non-refl			PERF	173	1,44	rnc
порешать	EXP	tr	non-refl			IMP	23	0,19	rnc
порешить	EXP	intr	non-refl			PERF	368	3,06	rnc
порешиться	EXP	intr	refl	obj.impers		PERF	6	0,05	added
посоображать	EXP	intr	non-refl			PERF	9	0,07	rnc
постигать	EXP	tr	non-refl			IMP	808	6,71	added
постигаться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	58	0,48	added
постигнуть	EXP	tr	non-refl			PERF	1861	15,46	rnc
постичь	EXP	tr	non-refl			PERF	1821	15,13	rnc
почитать	EXP	tr	non-refl			IMP	3546	29,46	added
почитаться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	255	2,12	rnc
предполагать	EXP	tr	non-refl			IMP	9362	77,77	rnc
предполагаться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	4034	33,51	added
предположить	EXP	tr	non-refl			PERF	5721	47,52	rnc
предрешать	EXP	tr	non-refl			IMP	48	0,40	rnc
предрешаться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	2	0,02	added
предрешить	EXP	tr	non-refl			PERF	300	2,49	added
предугадать	EXP	tr	non-refl			PERF	471	3,91	rnc
предугадывать	EXP	tr	non-refl			IMP	135	1,12	added
предугадываться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	10	0,08	added
предусматривать	EXP	tr	non-refl			IMP	3165	26,29	added
предусматриваться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	1105	9,18	added
предусмотреть	EXP	tr	non-refl			PERF	9080	75,43	rnc
придумать	EXP	tr	non-refl			PERF	11418	94,85	rnc

придуматься	STIM	intr	refl	pass	dat	PERF	63	0,52	added
придумывать	EXP	tr	non-refl			IMP	2167	18,00	rnc
придумываться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	111	0,92	added
призадуматься	EXP	intr	refl	prefix		PERF	327	2,72	rnc
призадумываться	EXP	intr	refl	prefix		IMP	7	0,06	added
прикидывать	EXP	tr	non-refl			IMP	968	8,04	added
прикинуть	EXP	tr	non-refl			PERF	1120	9,30	rnc
примниться	STIM	intr	refl	pass	dat	PERF	2	0,02	added
примысливать	EXP	tr	non-refl			IMP	5	0,04	added
примыслить	EXP	tr	non-refl			PERF	5	0,04	rnc
примыслиться	STIM	intr	refl	pass	dat	PERF	1	0,01	added
припомнить	EXP	tr	non-refl			IMP	793	6,59	rnc
припомниться	STIM	intr	refl	pass	dat	IMP	86	0,71	added
припомнить	EXP	tr	non-refl			PERF	1803	14,98	rnc
припомниться	STIM	intr	refl	pass	dat	PERF	190	1,58	rnc
проводывать	EXP	tr	non-refl			IMP	39	0,32	rnc
проверять	EXP	tr	non-refl			IMP	5127	42,59	rnc
проверяться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	689	5,72	added
проводить	EXP	tr	non-refl			IMP	95	0,79	rnc
проводиться	STIM	intr	refl	pass	dat	IMP	4	0,03	added
продумать	EXP	tr	non-refl			PERF	1929	16,02	rnc
продумывать	EXP	tr	non-refl			IMP	199	1,65	rnc
продумываться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	24	0,20	added
прознавать	EXP	intr	non-refl			IMP	14	0,12	added
прознать	EXP	intr	non-refl			PERF	125	1,04	rnc
проникаться	EXP	intr	refl	obj.impers		IMP	274	2,28	added
проникнуться	EXP	intr	refl	obj.impers		PERF	696	5,78	rnc
пронюхать	EXP	tr	non-refl			PERF	177	1,47	rnc
пронюхивать	EXP	tr	non-refl			IMP	5	0,04	added
прорассуждать	EXP	intr	non-refl			PERF	2	0,02	rnc
прослышать	EXP	intr	non-refl			PERF	200	1,66	rnc
разведать	EXP	tr	non-refl			PERF	429	3,56	rnc

разведывать	EXP	tr	non-refl			IMP	59	0,49	rnc
разведываться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	4	0,03	added
разгадать	EXP	tr	non-refl			PERF	1008	8,37	rnc
разгадывать	EXP	tr	non-refl			IMP	229	1,90	added
разгадываться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	13	0,11	added
раздумать	EXP	intr	non-refl			PERF	289	2,40	rnc
раздуматься	EXP	intr	refl	circum		PERF	23	0,19	rnc
раздумывать	EXP	intr	non-refl			IMP	1299	10,79	rnc
размечтаться	EXP	intr	refl	circum		PERF	182	1,51	rnc
размыслить	EXP	intr	non-refl			PERF	13	0,11	rnc
размышлять	EXP	intr	non-refl			IMP	3375	28,04	rnc
разубедиться	EXP	intr	refl	prefix		PERF	5	0,04	rnc
разубеждаться	EXP	intr	refl	prefix		IMP	1	0,01	added
разузнавать	EXP	tr	non-refl			IMP	50	0,42	added
разузнать	EXP	tr	non-refl			PERF	348	2,89	rnc
разуметь	EXP	tr	non-refl			IMP	330	2,74	rnc
разуметься	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	12471	103,60	rnc
разъясниться	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	118	0,98	rnc
распознавать	EXP	tr	non-refl			IMP	397	3,30	added
распознаваться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	59	0,49	added
распознать	EXP	tr	non-refl			PERF	702	5,83	rnc
распознаться	EXP	intr	refl	obj.impers		PERF	2	0,02	added
рассудить	EXP	tr	non-refl			PERF	804	6,68	added
рассуждать	EXP	intr	non-refl			IMP	3685	30,61	rnc
рассчитывать	EXP	tr	non-refl			IMP	6794	56,44	added
рассчитываться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	740	6,15	rnc
решать	EXP	intr	non-refl			IMP	13924	115,67	rnc
решаться1	EXP	intr	refl	obj.impers		IMP	2534	21,05	rnc
решаться2	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	2857	23,73	rnc
решить	EXP	intr	non-refl			PERF	48719	404,70	rnc
решиться1	EXP	intr	refl	obj.impers		PERF	5087	5,76	rnc
решиться2	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	694	5,76	rnc

смекать	EXP	intr	non-refl			IMP	77	0,64	rnc
смекнуть	EXP	intr	non-refl			PERF	280	2,33	added
смыслить	EXP	intr	non-refl			IMP	355	2,95	rnc
сознавать	EXP	tr	non-refl			IMP	1991	16,54	rnc
сознаваться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	421	3,50	added
сознать	EXP	tr	non-refl			PERF	521	4,33	rnc
сомневаться	EXP	intr	refl	underived		IMP	6460	53,66	rnc
соображать	EXP	tr	non-refl			IMP	2403	19,96	rnc
соображаться	EXP	intr	refl	obj.impers		IMP	15	0,12	added
сообразить	EXP	tr	non-refl			PERF	3773	31,34	rnc
сообразиться	EXP	intr	refl	obj.impers		PERF	9	0,07	added
сосчитать	EXP	tr	non-refl			PERF	633	5,26	rnc
сосчитаться	EXP	intr	refl	obj.impers		PERF	5	0,04	added
судить	EXP	intr	non-refl			IMP	13584	112,84	rnc
сфантазировать	EXP	tr	non-refl			PERF	9	0,07	rnc
считать	EXP	tr	non-refl			IMP	54681	454,23	added
считаться1	EXP	intr	refl			IMP	1664,4	13,83	added
считаться2	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	12205,6	101,39	added
считывать	EXP	tr	non-refl			IMP	177	1,47	rnc
считываться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	33	0,27	added
убедить	CAUS	tr	non-refl			PERF	7617	63,27	rnc
убедиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	6092	50,61	rnc
убеждать	CAUS	tr	non-refl			IMP	2773	23,04	added
убеждаться	EXP	intr	refl	pass		IMP	970	8,06	added
уведомить	CAUS	tr	non-refl			PERF	446	3,70	added
уведомлять	CAUS	tr	non-refl			IMP	198	1,64	rnc
уведомляться	EXP	intr	refl	pass		IMP	24	0,20	added
уверить	CAUS	tr	non-refl			PERF	15209	126,34	added
увериться	EXP	intr	refl	pass		PERF	241	2,00	rnc
уверовать	EXP	intr	non-refl			PERF	517	4,29	rnc
уверять	CAUS	tr	non-refl			IMP	3266	27,13	added
уверяться	EXP	intr	refl	pass		IMP	14	0,12	added

угадать	EXP	tr	non-refl			PERF	2808	23,33	rnc
угадаться	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	4	0,03	added
угадывать	EXP	tr	non-refl			IMP	956	7,94	added
угадываться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	819	6,80	added
удостовериться	EXP	intr	refl	obj.impers		PERF	496	4,12	rnc
удостоверяться	EXP	intr	refl	obj.impers		IMP	101	0,84	added
удумать	EXP	inf	non-refl			PERF	78	0,65	rnc
удумывать	EXP	tr	non-refl			IMP	1	0,01	added
узнавать	EXP	tr	non-refl			IMP	11185	92,91	rnc
узнаваться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	139	1,15	rnc
узнать	EXP	tr	non-refl			PERF	36923	306,72	rnc
узнаться	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	53	0,44	added
умозаключить	EXP	intr	non-refl			PERF	9	0,07	rnc
упомнить	EXP	tr	non-refl			PERF	209	1,74	rnc
уразумевать	EXP	tr	non-refl			IMP	5	0,04	rnc
уразуметь	EXP	tr	non-refl			PERF	300	2,49	rnc
усекать	EXP	tr	non-refl			IMP	25	0,21	rnc
усечь	EXP	tr	non-refl			PERF	300	2,49	rnc
усомниться	EXP	intr	refl	underived		PERF	1120	9,30	rnc
уяснить	EXP	tr	non-refl			PERF	565	4,69	rnc
уясниться	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	6	0,05	added
уяснить	EXP	tr	non-refl			IMP	35	0,29	added
уясниться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	8	0,07	added
фантазировать	EXP	intr	non-refl			IMP	391	3,25	added

Глаголы эмоций

Глагол	Подлежащее	Переход ность	Возврат ность	Тип возвратного глагола	Форма объектного экспер.	Вид	Число вхождений	Частотность (ipm)	Источ ник
бесить	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	514	4,27	rnc
беситься	EXP	intr	refl	pass		IMP	380	3,16	added
беспокоить	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	2521	20,94	rnc
беспокоиться	EXP	intr	refl	pass		IMP	3293	27,35	rnc
бояться	EXP	intr	refl	underived		IMP	31169	258,92	rnc
будоражить	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	508	4,22	rnc
вдохновить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	673	5,59	rnc
вдохновиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	99	0,82	added
вдохновлять	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	757	6,29	rnc
вдохновляться	EXP	intr	refl	pass		IMP	143	1,19	rnc
веселить	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	429	3,56	rnc
веселиться	EXP	intr	refl	pass		IMP	1322	10,98	rnc
взбесить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	352	2,92	rnc
взбеситься	EXP	intr	refl	pass		PERF	376	3,12	rnc
взбудоражить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	367	3,05	rnc
взволновать	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	2124	17,64	rnc
возгордиться	EXP	intr	refl	prefix		PERF	79	0,66	rnc
возмутить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	1452	12,06	rnc
возмутиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	2192	18,21	rnc
возмущать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	359	2,98	rnc
возмущаться	EXP	intr	refl	pass		IMP	1671	13,88	rnc
возненавидеть	EXP	tr	non-refl			PERF	560	4,65	rnc
воздороваться	EXP	intr	refl	pass		PERF	138	1,15	rnc
волновать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	4807	39,93	rnc
волноваться	EXP	intr	refl	pass		IMP	5833	48,45	rnc
воодушевить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	322	2,67	rnc

воодушевиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	109	0,91	rnc
воодушевлять	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	173	1,44	rnc
воодушевляться	EXP	intr	refl	pass		IMP	64	0,53	added
восторгать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	17	0,14	rnc
восторгаться	EXP	intr	refl	pass		IMP	462	3,84	rnc
восхитить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	784	6,51	rnc
восхититься	EXP	intr	refl	pass		PERF	579	4,81	rnc
восхищать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	473	3,93	rnc
восхищаться	EXP	intr	refl	pass		IMP	1961	16,29	rnc
вспылить	EXP	intr	non-refl			PERF	292	2,43	rnc
встревожить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	960	7,97	rnc
встревожиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	367	3,05	rnc
вытерпеть	EXP	tr	non-refl			PERF	439	3,65	rnc
гневаться	EXP	intr	refl	pass		IMP	235	1,95	rnc
гордиться	EXP	intr	refl	underived		IMP	4064	33,76	rnc
горевать	EXP	intr	non-refl			IMP	846	7,03	rnc
грустить	EXP	intr	non-refl			IMP	606	5,03	rnc
досадовать	EXP	intr	non-refl			IMP	283	2,35	rnc
жалеть	EXP	tr	non-refl			IMP	6077	50,48	rnc
загрустить	EXP	intr	non-refl			PERF	226	1,88	rnc
заинтересовать	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	5738	47,66	rnc
запугать	CAUS	tr	non-refl		acc	PERF	641	5,32	rnc
заскучать	EXP	intr	non-refl			PERF	346	2,87	rnc
застрашать	CAUS	tr	non-refl		acc	PERF	24	0,20	rnc
затосковать	EXP	intr	non-refl			PERF	276	2,29	rnc
злить	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	327	2,72	rnc
злиться	EXP	intr	refl	pass		IMP	1732	14,39	rnc
злорадствовать	EXP	intr	non-refl			IMP	141	1,17	rnc
изнервничаться	EXP	intr	refl	circum		PERF	30	0,25	rnc
изумить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	821	6,82	rnc

изумиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	947	7,87	rnc
изумлять	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	185	1,54	rnc
изумляться	EXP	intr	refl	pass		IMP	379	3,15	rnc
интересовать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	6949	57,72	rnc
испугать	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	2379	19,76	rnc
испугаться	EXP	intr	refl	pass		PERF	5568	46,25	rnc
конфузить	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	13	0,11	rnc
конфузиться	EXP	intr	refl	pass		IMP	66	0,55	rnc
любить	EXP	tr	non-refl			IMP	73616	611,52	rnc
напугать	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	1863	15,48	rnc
наскучить1	STIM	intr	non-refl		dat	PERF	237	1,97	added
негодовать	EXP	intr	non-refl			IMP	734	6,10	rnc
ненавидеть	EXP	tr	non-refl			IMP	5426	45,07	rnc
нервировать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	172	1,43	rnc
нервничать	EXP	intr	non-refl			IMP	1988	16,51	rnc
обеспокоить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	765	6,35	added
обеспокоиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	147	1,22	rnc
обидеть	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	4123	34,25	rnc
обидеться	EXP	intr	refl	pass		PERF	3550	29,49	rnc
обижать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	1618	13,44	rnc
обижаться	EXP	intr	refl	pass		IMP	2609	21,67	rnc
обозлить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	161	1,34	rnc
обозлиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	342	2,84	rnc
обрадовать	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	1104	9,17	rnc
обрадоваться	EXP	intr	refl	pass		PERF	4762	39,56	rnc
огорчать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	689	5,72	added
огорчаться	EXP	intr	refl	pass		IMP	670	5,57	added
огорчить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	1156	9,60	rnc
огорчиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	624	5,18	rnc
окрылить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	366	3,04	rnc

окрылять	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	89	0,74	added
опечаливать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	1	0,01	rnc
опечалить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	207	1,72	rnc
опечалиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	95	0,79	rnc
оскорбить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	1709	14,20	added
оскорбиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	203	1,69	rnc
оскорблять	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	919	7,63	added
оскорбляться	EXP	intr	refl	pass		IMP	45	0,37	added
отпугивать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	362	3,01	rnc
отчайваться	EXP	intr	refl	pass		IMP	295	2,45	added
отчаяться	EXP	intr	refl	underived		PERF	666	5,53	rnc
ошеломить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	978	8,12	rnc
ошеломлять	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	600	4,98	added
печалить	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	1081	8,98	rnc
печалиться	EXP	intr	refl	pass		IMP	326	2,71	rnc
побояться	EXP	intr	refl	prefix		PERF	1016	8,44	rnc
позлорадствовать	EXP	intr	non-refl			PERF	24	0,20	rnc
полюбить	EXP	tr	non-refl			PERF	3658	30,39	added
понервничать	EXP	intr	non-refl			PERF	57	0,47	rnc
порадовать	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	1036	8,61	rnc
поражать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	3263	27,11	added
поражаться	EXP	intr	refl	pass		IMP	798	6,63	added
поразить	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	6183	51,36	added
поразиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	821	6,82	rnc
пугать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	4363	36,24	rnc
пугаться	EXP	intr	refl	pass		IMP	1225	10,18	rnc
радовать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	2370	19,69	rnc
радоваться	EXP	intr	refl	pass		IMP	6873	57,09	rnc
развеселить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	279	2,32	rnc
развеселиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	353	2,93	rnc

развлекать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	635	5,27	added
развлечь	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	252	2,09	rnc
разгневаться	EXP	intr	refl	pass		PERF	139	1,15	rnc
раздражать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	3096	25,72	added
раздражаться	EXP	intr	refl	pass		IMP	516	4,29	added
раздражить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	845	7,02	rnc
раздражиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	34	0,28	rnc
разозлить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	291	2,42	rnc
разозлиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	946	7,86	rnc
разочаровать	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	1177	9,78	rnc
разочароваться	EXP	intr	refl	pass		PERF	541	4,49	rnc
разочаровывать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	160	1,33	added
разочаровываться	EXP	intr	refl	pass		IMP	124	1,03	added
разъярить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	562	4,67	rnc
разъяриться	EXP	intr	refl	pass		PERF	96	0,80	rnc
разъярять	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	4	0,03	added
разъяряться	EXP	intr	refl	pass		IMP	14	0,12	added
рассердить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	344	2,86	rnc
рассердиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	1606	13,34	rnc
растревожить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	244	2,03	rnc
растрогать	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	444	3,69	rnc
растрогаться	EXP	intr	refl	pass		PERF	135	1,12	rnc
сердить	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	220	1,83	rnc
сердиться	EXP	intr	refl	pass		IMP	2726	22,64	rnc
сконфузить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	125	1,04	rnc
сконфузиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	84	0,70	rnc
скорбеть	EXP	intr	non-refl			IMP	1091	9,06	rnc
скучать	EXP	intr	non-refl			IMP	2558	21,25	rnc
смутить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	1765	14,66	rnc
смутиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	1705	14,16	rnc

смущать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	1766	14,67	rnc
смущаться	EXP	intr	refl	pass		IMP	962	7,99	rnc
сожалеть	EXP	intr	non-refl			IMP	979	8,13	rnc
сокрушаться	EXP	intr	refl	underived		IMP	590	4,90	rnc
соскучиться	EXP	intr	refl	obj.impers		PERF	993	8,25	rnc
страшить	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	1050	8,72	rnc
страшиться	EXP	intr	refl	pass		IMP	717	5,96	rnc
страшать	CAUS	tr	non-refl		acc	IMP	186	1,55	rnc
стыдиться	EXP	intr	refl	pass		IMP	1369	11,37	rnc
терпеть	EXP	tr	non-refl			IMP	6369	52,91	added
тосковать	EXP	intr	non-refl			IMP	1414	11,75	rnc
тревожить	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	1756	14,59	rnc
тревожиться	EXP	intr	refl	pass		IMP	583	4,84	rnc
трягать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	4022	33,41	rnc
трусить	EXP	intr	non-refl			IMP	461	3,83	rnc
убиваться	EXP	intr	refl	underived		IMP	305	2,53	rnc
удивить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	5085	42,24	rnc
удивиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	9665	80,29	rnc
удивлять	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	1869	15,53	rnc
удивляться	EXP	intr	refl	pass		IMP	6115	50,80	added
удречать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	464	3,85	added
удречить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	276	2,29	rnc
ужасать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	663	5,51	added
ужасаться	EXP	intr	refl	pass		IMP	365	3,03	added
ужаснуть	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	96	0,80	rnc
ужаснуться	EXP	intr	refl	pass		PERF	681	5,66	rnc
унывать	EXP	intr	non-refl			IMP	336	2,79	rnc
устрашить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	75	0,62	rnc
устрашиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	61	0,51	rnc
устыдиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	266	2,21	rnc

балдеть	EXP	intr	non-refl			IMP	177	1,47	rnc
будоражиться	EXP	intr	refl	pass		IMP	4	0,03	rnc
веселеть	EXP	intr	non-refl			IMP	69	0,57	added
взбеленить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	4	0,03	rnc
взбелениться	EXP	intr	refl	pass		PERF	75	0,62	rnc
взбудораживать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	2	0,02	added
взбудораживаться	EXP	intr	refl	pass		IMP	2	0,02	added
взбудоражиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	13	0,11	rnc
взвеселить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	2	0,02	rnc
взвеселиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	4	0,03	added
взволноваться	EXP	intr	refl	pass		PERF	218	1,81	rnc
взгрустнуть	EXP	intr	non-refl			PERF	43	0,36	added
взгрустнуться	NO	intr	refl	pass	dat	PERF	27	0,22	added
взъярить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	5	0,04	added
взъяриться	EXP	intr	refl	pass		PERF	76	0,63	rnc
влюбить	CAUS	tr	non-refl			PERF	3708	30,80	rnc
влюбиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	2157	17,92	added
влюблять	CAUS	tr	non-refl			IMP	25	0,21	added
влюбляться	EXP	intr	refl	pass		IMP	775	6,44	added
вожделеть	EXP	tr	non-refl			IMP	68	0,56	rnc
возвеселить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	4	0,03	rnc
возвеселиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	18	0,15	added
возликовать	EXP	intr	non-refl			PERF	144	1,20	rnc
возлюбить	EXP	tr	non-refl			PERF	406	3,37	added
вознегодовать	EXP	intr	non-refl			PERF	43	0,36	rnc
возненавидеться	STIM	intr	refl	pass	other	PERF	1	0,01	added
возненавиживать	EXP	tr	non-refl			IMP	1	0,01	rnc
воздаровать	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	1	0,01	added
восскорбеть	EXP	intr	non-refl			PERF	6	0,05	added
вспугивать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	40	0,33	rnc

вспугнуть	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	224	1,86	added
вспугнуться	EXP	intr	refl	pass		PERF	3	0,02	added
вылюбить	EXP	tr	non-refl			PERF	1	0,01	added
выстрадать	EXP	tr	non-refl			PERF	355	2,95	rnc
гневать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	7	0,06	rnc
гневить	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	89	0,74	rnc
гневиться	EXP	intr	refl	pass		IMP	12	0,10	added
гнушаться	EXP	intr	refl	underived		IMP	216	1,79	rnc
грустнеть	EXP	intr	non-refl			IMP	37	0,31	rnc
дивить	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	12	0,10	rnc
дивиться	EXP	intr	refl	pass		IMP	478	3,97	rnc
долюбить	EXP	tr	non-refl			PERF	12	0,11	added
дотерпеть	EXP	intr	non-refl			PERF	101	0,84	added
дотерпеться	EXP	intr	refl	circum		PERF	9	0,07	added
дрейфить	EXP	intr	non-refl			IMP	110	0,91	rnc
дуться	EXP	intr	refl	underived		IMP	215	1,79	rnc
жалеться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	1	0,01	added
забеспокоить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	6	0,05	added
забеспокоиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	579	4,81	rnc
завеселить	EXP	intr	non-refl			PERF	5	0,04	added
задрейфить	EXP	intr	non-refl			PERF	1	0,01	rnc
заинтересоваться	EXP	intr	refl	pass		PERF	1673	13,90	rnc
закручиниться	EXP	intr	refl	prefix		PERF	35	0,29	rnc
залюбить	EXP	tr	non-refl			PERF	8	0,07	added
занегодовать	EXP	intr	non-refl			PERF	3	0,02	rnc
занервничать	EXP	intr	non-refl			PERF	181	1,50	rnc
занравиться	STIM	intr	refl	prefix	dat	PERF	2	0,02	added
заобождать	EXP	tr	non-refl			PERF	7	0,06	added
запереживать	EXP	intr	non-refl			PERF	13	0,11	rnc
запрезирать	EXP	tr	non-refl			PERF	20	0,17	added

запрезираться	EXP	intr	refl	circum		PERF	1	0,01	added
запугаться	EXP	intr	refl	pass		PERF	7	0,06	added
запугивать	CAUS	tr	non-refl		acc	IMP	207	1,72	rnc
заскорбеть	EXP	intr	non-refl			PERF	3	0,02	added
засмущать	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	3	0,02	rnc
засмущаться	EXP	intr	refl	pass		PERF	108	0,90	added
затосковаться	NO	intr	refl	pass	dat	PERF	5	0,04	added
затрусить	EXP	intr	non-refl			PERF	72	0,60	rnc
зауважать	EXP	tr	non-refl			PERF	107	0,89	added
злобиться	EXP	intr	refl	pass		IMP	40	0,33	rnc
изобидеть	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	4	0,03	rnc
импонировать	STIM	intr	non-refl		dat	IMP	360	2,99	added
интересоваться	EXP	intr	refl	pass		IMP	4962	41,22	rnc
испрезирать	EXP	tr	non-refl			PERF	1	0,01	added
исстрадаться	EXP	intr	refl	circum		PERF	93	0,77	rnc
истоскововаться	EXP	intr	refl	circum		PERF	132	1,10	rnc
кручинить	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	1	0,01	added
кручиниться	EXP	intr	refl	pass		IMP	36	0,30	rnc
ликовать	EXP	intr	non-refl			IMP	1469	12,20	rnc
надивиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	17	0,14	rnc
надоедать	STIM	intr	non-refl		dat	IMP	613	5,09	added
надоесть	STIM	intr	non-refl		dat	PERF	4662	38,73	added
нанервничаться	EXP	intr	refl	circum		PERF	5	0,04	added
напрезирать	EXP	tr	non-refl			PERF	1	0,01	added
напугаться	EXP	intr	refl	pass		PERF	150	1,25	rnc
наскучиться	EXP	intr	refl	circum		PERF	10	0,08	added
наскучивать	STIM	intr	non-refl		dat	IMP	13	0,11	rnc
наскучить2	EXP	intr	non-refl			PERF	39	0,32	added
наскучиться	EXP	intr	refl	obj. impers		PERF	5	0,04	added
насладиться	EXP	intr	refl	underived		PERF	631	5,24	rnc

наслаждаться	EXP	intr	refl	underived		IMP	2075	17,24	rnc
натерпеться	EXP	intr	refl	circum		PERF	209	1,74	rnc
невзлюбить	EXP	tr	non-refl			PERF	218	1,81	added
недолюбливать	EXP	tr	non-refl			IMP	396	3,29	rnc
нервироваться	EXP	intr	refl	pass		IMP	3	0,02	added
нравиться	STIM	intr	refl	underived	dat	IMP	18260	151,68	added
обалдевать	EXP	intr	non-refl			IMP	34	0,28	rnc
обалдеть	EXP	intr	non-refl			PERF	669	5,56	rnc
обеспокоиваться	EXP	intr	refl	pass		IMP	1	0,01	added
облюбить	EXP	tr	non-refl			PERF	1	0,01	added
облюбовать	EXP	tr	non-refl			PERF	356	2,96	added
облюбовывать	EXP	tr	non-refl			IMP	14	0,12	rnc
облюбовываться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	1	0,01	added
обмереть	EXP	intr	non-refl			PERF	294	2,44	rnc
обмирать	EXP	intr	non-refl			IMP	169	1,40	rnc
обожать	EXP	tr	non-refl			IMP	2728	22,66	rnc
обожаться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	2	0,02	added
обозлять	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	1	0,01	added
обозляться	EXP	intr	refl	pass		IMP	1	0,01	rnc
обрыднуть	STIM	intr	non-refl		dat	PERF	77	0,64	added
обтерпеться	EXP	intr	refl	circum		PERF	12	0,10	rnc
озлить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	12	0,10	rnc
озлиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	133	1,10	rnc
озлобить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	355	2,95	rnc
озлобиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	95	0,79	rnc
окрылиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	9	0,07	rnc
окрыляться	EXP	intr	refl	pass		IMP	5	0,04	added
опечаливаться	EXP	intr	refl	pass		IMP	5	0,04	rnc
опешивать	EXP	intr	non-refl			IMP	1	0,01	added
опешить	EXP	intr	non-refl			PERF	650	5,40	rnc

опостылеть	STIM	intr	non-refl		dat	PERF	187	1,55	added
опротиветь	STIM	intr	non-refl		dat	PERF	100	0,83	added
опупеть	EXP	intr	non-refl			PERF	28	0,23	rnc
осердиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	55	0,46	rnc
осерчать	EXP	intr	non-refl			PERF	99	0,82	rnc
остервенеть	EXP	intr	non-refl			PERF	205	1,70	added
остонадоесть	STIM	intr	non-refl		dat	PERF	1	0,01	added
осточертевать	STIM	intr	non-refl		dat	IMP	5	0,04	added
осточертеть	STIM	intr	non-refl		dat	PERF	281	2,33	added
отгрустить	EXP	intr	non-refl			PERF	2	0,02	rnc
отпугиваться	EXP	intr	refl	pass		IMP	2	0,02	added
отскорбеть	EXP	intr	non-refl			PERF	1	0,01	added
отчайвать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	1	0,01	added
ошеломиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	6	0,05	added
ошеломляться	EXP	intr	refl	pass		IMP	3	0,02	added
перебудоражить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	2	0,02	rnc
перебудоражиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	1	0,01	added
переволновать	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	5	0,04	rnc
переволноваться	EXP	intr	refl	pass		PERF	58	0,48	rnc
передрейфить	EXP	intr	non-refl			PERF	1	0,01	rnc
перенервничать	EXP	intr	non-refl			PERF	51	0,42	rnc
переполошить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	65	0,54	added
переполошиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	81	0,67	rnc
перепугать	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	847	7,04	rnc
перепугаться	EXP	intr	refl	pass		PERF	491	4,08	rnc
перетерпеть	EXP	tr	non-refl			PERF	191	1,59	rnc
перетревожить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	2	0,02	rnc
перетрусить	EXP	intr	non-refl			PERF	52	0,43	rnc
побаиваться	EXP	intr	refl	underived		IMP	720	5,98	rnc
повеселеть	EXP	intr	non-refl			PERF	587	4,88	rnc

повеселить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	94	0,78	rnc
повеселиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	245	2,04	added
поволновать	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	1	0,01	added
поволниться	EXP	intr	refl	pass		PERF	72	0,60	rnc
погневаться	EXP	intr	refl	pass		PERF	6	0,05	rnc
погоревать	EXP	intr	non-refl			PERF	90	0,75	rnc
погрустить	EXP	intr	non-refl			PERF	56	0,47	rnc
подвеселить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	4	0,03	rnc
подвеселиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	1	0,01	added
подивить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	8	0,07	rnc
подивиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	408	3,39	rnc
поднадоедать	STIM	intr	non-refl		dat	IMP	1	0,01	added
поднадоесть	STIM	intr	non-refl		dat	PERF	96	0,80	added
позлить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	35	0,29	rnc
позлиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	18	0,15	added
полошить	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	3	0,02	rnc
полошиться	EXP	intr	refl	pass		IMP	2	0,02	rnc
полюбиться	STIM	intr	refl	pass	dat	PERF	439	3,65	added
понравиться	STIM	intr	refl	underived	dat	PERF	10594	88,00	added
попугивать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	8	0,07	rnc
порадоваться	EXP	intr	refl	pass		PERF	706	5,86	rnc
поскорбеть	EXP	intr	non-refl			PERF	12	0,10	added
посожалеть	EXP	intr	non-refl			PERF	14	0,12	rnc
посочувствовать	EXP	intr	non-refl			PERF	446	3,70	rnc
потосковать	EXP	intr	non-refl			PERF	13	0,11	rnc
презирать	EXP	tr	non-refl			IMP	1811	15,04	added
презираться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	13	0,11	added
претить	STIM	intr	non-refl		dat	IMP	197	1,64	added
пригорюниться	EXP	intr	refl	underived		PERF	153	1,27	rnc
пригрустить	EXP	intr	non-refl			PERF	1	0,01	rnc

приедаться	STIM	intr	refl	underived	dat	IMP	70	0,58	added
приесться	STIM	intr	refl	underived	dat	PERF	121	1,01	added
прилюбить	EXP	tr	non-refl			PERF	3	0,02	added
прилюбиться	EXP	intr	refl	circum		PERF	1	0,01	added
припугивать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	6	0,05	rnc
прискучивать	STIM	intr	non-refl		dat	IMP	1	0,01	rnc
прискучиваться	NO	intr	refl	pass	dat	PERF	1	0,01	added
прискучить	STIM	intr	non-refl		dat	PERF	32	0,27	added
приуныть	EXP	intr	non-refl			PERF	197	1,64	rnc
прогневать	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	32	0,27	rnc
прогневаться	EXP	intr	refl	pass		PERF	34	0,28	rnc
прогневить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	27	0,22	rnc
пролюбить	EXP	tr	non-refl			PERF	4	0,03	added
пугануть	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	26	0,22	rnc
пугнуть	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	63	0,52	rnc
разбудоражить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	2	0,02	rnc
развеселять	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	1	0,01	rnc
развеселяться	EXP	intr	refl	pass		IMP	1	0,01	added
развлекаться	EXP	intr	refl	pass		IMP	714	5,93	added
развлечься	EXP	intr	refl	pass		PERF	188	1,56	added
разволновать	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	30	0,25	rnc
разволноваться	EXP	intr	refl	pass		PERF	379	3,15	rnc
разгневать	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	354	2,94	rnc
раздосадовать	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	249	2,07	rnc
раздосадоваться	EXP	intr	refl	pass		PERF	7	0,06	rnc
разжалобить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	89	0,74	rnc
разжалобиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	13	0,11	rnc
разнервничаться	EXP	intr	refl	circum		PERF	74	0,61	rnc
разобидеть	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	40	0,33	rnc
разобидеться	EXP	intr	refl	pass		PERF	39	0,32	rnc

распиховаться	EXP	intr	refl	circum		PERF	21	0,17	rnc
распугать	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	115	0,96	added
распугивать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	99	0,82	rnc
рассвирепеть	EXP	intr	non-refl			PERF	258	2,14	rnc
рассерчать	EXP	intr	non-refl			PERF	10	0,08	rnc
растревоживать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	1	0,01	rnc
растревожиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	11	0,09	rnc
свирепеть	EXP	intr	non-refl			IMP	118	0,98	added
сдрейфить	EXP	intr	non-refl			PERF	49	0,41	rnc
серчать	EXP	intr	non-refl			IMP	87	0,72	rnc
симпатизировать	EXP	intr	non-refl			IMP	345	2,87	added
сопереживать	EXP	intr	non-refl			IMP	196	1,63	rnc
соскучиваться	EXP	intr	refl	circum		IMP	2	0,02	added
соскучить	EXP	intr	non-refl			PERF	8	0,07	added
сочувствовать	EXP	intr	non-refl			IMP	1755	14,58	rnc
стервенеть	EXP	intr	non-refl			IMP	17	0,14	rnc
стерпеть	EXP	tr	non-refl			PERF	449	3,73	added
стосковаться	EXP	intr	refl	circum		PERF	72	0,60	rnc
струхнуть	EXP	intr	non-refl			PERF	113	0,94	rnc
трухнуть	EXP	intr	non-refl			PERF	15	0,12	rnc
тужить	EXP	intr	non-refl			IMP	124	1,03	rnc
убояться	EXP	intr	refl	underived		PERF	139	1,15	rnc
уважать	EXP	tr	non-refl			IMP	9332	77,52	added
уважаться	STIM	intr	refl	pass	other	IMP	24	0,20	added
увеселить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	2	0,02	rnc
увеселиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	2	0,02	added
увеселять	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	15	0,12	added
увеселяться	EXP	intr	refl	pass		IMP	5	0,04	added
удручаться	EXP	intr	refl	pass		IMP	4	0,03	added
удручиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	1	0,01	added

устрашать	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	396	3,29	added
устрашаться	EXP	intr	refl	pass		IMP	7	0,06	added
устыдить	CAUS	tr	non-refl		acc	PERF	33	0,27	rnc
устыжать	CAUS	tr	non-refl		acc	IMP	5	0,04	added
устыжаться	EXP	intr	refl	pass		IMP	1	0,01	added
утерпеть	EXP	intr	non-refl			PERF	210	1,74	added
уязвить	STIM	tr	non-refl		acc	PERF	485	4,03	rnc
уязвиться	EXP	intr	refl	pass		PERF	4	0,03	added
уязвлять	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	33	0,27	added
уязвляться	EXP	intr	refl	pass		IMP	3	0,02	added
ярить	STIM	tr	non-refl		acc	IMP	17	0,14	added
яриться	EXP	intr	refl	pass		IMP	111	0,92	rnc